KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 6
2014

ISBN 978-5-93593-195-7

Учредители:
Российская Ассоциация международного права
Министерство юстиции РТ
Верховный суд РТ
Уполномоченный по правам человека в РТ
Университет управления «ТИСБИ»
Редакционная коллегия журнала

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Д.ю.н., проф. кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета Г.И.Курдюков (***Председатель***), заведующий кафедрой международного права Томского государственного университета д.ю.н., проф., А.М.Барнашов (**Томск**), заведующий кафедрой международного права Воронежского государственного университета д.ю.н., проф. П.Н. Бирюков П.Н. (**Воронеж**), заведующий кафедрой международного права Южного федерального университета д.ю.н., проф. Л.И.Волова (**Ростов**), заведующий кафедрой международного права Дальневосточного федерального университета д.ю.н., проф. В.В.Гаврилов (**Владивосток**), заведующий кафедрой международного права Балтийского федерального университета к.ю.н., доц. Е.В.Герасимова (**Калининград**), к.ю.н., доцент кафедры международного права Южного федерального университета А.М.Ибрагимов (**Махачкала**), д.ю.н., проф. кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета Н.И.Костенко (**Краснодар**), заведующий кафедрой международного права Уральской юридической академии д.ю.н., проф. Л.А.Лазутин (**Екатеринбург**), директор Института государства и права Тюменского государственного университета д.ю.н., проф. С.Ю.Марочкин (**Тюмень**), заведующий кафедрой международного права Сибирского федерального университета д.ю.н., проф. Т.Ю.Сидорова (**Красноярск**), заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета д.ю.н., проф. В.Л.Толстых (**Новосибирск**), заведующий кафедрой мировой политики и международного права Нижегородского государственного университета д.и.н., к.ю.н., проф. О.О.Хохлышева (**Нижний Новгород**).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор **– доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», профессор А.Б.Мезяев**

Ответственный секретарь **– кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ» И.Г.Гаранина**

Члены редколлегии: **доктор юридических наук, профессор Р.М.Валеев; доктор юридических наук, профессор Г.Р.Шайхутдинова; доктор юридических наук, профессор Л.Х.Мингазов; доктор юридических наук, профессор А.Г.Гатауллин, кандидат юридических наук, доцент Е.Ю.Мотрохин; кандидат юридических наук, доцент Н.Е.Тюрина; кандидат юридических наук, доцент Р.Ш.Гарипов; кандидат юридических наук, доцент А.Р.Каюмова; кандидат юридических наук, доцент Н.Г.Нугаева; кандидат юридических наук Р.А.Шарифуллин.**

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

***Почтовый адрес:**
420012, г. Казань, ул. Муштари, 13. Университет управления «ТИСБИ».
Юридический факультет. Кафедра международного права.
Заведующему кафедрой д.ю.н., проф. Мезяеву А.Б.

***Адрес электронной почты: alexmezyaev@gmail.com**

***Факс: +7 – 843 – 236-97-92**

***Телефон: +79050-21-49-67 (Мезяев А.Б.)**

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакции или учредителей журнала.

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 6 (2014)

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ **7**

ПОСТОЯННАЯ ТЕМА **8**

ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Доклад Генерального секретаря ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права» 8

*Резолюция ГА ООН по программе ООН в области преподавания международного права 21

*Report of the UN Secretary-General «United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law» 25

*UN General Assembly Resolution on the UN Programme of Assistance in the Teaching of International Law 36

НОВАЯ ТЕМА **40**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Беседа главного редактора КЖМПиМО с пресс-секретарем президента Республики Кот-д'Ивуар Лорана Гбагбо господином **Туссеном Алэном** 40

* Interview a *Kazan Revue de droit et relations internationales* par le Porte-Parole du Président de la République de Côte-d'Ivoire Laurent Gbagbo **Toussaint M.Alain** 46

****Alexander Mezyaev,*** The critical analysis of the ICC decision on the confirmation of charges in the case «Prosecutor v. Laurent Gbagbo» 51

****Onana C.,*** Sarkozy et le coup d'état contre Gbagbo 60

****Onana C.,*** Sarkozy and the coup against Gbagbo 75

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА **91**

ПАМЯТИ ЛИВИЙСКОЙ ДЖАМАХИРИИ…
Форум «Казанского журнала международного права и международных отношений» с Чрезвычайными и Полномочными Послами СССР и России в Ливии

*Посол СССР в Ливии (1984-1986) О.Г. Пересыпкин 91

*Посол СССР в Ливии (1986-1991) П.С. Акопов 97

*Посол РФ в Ливии (1991-1992) В.В. Попов 105

*Посол РФ в Ливии (1992-1996) А.Б. Подцероб 110

*Посол РФ в Ливии (2008-2011) В.В. Чамов 114

****Муаммар Каддафи,*** Смерть (*перевод с арабского – Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Ливийской Джамахирии А.Б. Подцероба*) 119

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЮБИЛЕЙ 123

К 50-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И КЕНИЕЙ

Джомо Кениатта, Властители джунглей 124

ИНТЕРВЬЮ

*Interview of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kenya to the Russian Federation Mr. Paul Kurgat..... 126

*Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Республике Кения (1989-1992) В.С. Китаева..... 130

*Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Республике Кения (2005-2008) В.Е. Егошкина 135

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

***Paul Kurgat,** *Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kenya to Russia,* Pages of the History of the Kenyan-Russian Diplomatic Relations..... 139

***С.Я. Синицын,** Из истории установления дипломатических отношений между СССР и Кенией 165

***Л.Владимиров** Из воспоминаний первого посла СССР в Кении 168

ДОКУМЕНТЫ

*Телеграмма Председателя Совета министров СССР премьер-министру Кении по случаю провозглашения независимости (11 декабря 1963 г.)..... 169

*Сообщение об установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами между СССР и Кенией (12 декабря 1963 г.)..... 169

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДЕТЕКТИВ 170

А.Мезяев, Дело «Локерби»: международно-правовой детектив (введение в тему)..... 170

Ханс Кёхлер, Еще раз о «Деле Локерби» 170

Kohler H., The Lockerby Trial Revisited 180

War in Ukraine / Tragedy of Flight MH 17. Urgent call for independent international investigation 189

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ 191

*Российский проект оптимизации деятельности международных органов по правам человека..... 191

*Инициатива России по вопросам международно-правовой борьбы с коррупцией 199

*Инициатива России по обсуждению новых тенденций в области миротворчества 200

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ 204

*Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ» 204

*Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ»..... 205

*Приказ Федеральной таможенной службы РФ от 7 августа 2014 г. № 1496 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560»..... 207

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 210

Ндали Че Камати,** ***Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Намибия в Российской Федерации,
Бывшие национально-освободительные движения, правящие в Зимбабве, Намибии и Южной Африке, и проблемы национального примирения, широкой представительной демократии и благого управления 210

Ndali Che Kamati,** ***Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Namibia to the Russian Federation
The Achievement of Independence in Zimbabwe and Namibia and Democratic Dispensation in South Africa, the Last Outposts of White Minority Colonial Domination and Apartheid Oppression on the African Continent and Challenges of Democratization and Good Governance 220

Михайлов Н.Г.,** ***заместитель Руководителя Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека,
О постановлении Большой Палаты ЕСПЧ по «Катынскому» делу 229

Котляр В.С.,** ***член Международно-правового совета при МИД России,
Международный трибунал по бывшей Югославии как инструмент внешней политики ведущих стран Запада.....235

Бирюков П.Н.,** ***заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета, Некоторые вопросы функционирования «агентств ЕС по внутренним делам» 239

Sengulo Albert Msellemu,** ***Dar es Salaam University (Tanzania)
Some Political and Legal Problems of Leadership in Africa.....243

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ.....252

****Ю.Н.Малеев,*** Стихотворения разных лет 253

****Радован Караджич,*** *бывший Президент Республики Сербской*, Избранная поэзия 261

****Кристофер Блэк,*** *адвокат Международного уголовного суда*, Стихотворения 275

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ.....279

*Защищенные диссертации по международному праву в 2013 г. 279

*Библиография статей по международному праву в юридических журналах, опубликованных в 2012-2013 годах 285

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS № 6 (2014)

FROM EDITORIAL BOARD **7**

PERMANENT TOPIC **8**

TEACHING OF INTERNATIONAL LAW

*Report of the UN Secretary-General «United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law» 25

*UN General Assembly Resolution on the UN Programme of Assistance in the Teaching of International Law 36

NEW TOPIC **40**

IINTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS

* **Interview** a *Revue de droit et relations internationale de Kazan* par le Porte-Parole du Président de la République de Côte-d'Ivoire Laurent Gbagbo **M. Toussaint Alain** 46

***Alexander Mezyaev** The Critical Analysis of the ICC Decision on the Confirmation of Charges in the Case *«Prosecutor v. Laurent Gbagbo»* 51

***Onana C., Sarkozy et le coup d'état contre Gbagbo** 60

***Onana C., Sarkozy and the coup against Gbagbo** 75

SPECIAL TOPIC **82**

LIBYAN ARAB JAMAHIRYIA. In memoriam…

Forum of «Kazan Journal of International Law and International Relations» with the Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR and Russia to Libya

* The Soviet Ambassador to Libya (1984-1986) V.G.Peresypkin 82

* The Soviet Ambassador to Libya (1986-1991) P.S.Akopov 97

* Russia's Ambassador to Libya (1991-1992) V.V.Popov 105

* Russia's Ambassador to Libya (1992-1996) A.B.Podtserob 110

* Russia's Ambassador to Libya (2008-2011) V.V.Chamov 114

***Muammar Gaddafi,** *Death (translated from Arabic by Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia to Libya A.B.Podtserob)* 119

INTERNATIONAL LAW' JUBILEE.....123

50 YEARS OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND KENYA

Jomo Keniatta, The Gentleman in the Jungle 124

INTERVIEW

*Interview of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kenya to the Russian Federation Mr. Paul Kurgat 126

* Interview of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of USSR to Kenya V.S.Kitaev 130

* Interview of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia to Kenya V.E.Egoshkin.....135

PAGES OF HISTORY

* ***Paul Kurgat, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kenya to Russia,*** Pages of the History of the Kenyan-Russian Diplomatic Relations 139

* ***S.Y.Sinitsyn,*** History of the establishment of diplomatic relations between USSR and Kenya.....165

* ***L.Vladimirov,*** Memoirs of the first Soviet Ambassador to Kenya 168

DOCUMENTS.....169

INTERNATIONAL LEGAL DETECTIVE 170

A.Mezyaev, Case «Lockerbie»: international legal detective.....170

Kohler H., The Lockerby Trial Revisited 180

War in Ukraine / Tragedy of Flight MH 17. Urgent call for independent international investigation 189

RUSSIAN INTERNATIONAL LAW INICIATIVES 191

*Russian draft on the optimization of the activity of the international human rights bodies 191

*Russian initiative on the international legal instruments for the fighting corruption 199

*Russian initiative on the modern state of the peace-keeping operations.....200

OUR RESPONSE TO CHAMBERLAIN 204

*Decree of the President of the Russian Federation «On the adoption of the special economic measures for assurance of the defence of national security», 6 August 2014.....204

*Act of the Government of the Russian Federation «On the implementation of the Decree of the President of the Russian Federation on the adoption of the special economic measures for assurance of the defence of national security», 7 August 2014.....205

QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW 210

Ndali Che Kamati, *Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Namibia to the Russian Federation,* The Achievement of Independence in Zimbabwe and Namibia and Democratic Dispensation in South Africa, the Last Outposts of White Minority Colonial Domination and Apartheid Oppression on the African Continent and Chal lenges of Democratization and Good Governance 220

***Mikhailov N.G.,** On the Judgement of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights on the Katyn case.....229

***Kotlyar V.S.,** International Tribunal for the Former Yugoslavia as a tool of the foreign policy of the leading Western states 235

***Birukov P.N.,** Some problems of the finctionning of the EU agencies on internal affairs 239

***Sengulo Albert Msellemu,** *Dar es Salaam University (Tanzania),* Some Political and Legal Problems of Leadership in Africa 243

INTERNATIONAL LAW POETRY 252
**Y.Maleev,* Poems from different years 253
**Radovan Karadzic,* *former President of the Respublika Srpska,* Selected Poems..... 261
**Christopher Black,* *Counsel before International Criminal Court,* Poems..... 275

REFERENCE RUBRIC 279
*Bibliography on international law published in 2013 279
*Dissertations on international law defended in 2012-2013 285

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

«Казанский журнал международного права» выходит с таким названием с 2007 года. С самого начала мы не хотели повторять уже давно издающиеся российские международно-правовые журналы. Поэтому мы внедряли новые, во многом необычные, рубрики (например, «Международно-правовые мемуары», «Международно-правовой детектив», «Наш ответ Чемберлену»). Постепенно мы пришли к выводу о том, что международное право можно понять только в том контексте, в котором оно было создано, существует и развивается, то есть в системе международных отношений.

Наиболее ярко это проявляется, например, при анализе решений международных судебных учреждений. Так, например, исходя из положений «чистого» права, совершенно невозможно понять, почему большинство судей палаты досудебного производства Международного уголовного суда по делу «*Прокурор против Лорана Гбагбо*» приняли решение об утверждении обвинений. Также невозможно понять, почему Международный трибунал по бывшей Югославии, несмотря на наличие четко сформулированных форм ответственности в Статуте МТБЮ, ввел в действие «концепцию совместных преступных действий». Все это представляется как «развитие» международного права, но, на самом деле, таковым не является.

Однако если проанализировать все эти решения в более широком контексте, все становится понятным. Международные уголовные суды были созданы не с целью наказания лиц, несущих главную ответственность за совершение международных преступлений, а с целью юридического «освящения» итогов войн, которые вели, ведут и, к сожалению, будут вести те страны, которые и замышляли эти суды концептуально, и осуществляют полный контроль за их деятельностью.

Таким образом, необходимо признать, что «чистого» международного права на сегодняшний день нет. Даже сам факт наличия или отсутствия того или иного международного договора – есть результат определенной стадии развития международных отношений, а не, как нам часто говорят, международного права.

В этой связи мы решили, что современное международное право следует изучать не изолированно, а в контексте той среды, в которой оно существует. Это поможет и лучше понимать его, и лучше прогнозировать международно-правовые процессы.

Таким образом, с настоящего выпуска наш журнал будет выходить под названием «Казанский журнал международного права и международных отношений».

ПОСТОЯННАЯ ТЕМА

«ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

*Доклад Генерального секретаря ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права»
*Резолюция ГА ООН по программе ООН в области преподавания международного права
*Report of the UN Secretary-General «United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law»
*UN General assembly Resolution on the UN Programme of Assistance in the Teaching of International Law

Доклад Генерального секретаря ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права»

Резюме

Настоящий доклад представляется во исполнение резолюции 67/91 Генеральной Ассамблеи. В нем содержится информация об осуществлении Программы помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права в 2013 году, а также изложены руководящие принципы и рекомендации в отношении осуществления Программы помощи на двухгодичный период 2014-2015 годов и административные и финансовые последствия.

I. Введение

1. В своей резолюции 67/91 Генеральная Ассамблея уполномочила Генерального секретаря осуществить в 2013 году виды деятельности, указанные в докладах о Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права (A/66/505 и A/67/518), представленные на ее шестьдесят шестой и шестьдесят седьмой сессиях. В пункте 25 той же резолюции Ассамблея просила Генерального секретаря представить на ее шестьдесят восьмой сессии доклад об осуществлении Программы помощи в 2013 году и после консультаций с Консультативным комитетом по Программе помощи представить рекомендации относительно выполнения Программы помощи в последующие годы.

2. В настоящем докладе содержится информация, касающаяся осуществления Программы помощи в 2013 году, а также мероприятий, запланированных на 2014-2015 годы, и административных и финансовых последствий.

II. Осуществление программы помощи в 2013 году

3. За осуществление Программы помощи отвечает Отдел кодификации. Отдел выполняет различные функции, такие как подготовка докладов Генерального секретаря и оказание услуг Консультативному комитету и Шестому комитету в связи с соответствующим пунктом повестки дня. Он также обеспечивает функционирование веб-сайта, посвященного Программе помощи.

A. Программа стипендий в области международного права

4. Существующая в рамках Программы помощи Программа стипендий в области международного права обеспечивает всестороннюю подготовку юристов из развивающихся стран

и стран с формирующейся рыночной экономикой по вопросам международного права, привлекая в этих целях ведущих ученых и специалистов-практиков. В Академии международного права в Гааге стипендиаты прослушивают курс по международному публичному праву и участвуют в семинарах, организуемых Отделом кодификации по широкому кругу вопросов международно-правовой проблематики. Для участников также организуются ознакомительные поездки.

5. Мероприятия в рамках Программы стипендий в области международного права проходили в Гааге с 24 июня по 2 августа 2013 года. Для участия в Программе были отобраны в общей сложности 20 стипендиатов (11 мужчин и 9 женщин) и еще один человек (мужчина) был принят на условиях самофинансирования.

6. В Гаагской академии участники прослушали следующие лекции: «Национальные границы, ограничения и делимитация: насколько они важны сегодня?» (Л.Кафлиш, заслуженный профессор Института высших исследований по международным проблемам и проблемам развития в Женеве, член Комиссии международного права); «Международное право. Практика и процедура международного права» (общий курс) (Дж. Крофорд, профессор Кембриджского университета, бывший член Комиссии международного права); «Международное право мирового регулирования» (Е.Бенвенисти, профессор Тель-Авивского университета); «Какими правовыми нормами должны регулироваться международные валютно-финансовые отношения?» (Ж.-М. Сорель, профессор Университета Париж I (Пантеон-Сорбонна)); «Статья 103 Устава Организации Объединенных Наций» (Р.Кольб, профессор Женевского университета); «Роль национальных судей в развитии международного права» (А.Вырозумска, профессор Лодзинского университета); «Интеграция законов о гражданстве и региональных организациях: путь к новым типам статуса для резидентов?» (Б.Насимбене, профессор Миланского университета); «Защита людей в случае катастрофы» (К.Г. Парк, профессор юридического института Корейского университета, член Комиссии международного права).

7. Отдел кодификации организовал семинары по следующим темам (перечислены в порядке проведения): «Введение в международное право» (Е.Рукунас, профессор Афинского университета); «Признание государств и правительств» и «Дипломатическая защита» (Й.Дугард, профессор Лейденского университета, бывший член Комиссии международного права); «Договорное право» (Э.Ост, Лондонская школа экономики, бывший заместитель советника по правовым вопросам Министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии); «Международное право прав человека (Латинская Америка)» (А.А. Кансадо Тринидаде, судья Международного Суда, бывший председатель Межамериканского суда по правам человека); «Международное гуманитарное право» (И.Сандоз, профессор Фрибурского университета); «Международное право прав человека» (М.Миланович, юридический институт Ноттингемского университета); «Международное уголовное право» (А.Циммерман, профессор Потсдамского университета); «Работа Комиссии международного права» (Л.Кафлиш, заслуженный профессор Института высших исследований по международным проблемам и проблемам развития в Женеве, член Комиссии международного права); «Ответственность государства» (Б.Симма, судья Трибунала по урегулированию взаимных претензий Ирана и Соединенных Штатов, профессор юридического института Мичиганского университета, бывший судья Международного Суда); «Морское право» (Т.Тревес, профессор Миланского университета, бывший судья Международного трибунала по морскому праву); «Международное экологическое право» (Л.Буассон де Шазурне, профессор Женевского университета); «Право международной торговли» «Международное инвестиционное право» и «Источники международного права» (М.М. Мбенге, профессор Женевского университета); и «Международные организации» и «Дипломатические и консульские отношения» (П.Бодо-Ливинек, профессор Университета Париж VIII (Венсенн – Сен-Дени)).

8. Были организованы ознакомительные поездки в Международный Суд, Международный уголовный суд и Постоянную палату третейского суда, старшие сотрудники которых выступили перед участниками с краткими сообщениями.

B. Региональные курсы по международному праву

9. Региональные курсы по международному праву, которые проводят ведущие теоретики и практики, обеспечивают высококачественную подготовку по широкому кругу основных вопросов международного права, а также по конкретным темам, представляющим особый интерес для стран того или иного региона. Эти курсы имеют важное значение как средство расширения возможностей в области подготовки по международному праву для юристов из развивающихся стран, поскольку проходить обучение в рамках Программы стипендий по международному праву может лишь ограниченное число участников. Курсы также дают участникам возможность сосредоточить внимание на актуальных вопросах международного права, представляющих общий интерес для стран того или иного региона, в целях укрепления взаимопонимания и сотрудничества по таким вопросам.

i) Африка

10. Региональный курс по международному праву для Африки проходил в Экономической комиссии Организации Объединенных Наций для Африки в Аддис-Абебе (Эфиопия) с 1 по 26 апреля 2013 года. Курс прослушали в общей сложности 29 участников и 1 наблюдатель (15 мужчин и 15 женщин), в том числе 20 стипендиатов и 10 человек, оплативших свое обучение самостоятельно.

11. В рамках этого регионального курса были организованы семинары по следующим темам (перечислены в порядке проведения): «Введение в международное право» (Г.Нольте, профессор Университета им. Гумбольдта, член Комиссии международного права); «Международно-правовые исследования» (Д.Стюарт, младший сотрудник по правовым вопросам Отдела кодификации Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций); «Международное гуманитарное право» и «Международное уголовное право» (К.Риордан, генеральный директор Юридической службы Сил обороны Новой Зеландии); «Морское право» (Т.Тревес, профессор Миланского университета, бывший судья Международного трибунала по морскому праву); «Мирное урегулирование споров» и «Кодификация и прогрессивное развитие международного права: работа Комиссии международного права» (Л.Кафлиш, заслуженный профессор Института высших исследований по международным проблемам и проблемам развития в Женеве, председатель Комиссии международного права); «Ответственность государства», «Дипломатическая защита» и «Международные организации» (Э.де Вет, профессор и содиректор Института международного и сравнительного права в Африке, Университет Претории); «Право международной торговли» (М.М. Мбенге, профессор Женевского университета); «Работа Комиссии Африканского союза по международному праву» (А. Киланги, декан юридического факультета Танзанийского университета им. Св. Августина, председатель Комиссии Африканского союза по международному праву); «Международное право прав человека» (Ф.Вильон, профессор и директор Центра по вопросам прав человека, Университет Претории); «Международное экологическое право» (Г.Хандль, профессор юридического Тулейнского университета); «Понятие самоопределения в международном праве» и «Африка и международное право в XXI веке» (А.Юсуф, судья Международного Суда); «Международное инвестиционное право» (Дж. Доноху, судья Международного Суда). Перед участниками также выступил судья А.Г. Корома (бывший судья Международного Суда).

12. Был организован ознакомительный визит в Африканский союз, в ходе которого должностные лица кратко рассказали участникам Африканского союза о самой организации и тех правовых вопросах, которыми она занимается, включая вопросы прав человека и мира и безопасности. Кроме того, посол М. Гетахун (член Комиссии Африканского союза по международному праву) выступил с сообщением по проблеме внутреннего перемещения населения.

ii) Азиатско-Тихоокеанский регион

13. Региональный курс по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона проходил в Бангкоке (Таиланд) с 12 по 30 ноября 2012 года. Курс прослушали в общей слож-

ности 26 человек (12 мужчин и 14 женщин), в том числе 15 стипендиатов и 11 человек, оплативших свое обучение самостоятельно.

14. Были организованы семинары по следующим темам (перечислены в порядке проведения): «Мирное урегулирование международных споров» и «Дипломатическая защита» (Л.Кафлиш, заслуженный профессор Института высших исследований по международным проблемам и проблемам развития в Женеве, председатель Комиссии международного права); «Введение в международное право», «Юрисдикция и иммунитеты государства» и «Ответственность государства» (М.Кавано, профессор Университета Васэда); «Договорное право», «Международно-правовые исследования» и «Международные организации (П.Бодо-Ливинек, профессор Университета Париж VIII (Венсенн – Сен-Дени)); «Международный Суд» (Д.Нанопулос, сотрудник по правовым вопросам Отдела кодификации Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций); «Международное право прав человека» (М.Пинто, профессор Университета Буэнос-Айреса); «Морское право» (Т.Тревес, профессор Миланского университета, бывший судья Международного трибунала по морскому праву); «Международное гуманитарное право» и «Международное уголовное право» (К.Риордан, генеральный директор Юридической службы Сил обороны Новой Зеландии); «Право международной торговли» (М.М. Мбенге, профессор Женевского университета); «Международное экологическое право» (С.Маккаффри, профессор Тихоокеанского университета, бывший член Комиссии международного права).

15. Региональный курс по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона планировалось провести и в следующем году – с 4 по 29 сентября 2013 года. Он был отменен из-за недостатка финансирования из средств регулярного бюджета и добровольных взносов.

16. Были прочитаны лекции по следующим темам: «Введение в международное право» (А.Пелле, профессор Университета Западный Париж – Нантер-ла-Дефанс, бывший член Комиссии международного права); «Договорное право» (Э.Ост, Лондонская школа экономики, бывший заместитель советника по правовым вопросам Министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии); «Мирное урегулирование международных споров» и «Работа Комиссии международного права» (Л.Кафлиш, заслуженный профессор Института высших исследований по международным проблемам и проблемам развития в Женеве, член Комиссии международного права); «Морское право» (Т.Тревес, профессор Миланского университета, бывший судья Международного трибунала по морскому праву); «Признание государств и правительств», «Иммунитеты государства» и «Дипломатическая защита» (Й.Дугард, профессор Лейденского университета, бывший член Комиссии международного права); «Международное экологическое право» (Л.Буассон де Шазурне, профессор Женевского университета); «Международное право прав человека» (В.Мунтарбхорн, профессор Университета им. Чулалонгкорна, бывший Специальный докладчик по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии); «Международное гуманитарное право» и «Международное уголовное право» (К.Риордан, генеральный директор Юридической службы Сил обороны Новой Зеландии); «Международный арбитраж» (Б.Дейли, заместитель Генерального секретаря, главный юрисконсульт Постоянной Палаты Третейского Суда); «Международное право и территориальные споры» и «Jus cogens в Международном Суде» (С.Йи, профессор Института международного права Уханьского университета); «Право международной торговли» и «Международное инвестиционное право» (М.М. Мбенге, профессор Женевского университета); «Международные организации» и «Дипломатические и консульские отношения» (П. Бодо-Ливинек, профессор Университета Париж VIII (Венсенн – Сен-Дени)).

17. Были отобраны соискатели из следующих стран: Афганистан, Бангладеш, Бруней-Даруссалам, Бутан, Вьетнам, Индия, Индонезия, Исламская Республика Иран, Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Мальдивские Острова, Маршалловы Острова, Мьянма, Непал, Оман, Сингапур, Таджикистан, Таиланд, Узбекистан, Фиджи, Филиппины и Шри-Ланка.

18. Для этого курса были также подготовлены учебные материалы.

iii) Латинская Америка и Карибский бассейн

19. Ввиду того, что ни одна из стран не изъявляет желания взять на себя функции принимающей страны, а также ввиду недостаточного финансирования региональный курс по международному праву в Латинской Америке и Карибском бассейне не проводился с 2004 года. В 2013 году Организация Объединенных Наций заключила с уругвайским правительством соглашение о том, что Уругвай станет принимающей страной при организации этого регионального курса.

iv) Постоянные места проведения региональных курсов по международному праву

20. В связи с повышением спроса на подготовку в области международного права Отдел кодификации рассмотрел возможность определения постоянных мест проведения региональных курсов по международному праву, с тем чтобы упростить организацию этих курсов на регулярной основе в Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе и Латинской Америке и Карибском бассейне. При наличии таких постоянных мест повысится эффективность организации региональных курсов, будет обеспечена экономия средств и снизится вероятность их отмены, но при этом сохранится возможность проведения курсов в другом месте.

21. Региональные курсы по международному праву для Африки три раза проводились в Эфиопии: в 2011, 2012 и 2013 годах. Эфиопия будет подходящим местом для проведения регионального курса для Африки и в 2014 и 2015 годах, если на эти цели будет выделено достаточно финансовых ресурсов.

22. Региональные курсы по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона трижды проводились в Таиланде: в 1986, 2005 и 2012 годах, а еще один курс, запланированный на 2013 год, был отменен из-за нехватки финансовых средств. Таиланд будет подходящим местом для проведения регионального курса для Азиатско-Тихоокеанского региона и в 2014 и 2015 годах, если на эти цели будет выделено достаточно финансовых ресурсов.

C. Учебные материалы по международному праву

23. Для своих программ подготовки по международному праву Отдел кодификации ищет и собирает материалы по правовой тематике в соответствии с рекомендациями лекторов. Для технической подготовки учебных материалов в печатном виде Отдел использует системы компьютерной верстки. Помимо этого, чтобы облегчить электронный поиск для участников из развивающихся стран с ограниченным доступом к Интернету, им были предоставлены компакт-диски и флэш-накопители USB с учебными материалами, публикациями по правовой тематике и другими материалами по международному праву.

D. Библиотека аудиовизуальных материалов ООН по международному праву

24. Традиционные учебные курсы предоставляют уникальные возможности с точки зрения содействия всестороннему обсуждению, взаимодействию и сотрудничеству между участниками. С учетом повышения спроса на подготовку в области международного права, который нельзя было удовлетворить в рамках традиционных учебных курсов, Отдел кодификации создал Библиотеку аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву. Библиотека аудиовизуальных материалов позволяет Организации Объединенных Наций бесплатно обеспечивать высококачественную подготовку неограниченного числа отдельных лиц и учреждений в странах всего мира с помощью Интернета при относительно низких затратах.

25. Библиотека аудиовизуальных материалов представляет собой виртуальный учебно-исследовательский центр; в ее развитии задействовано свыше 300 ведущих ученых, судей и специалистов-практиков в области международного права, представляющих различные страны и правовые системы, которые предоставляют свои материалы для ее трех основных раз-

делов — «Курс лекций», «Исторический архив» и «Научно-исследовательская библиотека». Раздел «Курс лекций» насчитывает почти 300 лекций по широкому кругу тем международно-правовой проблематики, в том числе 20 новых лекций, записанных в Аддис-Абебе, Лондоне, Нью-Йорке и Гааге. В ответ на просьбы увеличить количество лекций на французском языке для правоведов и преподавателей, работающих в африканских государственных структурах, в Брюсселе, Женеве и Париже было записано 25 новых лекций. В разделе «Исторические архивы» представлены вступительные замечания ведущих авторитетных специалистов по почти 100 правовым документам, материалы по истории их принятия, смежные документы, архивные аудиовизуальные материалы, подготовленные Отделом кодификации, а также материалы по 26-ти новым правовым документам. Раздел «Научно-исследовательская библиотека» содержит большой объем доступной в онлайн-режиме литературы, включая международные договоры, материалы судебной практики, публикации, документы и научные труды, а также новую секцию с учебными материалами и дополнительные публикации и журналы по правовой тематике. Кроме того, Отдел кодификации создал для Библиотеки аудиовизуальных материалов новый, более удобный в пользовании, веб-сайт, который стартовал 7 октября 2013 года. Новый сайт также облегчает доступ к материалам на различных официальных языках Организации и позволяет просматривать аудиовизуальные материалы на мобильных устройствах.

26. К ресурсам Библиотеки аудиовизуальных материалов обратился почти 1 млн. физических и юридических лиц из 193-х государств-членов, причем с октября прошлого года число пользователей увеличилось на 520 тыс. Библиотека создавалась, прежде всего, для юристов из развивающихся стран. Однако ее материалами пользуются главным образом юристы из развитых стран. Немногочисленность пользователей в развивающихся странах отчасти объясняется недостаточной осведомленностью об этом ресурсе, а отчасти – отсутствием определенных технических возможностей в плане наличия компьютеров, электричества и надежного высокоскоростного Интернета.

27. В целях популяризации Библиотеки аудиовизуальных материалов представители Отдела кодификации выступили с презентациями о Библиотеке в ходе проведения регионального курса по международному праву в Таиланде и Эфиопии, на Форуме Африканского союза по международному праву и правовым актам Африканского союза в Эфиопии, на ежегодном совещании Международной ассоциации юридических институтов в Индии, а также на одном из мероприятий в рамках Программы стипендий в области международного права в Нидерландах.

28. Кроме того, Отдел кодификации предоставил коллекцию DVD-дисков с записями лекций юридическому факультету Национального университета Лесото, которому было сложно получить доступ к этим лекциям через Интернет. В настоящее время Отдел кодификации изучает возможность предоставления DVD-дисков с записями лекций юридическим факультетам и институтам других развивающихся стран по их просьбе и при наличии ресурсов будет это делать.

E. Компьютерная верстка

29. В 2013 году Отдел кодификации проводил всю предпечатную подготовку методом компьютерной верстки, с тем чтобы обеспечить своевременное издание следующих публикаций:

a)«Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций» за 2012 год (на английском языке);

b) «Доклады о решениях международных арбитражных органов» (Reports of International Arbitral Awards), том XXX (на английском и французском языках);

c) «Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда (2008-2012 годы)» (на английском и французском языках);

d) «Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Постоянной Палаты Международного Суда» (на французском языке).

F. Распространение

30. Распространение публикаций и информации правового характера через Интернет и с помощью других электронных средств призвано восполнить недостаток документов в печатной форме, однако это не умаляет уникальной ценности печатных материалов, используемых в научной и учебной работе по правовой тематике, особенно юристами в развивающихся странах, где доступ к Интернету ограничен. Эти материалы предоставляются бесплатно через Интернет для содействия преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию международного права.

Распространение изданий Организации Объединенных Наций по правовой тематике

31. 8 ноября 2012 года в соответствии с решением Департамента по делам Генеральной Ассамблеи и конференционному управлению была прекращена рассылка экземпляров публикаций Организации Объединенных Наций по правовой тематике в библиотеки-депозитарии и учреждения в развивающихся странах.

32. В 2013 году Отдел кодификации предоставил запрошенные у него юридические издания и учебные материалы по правовой тематике библиотеке Африканского союза в Эфиопии, а также академическим и другим учебным заведениям в развивающихся странах, имеющих ограниченный доступ к таким материалам через Интернет или лишенных его вообще, а именно в Камеруне, Кот-д'Ивуаре, Лесото и Южном Судане.

III. Руководящие принципы и рекомендации в отношении осуществления Программы помощи в двухгодичный период 2014-2015 годов

33. В нижеследующих пунктах содержатся рекомендации, запрошенные Генеральной Ассамблеей в пункте 25 ее резолюции 67/91.

34. В случае получения необходимых ресурсов Отдел кодификации планирует организовать следующие учебные курсы.

Программа стипендий в области международного права

35. Программа стипендий в области международного права: шестинедельный курс в 2014 и 2015 годах для 30 человек, не менее 20 стипендиатов и дополнительное число слушателей, участвующих на условиях самофинансирования. Отдел кодификации будет продолжать выполнять все задачи, связанные с организацией Программы стипендий и управлением ею, до тех пор, пока он будет располагать необходимыми ресурсами.

Региональные курсы по международному праву

36. Региональный курс по международному праву для Африки: будет проводиться в Эфиопии в 2014 и 2015 годах в течение 4-х недель для 30 человек, включая не менее 20 стипендиатов и дополнительное число слушателей, участвующих на условиях самофинансирования.

37. Региональный курс по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона: будет проводиться в Таиланде в 2014 и 2015 годах в течение 4-х недель для 30 человек, включая не менее 20 стипендиатов и дополнительное число слушателей, участвующих на условиях самофинансирования.

38. Региональный курс по международному праву для Латинской Америки и Карибского бассейна: будет проводиться в 2014 и 2015 годах в течение 4-х недель для 30 человек, включая не менее 20 стипендиатов и дополнительное число слушателей, участвующих на условиях самофинансирования. Проведение курса будет зависеть от заключения соглашения с принимающей страной.

39. Будут соблюдаться руководящие принципы, содержащиеся в соответствующих резолюциях Генеральной Ассамблеи, в частности желательность использования, по мере возможности, ресурсов (финансовых и материальных) и средств, предоставляемых государствами-

членами, международными и региональными организациями, учебными заведениями, частными лицами и другими сторонами, с учетом необходимости обеспечивать при назначении высоко-квалифицированных лекторов в рамках программ стипендий представленность основных правовых систем и различных географических регионов и финансовые ограничения. Необходимо сделать все, чтобы сохранить высокий качественный уровень этих учебных курсов, для чего следует привлекать соответствующих лекторов и включать в учебные планы основные темы международно-правовой проблематики.

Библиотека аудиовизуальных материалов ООН по международному праву

40. Отдел кодификации планирует продолжать при наличии необходимых ресурсов дальнейшее пополнение Библиотеки аудиовизуальных материалов. Отдел запишет 50 новых лекций для включения в раздел «Курс лекций», подготовит новые юридические и аудиовизуальные материалы по 35-ти правовым документам для включения в «Исторический архив», а также пополнит раздел «Научно-исследовательская библиотека» новыми материалами по правовой тематике. Кроме того, будут представлены новые материалы правового характера для разделов «Исторический архив» и «Курс лекций» с целью их перевода на все официальные языки Организации (в общей сложности 400 страниц). Будет подготовлено и проведено 10 презентаций о Библиотеке аудиовизуальных материалов, чтобы увеличить масштабы распространения ее материалов, особенно среди юристов в развивающихся странах. Необходимо приобрести дополнительное место для хранения аудиовизуальных материалов. При наличии ресурсов можно также предоставить учебным заведениям в развивающихся странах DVD-диски с записью лекций.

Компьютерная верстка

41. В 2014-2015 годах Отдел кодификации планирует подготовить следующие издания:

a) «Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций» за 2013 и 2014 годы (каждое издание объемом 600 страниц) – в соответствии с резолюциями 1814 (XVII) и 3006 (XXVII) Генеральной Ассамблеи;

b) «Законодательная серия Организации Объединенных Наций: материалы об ответственности государств за международно-противоправные деяния» (United Nations Legislative Series, Materials on the Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts) (2-е издание), том 28 (600 страниц) – в соответствии с резолюцией 67/91;

c) «Доклады о решениях международных арбитражных органов», том XXXI (600 страниц) – в соответствии с резолюциями 487 (V) и 67/91;

d) «Решения, консультативные заключения и постановления Международного Суда» (2013-2017 годы) (предварительный перевод 400 страниц) – в соответствии с резолюциями 46/50 и 67/91.

42. В случае принятия Генеральной Ассамблеей соответствующего решения Отдел кодификации подготовит также следующие публикации по правой тематике:

a) специальный выпуск «Юридического ежегодника Организации Объединенных Наций», содержащий избранные консультативные заключения за период с 1945 по 1962 гг. (600 страниц);

b) «Справочник по международному праву» (Handbook on International Law) (500 страниц).

Ко всем публикациям будет прилагаться компакт-диск или флэш-накопитель.

43. Отдел кодификации будет и впредь проводить всю предпечатную подготовку указанных выше публикаций и учебных материалов по правовой тематике методом компьютерной верстки на добровольной основе до тех пор, пока он будет располагать для этого ресурсами (кадровыми ресурсами и необходимыми материалами).

Распространение материалов

44. Отдел кодификации будет и впредь распространять свои публикации и учебные материалы по правовой тематике в печатном виде среди участников своих учебных курсов и рассылать их по запросу учебным заведениям в развивающихся странах при условии, что он будет располагать необходимыми печатными экземплярами, а также ресурсами для покрытия расходов на подготовку к отправке и доставку.

IV. Административные и финансовые последствия осуществления Программы помощи

A. В течение 2013 года

45. Что касается финансирования Программы стипендий в области международного права и Региональных курсов по международному праву, то в подпрограмме 3 (Прогрессивное развитие и кодификация международного права) (субсидии и взносы) раздела 8 («Правовые вопросы») бюджета по программам на двухгодичный период 2012-2013 годов предусмотрено выделение на эти цели из средств регулярного бюджета в общей сложности 437 500 долл. США.

46. В своей резолюции 67/91 Генеральная Ассамблея вновь обратилась с просьбой к государствам-членам, а также заинтересованным организациям, учреждениям и частным лицам делать добровольные взносы для финансирования деятельности в соответствии с Программой. Поэтому 21 января 2013 года государствам-членам была направлена вербальная нота, в которой их внимание обращалось на резолюцию 67/91.

47. С момента издания предыдущего доклада добровольный взнос для Программы помощи был получен от Панамы (1500 долл. США). Поступили также добровольные взносы на финансирование конкретных элементов Программы:

a) Библиотеки аудиовизуальных материалов – от Германии (39 683 долл. США), Ирландии (9000 долл. США), Италии (5000 долл. США), Китая (20 000 долл. США), Мексики (10 000 долл. США), Нидерландов (32 982 долл. США), Норвегии (26 958 долл. США), Соединенного Королевства (7500 долл. США) и Швейцарии (25 000 долл. США); b) Программы стипендий в области международного права – от Ирландии (3500 долл. США); и c) Региональных курсов — от Китая (40 000 долл. США), Саудовской Аравии (10 000 долл. США) и Африканского союза (50 000 долл. США).

48. Кроме того, Организация Объединенных Наций и Африканский союз подписали меморандум о взаимопонимании, в котором Африканский союз, при наличии у него бюджетных ресурсов, обязуется продолжать участвовать в покрытии расходов на проведение региональных курсов по международному праву для Африки в дальнейшем за счет бюджетных средств, предназначающихся специально для этих целей.

49. Отдел кодификации также продолжал предлагать государствам, университетам, учреждениям и организациям, а также частным лицам участвовать в финансировании Программы помощи и содействовать ее осуществлению.

50. Что *касается Программы стипендий в области международного права*, то Секретариат Международного Суда предоставил помещения и соответствующее оборудование для сотрудников Отдела кодификации и лекторов, а также оказал Программе необходимую административно-материальную поддержку. Академия международного права в Гааге снизила плату за обучение, взимаемую со стипендиатов. Фонд Карнеги предоставил аудиторию для проведения занятий, а также соответствующее оборудование для сотрудников Отдела кодификации и лекторов.

51. Что касается *Регионального курса международного права для Африки*, Экономическая комиссия для Африки предоставила аудиторию для занятий, помещения, оборудование, транспорт и административную поддержку для персонала Отдела кодификации и лекторов. Африканский союз организовал ознакомительную поездку в свою штаб-квартиру. Кроме того, Университет Претории взял на себя оплату расходов, связанных с участием в Региональном

курсе двух лекторов, и подарил участникам Курса публикацию «Сборник ключевых документов Африканского союза по правам человека». Аналогичным образом издательство Кембриджского университета подарило участникам публикацию «Современные право и практика международных договоров». Соединенное Королевство взяло на себя расходы на пересылку этой публикации.

52. *Для Регионального курса международного права для Азиатско-Тихоокеанского региона* в 2012 году правительство Таиланда предоставило аудиторию для занятий, помещения, оборудование и бесплатные обеды, оплатило проезд на местном транспорте и обеспечило административную поддержку, а также организовало размещение стипендиатов и дополнительное питание для них. Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана также предоставила административную поддержку при проведении этого курса.

53. Кроме того, следующие структуры предоставляли участникам различных учебных программ бесплатные публикации: Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, Департамент общественной информации, Международный уголовный суд, Международный комитет Красного Креста, а также Министерство иностранных дел и внешней торговли Новой Зеландии. Различные организации, издательства и юридические журналы давали разрешения на безвозмездной основе включать научные статьи в учебные материалы, подготавливаемые для участников учебных программ (см. пункт 23 выше).

54. Отдел кодификации подписал с Фондом международного партнерства Организации Объединенных Наций документ о проекте, касающийся организации региональных курсов по международному праву и пополнения Библиотеки аудиовизуальных материалов по международному праву.

55. С момента выхода предыдущего доклада следующие страны внесли взносы на цели Мемориальной стипендии им. Гамильтона Ширли Амерасингхе в области морского права: Ирландия (3500 долл. США), Монако (10 507 долл. США) и Шри-Ланка (10 000 долл. США).

B. В течение двухгодичного периода 2014-2015 годов

56. В своей резолюции 67/91 Генеральная Ассамблея вновь просила Генерального секретаря обеспечивать необходимые ресурсы в бюджете по программам на двухгодичный период 2014-2015 годов для Программы помощи в целях дальнейшего обеспечения ее эффективности и дальнейшего развития Программы, в частности организации на регулярной основе Региональных курсов по международному праву и обеспечения непрерывного функционирования Библиотеки аудиовизуальных материалов.

57. На финансирование Программы стипендий в области международного права и Региональных курсов по международному праву в рамках подпрограммы 3 (Прогрессивное развитие и кодификация международного права) (субсидии и взносы) раздела 8 (Правовые вопросы) бюджета по программам на двухгодичный период 2014-2015 годов предлагается выделить 458 000 долл. США при условии, что Генеральная Ассамблея одобрит рекомендации по этим программам.

Программа стипендий в области международного права

58. Расходы на Программу стипендий в области международного права из расчета 20 стипендий в год оцениваются в 406 000 долл. США за двухгодичный период. Остаток средства в объеме 52 000 долл. США будет использован для предоставления дополнительных стипендий в рамках Программы или покрытия части расходов на проведение регионального курса по международному праву.

Региональный курс по международному праву для Африки

59. Прямые расходы на проведение региональных курсов для Африки из расчета 20 стипендиатов Программы в год оцениваются в 416 000 долл. США за двухгодичный период. Ожи-

дается, что из них приблизительно 100 000 долл. США будет покрыто за счет добровольных взносов Африканского союза.

Региональный курс по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского Региона

60. Прямые расходы на проведение региональных курсов для Азиатско-Тихоокеанского региона из расчета 20 стипендиатов в год оцениваются в 320 000 долл. США за двухгодичный период. Ожидается, что остальная часть расходов будет покрыта принимающей страной.

Региональный курс по международному праву для Латинской Америки и Карибского бассейна

61. Прямые расходы на проведение региональных курсов для стран Латинской Америки и Карибского бассейна из расчета 20 стипендиатов в год оцениваются в 300 000 долл. США за двухгодичный период. Ожидается, что остальная часть расходов будет покрыта принимающей страной.

Библиотека аудиовизуальных материалов ООН по международному праву

62. Для обеспечения функционирования и пополнения Библиотеки аудиовизуальных материалов по международному праву необходимы следующие кадровые ресурсы: два сотрудника категории специалистов и один сотрудник категории общего обслуживания. В настоящее время должности двух сотрудников категории специалистов (консультантов, работающих по специальным соглашениям об услугах) и одного сотрудника категории общего обслуживания финансируются из внебюджетных средств. Сумма расходов на выплату гонораров и заработной платы этим сотрудникам за предоставленные услуги в двухгодичном периоде 2014-2015 годов составляет ориентировочно 465 000 долл. США. Кроме того, для покрытия расходов на оборудование и запись аудиовизуальных материалов на выезде и их оцифровку предусматриваются дополнительные средства в объеме ориентировочно 115 000 долл. США. В общей сложности сметные прямые расходы за двухгодичный период на эту деятельность составляют при действующем порядке привлечения временного персонала 580 000 долл. США.

Компьютерная верстка

63. Как указывается в предлагаемом бюджете по программам на двухгодичный период 2014-2015 годов (A/68/6 (Sect. 8), таблица 8.6), Отдел кодификации прекратит компьютерную верстку некоторых видов публикаций по правовой тематике, если в штатном расписании Отдела, как это предлагается, будет упразднена должность сотрудника категории общего обслуживания (помощник группы). Кроме того, компьютерная верстка будет прекращена, если Отдел не будет получать необходимые материалы.

Распространение

64. Как указано выше (пункт 31), в 2012 году была прекращена рассылка экземпляров публикаций Организации Объединенных Наций по правовой тематике в библиотеки-депозитарии и учреждения в развивающихся странах.

65. Отдел кодификации будет предоставлять и рассылать публикации и учебные материалы по правовой тематике для участников его учебных программ, а также учебным заведениям в развивающихся странах в случае поступления такого запроса и при условии наличия необходимых печатных экземпляров и ресурсов.

66. В случае принятия Генеральной Ассамблеей соответствующего решения Генеральный секретарь будет и впредь обращаться за помощью в виде добровольных взносов и взносов натурой для поддержки Программы. Следует отметить, что в последние годы сумма добровольных взносов значительно уменьшилась и что имеющихся ресурсов недостаточно для проведения каких-либо региональных курсов по международному праву или дальнейшего пополнения Библиотеки аудиовизуальных материалов в 2014-2015 годах.

V. Консультативный комитет по Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права

A. Членский состав

67. В резолюции 66/97 Генеральная Ассамблея назначила членами Консультативного комитета на период с 1 января 2012 года по 31 декабря 2015 года следующие 25 государств-членов: Аргентина, Гана, Германия, Иран (Исламская Республика), Италия, Канада, Кения, Кипр, Ливан, Малайзия, Мексика, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Пакистан, Португалия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Судан, Суринам, Тринидад и Тобаго, Украина, Франция, Чешская Республика, Чили и Эфиопия.

B. Рассмотрение доклада Генерального секретаря Консультативным комитетом на его сорок восьмой сессии

68. Сорок восьмая сессия была проведена 8 и 10 октября под председательством Постоянного представителя Ганы Кена Канды.

69. Функции секретаря и помощника секретаря Консультативного комитета выполняли сотрудницы Отдела кодификации Вирджиния Моррис (главный сотрудник по правовым вопросам) и Ханна Драйфельдт Лайне (сотрудник по правовым вопросам) соответственно.

70. 8 октября присутствовали следующие члены Комитета: Аргентина, Гана, Германия, Иран (Исламская Республика), Италия, Канада, Кения, Кипр, Малайзия, Мексика, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Пакистан, Португалия, Российская Федерация, Соединенные Штаты, Суринам, Тринидад и Тобаго, Чешская Республика и Чили. В качестве наблюдателей от стран, в которых устраиваются учебные курсы, на заседании присутствовали Нидерланды, Таиланд и Уругвай.

71. 10 октября присутствовали следующие члены Комитета: Аргентина, Гана, Германия, Иран (Исламская Республика), Канада, Кипр, Малайзия, Мексика, Пакистан, Российская Федерация, Соединенные Штаты, Тринидад и Тобаго, Франция, Чешская Республика и Чили. В качестве наблюдателя от страны, в которой устраивается региональный курс, на заседании присутствовал Уругвай.

72. Секретарь Консультативного комитета выступила с заявлением, сделав в нем обзор мероприятий, проведенных в 2013 году, и усилий, приложенных Отделом кодификации в целях упрочения, оживления и расширения Программы помощи для того, чтобы она могла и далее реагировать на растущий как в развивающихся, так и в развитых странах спрос на учебные и исследовательские материалы по международному праву.

73. Консультативный комитет дал Отделу кодификации высокую оценку за эти мероприятия, которые имеют большую ценность для специалистов практического и академического профилей в странах всего мира, и за усилия по укреплению этих мероприятий.

74. Секретарь Консультативного комитета остановилась на финансовых и административных аспектах Программы, в том числе на вопросах, касающихся финансирования Программы из регулярного бюджета и значительного сокращения добровольных взносов. Она отметила, что имеющихся ресурсов недостаточно для проведения региональных курсов по международному праву или же для дальнейшего развития Библиотеки аудиовизуальных материалов. Она отметила также, что недостаточное финансирование этих мероприятий может привести к их полному прекращению.

75. Высказываясь относительно мероприятий по линии Программы помощи, упомянутых в настоящем докладе, многие члены Консультативного комитета подчеркивали необходимость обеспечить финансирование из регулярного бюджета также для Мемориальной стипендии им. Амерасингхе в области морского права (о ней говорилось в резолюции 67/91), для семинаров и региональных учебных занятий по праву и практике международных договоров и для юридических публикаций и учебных материалов. Прозвучало также мнение о том, что

при запрашивании финансирования основной упор Отделу кодификации следует делать на региональные курсы по международному праву и на Библиотеку аудиовизуальных материалов.

76. Консультативный комитет признал важный вклад, вносимый Программой в преподавание и распространение международного права на благо юристов из всех стран, правовых систем и регионов мира на протяжении почти полувека и в увеличение спроса на обучение в вопросах международного права. Комитет также подчеркнул важную роль, которую деятельность Программы, в частности устроение региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву и работа Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, играет в продвижении ООНовских программ и мероприятий в сфере верховенства права.

77. Консультативный комитет рекомендовал просить Генерального секретаря провести в 2014-2015 годах мероприятия, указанные в настоящем докладе и в резолюции 67/91 Генеральной Ассамблеи.

78. Консультативный комитет с озабоченностью отметил сохраняющуюся нехватку финансирования Программы помощи и сделал вывод, что добровольные взносы не показали себя адекватным методом финансирования ее мероприятий, указанных в настоящем докладе и в резолюции 67/91 Генеральной Ассамблеи, в частности применительно к региональным курсам и Библиотеке аудиовизуальных материалов, и что поэтому необходимо обеспечить более надежное их финансирование.

79. Вследствие этого Консультативный комитет рекомендовал, чтобы Генеральная Ассамблея, руководствуясь своей резолюцией 67/91, в частности пунктом 7 ее постановляющей части, вновь просила Генерального секретаря обеспечивать в бюджете по программам на двухгодичный период 2014-2015 годов необходимые ресурсы для Программы помощи в целях дальнейшего обеспечения ее эффективности и ее дальнейшего развития, в частности организации на регулярной основе региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву и обеспечения непрерывного функционирования Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей
16 декабря 2013 года № 68/110
«Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права»

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на свою резолюцию 2099 (XX) от 20 декабря 1965 года, в которой Генеральная Ассамблея учредила Программу помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права для улучшения знания международного права как средства укрепления международного мира и безопасности и содействия развитию дружественных отношений и сотрудничества между государствами,

подтверждая, что Программа помощи является одним из основных видов деятельности Организации Объединенных Наций и что в течение почти пяти десятилетий она обеспечивает фундамент для предпринимаемых Организацией Объединенных Наций усилий, направленных на углубление знания международного права, признавая значительный вклад, который Программа помощи вносит на протяжении почти полувека в преподавание и распространение международного права в интересах юристов во всех странах, правовых системах и регионах мира,

подчеркивая важный вклад Программы помощи, в частности региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву и Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, в осуществление программ и мероприятий Организации Объединенных Наций в области верховенства права, подтверждая, что в результате повышения спроса на подготовку по вопросам международного права и деятельность по его распространению перед Программой помощи встают новые задачи,

признавая важность того, чтобы Программой помощи могли эффективно пользоваться ее адресаты, в том числе в лингвистическом отношении, учитывая при этом ограниченность имеющихся ресурсов,

с признательностью принимая к сведению доклад Генерального секретаря об осуществлении Программы помощи и мнения Консультативного комитета по Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права, содержащиеся в этом докладе,

с озабоченностью отмечая, что деятельность в рамках Программы помощи, в частности организация региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву на регулярной основе и дальнейшее развитие Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, не может продолжаться при существующем объеме ресурсов в рамках текущего или предлагаемого бюджета по программам, несмотря на ее резолюции 64/113 от 16 декабря 2009 года, 65/25 от 6 декабря 2010 года, 66/97 от 9 декабря 2011 года и 67/91 от 14 декабря 2012 года,

с сожалением отмечая, что намеченные на 2013 год региональные курсы Организации Объединенных Наций по международному праву для Азии и Тихого океана были отменены ввиду нехватки средств и что региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Латинской Америки и Карибского бассейна не проводилось уже почти 10 лет,

считая, что международное право должно занять надлежащее место в системе преподавания правовых дисциплин во всех университетах,

будучи убеждена в том, что следует побуждать государства, международные и региональные организации, университеты и учреждения к оказанию дальнейшей поддержки Программе помощи и расширению их деятельности по содействию преподаванию, изучению, рас-

пространению и более широкому признанию международного права, в частности тех видов деятельности, которые приносят особую пользу для лиц из развивающихся стран,

вновь подтверждая, что при осуществлении Программы помощи желательно в максимально возможной степени использовать ресурсы и возможности, предоставляемые государствами-членами, международными и региональными организациями, университетами, учреждениями и другими донорами,

вновь подтверждая также надежду на то, что при назначении высококвалифицированных лекторов для семинаров в рамках программ стипендий в области международного права будет приниматься во внимание необходимость обеспечения представительства основных правовых систем и сбалансированности представительства различных географических регионов,

1. *одобряет* руководящие принципы и рекомендации, содержащиеся в разделе III доклада Генерального секретаря Генеральной Ассамблее, представленного на ее шестьдесят восьмой сессии, в частности те из них, которые направлены на усиление и активизацию Программы помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права с учетом возрастающего спроса на подготовку в области международного права и деятельность по его распространению;

2. *уполномочивает* Генерального секретаря осуществить в 2014 и 2015 годах виды деятельности, указанные в его докладе;

3. *уполномочивает* также Генерального секретаря предоставить, по крайней мере, одну стипендию в 2014 году и по крайней мере одну стипендию в 2015 году в рамках Программы стипендий им. Гамильтона Ширли Амерасингхе в области морского права;

4. *уполномочивает* далее Генерального секретаря продолжать поддерживать и расширять Библиотеку аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву в качестве существенного вклада в преподавание и распространение международного права во всем мире и продолжать финансировать эту деятельность за счет ассигнований из регулярного бюджета, а также, в случае необходимости, за счет добровольных финансовых взносов, которые будут получены в ответ на просьбы, изложенные в пунктах 21 и 22, ниже;

5. *выражает признательность* Генеральному секретарю за деятельность, осуществляемую в рамках Программы помощи, и, в частности, за его усилия по укреплению, расширению и усилению подготовки по вопросам международного права и деятельности по его распространению в рамках Программы помощи в 2013 году;

6. *просит* Генерального секретаря рассмотреть возможность допущения к участию в различных компонентах Программы помощи кандидатов из стран, которые готовы нести все расходы, связанные с таким участием;

7. *вновь просит* Генерального секретаря в соответствии с резолюцией 67/91 Генеральной Ассамблеи, в частности ее пунктом 7, предоставлять необходимые ресурсы в бюджете по программам на двухгодичный период 2014-2015 годов для Программы помощи в целях дальнейшего обеспечения эффективности и развития Программы, в частности организации на регулярной основе региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву и обеспечения непрерывного функционирования Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву;

8. *признает* важность юридических изданий Организации Объединенных Наций, которые подготавливает Управление по правовым вопросам Секретариата, и просит Генерального секретаря публиковать издания, указанные в его докладе, в различных форматах, включая публикацию печатных изданий, которые принципиально важны для развивающихся стран;

9. *с удовлетворением отмечает* публикацию «Краткого изложения решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда за 2008–2012 годы», тома XXX «Серии сообщений о международных арбитражных решениях» и Юридического ежегодника Организации Объединенных Наций за 2012 год;

10. *вновь просит* Генерального секретаря издать следующий том «Законодательной серии Организации Объединенных Наций», содержащий материалы об ответственности государств за международно-противоправные деяния;

11. *вновь приветствует* усилия Управления по правовым вопросам по обновлению юридических изданий Организации Объединенных Наций, дает высокую оценку, в частности, Отделу кодификации Управления по правовым вопросам за его инициативу по использованию настольных издательских средств, что в значительной мере способствовало своевременному выпуску его юридических изданий и позволило осуществить подготовку учебных материалов по вопросам права, и просит распространить необходимые материалы в целях обеспечения дальнейшего осуществления этой успешной инициативы;

12. *призывает* Управление по правовым вопросам продолжать поддерживать и расширять свои веб-сайты, перечисленные в приложении к докладу Генерального секретаря, в качестве важного средства для распространения материалов по международному праву, а также проведения углубленных юридических исследований;

13. *предлагает* использовать стажеров и научных ассистентов для подготовки материалов для Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву;

14. *выражает признательность* Отделу кодификации за меры по экономии ресурсов, принятые в отношении Программы стипендий в области международного права для сохранения количества стипендий, выделяемых для этой всеобъемлющей учебной программы в области международного права;

15. *выражает признательность* Гаагской академии международного права за тот ценный вклад, который она продолжает вносить в осуществление Программы помощи, обеспечивая кандидатам в рамках Программы стипендий в области международного права возможность посещать мероприятия Программы стипендий и участвовать в них параллельно с курсами Академии;

16. *с признательностью отмечает* вклад Гаагской академии в преподавание, изучение, распространение и более широкое признание международного права и призывает государства-члены и заинтересованные организации положительно откликнуться на призыв Академии продолжать поддержку и, по возможности, увеличивать их финансовые взносы, чтобы позволить ей осуществлять свою деятельность, в частности мероприятия, касающиеся летних курсов, региональных курсов и программ Научно-исследовательского центра по вопросам международного права и международных отношений;

17. *приветствует* усилия Отдела кодификации по активизации и проведению региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву в качестве одного из важных видов учебной деятельности;

18. *выражает признательность* Эфиопии за проведение в 2013 году региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву, а Таиланду за согласие провести у себя в стране эти курсы в 2013 году; Таиланду, Уругваю и Эфиопии – за согласие провести у себя в стране в 2014 и 2015 годах региональные курсы Организации Объединенных Наций по международному праву для Азии и Тихого океана, Латинской Америки и Карибского бассейна (впервые почти за 10 лет) и Африки и выражает также признательность Коста-Рике за ее готовность провести у себя в стране эти региональные курсы в 2015 году;

19. *выражает признательность* Африканскому союзу за ценный вклад, который он продолжает вносить в организацию региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки и благодаря которому участники имеют возможность посещать эти региональные курсы и участвовать в них, а также присутствовать на лекциях в Африканском союзе;

20. *вновь призывает* Отдел кодификации сотрудничать с Африканским институтом международного права, позволяющим получать высшее образование и проводить исследования в

области международного права, необходимые для развития Африки, в осуществлении соответствующих мероприятий в рамках Программы помощи;

21. *просит Генерального* секретаря продолжать пропагандировать Программу помощи и периодически предлагать государствам-членам, университетам, благотворительным фондам и другим заинтересованным национальным и международным учреждениям и организациям, а также частным лицам делать добровольные взносы для финансирования Программы или каким-либо иным образом оказывать помощь в ее осуществлении и возможном расширении;

22. *вновь обращается с просьбой* к государствам-членам и заинтересованным организациям, учреждениям и частным лицам делать добровольные взносы, в частности для финансирования Программы стипендий в области международного права и Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву;

23. *настоятельно призывает*, в частности, все государства-члены и заинтересованные организации, учреждения и частных лиц делать добровольные взносы в поддержку организуемых Отделом кодификации региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву в качестве важного дополнения к Программе стипендий в области международного права, облегчая тем самым бремя потенциальных принимающих стран и обеспечивая возможность проведения региональных курсов на регулярной основе;

24. *выражает признательность* тем государствам-членам, которые сделали добровольные взносы в поддержку Программы помощи;

25. *просит Генерального* секретаря представить Генеральной Ассамблее на ее шестьдесят девятой сессии доклад об осуществлении Программы помощи в 2014 году и после консультаций с Консультативным комитетом по Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права представить рекомендации относительно Программы в последующие годы;

26. *делает вывод* о том, что добровольные взносы не показали себя адекватным методом финансирования мероприятий по Программе помощи, указанных в докладе Генерального секретаря и резолюции 67/91 Генеральной Ассамблеи, в частности региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву и Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, и что поэтому необходимо обеспечить более надежное финансирование этих мероприятий с учетом вывода Консультативного комитета, сделанного на его сорок восьмой сессии;

27. *постановляет* включить в предварительную повестку дня своей шестьдесят девятой сессии пункт, озаглавленный «Программа помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права».

68-е пленарное заседание,
16 декабря 2013 года

Report of the UN Secretary-General «United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law»

Summary

The present report is submitted pursuant to General Assembly resolution 67/91. It covers the implementation of the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law in 2013, as well as guidelines and recommendations for the implementation of the Programme of Assistance for the biennium 2014-2015 and administrative and financial implications.

Contents

I. Introduction
II. Implementation of the Programme of Assistance during 2013
A. International Law Fellowship Programme
B. Regional Courses in International Law
C. International law training materials
D. United Nations Audiovisual Library of International Law
E. Desktop publishing
F. Dissemination
III. Guidelines and recommendations regarding the implementation of the Programme of Assistance for the biennium 2014-2015
IV. Administrative and financial implications of the Programme of Assistance
A. During 2013
B. During the biennium 2014-2015
V. Advisory Committee on the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law
A. Membership
B. Consideration of the report of the Secretary-General by the Advisory Committee at its forty-eighth session
Annex
Websites maintained by the Codification Division

I. Introduction

1. By its resolution 67/91, the General Assembly authorized the Secretary-General to carry out, in 2013, the activities specified in the reports on the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law (A/66/505 and A/67/518), submitted at its sixty sixth and sixty-seventh sessions. In paragraph 25 of the same resolution, the Assembly requested the Secretary-General to report at its sixty-eighth session on the implementation of the Programme of Assistance in 2013 and, following consultations with the Advisory Committee on the Programme of Assistance, to submit recommendations regarding the implementation of the Programme of Assistance in subsequent years.

2. The present report provides information concerning the implementation of the Programme of Assistance in 2013, as well as activities planned for 2014-2015 and administrative and financial implications.

II. Implementation of the Programme of Assistance during 2013

3. The Codification Division is responsible for the implementation of the Programme of Assistance. The Division performs various functions, such as preparing reports of the Secretary-

General and providing services to the Advisory Committee and the Sixth Committee on the related agenda item. It also maintains the website on the Programme of Assistance.

IV. International Law Fellowship Programme

4. The International Law Fellowship Programme provides the most comprehensive international law training by leading scholars and practitioners for lawyers from developing countries and countries with emerging economies under the Programme of Assistance. The fellows attend the Public International Law session at The Hague Academy of International Law and seminars organized by the Codification Division on a broad range of subjects relating to international law. Study visits are also arranged for the participants.

5. The International Law Fellowship Programme was held in The Hague from 24 June to 2 August 2013. A total of 20 fellows (11 men and 9 women) as well as one self-funded participant (one man) were selected for the Programme.

6. The Hague Academy lectures included: «National boundaries, limits and delimitations: how significant are these today?» (L.Caflisch, Honorary Professor, Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva, Member of the International Law Commission); «The course of international law. Practice and process of the law of nations» (General Course) (J.Crawford, Professor, University of Cambridge, former Member of the International Law Commission); 2The international law of global governance» (E.Benvenisti, Professor, Tel Aviv University); «What normativity for the law of international monetary and financial relations?» (J.-M. Sorel, Professor, University of Paris I (Panthéon-Sorbonne)); «Article 103 of the United Nations Charter» (R.Kolb, Professor, University of Geneva); «The role of domestic judges in the development of international law» (A.Wyrozumska, Professor, University of Lodz); «The law of nationality and the law of regional organizations for integration: towards new types of status for residents?» (B.Nascimbene, Professor, University of Milan); and «The protection of individuals in the event of catastrophes» (K.G. Park, Professor, Korea University School of Law, Member of the International Law Commission).

7. The seminars organized by the Codification Division included (in chronological order): «Introduction to international law» (E.Roucounas, Professor, University of Athens); «Recognition of States and governments» and «Diplomatic protection» (J.Dugard, Professor, Leiden University, former Member of the International Law Commission); «Law of treaties» (A.Aust, London School of Economics, former Deputy Legal Adviser of the Foreign and Commonwealth Office of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland); «International human rights law (Latin America)» (A.A. Cançado Trindade, Judge, International Court of Justice, former President of the Inter-American Court of Human Rights); «International humanitarian law» (Y.Sandoz, Professor, University of Fribourg); «International human rights law» (M.Milanovic, University of Nottingham School of Law); «International criminal law» (A.Zimmermann, Professor, University of Potsdam); «Work of the International Law Commission» (L.Caflisch, Honorary Professor, Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva, Member of the International Law Commission); «State responsibility» (B.Simma, Judge, Iran-United States Claims Tribunal, Professor, University of Michigan Law School, former Judge of the International Court of Justice); «Law of the sea» (T.Treves, Professor, University of Milan, former Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea); «International environmental law» (L.Boisson de Chazournes, Professor, University of Geneva); «International trade law», «International investment law» and «Sources of international law» (M.M. Mbengue, Professor, University of Geneva); and «International organizations» and «Diplomatic and consular relations» (P.Bodeau-Livinec, Professor, University of Paris VIII (Vincennes Saint-Denis)).

8. Study visits with briefings by senior officials were arranged for the participants at the International Court of Justice, the International Criminal Court and the Permanent Court of Arbitration.

B. Regional Courses in International Law

9. The Regional Courses in International Law provide high-quality training by leading scholars and practitioners on a broad range of core subjects of international law as well as specific subjects of particular interest to the countries in a given region. The courses provide an important mechanism for expanding the international law training opportunities available to lawyers from developing countries given the limited number of participants who can be accommodated in the International Law Fellowship Programme. The courses also provide participants with an opportunity to focus on contemporary issues of international law of common interest to the region, with a view to promoting greater understanding and cooperation on such issues.

(i) Africa

10. The Regional Course in International Law for Africa was held at the United Nations Economic Commission for Africa in Addis Ababa, Ethiopia, from 1 to 26 April 2013. A total of 29 participants and 1 observer (15 men and 15 women) attended the course, including 20 fellowship participants and 10 self-funded participants.

11. The seminars for the Regional Course included (in chronological order): «Introduction to international law» (G.Nolte, Professor, Humboldt University, Member of the International Law Commission); «Research in international law» (D. Stewart, Associate Legal Officer, Codification Division, United Nations Office of Legal Affairs); «International humanitarian law» and «International criminal law» (K.Riordan, Director General of Defence Legal Services for the New Zealand Defence Force); «Law of the sea» (T.Treves, Professor, University of Milan, former Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea); «Peaceful settlement of disputes» and «Codification and progressive development of international law: the work of the International Law Commission» (L.Caflisch, Honorary Professor, Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva, Chairman of the International Law Commission); «State responsibility», «Diplomatic protection» and «International organizations» (E.de Wet, Professor and Co-Director of the Institute for International and Comparative Law in Africa, University of Pretoria); «International trade law» (M.M. Mbengue, Professor, University of Geneva); «The work of the African Union Commission on International Law» (A.Kilangi, Dean of the Faculty of Law, St. Augustine University of Tanzania, President of the African Union Commission on International Law); «International human rights law» (F.Viljoen, Professor and Director of the Centre for Human Rights, University of Pretoria); «International environmental law» (G.Handl, Professor, Tulane University Law School); «Self-determination in international law» and «Africa and international law in the twenty-first century» (A.Yusuf, Judge, International Court of Justice); and «International investment law» (J.Donoghue, Judge, International Court of Justice). In addition, Judge A.G. Koroma (former Judge of the International Court of Justice) gave a briefing to the participants.

12. A study visit was organized to the African Union during which the participants received briefings by African Union officials on the organization and its legal framework, including human and peoples' rights as well as peace and security. In addition, Ambassador M. Getahun (Member of the African Union Commission on International Law) gave a briefing on internally displaced persons.

(ii) Asia-Pacific

13. The Regional Course in International Law for Asia-Pacific was held in Bangkok, Thailand, from 12 to 30 November 2012. A total of 26 participants (12 men and 14 women) attended the course, including 15 fellowship participants and 11 self-funded participants.

14. The seminars included (in chronological order): «Peaceful settlement of international disputes» and «Diplomatic protection» (L.Caflisch, Honorary Professor, Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva, Chairman of the International Law Commission); «Introduction to international law», «State jurisdiction and immunities» and «State responsibility» (M.Kawano, Professor, Waseda University); «Law of treaties», «Research in international law» and

«International organizations» (P.Bodeau-Livinec, Professor, University of Paris VIII (Vincennes Saint-Denis)); «The International Court of Justice» (D.Nanopoulos, Legal Officer, Codification Division, United Nations Office of Legal Affairs); «International human rights law» (M.Pinto, Professor, University of Buenos Aires); «Law of the sea» (T.Treves, Professor, University of Milan, former Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea); «International humanitarian law» and «International criminal law» (K.Riordan, Director General of Defence Legal Services for the New Zealand Defence Force); «International trade law» (M.M. Mbengue, Professor, University of Geneva); and «International environmental law» (S.McCaffrey, Professor, University of the Pacific, former Member of the International Law Commission).

15. The Regional Course in International Law for Asia-Pacific was scheduled to be held for the second consecutive year in Thailand from 4 to 29 November 2013. This course was cancelled due to lack of funding from the regular budget or voluntary contributions.

16. The following lectures had been arranged: «Introduction to international law» (A.Pellet, Professor, Université Paris Ouest, Nanterre/La Défense, former Member of the International Law Commission); «Law of treaties» (A.Aust, London School of Economics, former Deputy Legal Adviser of the Foreign and Commonwealth Office of the United Kingdom); «Peaceful settlement of international disputes» and «The work of the International Law Commission» (L.Caflisch, Honorary Professor, Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva, Member of the International Law Commission); «Law of the sea» (T.Treves, Professor, University of Milan, former Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea); «Recognition of States and governments», «State immunities» and «Diplomatic protection» (J.Dugard, Professor, Leiden University, former Member of the International Law Commission); «International environmental law» (L.Boisson de Chazournes, Professor, University of Geneva); «International human rights law» (V.Muntarbhorn, Professor, Chulalongkorn University, former Special Rapporteur on the sale of children, child prostitution and child pornography); «International humanitarian law» and «International criminal law» (K.Riordan, Director General of Defence Legal Services for the New Zealand Defence Force); «International arbitration» (B.Daly, Deputy Secretary-General and Principal Legal Counsel, Permanent Court of Arbitration); «International law and territorial disputes» and «Jus cogens at the International Court of Justice» (S.Yee, Professor, Wuhan University Institute of International Law); «International trade law» and «International investment law (M.M. Mbengue, Professor, University of Geneva); and «International organizations» and «Diplomatic and consular relations» (P.Bodeau-Livinec, Professor, University of Paris VIII (Vincennes Saint-Denis)).

17. Participants had been selected from the following countries: Afghanistan, Bangladesh, Bhutan, Brunei Darussalam, China, Democratic People's Republic of Korea, Fiji, India, Indonesia, Iran (Islamic Republic of), Lao People's Democratic Republic, Maldives, Marshall Islands, Myanmar, Nepal, Oman, Philippines, Singapore, Sri Lanka, Tajikistan, Thailand, Uzbekistan and Viet Nam.

18. Study materials had also been prepared for this course.

(iii) Latin America and the Caribbean

19. There has been no Regional Course in International Law for Latin America and the Caribbean since 2004 due to the absence of a host country and insufficient funding. The United Nations and the Government of Uruguay concluded a host country agreement in 2013 for the organization of the Regional Course in International Law for Latin America and the Caribbean.

(iv) Permanent venues for Regional Courses in International Law

20. Due to the increase in the demand for international law training, the Codification Division has considered identifying permanent venues for the Regional Courses in International Law in order to facilitate the organization of these courses on a regular basis in Africa, Asia-Pacific, and Latin America and the Caribbean. These permanent venues would provide enhanced efficiency, cost savings and greater certainty with respect to the Regional Courses without precluding the possibility of holding such a course at another location.

21. Three Regional Courses in International Law for Africa were conducted in Ethiopia in 2011, 2012 and 2013. Ethiopia would provide a suitable venue for the Regional Course for Africa in 2014 and in 2015 if there is sufficient funding for these courses.

22. Three Regional Courses in International Law for Asia-Pacific were conducted in Thailand in 1986, 2005 and 2012 and an additional course planned for 2013 was cancelled due to a lack of funding. Thailand would provide a suitable venue for the Regional Course for Asia-Pacific in 2014 and in 2015 if there is sufficient funding for these courses.

C. International law training materials

23. The Codification Division researches and collects legal materials in consultation with the lecturers for its international law training programmes. The Division utilizes desktop publishing for the technical preparation of training materials in hard copy. In addition, CD-ROMs and USB flash drives containing the training materials, legal publications of the Division and other international law materials are provided to facilitate electronic research for participants in developing countries with limited access to the Internet.

D. United Nations Audiovisual Library of International Law

24. Traditional training courses offer unique advantages in terms of promoting in depth discussions, interaction and cooperation among participants. In response to the increasing demand for international law training which could not be met solely by its traditional training courses, the Codification Division created the United Nations Audiovisual Library of International Law. The Audiovisual Library gives the United Nations the capacity to provide high-quality training to an unlimited number of individuals and institutions in countries around the world free of charge via the Internet at a relatively low cost.

25. The Audiovisual Library is a virtual training and research centre with more than 300 leading international law scholars, judges and practitioners from different countries and legal systems who contribute to its three pillars, namely, the Lecture Series, the Historic Archives and the Research Library. The Lecture Series contains almost 300 lectures on a broad range of subjects of international law, including 20 new lectures recorded in Addis Ababa, London, New York and The Hague. In response to requests for more lectures in French for government lawyers and teachers in Africa, 25 new lectures were recorded in Brussels, Geneva and Paris. The Historic Archives contains introductory notes by leading authorities, as well as procedural histories, related documents and archival audiovisual materials prepared by the Codification Division, on almost 100 legal instruments, with materials added for 26 new legal instruments. The Research Library provides an extensive online library consisting of treaties, jurisprudence, publications, documents and scholarly writings, including a new section for training materials as well as additional legal publications and law journals. In addition, the Codification Division created a new, more user-friendly website for the Audiovisual Library, which was launched on 7 October 2013. The new website also facilitates access to materials in the various official languages of the Organization and allows the viewing of audiovisual materials on mobile devices.

26. The Audiovisual Library has been accessed by almost 1 million individuals and institutions in 193 Member States, including 520,000 new users since last October. The Audiovisual Library was created primarily for the benefit of lawyers in developing countries. However, it has been accessed primarily by lawyers in developed countries. The limited number of users in developing countries is in part due to a lack of awareness of this resource and in part to the technology gap in terms of limited access to computers, electricity and reliable high-speed Internet.

27. In an effort to promote greater awareness of the Audiovisual Library, the Codification Division gave Audiovisual Library presentations at the Regional Courses in International Law in Thailand and Ethiopia, the African Union Forum on International and African Union Law in Ethiopia, the International Association of Law Schools Annual Meeting in India, as well as at the International Law Fellowship Programme in the Netherlands.

28 .In addition, the Codification Division provided a collection of lectures on DVDs to the National Law School of Lesotho which had difficulty accessing these lectures via the Internet. The Codification Division is exploring the possibility of making lectures available on DVDs to other law schools or institutions in developing countries upon request, depending on available resources.

E. Desktop publishing

29. In 2013, the Codification Division performed all pre-press services utilizing desktop publishing to ensure the timely issuance of the following publications:

(a) *United Nations Juridical Yearbook 2012* (English version);

(b) *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XXX (English/French)

(c) *Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice* (2008-2012) (English and French versions);

(d) *Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the Permanent Court of International Justice* (French version).

F. Dissemination

30. The dissemination of legal publications and information through the Internet, as well as other electronic media, is intended to supplement the limited number of hard copies, without prejudice to the unique value of printed materials for legal research and education, in particular for lawyers in developing countries with limited access to the Internet. These materials are provided free of charge on the Internet to promote the teaching, study, dissemination and wider appreciation of international law.

Distribution of United Nations legal publications

31. The distribution of copies of United Nations legal publications to depositary libraries and institutions in developing countries was discontinued on 8 November 2012 pursuant to a decision by the Department for General Assembly and Conference Management.

32. In 2013, the Codification Division provided legal publications and training materials, upon request, to the African Union Library in Ethiopia as well as academic and other training institutes in developing countries that have limited or no access to such materials via the Internet, namely, Cameroon, Côte d'Ivoire, Lesotho and South Sudan.

III. Guidelines and recommendations regarding the implementation of the Programme of Assistance for the biennium 2014-2015

33. The paragraphs below contain the recommendations requested by the General Assembly in paragraph 25 of its resolution 67/91.

34. The Codification Division plans to conduct the following training courses if it receives the necessary resources.

International Law Fellowship Programme

35. *International Law Fellowship Programme*: for a period of six weeks for 30 participants, including a minimum of 20 fellowship participants and additional self-funded participants in 2014 and in 2015. The Codification Division will continue to perform all tasks relating to the organization and administration of the Fellowship Programme as long as it has the necessary resources.

Regional Courses in International Law

36. *Regional Course in International Law for Africa*: for a period of four weeks for 30 participants, including a minimum of 20 fellowship participants and additional self-funded participants in 2014 and in 2015 in Ethiopia.

37. *Regional Course in International Law for Asia-Pacific*: for a period of four weeks for 30 participants, including a minimum of 20 fellowship participants and additional self-funded participants in 2014 and in 2015 in Thailand.

38. *Regional Course in International Law for Latin America and the Caribbean*: for a period of four weeks for 30 participants, including a minimum of 20 fellowship participants and additional self-funded participants in 2014 and in 2015. This course is subject to the conclusion of a host country agreement.

39. Guidelines contained in the relevant General Assembly resolutions would be followed, in particular regarding the desirability of using, as far as possible, the resources (financial and in-kind) and facilities made available by Member States, international and regional organizations, academic institutions, individuals and others, and taking into account the need, in appointing highly qualified lecturers for the fellowship programmes, to ensure representation of the major legal systems and balance among various geographical regions, bearing in mind financial constraints. Every effort would be made to maintain the high quality of these training courses by inviting such lecturers and by including the main substantive areas of international law in the curriculum.

United Nations Audiovisual Library of International Law

40. The Codification Division plans to continue and further develop the Audiovisual Library if it receives the necessary resources. The Codification Division would record 50 new lectures for the Lecture Series, prepare new legal and audiovisual materials for 35 legal instruments for the Historic Archives, and add new legal materials to the Research Library. It would also submit the new legal materials for the Historic Archives and the Lecture Series for translation in all official languages of the Organization (400 pages in total). Ten presentations of the Audiovisual Library would be prepared and given to increase dissemination, particularly among lawyers in developing countries. Storage space for audiovisual materials would need to be acquired. DVDs of lectures may also be provided to academic institutions in developing countries depending on resources.

Desktop publishing

41. In 2014-2015, the Codification Division plans to prepare:

(a) *United Nations Juridical Yearbook 2013 and 2014* (600 pages per edition), pursuant to General Assembly resolutions 1814 (XVII) and 3006 (XXVII);

(b) *United Nations Legislative Series, Materials on the Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts* (2nd ed.), vol. 28 (600 pages), pursuant to resolution 67/91;

(c) *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XXXI (600 pages), pursuant to resolutions 487 (V) and 67/91; and

(d) *Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice* (2013-2017) (advance translations of 400 pages), pursuant to resolutions 46/50 and 67/91.

42. If the General Assembly so decides, the Codification Division would also prepare the following legal publications:

(a) *United Nations Juridical Yearbook: Special Edition* containing select legal opinions from 1945 to 1962 (600 pages); and

(b) *Handbook on International Law* (500 pages).

All publications would include CD-ROMs or flash drives

43. The Codification Division would continue to perform all pre-press services using desktop publishing for the legal publications listed above, as well as training materials, on a voluntary basis as long as it has the resources (staff and necessary materials) to do so.

Dissemination

44. The Codification Division would continue to distribute hard copies of its legal publications and training materials for participants at its training courses and to institutions in developing countries

upon request if it has the necessary hard copies as well as the resources to cover handling and shipping.

IV. Administrative and financial implications of the Programme of Assistance During 2013

45. Concerning the funding provided for the International Law Fellowship Programme and Regional Courses in International Law, a total of $437,500 was included in the regular budget under section 8 (Legal affairs), subprogramme 3 (Progressive development and codification of international law) (grants and contributions), of the programme budget for the biennium 2012-2013.

46. In its resolution 67/91, the General Assembly reiterated its request to Member States and interested organizations, institutions and individuals, to make voluntary contributions towards the financing of activities under the Programme. Accordingly, on 21 January 2013, a note verbale was sent to Member States to draw their attention to resolution 67/91.

47. Since the previous report, a voluntary contribution has been received for the Programme of Assistance from Panama ($1,500). Voluntary contributions have also been received for specific Programme activities: (a) for the Audiovisual Library from China ($20,000), Germany ($39,683), Ireland ($9,000), Italy ($5,000), Mexico ($10,000), the Netherlands ($32,982), Norway ($26,958), Switzerland ($25,000) and the United Kingdom ($7,500); (b) for the International Law Fellowship Programme from Ireland ($3,500); and (c) for the regional courses from China ($40,000), Saudi Arabia ($10,000) and the African Union ($50,000).

48. In addition, the United Nations and the African Union concluded a Memorandum of Understanding in which the African Union, subject to its budgetary resources, undertakes to continue to contribute to the cost of future Regional Courses in International Law for Africa of an amount of funds specifically earmarked for that purpose in its budget.

49. The Codification Division also continued to invite States, universities, institutions and organizations, as well as individuals to contribute to and assist in the implementation of the Programme of Assistance.

50. With regard to the *International Law Fellowship Programme*, the Registry of the International Court of Justice provided offices and related equipment for staff of the Codification Division and lecturers, as well as essential administrative and logistical support for the Programme. The Hague Academy of International Law provided a reduced tuition rate for the fellows. The Carnegie Foundation provided a seminar room as well as related equipment for staff of the Codification Division and lecturers.

51. Concerning the *Regional Course in International Law for Africa*, the Economic Commission for Africa provided a seminar room, offices, equipment, transportation and administrative assistance for staff of the Codification Division and lecturers. The African Union organized a study visit to its headquarters. In addition, the University of Pretoria covered costs relating to the participation of twolecturers in the Regional Course and donated the publication *Compendium of Key Human Rights Documents of the African Union* to the participants of the Regional Course. Similarly, Cambridge University Press donated the publication Modern Treaty Law and Practice to the participants. The United Kingdom covered the shipping cost for this publication.

52. In relation to the *Regional Course in International Law for Asia-Pacific* in 2012, the Government of Thailand provided a seminar room, offices, equipment, lunches, local transportation and administrative assistance, as well as accommodation and additional meals for those receiving fellowships. The Economic and Social Commission for Asia and the Pacific also provided administrative support for this course.

53. In addition, publications were provided free of charge to the participants in the various training programmes by the: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, the United Nations Office on Drugs and Crime, the Department of Public Information, the International Criminal Court, the International Committee of the Red Cross and the Ministry of Foreign Affairs and Trade of New Zealand. Various entities, publishers and law journals granted permission to include

scholarly articles free of charge in the study materials prepared for the participants in the training programmes (see para. 23 above).

54. The Codification Division concluded a project document with the United Nations Fund for International Partnerships with regard to the organization of Regional Courses in International Law and the development of the Audiovisual Library of International Law.

55. Since the previous report, the following countries have made contributions for the Hamilton Shirley Amerasinghe Fellowship on the Law of the Sea: Ireland ($3,500), Monaco ($10,507) and Sri Lanka ($10,000).

B. During the biennium 2014-2015

56. In resolution 67/91, the General Assembly reiterated its request to the Secretary-General to provide to the programme budget for the biennium 2014-2015 the resources necessary for the Programme of Assistance to ensure the continued effectiveness and further development of the Programme, in particular the organization of Regional Courses in International Law on a regular basis and the viability of the Audiovisual Library.

57. With regard to the International Law Fellowship Programme and the Regional Courses in International Law, an amount of $458,000 is proposed in the programme budget for the biennium 2014-2015 under section 8 (Legal affairs), subprogramme 3 (Progressive development and codification of international law) (grants and contributions), assuming that the General Assembly approves the recommendations on those programmes.

International Law Fellowship Programme

58. The estimated cost for the International Law Fellowship Programme, based on 20 fellowship participants per year, is $406,000 for the biennium. The remaining $52,000 would be used to provide additional fellowships for the Programme or to cover part of the cost of conducting one of the Regional Courses in International Law.

Regional Course in International Law for Africa

59. The estimated direct cost for the Regional Courses for Africa based on 20 fellowship participants per year is $416,000 for the biennium. It is anticipated that approximately $100,000 of this estimate would be covered by voluntary contributions from the African Union.

Regional Course in International Law for Asia-Pacific

60. The estimated direct cost for the Regional Courses for Asia-Pacific based on 20 fellowship participants per year is $320,000 for the biennium. It is anticipated that the remaining costs would be covered by the host country.

Regional Course in International Law for Latin America and the Caribbean

61. The estimated direct cost for the Regional Courses for Latin America and the Caribbean based on 20 fellowship participants per year is $300,000 for the biennium. It is anticipated that the remaining costs would be covered by the host country.

United Nations Audiovisual Library of International Law

62. The following resources are required to maintain and develop the Audiovisual Library of International Law: two Professionals and one General Service staff. Currently, two Professionals (SSA consultants) and one General Service staff are funded by extrabudgetary resources. The fees and salaries for their services for the 2014-2015 biennium are estimated at $465,000. An additional $115,000 is estimated for costs relating to equipment, off-site recordings, and digitization of audiovisual material. The total estimated direct cost for this activity is $580,000 for the biennium based on the current temporary personnel arrangements.

Desktop publishing

63. As indicated in the proposed programme budget for the biennium 2014-2015 (A/68/6 (Sect. 8), table 8.6), the Codification Division would discontinue its desktop publishing for some legal publications if the General Service staff (Team Assistant) is abolished in the Division as has been proposed. In addition, desktop publishing would be discontinued if the Division does not receive the necessary materials.

Dissemination

64. As indicated above (para. 31), the distribution of copies of United Nations legal publications to depositary libraries and institutions in developing countries was discontinued in 2012.

65. The Codification Division would provide and ship legal publications and training materials for participants in its training programmes, as well as to academic institutions in developing countries upon request if it has the necessary hard copies as well as the resources to do so.

66. The Secretary-General will continue, if the General Assembly so decides, to request voluntary and in-kind contributions to the Programme. It is to be noted that the amount of voluntary contributions has significantly decreased in recent years and that the available resources are not sufficient to conduct any Regional Course in International Law or to further develop the Audiovisual Library in 2014-2015.

V. Advisory Committee on the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law

A. Membership

67. The General Assembly, by its resolution 66/97, appointed the following 25 Member States as members of the Advisory Committee for the period from 1 January 2012 to 31 December 2015: Argentina, Canada, Chile, Cyprus, Czech Republic, Ethiopia, France, Germany, Ghana, Iran (Islamic Republic of), Italy, Kenya, Lebanon, Malaysia, Mexico, Nigeria, Pakistan, Portugal, Russian Federation, Sudan, Suriname, Trinidad and Tobago, Ukraine, United Republic of Tanzania and United States of America.

B. Consideration of the report of the Secretary-General by the Advisory Committee at its forty-eighth session

68. The forty-eighth session, held on 8 and 10 October, was chaired by the Permanent Representative of Ghana, Ken Kanda.

69. Virginia Morris, Principal Legal Officer, Codification Division, acted as Secretary of the Advisory Committee; Hanna Dreifeldt Lainé, Legal Officer, Codification Division, acted as Assistant Secretary.

70. The following members of the Committee were present on 8 October: Argentina, Canada, Chile, Cyprus, Czech Republic, Germany, Ghana, Iran (Islamic Republic of), Italy, Kenya, Malaysia, Mexico, Nigeria, Pakistan, Portugal, Russian Federation, Suriname, Trinidad and Tobago, United Republic of Tanzania and United States. The Netherlands, Thailand and Uruguay attended the meeting as observers in their capacity as host countries for the training courses.

71. The following members of the Committee were present on 10 October: Argentina, Canada, Chile, Cyprus, Czech Republic, France, Germany, Ghana, Iran (Islamic Republic of), Malaysia, Mexico, Pakistan, Russian Federation, Trinidad and Tobago and United States. Uruguay attended the meeting as observer in its capacity as host country for the Regional Course.

72. The Secretary of the Advisory Committee made a statement in which she reviewed the activities conducted in 2013 and the efforts made by the Codification Division to strengthen, revitalize and expand the Programme of Assistance to continue to respond to the increasing demand for international law training and research materials in developing countries as well as developed countries.

73. The Advisory Committee commended the Codification Division on those activities, which were of great value to practitioners and academics in countries around the world, and on efforts to enhance those activities.

74. The Secretary of the Advisory Committee reviewed the financial and administrative aspects of the Programme, including issues relating to the regularbudget funding for the Programme and the significant decline in voluntary contributions. She noted that the resources available were not sufficient to conduct the Regional Courses in International Law or to further develop the Audiovisual Library. She also noted that the insufficient funding for those activities could result in their complete discontinuance.

75. In addition to referring to the activities of the Programme of Assistance mentioned in this report, many members of the Advisory Committee highlighted the need to provide funding from the regular budget also for the Amerasinghe Memorial Fellowship on the Law of the Sea, referred to in resolution 67/91, and also for the seminars and regional training on international treaty law and practice and for legal publications and training materials. The view was also expressed that the primary focus of the request for funding should be with respect to the Regional Courses in International Law and the Audiovisual Library by the Codification Division.

76. The Advisory Committee recognized the major contribution of the Programme to the teaching and dissemination of international law for the benefit of lawyers in all countries, legal systems and regions of the world for almost half a century, in addition to the increasing demand for international law training. The Committee further stressed the important role that Programme activities, particularly the United Nations Regional Courses in International Law and the United Nations Audiovisal Library of International Law, play in the furtherance of the Organization's rule of law programmes and activities.

77. The Advisory Committee recommended that the Secretary-General be requested to carry out in 2014-2015 the activities specified in the present report and in General Assembly resolution 67/91.

78. The Advisory Committee noted with concern the continued insufficient funding for the Programme of Assistance and concluded that voluntary contributions have not proven to be an adequate method for funding Programme activities specified in this report and in General Assembly resolution 67/91, in particular the Regional Courses and the Audiovisual Library, and that, consequently, there was a need to provide more reliable funding for those activities.

79. Consequently, the Advisory Committee recommended that the General Assembly reiterate its request to the Secretary-General, in accordance with General Assembly resolution 67/91, in particular operative paragraph 7 thereof, to provide to the programme budget for the biennium 2014-2015 the resources necessary for the Programme of Assistance to ensure the continued effectiveness and further development of the Programme, in particular the organization of United Nations Regional Courses in International Law on a regular basis and the viability of the United Nations Audiovisual Library of International Law.

Resolution adopted by the General Assembly
on 16 December 2013 № 68/110
«United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law»

The General Assembly,

Recalling its resolution 2099 (XX) of 20 December 1965, in which the General Assembly established the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law to contribute towards a better knowledge of international law as a means of strengthening international peace and security and promoting friendly relations and cooperation among States,

Reaffirming that the Programme of Assistance is a core activity of the United Nations and that it has provided the foundation for the efforts of the United Nations to promote a better knowledge of international law for nearly half a century,

Recognizing the major contribution of the Programme of Assistance to the teaching and dissemination of international law for the benefit of lawyers in all countries, legal systems and regions of the world for almost half a century,

Emphasizing the important contribution of the Programme of Assistance, in particular the United Nations Regional Courses in International Law and the United Nations Audiovisual Library of International Law, to the furtherance of United Nations rule of law programmes and activities,

Reaffirming that the increasing demand for international law training and dissemination activities creates new challenges for the Programme of Assistance,

Recognizing the importance of the Programme of Assistance effectively reaching its beneficiaries, including with regard to languages, while bearing in mind limitations on available resources,

Taking note with appreciation of the report of the Secretary-General on the implementation of the Programme of Assistance and the views of the Advisory Committee on the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law, which are contained in the report,

Noting with concern that the activities of the Programme of Assistance, in particular the organization of the United Nations Regional Courses in International Law on a regular basis and the further development of the United Nations Audiovisual Library of International Law, cannot be sustained with the resources available under the current or the proposed programme budget, notwithstanding its resolutions 64/113 of 16 December 2009, 65/25 of 6 December 2010, 66/97 of 9 December 2011 and 67/91 of 14 December 2012,

Noting with regret that the United Nations Regional Course in International Law for Asia-Pacific for 2013 was cancelled owing to insufficient funds and that no United Nations Regional Course in International Law for Latin America and the Caribbean has been held in almost a decade,

Considering that international law should occupy an appropriate place in the teaching of legal disciplines at all universities,

Convinced that States, international and regional organizations, universities and institutions should be encouraged to give further support to the Programme of Assistance and to increase their activities to promote the teaching, study, dissemination and wider appreciation of international law, in particular those activities which are of special benefit to persons from developing countries,

Reaffirming that in the conduct of the Programme of Assistance it would be desirable to use as far as possible the resources and facilities made available by Member States, international and regional organizations, universities, institutions and others,

Reaffirming also the hope that, in appointing highly qualified lecturers for the seminars to be held within the framework of the fellowship programmes in international law, account would be taken of the need to secure the representation of major legal systems and balance among various geographical regions,

1. *Approves* the guidelines and recommendations contained in section III of the report of the Secretary-General to the General Assembly at its sixty-eighth session, 1 in particular those designed to strengthen and revitalize the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law in response to the increasing demand for international law training and dissemination activities;

2. *Authorizes* the Secretary-General to carry out the activities specified in his report in 2014 and 2015;

3. *Also authorizes* the Secretary-General to award a minimum of one scholarship in 2014 and a minimum of one scholarship in 2015 under the Hamilton Shirley Amerasinghe Memorial Fellowship on the Law of the Sea;

4. *Further authorizes* the Secretary-General to continue and further develop the United Nations Audiovisual Library of International Law as a major contribution to the teaching and dissemination of international law around the world and to continue to finance this activity from provisions in the regular budget as well as, when necessary, from voluntary financial contributions, which would be received as a result of the requests set out in paragraphs 21 and 22 below;

5. *Expresses its appreciation* to the Secretary-General for the activities conducted under the Programme of Assistance and, in particular, for the efforts to strengthen, expand and enhance the international law training and dissemination activities within the framework of the Programme of Assistance in 2013;

6. *Requests* the Secretary-General to consider admitting, for participation in the various components of the Programme of Assistance, candidates from countries willing to bear the entire cost of such participation;

7. *Reiterates its request* to the Secretary-General in accordance with General Assembly resolution 67/91, in particular paragraph 7 thereof, to provide to the programme budget for the biennium 2014–2015 the resources necessary for the Programme of Assistance to ensure the continued effectiveness and further development of the Programme, in particular the organization of United Nations Regional Courses in International Law on a regular basis and the viability of the United Nations Audiovisual Library of International Law;

8. *Recognizes* the importance of the United Nations legal publications prepared by the Office of Legal Affairs of the Secretariat, and requests the Secretary-General to issue the publications referred to in his report in various formats, including hard copy publications, which are essential for developing countries;

9. *Notes with appreciation* the issuance of the Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice 2008-2012, volume XXX of the Reports of International Arbitral Awards and the United Nations Juridical Yearbook 2012;

10. *Reiterates its request* that the Secretary-General issue the next volume of the United Nations Legislative Series containing materials on the responsibility of States for internationally wrongful acts;

11. *Once again welcomes* the efforts undertaken by the Office of Legal Affairs to bring up to date the United Nations legal publications, commends, in particular, the Codification Division of the Office of Legal Affairs for its desktop publishing initiative, which has greatly enhanced the timely issuance of its legal publications and has made possible the preparation of legal training materials, and requests that the necessary materials be made available to ensure the continuation of this successful initiative;

12. *Encourages* the Office of Legal Affairs to continue to maintain and expand its websites listed in the annex to the report of the Secretary-General as an invaluable tool for the dissemination of international law materials as well as for advanced legal research;

13. *Encourages* the use of interns and research assistants for the preparation of materials for the United Nations Audiovisual Library of International Law;

14. *Commends* the Codification Division for the cost-saving measures undertaken with regard to the International Law Fellowship Programme to maintain the number of fellowships available for this comprehensive international law training programme;

15. *Expresses its appreciation* to the Hague Academy of International Law for the valuable contribution it continues to make to the Programme of Assistance, which has enabled candidates under the International Law Fellowship Programme to attend and participate in the Fellowship Programme in conjunction with courses at the Academy;

16. *Notes with appreciation* the contributions of the Hague Academy to the teaching, study, dissemination and wider appreciation of international law, and calls upon Member States and interested organizations to give favourable consideration to the appeal of the Academy for a continuation of support and a possible increase in their financial contributions, to enable the Academy to carry out its activities, particularly those relating to the summer courses, regional courses and programmes of the Centre for Studies and Research in International Law and International Relations;

17. *Welcomes* the efforts of the Codification Division to revitalize and conduct United Nations Regional Courses in International Law as an important training activity;

18. *Expresses its appreciation* to Ethiopia for hosting and to Thailand for agreeing to host the United Nations Regional Courses in International Law in 2013 and to Ethiopia, Thailand and Uruguay for agreeing to host the United Nations Regional Courses in International Law for Africa, for Asia-Pacific and, for the first time in almost a decade, for Latin America and the Caribbean in 2014 and 2015, and also expresses its appreciation to Costa Rica for its willingness to host this regional course in 2015;

19. *Expresses its appreciation* to the African Union for the valuable contribution it continues to make to the United Nations Regional Course in International Law for Africa, which has enabled participants to attend and participate in the Regional Course and the lectures at the African Union;

20. *Once again encourages* the Codification Division to cooperate with the African Institute of International Law, dedicated to offering higher learning and research in international law needed for the development of Africa, in the implementation of the relevant activities under the Programme of Assistance;

21. *Requests* the Secretary-General to continue to publicize the Programme of Assistance and periodically to invite Member States, universities, philanthropic foundations and other interested national and international institutions and organizations, as well as individuals, to make voluntary contributions towards the financing of the Programme or otherwise to assist in its implementation and possible expansion;

22. *Reiterates its request* to Member States and interested organizations, institutions and individuals to make voluntary contributions, inter alia, for the International Law Fellowship Programme and the United Nations Audiovisual Library of International Law;

23. *Urges,* in particular, all Member States and interested organizations, institutions and individuals to make voluntary contributions for the United Nations Regional Courses in International Law organized by the Codification Division as an important complement to the International Law Fellowship Programme, thus alleviating the burden on prospective host countries and making it possible to conduct the Regional Courses on a regular basis;

24. *Expresses its appreciation* to those Member States that have made voluntary contributions to support the Programme of Assistance;

25. *Requests* the Secretary-General to report to the General Assembly at its sixty-ninth session on the implementation of the Programme of Assistance in 2014 and, following consultations with the Advisory Committee on the United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law, to submit recommendations regarding the Programme in subsequent years;

26. *Concludes* that voluntary contributions have not proven to be an adequate method for funding activities of the Programme of Assistance specified in the report of the Secretary-General and in General Assembly resolution 67/91, in particular the United Nations Regional Courses in International Law and the United Nations Audiovisual Library of International Law, and that, consequently, there is a need to provide more reliable funding for those activities, taking into account the conclusion of the Advisory Committee at its forty-eighth session;

27. *Decides* to include in the provisional agenda of its sixty-ninth session the item entitled «United Nations Programme of Assistance in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law».

68th plenary meeting
16 December 2013

НОВАЯ ТЕМА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СИТУАЦИЯ В КОТ-Д'ИВУАРЕ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Беседа главного редактора КЖМПиМО с пресс-секретарем президента Республики Кот-д'Ивуар Лорана Гбагбо господином **Туссеном Алэном**

*Interview a *Kazan Revue de droit et relations internationales* par le Porte-Parole du Président de la République de Côte-d'Ivoire Laurent Gbagbo M. **Toussaint Alain**

***Alexander Mezyaev,** The Critical Analysis of the ICC Decision on the Confirmation of Charges in the Case «Prosecutor v. Laurent Gbagbo»

***Onana C.,** Sarkozy et le coup d'état contre Gbagbo

***Onana C.,** Sarkozy and the coup against Gbagbo

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА КЖМПиМО С ПРЕСС-СЕКРЕТАРЕМ И СОВЕТНИКОМ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КОТ-Д'ИВУАР ЛОРАНА ГБАГБО ГОСПОДИНОМ ТУССЕНОМ АЛЭНОМ

Главный редактор «Казанского журнала международного права и международных отношений» А.Мезяев встретился с пресс-секретарем и советником президента Республики Кот-д`Ивуар Лорана Гбагбо (находящегося в настоящее время в тюрьме Международного уголовного суда) господином Туссеном Алэном.

А.Мезяев: Господин Алэн, что произошло в Республике Кот-д`Ивуар в 2011 году?

Туссен Алэн: 11 апреля 2011 года французская армия арестовала президента Лорана Гбагбо после двухнедельной бомбардировки его резиденции. Затем он был арестован и выдан повстанческим силам Алассана Уаттары. Это продолжается уже более 10 лет: борьба политического и военного повстанческого движения была поддержана Францией. Все, что произошло с декабря 2010 по апрель 2011 гг., представлено как завершение постэлекторального кризиса. На самом деле в реальности это повстанческое движение, начатое 19 декабря 2002 года повстанцами, которыми руководил Алассан Уаттара. Его целью был захват власти в Кот-д`Ивуаре.

На самом деле это является началом новой колонизации нашей страны Францией. В апреле 2011 года именно французская армия убила несколько тысяч мирных жителей. Были разбомблены президентский дворец, университеты, госпитали, казармы ивуарийской армии, которые и были целью атак французской армии. Все это было представлено мировой общественности как просто «выборные разборки». На самом деле это настоящий путч. Президент Лоран Гбагбо во имя защиты суверенитета страны и народного суверенитета, во имя независимости нашей страны отказался от этого «продвижения демократии», которая была заранее предустановлена Францией, Соединенными Штатами Америки и Европейским Союзом.

А.М.: Вы сказали, что в этом государственном перевороте участвовали французские войска, но официально в нем участвовали миротворческие войска ООН. Какие все же конкретные силы участвовали в путче?

Туссен Алэн: Для захвата власти А.Уаттара в сентябре 2002 года призвал ряд различных сил. 19 декабря 2002 года, перед тем как совершить нападение на Кот-д`Ивуар, Уаттара призвал наемников из соседних стран, из западной Африки, в частности из Нигерии, Мали, Буркина Фасо, Либерии, Сенегала. И все эти силы были ядром повстанцев Уаттары. В течение 10 лет, до президентских выборов 2010 года, для захвата города Абиджана и контроля власти Уаттара нанял порядка 20 тысяч наемников, которые пришли из Нигерии и остальных стран, которые мы уже назвали, и эти наемники были активно поддержаны французской армией, активно участвовавшей в военных операциях. Французское правительство использовало резолюции ООН, чтобы непосредственно участвовать в ивуарийском кризисе. Это были французские и американские солдаты, а также солдаты ООН, которые принимали прямое участие, нападали на государственные органы власти и несколько недель бомбили президентский дворец Л.Гбагбо. На их вертолетах транспортировались наемники Уаттары, чтобы их высадить в тех или иных местах города, для того чтобы сторонники президента Гбагбо не пошли лично защищать президентский дворец, чтобы они не смогли создать человеческий щит вокруг резиденции президента Л.Гбагбо. Французские солдаты лично бомбили и убили около 2-х тысяч мирных жителей, которые находились рядом с резиденцией президента. Эта реальность, о которой я в открытую и с уверенностью говорю. Было прямое участие французских вооруженных сил во время столкновений на земле и в воздухе.

А.М.: Господин Алэн, в Ваших интервью во Франции Вы пытались говорить о наемниках европейских внешних сил. Ведущие в некоторых случаях не давали вам говорить, в некоторых случаях делали вид, что им скучно это слушать. Не могли бы Вы подробнее рассказать о роли именно европейских наемников?

Туссен Алэн: Европейские наемники были наняты А.Уаттарой в прямой связи с французской армией, они принимали активное участие во время столкновений в Абиджане и внутри страны. Они принимали прямое участие в военных действиях. И в момент этих действий я имел доступ к информации ивуарийской армии, которая подтверждала, что действительно были наемники европейской внешности, в частности французы, это было не в первый раз тогда, в Абиджане, когда мы обратили на это внимание. На западе страны во время продвижения войск А.Уаттары мы имели четкие доказательства не только того, что французская армия принимает прямое участие в боевых действиях, но и того, что действительно были наемники-французы, которые воевали на стороне повстанцев.

А.М.: Господин Алэн, какие юридические аспекты этой ситуации Вы могли бы выделить в начатой простив Вашей страны агрессии?

***Туссен Алэн*:** Ивуарийский кризис показал, что для представителей Запада конституция африканской страны не имеет никакой ценности. С одной стороны, президент Л.Гбагбо действительно выиграл президентские выборы. Конституционный совет объявил его победителем в выборах, и он даже принял присягу. Однако независимо от всех этих конституционных факторов Франция, США и Европейский Союз совместно с теми африканским государствами, которые следуют указаниям Запада, помешали нашим институтам действовать по закону. Они привели к власти А.Уаттару. Он взял власть нелегитимным и неконституционным способом. Он пришел к власти благодаря французскому оружию, можно сказать на французском танке. Для нас это не та власть, которая является народным выбором. Это также касается международного права. Имеет ли резолюция Совета Безопасности ООН высшее право лишать независимости суверенное государство? Может ли решение, принятое группой западных стран под прикрытием ООН, быть выше закона суверенного государства? Потому что точка отправления этого насилия против Кот-д`Ивуара – это резолюция, принятая Советом Безопасности под дав-

лением Франции и США. Это насилие, поддержанное ООН, которое спровоцировало падение и арест президента Гбагбо. Государственное насилие во имя международного права с уже заранее принятой позиции создало хаос в Кот-д`Ивуаре. Все, что произошло в моей стране, не имеет соответствия ни с одной нормой международного права, не имеет никакого отношения к закону. Это настоящий путч.

А.М.: Господин Алэн, не могли бы Вы рассказать о той роли, которую сыграл Африканский союз вокруг ситуации в Кот-д`Ивуаре?

Туссен Алэн: Я очень сожалею о том, что нужно упомянуть Африканский Союз и ту роль, континентального значения, которую он смог сыграть в ивуарийском кризисе. Знаете ли вы, что более 90% этой организации финансируется европейскими фондами. У нас есть поговорка: «Рука, которая дает, она и приказывает». В случае с ивуарийским кризисом Африканский Союз повел себя как орган, полностью зависимый от западных стран. Уже в декабре 2010 года, когда начался ивуарийский кризис, после объявления результатов выборов Европейский Союз провел срочную встречу в Брюсселе, после которой был сделан запрос о том, чтобы президент Л.Гбагбо передал власть А.Уаттаре, которого Европейский Союз и «мировое сообщество» признали единственным легитимным президентом. И вся африканская дипломатия под эгидой Африканского Союза в открытую позиционировала себя как зависимую от желаний европейцев. Не было африканского решения этого кризиса. Африканский Союз тоже участвовал в кризисе, в нарушение суверенитета Кот-д'Ивуара, в пользу Европейского Союза, который финансирует эту организацию. Африканским лидерам не хватило смелости сказать «нет» Франции и другим западным странам, объяснить им, что после 50 лет независимости Африка способна сама решать свои проблемы. Африканский Союз не занял правильную позицию, тем самым дав Франции полную свободу действий. В январе 2011 года у меня были рабочие встречи с президентом группы юристов Африканского Союза, мы три раза встречались в Париже, в том числе с одной сотрудницей президента Л.Гбагбо, мы вместе работали над планом решения кризиса. Этот проект был передан бывшему президенту Африканского Союза Жану Пингу, который поддержал проект по выходу из кризиса. Но к нашему большому удивлению на заседание Африканского Союза прибыл президент Франции Н.Саркози, хотя его даже не приглашали. Он приехал и сказал лидерам африканских государств, чтобы они поддержали Францию в ее желании отстранить президента Л.Гбагбо от власти. В итоге Африканский Союз отказался от официально принятого проекта решения кризиса, для того чтобы принять линию Франции. То есть сегодня Африканский Союз находится под давлением западных стран, потому что он существует только за их счет. Эта организация не является африканской, так как в реальности ею управляют западные страны. Имея штаб-квартиру в Африке, данная организация проводит решения, принятые в Европе, при этом это решения, направленные против Африки и африканского народа.

А.М.: Получается, что Африканский Союз, несмотря на свое решение не признавать правительство, пришедшее к власти путем государственного переворота, сам нарушил свою собственную резолюцию?

Туссен Алэн: Это решение является подтверждением политики двойных стандартов. Если мы являемся другом Франции, мы можем прийти к власти с помощью оружия. А если мы не являемся другом Франции и приходим к власти путем демократических выборов, то можно все легко потерять. Так что те решения, которые принимает Африканский Союз, имеют смысл и цель только для тех, кто в них действительно верит. Это только декларация принципов, которые существуют 24 часа, пока президенты государств доедут до дома, а далее все продолжают воспринимать демократию по своим собственным нормам и по желанию Франции. Африканский Союз заявил, что не будет признавать в качестве законных те правительства, которые пришли к власти в результате государственного переворота, но это заявление не выполняется.

Все действия Африканского Союза находятся под контролем французской дипломатии и дипломатии Европейского Союза.

А.М.: Скажите, пожалуйста, почему Франция стала так недовольна президентом Л.Гбагбо? И также хотел бы спросить, почему Вы ставите Лорана Гбагбо в один ряд с такими африканскими государственными деятелями, как Кваме Нкрума, Нельсон Мандела и Томас Санкара?

Туссен Алэн: Я начну с первого вопроса, почему президент Л.Гбагбо так мешал Франции. Президент Гбагбо участвует в политической жизни нашей страны более 40 лет. В 1960 году Франция поставила в главе Кот-д`Ивуара президента Феликса Уфуэ-Буаньи, который до этого был министром при многих правительствах во Франции. Он пришел к власти в тот период, когда была разрешена только одна партия. Президент Гбагбо тогда являлся простым профессором и боролся с той тоталитарной властью. Так было на протяжении 30 лет. В 1990 году в Кот-д`Ивуаре была создана многопартийная система. Президент Гбагбо всегда поддерживал власть за счет демократии и выбора народа, потому что только демократия, по его мнению, может принести мир и развитие. Президент Гбагбо является политиком левых взглядов, социалистом, панафриканистом, националистом и патриотом африканского континента. Он боролся с этой системой посредством народной мобилизации и посредством своих идей. В 1990 году он уже был кандидатом на президентских выборах против Уфуэ-Буаньи, который тогда сфальсифицировал результаты. И на тот момент в 1990 году Уфуэ-Буаньи был переизбран, но умер 7 декабря 1993 года. Президент Национальной Ассамблеи Анри Конан-Бедье стал новым главой государства согласно ивуарийской конституции. В 1995 году президент Л.Гбагбо и оппозиция решили бойкотировать выборы, потому что не было условий для настоящих честных выборов. Таким образом, А.Конан-Бедье был избран на пятилетний срок. Но в декабре 1999 года А.Уаттара и военные северных районов Кот-д`Ивуара организовали путч с целью свержения президента А.Конан-Бедье, который являлся политиком из того же региона, что и Уфуэ-Буаньи, и который был ставленником Франции. В течение долгого времени Конан-Бедье являлся министром экономики и финансов, был послом в Вашингтоне, а затем президентом Национальной Ассамблеи (парламента) и стал президентом Кот-д`Ивуара после смерти Уфуэ-Буаньи. Для Франции он являлся гарантом их интересов в регионе. То есть путч 1999 года, который состоялся менее чем за год до президентских выборов, полностью сорвал все планы французов. Военные, во главе которых генерал Роберт Гей, создали переходное правительство, в которое вошли как министры свергнутого Конан-Бедье, так и сторонники А.Уаттары, а также несколько министров близких к Л.Гбагбо. Это военное правительство приняло изменения в конституции в июне 2000 года и провело президентские выборы. К всеобщему удивлению ни А.Конан-Бедье, который являлся ставленником Парижа, ни А.Уаттара, который сам и организовал этот путч, не стали кандидатами. Уаттара на тот момент не являлся гражданином страны и не имел права участвовать в президентских выборах. Таким образом, на выборах 2000 года основными кандидатами были генерал Роберт Гей и Лорана Гбагбо. К неожиданности Франции Л.Гбагбо выиграл выборы и стал президентом богатейшей африканской колонии Франции. Я позволил себе сделать упоминание об этом историческом факте, об этом проклятии, которое было у нас изначально. Тот факт, что Л.Гбагбо изначально не являлся ставленником Франции, а всегда боролся с теми кандидатами, на которых ставила Франция. Он начинает проводить политику левого толка: бесплатные школы и образование, бесплатная медицинская страховка, желание усилить связи с таким странами, как Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, усиление региональной межафриканской интеграции. Все эти проекты очень не нравились Франции. Президент Л.Гбагбо открыл рынки какао, нефти, газа российским, китайским, индийским компаниям, позволял производить некоторую продукцию непосредственно в Абиджане, а не во Франции. Поставил под сомнение ряд экономических соглашений, которые связывают рынки Франции и Кот-д`Ивуара. Это выделяло его из всех и очень разозлила Францию. Франция никогда не считала, что Кот-д`Ивуар является неза-

висимым государством, она никогда не отказывалась от своей мечты колониальной империи. Даже сегодня, в XXI веке, Африка является для Франции продолжением ее территории, и руководители африканских стран должны руководить в русле, предложенном французской метрополией. То, что Лоран Гбагбо пришел к власти с новыми идеями, что он любил свою страну больше, чем Францию, и ставил интересы своей страны выше, чем интересы Франции, где думают больше об Африке, чем о Евросоюзе, это им очень не понравилось. Это и есть то, что изначально не понравилось французским властям. Франция хотела получить марионетку, а получила президента, которого волнуют интересы его народа и его страны. Это то, что спровоцировало «повстанческое движение» в 2002 году. Начиная с 1960 года, Франция подписала договоры по обороне со всеми своими бывшими колониями. В этих соглашениях есть секретная часть о том, что в случае волнений французские войска могут участвовать в военных действиях. Президент Л.Гбагбо принял решение о подавлении повстанческого движения А.Уаттары, но Франция отказалась от участия. Таким образом, это и явилось причиной конфликта президента-социалиста, который хотел защитить интересы своих граждан, с бывшей метрополией. Президент Гбагбо не повел себя как остальные африканские лидеры по отношению к бывшей метрополии. Даже если вспоминать более старых лидеров, таких как Бейонза, которого депортировали из Бенина в Мартинику, – африканский лидер, противостоявший колониальному вмешательству и которого депортировали из его страны в другие зоны. Можно также вспомнить Туссэна Уверти, которого выслали из Гаити во Францию. Каждый раз, когда африканские лидеры говорят «нет» французскому колониальному порядку, их депортируют. Президент Л.Гбагбо является жертвой той же системы что и Мандела, и Лумумба. Все прекрасно помнят убийство Патриса Лумумбы, который протестовал против вторжения американцев и ООН и которого убили бельгийские колонизаторы. Лоран Гбагбо относится к той группе людей, которые сопротивляются системе, которые выбрали путь защиты африканских интересов, а не служение западным странам. Президент Л.Гбагбо имел еще одну страсть – это любовь к Кот-д`Ивуару и огромная любовь к африканскому континенту. У него есть идеал сильной и объединенной Африки, которая могла бы совмещать и счастье, и развитие. Но одно из условий такого развития – это реальная независимость, нужно, чтобы эту независимость действительно уважали. Наша борьба за независимость продолжается, это борьба за суверенитет, мы не откажемся от этой борьбы. Несколько месяцев назад я давал интервью радиостанции «Голос России» и заявил о том, что президент Л.Гбагбо боролся за нашу свободу и наш долг бороться за него сегодня. Мы будем по-настоящему свободны только в тот день, когда он будет свободен, это очень важно. Это не борьба одной персоны против другой, это борьба группы людей за честь Африки и африканцев.

А.М.: Сегодня президент Кот-д'Ивуара господин Лоран Гбагбо арестован и находится в тюрьме Международного уголовного суда в Гааге. Как бы Вы прокомментировали его арест и выдачу в Нидерланды?

Туссен Алэн: Президент Л.Гбагбо является узником Франции. Я уже говорил о Самори Туре, который оказывал сопротивление колониальному владычеству Франции и которого депортировали из его страны в тюрьму во французской колонии Габон. Я также рассказывал о короле Бейонзе из Бенина, который сопротивлялся Франции. Его арестовали и сослали в Мартинику. Также вспомним первого ивуарийца, депортированного из Кот-д`Ивуара за рубеж, которого звали Катъо Амонжи. Он был великим борцом, которого тоже депортировали в Габон. То, что президент Л.Гбагбо находится в Международном суде, – логическое продолжение истории. Тот, кто мешает интересам колониальных стран, должен быть оторван от своих стран и отправлен на ту землю, которая является лояльной к колонизаторам. Международный уголовный суд является колониальным судом, который защищает интересы западных государств. Еще раз повторю, Гбагбо является узником Франции. Франция первая заявила, что хотела бы, чтобы его арестовал А.Уаттара. И вот у него отобрали власть и депортировали в международный суд. Он является заложником системы, жертвой несправедливости.

Обвинение, которое ему предъявлено, не имеет никаких оснований. Являясь президентом Республики Кот-д`Ивуар, у него не было другого выбора, кроме как приказать армии сопротивляться французской агрессии против государства. Президентские выборы явились причиной для того, чтобы его арестовать. Позволю себе напомнить о том, что в январе 2003 года после подписания мирного договора Маркусис во Франции, когда Лоран Гбагбо попросил дать ему временную отсрочку для того, чтобы найти путь мирного урегулирования конфликта, бывший президент Франции Жак Ширак уже угрожал Гбагбо, что тот предстанет перед международным судом. Это говорит о том, что Международный уголовный суд – это инструмент давления против президента Гбагбо, так же, как он был инструментом давления против М.Каддафи, так же, как он сегодня является инструментом давления на других африканских лидеров, которые не хотят служить западным интересам. Это не юридический, а политический орган, который обеспечивает нейтрализацию политического противника, который не готов служить западным интересам. Мы всегда требовали освобождения президента Гбагбо. Мы считаем, что его арест несправедлив и незаконен. Мы будем продолжать эту борьбу и надеемся, что нас услышат.

А.М.: Господин Алэн, Ваше интервью будут читать российские юристы-международники. Каково было бы Ваше послание к российскому сообществу специалистов по международному праву?

Туссен Алэн: В первую очередь, хотел бы вас поблагодарить за ту возможность, которую вы мне дали, что я смог высказаться перед вашей аудиторией и специалистами. Я хочу предупредить их о том, чтобы они были осторожны. Сегодня мы видим то, что называют новым мировым порядоком, который, по сути, установили западные страны. Они устанавливают норму – что есть правильно или неправильно, что является повстанческим движением или демократическим движением, что является исламизмом, а что нет. В периоды, когда западные державы используют все возможности, чтобы установить их точку зрения и иметь доступ к мировым ресурсам, Россия, как и Африка, является частью этой международной системы. Я думаю, что юристы-международники должны тоже высказываться против таких действий так, как это неприемлемо, что существует ряд стран, не признающих легитимность международного права. Страны, не признающие компетентность суда, сами же используют этот суд для реализации своих интересов. Нужно противостоять этому, сегодня никто не может чувствовать себя в безопасности. В любой момент могут арестовать лидера страны, политика, министра во имя так называемой борьбы с преступлениями против человечества. Это очень важный период. И я бы хотел попросить ваших коллег, российских юристов-международников посмотреть на то, что происходит в мире, в том числе в Африке, которой нужна поддержка. Континент, выходцы из которого хотели бы иметь более доверительные отношения с представителями интеллигенции, народа, политиками. Поэтому я очень рад нашей встрече и хотел бы, чтобы мы вместе создали альянс в защиту настоящего международного правосудия с нашими российским коллегами.

А.М.: Господин Алэн, мы знаем, что скоро Вы отправитесь в Гаагу на встречу с президентом Л.Гбагбо. Хотелось бы попросить Вас передать ему слова поддержки и надеяться, что нашими совместными усилиями когда-нибудь справедливость победит. Мы желаем мира и справедливости в Кот-д`Ивуаре и в Африке.

Туссен Алэн: Спасибо большое.

INTERVIEW A REVUE DES DROIT ET RELATIONS INTERNATIONAL DE KAZAN DE PORTE-PAROLE DU PRESIDENT DE LA REPUBLIQUE DE COTE-D'IVOIRE M. LAURENT GBAGBO M. TOUSSAINT ALAIN

Alexandre Mezyaev: Mr. Alain, pourriez-vous nous expliquer ce qui s'est passé en Côte-d'Ivoire en 2011?

***M.Toussaint Alain*:** Le 11 avril 2011, l'armée française a arrêté le président Laurent Gbagbo, au terme d'un bombardement de deux semaines et demi de sa résidence. Ils l'ont arrêté pour le remettre aux forces de la rébellion de M. Alassane Ouattara. Cette arrestation est arrivée au terme d'une dizaine d'années, d'un combat à la fois politique et militaire, contre la rébellion soutenue par la France. Ce qui est arrivé, entre décembre 2010 et avril 2011, est présenté comme la conclusion d'une contestation d'une crise post-électorale. Mais en réalité, il s'agit de la conclusion de la rébellion qui avait commencé le 19 septembre 2002. Des rebelles qui étaient conduits par Alassane Ouattara, dont le but était de s'emparer du pouvoir. Donc en réalité, il s'agit d'un début de recolonisation de notre pays par l'ex-puissance coloniale, en l'occurrence la France. Brièvement, c'est ce qui s'est passé en avril 2011: c'est des milliers de morts, des civils qui ont été bombardés par l'armée française. Le palais présidentiel a été également bombardé. De même que les universités, les hôpitaux, les camps militaires de l'armée ivoirienne, qui ont été objets d'attaques de l'armée française. Donc, ce qui est présenté à l'opinion comme une crise électorale n'est pas une crise électorale. C'était bel et bien un coup d'Etat, habillé par la volonté des Occidentaux d'installer dit-on la « démocratie ». Et le président Gbagbo au nom des principes de la souveraineté de l'Etat, de la souveraineté du peuple et au nom de l'indépendance de notre pays, a refusé cette combine imposée par la France, les Etats-Unis et l'Union européenne. Voilà ce que je peux vous dire sur cette question.

Alexandre Mezyaev: M.Alain, vous avez affirmé que l'armée française a directement pris part au coup d'Etat mais officiellement c'était des forces de maintien de la paix. Quelles sont concrètement les forces qui ont participé dans ce conflit?

***M.Toussaint Alain*:** Pour la conquête du pouvoir, M.Ouattara a fait appel depuis septembre 2002 à une multitude de forces armées. Le 19 septembre 2002, lorsqu'il a attaqué la Côte d'Ivoire, M.Ouattara a fait appel à des mercenaires de la sous-région, de l'Afrique de l'Ouest: des Nigérians, des Touaregs du Mali, des combattants du Burkina-Faso essentiellement mais également du Libéria et du Sénégal. Ce sont toutes ces forces qui au départ formaient le noyau des rebelles de M.Ouattara. Au bout des dix années, après la tenue des élections de décembre 2010, pour la conquête de la ville d'Abidjan et le contrôle du pouvoir, M. Ouattara a recruté près de 20 000 mercenaires qui sont venus du Nigéria et des autres pays de la région. Ces mercenaires étaient appuyés par les forces françaises qui menaient directement des opérations militaires. Le gouvernement français s'est appuyé sur une résolution de l'ONU pour s'impliquer militairement dans la crise en Côte d'Ivoire. Ce sont des soldats français, avec des soldats américains et ceux de l'ONU, qui ont directement pris part au conflit, qui ont attaqué des symboles de l'Etat et qui durant plusieurs jours ont bombardé la résidence du président Gbagbo. Ce sont eux qui avec leurs hélicoptères transportaient des soldats de M.Ouattara pour les héliporter dans certains endroits de la ville afin d'empêcher que les partisans du président Gbagbo puissent aller vers le palais présidentiel et constituer ainsi un bouclier humain autour de la résidence du président. Ce sont les soldats français qui ont bombardé et assassiné près de 2000 per-

sonnes qui se trouvaient autour de la résidence. Ce dont des réalités dont je vous fais part. Il y a bel et bien eu une implication directe des forces armées françaises au sol comme dans les airs, lors des combats en Côte d'Ivoire.

Alexandre Mezyaev: M.Alain, lors de vos interviews en France, vous avez parlé de mercenaires européens. Dans certains cas, les présentateurs vous empêchaient d'en parler. Dans d'autres cas, faisaient semblant de s'ennuyer. Pourriez-vous nous parler plus en détail du rôle des mercenaires européens?

M.Toussaint Alain: Ces combattants européens ont été recrutés par M. Ouattara en liaison avec l'armée française. Ce sont des combattants qui se sont activement impliqués sur les théâtres des opérations à Abidjan comme à l'intérieur du pays. Ils ont effectivement pris part aux combats. A l'époque de ces événements, j'ai pu avoir accès aux informations de l'état-major de l'armée ivoirienne qui confirmaient la présence de combattants blancs, notamment français au sein de la rébellion. Plusieurs fois on avait constaté cela à Abidjan, mais également à l'ouest du pays au moment de l'avancée des soldats de M. Ouattara. Nous avons eu la preuve formelle à la fois d'une implication de l'armée française mais également de combattants informels qui combattaient aux côtés des rebelles.

Alexandre Mezyaev: Quels sont les aspects juridiques dans cette situation en Côte d'Ivoire que vous voudriez particulièrement souligner?

M.Toussaint Alain: La crise ivoirienne a montré que pour les Occidentaux, les constitutions des pays africains n'avaient aucune valeur. D'une part, le président Gbagbo a bel et bien gagné les élections présidentielles. Et d'autre part, il a été proclamé vainqueur par le Conseil constitutionnel devant lequel il a prêté serment. Mais indépendamment de toutes ces dispositions constitutionnelles, la France, les Etats-Unis et l'Union européenne avec des pays africains aux ordres des pays occidentaux, ont empêché le fonctionnement normal de nos institutions. Ils ont imposé M. Ouattara qui s'est emparé du pouvoir de manière illégale et anticonstitutionnelle. M. Ouattara est arrivé au pouvoir grâce aux armes de l'armée française. On pourrait dire qu'il est arrivé au pouvoir «dans un char français». Pour nous ce n'est pas un pouvoir qui est l'émanation du suffrage universel. Et c'est une question aussi de droit international. Est-ce que une résolution des Nations unies peut être supérieure aux décisions d'un Etat souverain et indépendant ? Est-ce que une décision prise par un groupe de pays occidentaux sous le couvert des Nations unies peut-être au-dessus des lois d'un Etat souverain? Parce que le point de départ de cette violence, de ce coup d'Etat contre la Côte d'Ivoire, c'est la résolution prise par le Conseil de sécurité sous la pression conjuguée de la France et des Etats-Unis. C'est la réalité. Une violence d'Etat soutenue par les Nations unies qui a provoqué la chute et l'arrestation de M. Laurent Gbagbo. Et c'est cette même violence d'Etat qui au nom du droit international totalement partisan a créé le chaos en Côte d'Ivoire. Donc tout ce qui s'est passé dans mon pays ne répond à aucune norme légale et n'est le résultat d'aucun processus légal. C'est un coup d'Etat.

Alexandre Mezyaev: Pourriez-vous nous parler du rôle joué par l'Union africaine dans la situation en Côte d'Ivoire?

M.Toussaint Alain: Je suis triste à l'idée d'évoquer l'Union africaine et le rôle que cette organisation continentale a pu jouer dans la crise ivoirienne. Vous savez cette organisation est financée à plus de 90% par des fonds européens. Et chez nous, il y a un adage qui dit «c'est la main qui donne qui ordonne». L'Union africaine s'est comportée selon les ordres reçus par les pays occidentaux. Déjà en décembre 2010, au moment du déclenchement de la crise qui a suivi la proclamation des résultats des élections présidentielles, l'Union européenne a tenu une réunion extraordinaire à Bruxelles à l'issue de laquelle elle a demandé que le président Gbagbo cède le pouvoir à M.Ouattara, qui lui était reconnu par l'Union européenne et la communauté dite internationale. Et toute la diplomatie africaine, menée par l'Union africaine, s'est clairement positionnée en fonction de cette volonté des Européens. Donc il n'y a pas eu un règlement africain de cette crise. L'Union africaine a bradé la souveraineté des pays africains à l'Union européenne qui la finance. Les leaders africains n'ont pas eu le courage

de dire non à la France et à ses amis de la communauté internationale, et de leur expliquer qu'après 50 ans d'indépendance, l'Afrique était en mesure de régler elle-même ces contestations post-électorales. Donc l'Union africaine n'a pas eu la bonne attitude. Elle s'est couchée devant les Occidentaux et a laissé faire la France. Je peux vous dire qu'en janvier 2011, j'ai eu des réunions de travail avec le président du groupe de juristes de l'Union africaine. Nous nous sommes rencontrés à trois reprises à Paris, notamment avec la participation de l'une des collaboratrices du président Gbagbo et nous avons travaillé ensemble sur un plan de sortie de crise. Ce projet a été soumis à l'ancien président de l'UA Jean Ping qui avait donné son adhésion à ce projet de sortie de crise. A notre grande surprise, nous avons constaté que le président français Sarkozy s'est rendu à la réunion de l'Union africaine alors qu'il n'était pas invité, pour demander aux chefs d'Etats africains d'appuyer la France dans sa volonté d'enlever le président Gbagbo du pouvoir. Et l'Union africaine a renoncé à ce plan de sortie de crise pour se mettre sur la même ligne que la France. Au même titre que les pays africains qui sont aujourd'hui sous la pression occidentale, l'Union africaine n'existe que de nom. Ce n'est plus une organisation africaine. C'est une organisation dirigée par les Européens mais qui est juste située sur le continent africain et qui est une couverture pour les décisions que l'Europe, l'ONU et la communauté internationale prennent contre les intérêts de l'Afrique et des Africains.

Alexandre Mezyaev: Ainsi, l'Union africaine malgré sa position officielle de ne pas reconnaitre un gouvernement arrivé au pouvoir suite à un coup d'Etat, a trahi un de ses propres principes?

***M.Toussaint Alain*:** C'est une déclaration à géométrie variable: deux poids, deux mesures. De double standard. Selon qu'on est l'ami de la France, on peut arriver au pouvoir par les armes et y rester. Si l'on n'est pas l'ami de la France et qu'on arrive au pouvoir par les urnes, on peut en être chassé. Donc les règles que l'Union africaine fixe n'ont de valeur que pour ceux qui y croient. Nous savons que ce sont des déclarations de principe et qui ne tiennent que 24 heures, le temps que les chefs d'Etats rentrent chez eux et que chacun fasse sa «démocratie» selon les normes locales et selon la volonté de la France. Je me rappelle de cette déclaration de l'Union africaine qui disait qu'elle ne pouvait plus accepter les régimes issus de putschs mais chaque année l'Union africaine fait ce type de déclaration. Ce que je peux vous dire c'est qu'aujourd'hui toute l'activité de l'Union africaine est très encadrée par la diplomatie française et celle de l'Union européenne.

Alexandre Mezyaev: Pourquoi la France est-elle devenue si mécontente de M. GBAGBO ? Et autre question: lors d'une de vos interviews, vous avez placé M. GBAGBO dans le rang des leaders tels que Kwame NKRUMAH, Nelson MANDELA et Thomas SANKARA. Pourriez-vous nous expliquer en quoi M.GBAGBO peut être comparé à ces grands leaders africains?

M.Toussaint Alain: Je vais d'abord commencer par la première question : pourquoi la France en voulait tant à M. Gbagbo? Le président Gbagbo a une carrière politique de plus de 40 ans. En 1960, la France a installé à la tête de la Côte d'Ivoire un président qui s'appelait Félix Houphouët-Boigny, qui avait été ministre dans plusieurs gouvernements français. Il s'est installé au pouvoir sous le régime du parti unique. Et le président Gbagbo, alors jeune professeur, combattait ce pouvoir issu du parti unique et soutenu par la France. Cela a duré 33 ans, jusqu'en 1990 : quelques mois après la chute du Mur de Berlin. Et c'est seulement là que nous avons vu l'instauration du multipartisme en Côte d'Ivoire. Le président Gbagbo a toujours promu l'accession au pouvoir par les urnes parce qu'il estime que c'est la démocratie qui peut apporter la paix et le développement. Le président Gbagbo est un homme politique de gauche : un socialiste, un panafricaniste et un nationaliste. Un patriote africain. Il a combattu donc ce système par la seule mobilisation populaire et par ses idées. En 1990 il s'est présenté à Houphouët-Boigny qui a comme on dit « bourré les urnes » pour remporter les élections. M. Houphouët-Boigny a été réélu mais décède le 7 décembre 1993. Henri Konan Bédié, qui était président de l'Assemblée nationale, a succédé à Houphouët-Boigny conformément à la constitution. En 1995, le président Gbagbo et l'opposition ont décidé de boycotter les élections parce que les conditions d'une transparence et d'élections justes n'étaient pas réunies. Et donc le président

Henri Konan Bédié a été élu pour un nouveau mandat de cinq ans. En décembre 1999, M. Alassane Ouattara et des militaires du nord ont fait un coup d'Etat pour renverser Henri Konan Bédié, un politicien originaire de la même région que Houphouët-Boigny et qui était aussi l'un des candidats de la France. Il a longtemps été ministre de l'Economie et des Finances. Il a été ambassadeur à Washington et président de l'Assemblée nationale. Il a succédé à Houphouët-Boigny à la mort de celui-ci et pour la France M. Henri Konan Bédié était celui qui pouvait être le garant des intérêts français. Donc le coup d'Etat de 1999 qui arrive à moins d'un an des élections présidentielles de 2000 chamboule tous les plans de la France. Une junte militaire est installée au pouvoir avec à sa tête le général Robert Guéï, qui forme un gouvernement de transition dans lequel il y a des ministres issus du parti de M. Bédié qui a été renversé, des partisans de M. Alassane Ouattara et puis deux ou trois ministres proches de Laurent Gbagbo. Ce gouvernement militaire va procéder à une modification de la constitution en juin 2000 et va ensuite organiser des élections présidentielles en octobre 2000. A la surprise générale, ni le président Bédié qui a été renversé et qui vivait alors en exil à Paris, ni Alassane Ouattara qui avait fait le coup d'Etat, ne sont alors candidats. Alassane Ouattara pour la raison qu'il ne serait pas Ivoirien. Donc l'élection présidentielle d'octobre 2000 voit s'affronter le général Robert Guéï et Laurent Gbagbo, le principal candidat de l'opposition. A la surprise de la France aussi, c'est Laurent Gbagbo qui remporte les élections et qui devient ainsi président de la première et plus riche colonie subsaharienne de la France. J'ai fait ce rappel historique sur Laurent Gbagbo pour que vous compreniez la malédiction originelle qui frappait déjà : celle de ne pas être né dans le berceau de la France mais d'être celui qui a combattu les pantins que la France avait installé à la tête de la Côte d'Ivoire. Gbagbo arrive donc au pouvoir. C'est un socialiste. Il mène une politique de gauche: l'école gratuite, un projet d'assurance maladie universelle gratuite, il veut resserrer des liens avec des pays tels que la Russie, la Chine, l'Inde, le Brésil, l'Afrique du Sud mais surtout renforcer l'intégration régionale et sous-régionale. Tout cela déplait à la France. La France est d'autant plus mécontente que Gbagbo ouvre les marchés du cacao, du pétrole, du café, du gaz, aux entreprises russes, chinoises, indiennes,… Il se «permet» même de fabriquer des bus à Abidjan. Et de remettre en cause un certain nombre d'accords économiques qui liaient la France aux différents pouvoirs qui l'avaient précédé. C'est cela la marque originelle. C'est cela qui a mis la France en colère car elle ne considère pas que nous sommes des pays indépendants. La France n'a jamais renoncé à ses rêves d'empire colonial, même en ce 21ème siècle. Elle estime que l'Afrique et certains pays africains sont un prolongement naturel de son territoire hexagonal. Et que les dirigeants qui sont à la tête de ces pays doivent gérer ces territoires concédés selon la volonté de la métropole française. Lorsque Laurent Gbagbo est venu avec de nouvelles idées, avec des jeunes qui aimaient plus leur pays que la France, qui mettaient les intérêts de leur pays avant ceux de la France, qui pensaient plus à l'Afrique qu'à l'Union européenne, cela a fortement déplu aux autorités françaises. C'est cela la faiblesse dans cette relation: la France voulait un pantin, Gbagbo lui se présentait en vrai président, soucieux des intérêts de son pays et de ses compatriotes. Voilà ce qui a provoqué la rébellion qui a commencé en septembre 2002. La France, au début des années 1960, juste après les indépendances, avait signé des accords de défense avec toutes ses ex-colonies. Ces accords comportent plusieurs closes secrètes. Ils prévoient par exemple qu'en cas de troubles, l'armée française intervient aux côtés des pays concernés. Le président Gbagbo a demandé à la France d'intervenir pour mettre fin à la rébellion d'Alassane Ouattara. Mais la France a refusé cette intervention militaire. C'est cela qui marque cette séparation, ce divorce, entre un président socialiste, de gauche, révolutionnaire et l'ancienne métropole. Le président Gbagbo, en ayant cette attitude vis-à-vis de la France s'est comporté comme les autres grands leaders africains vis-à-vis des anciens colonisateurs. Même quand on remonte plus haut, on pense à Samory Touré, à Behanzin, des leaders africains qui ont résisté à la pénétration coloniale et qui ont été déportés de leurs pays vers d'autres horizons. Je peux remonter encore plus loin, à Haïti: Toussaint Louverture, qui a été déporté d'Haïti au Château de Joux, en France. Samory Touré a été déporté de la Guinée au Gabon. Behanzin a lui été déporté du Bénin à la Martinique. Chaque fois qu'un leader africain disait non à l'ordre colonial français, il était déporté. Gbagbo est victime du même système que Mandela et Lumumba. Tout le monde se souvient de l'assassinat de Patrice Lumumba qui a tenu tête aux Amé-

ricains et aux Belges, ainsi qu'aux Nations unies. Et qui a été assassiné par le colonisateur belge. Laurent Gbagbo est de cette trempe, de cette race de résistants, de patriotes qui ont choisi l'Afrique plutôt que le colonisateur. C'est un combat important pour la nouvelle génération car c'est de ce combat que nous nous inspirons pour perpétuer cette flamme. Gbagbo a un trait particulier : la passion de la Côte d'Ivoire et la passion de l'Afrique. Il a un idéal qui est celui de l'Afrique forte, unie, qui peut amener le bonheur et le développement. Mais la condition est que notre indépendance soit assumée par les Africains eux-mêmes et qu'elle soit respectée. Donc le combat qui est mené c'est un combat pour l'indépendance, pour la réaffirmation de notre souveraineté. Nous ne renoncerons pas à ce combat. Je le disais il y a quelques mois dans une interview à la Voix de la Russie: nous nous battons aux côtés du président Gbagbo parce qu'il s'est battu pour notre liberté. Nous ne serons libres que le jour où il retrouvera sa liberté. C'est un combat important. Ce n'est pas le combat d'une personne au profit d'une personne. C'est le combat d'un groupe de personnes au profit d'une communauté qui s'appelle les Africains.

Alexandre Mezyaev: Aujourd'hui, le président de la République de Côte d'Ivoire M. Laurent Gbagbo, est emprisonné et se trouve à la Cour pénale internationale (CPI). Comment pourriez-vous commenter son arrestation et son transfert à La Haye?

M.Toussaint Alain: Le président Gbagbo est le prisonnier de la France. Tout à l'heure je vous parlais de Samory Touré, l'un des plus grands résistants africains, qui résistait à l'ordre colonial français et qui a été déporté de son pays vers une prison dans une colonie française qui s'appelle le Gabon. Je vous ai parlé aussi du roi Behanzin au Bénin qui combattait la France. Il a été capturé et déporté vers la Martinique. Je citerai aussi le cas du premier Ivoirien déporté de son pays vers l'étranger et qui s'appelait Kadio Amondji, qui était un grand combattant et qui a la particularité d'être un ancêtre de la Première dame Simone Gbagbo. Il a été capturé en Côte d'Ivoire et déporté par le colonisateur français au Gabon.

Gbagbo à la Haye, dans une prison européenne: c'est la suite logique de l'histoire. Celui qui dérange les intérêts du colon doit être arraché à sa terre natale et envoyé vers des terres qui sont proches du colonisateur. Nous sommes dans cette logique. La CPI est une cour pénale coloniale, chargée de défendre les intérêts des Occidentaux. Gbagbo, je le redis, est le prisonnier de la France. C'est la France qui a demandé qu'il soit arrêté, qu'il soit enlevé du pouvoir, qu'il soit emprisonné par M. Ouattara et qu'il soit ensuite déporté à la Cour pénale internationale. Il est l'otage d'un système et victime d'une injustice. Les accusations dont on l'accable ne reposent sur aucun fondement. En tant que président de la République de Côte d'Ivoire, il n'avait pas d'autre choix que de demander à son armée de résister à l'agression française menée contre la Côte d'Ivoire. Gbagbo a résisté. Il a évité le chaos à la Côte d'Ivoire. Pendant 10 ans il a fait cela. Et l'élection présidentielle a été un prétexte pour le capturer et le jeter en prison. Je voulais vous rappeler que déjà en janvier 2003, après la signature des accords de paix de Marcoussis en France, alors même que le président Gbagbo avait demandé un temps de réflexion pour savoir comment il pouvait appliquer ces accords, l'ancien président français Chirac menaçait déjà de traduire Laurent Gbagbo devant la Cour pénale internationale. C'est donc vous dire que la Cour pénale internationale a été un instrument de pression contre le président Gbagbo. Tout comme qu'elle a été un instrument de pression contre le président Kadhafi. De même qu'aujourd'hui c'est le cas à l'encontre d'autres présidents africains qui ne servent pas les intérêts des Occidentaux. Donc nous ne sommes pas dans une affaire juridique. Nous sommes dans une affaire politique. C'est la neutralisation d'un adversaire politique qui ne veut pas servir les intérêts de l'Occident et qui est aujourd'hui détenu à la CPI. Nous avons toujours demandé la libération du président Gbagbo au nom d'abord de son innocence, ainsi qu'au nom de la paix dans notre pays. Nous estimons que sa détention est injuste, illégale et ne doit plus être prolongée. Nous continuons de mener ce combat et nous espérons être entendus.

Alexandre Mezyaev: M.ALAIN, votre entretien sera lu par des juristes russes en droit international. Quel serait votre message à la communauté russe de spécialistes du droit international?

***M.Toussaint Alain*:** D'abord, je vous remercie de cette opportunité que vous me donnez de m'adresser également à votre auditoire et à ces spécialistes. Je vais les inviter à la vigilance. Aujourd'hui nous assistons à ce qu'on appelle le nouvel ordre mondial qui est mis en œuvre par les pays occidentaux. Ils définissent les normes, ce qui est juste ou injuste, ce qui est rebelle ou démocrate, ce qui est islamiste ou n'est pas islamiste. Nous sommes dans une période où les puissances occidentales utilisent tous les moyens pour imposer leurs points de vue et s'accaparer les richesses du monde.

La Russie, comme nos pays africains, est également la cible de ce système international. Et je pense que ces juristes-là, doivent également donner de la voix, car il n'est pas acceptable que des pays qui refusent la compétence de la Cour pénale internationale fassent régner la terreur avec cette même Cour pénale internationale qu'ils ne reconnaissent pas. Donc il faut face à cette instrumentalisation de la justice internationale, que nous fassions bloc parce que désormais personne n'est à l'abri. A tout moment, on peut venir arrêter un homme politique, un dirigeant, un responsable au nom de présumés crimes contre l'humanité. C'est une période extrêmement sensible. Et je voudrais inviter nos amis juristes russes à se mobiliser et à regarder c'est vrai vers l'Europe, mais également au-delà de l'Europe, car au-delà de l'Europe il y a un continent qui s'appelle l'Afrique, qui a aussi besoin qu'on l'aide. Un continent dont les ressortissants souhaitent avoir de meilleures relations avec les intellectuels russes, avec les humanistes et avec les responsables politiques. Je suis très heureux de ce premier contact et je souhaite que nous formions ensemble une coalition pour la vraie justice internationale avec nos amis russes.

Alexandre Mezyaev: Nous savons que vous partirez bientôt à La Haye pour rencontrer le président Gbagbo. Nous vous demandons de lui transmettre nos messages de soutien et nous espérons qu'à travers nos efforts communs, un jour, la justice internationale aura bien lieu. Nous vous souhaitons la paix, ainsi que la justice en Côte d'Ivoire et dans toute l'Afrique.

M.Toussaint Alain: Merci beaucoup! A très bientôt. Spasibo!

THE CRITICAL ANALYSIS OF THE ICC DECISION ON THE CONFIRMATION OF CHARGES IN THE CASE «PROSECUTOR V. LAURENT GBAGBO»

Alexander Mezyaev

12 June 2014 the Pre-Trial Chamber (PTC) of the International Criminal Court (ICC) made public its decision on the article 61 of the ICC Statute in the case «*Prosecutor v. Laurent Gbagbo*». Article 61 of the ICC Statute regulates the so-called "confirmation of charges" against the suspect. The confirmation of charges is a new concept that was created in 1998 exclusively for the ICC. In other international criminal tribunals there is only confirmation of indictment, but it is hard to compare this phase of proceedings with confirmation of charges in ICC. First of all it is important to note that this stage in ICC regulated relatively deep. If we look at the International criminal tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) or International criminal tribunal for Rwanda (ICTR) statues, we could see that the procedure of the confirmation of the indictment almost not regulated at all:

> *Review of the indictment*
>
> *1.The judge of the [ICTY] Trial Chamber to whom the indictment has been transmitted shall review it. If satisfied that a prima facie case has been established by*

the Prosecutor, he shall confirm the indictment. If not so satisfied, the indictment shall be dismissed.

2.Upon confirmation of an indictment, the judge may, at the request of the Prosecutor, issue such orders and warrants for the arrest, detention, surrender or transfer of persons, and any other orders as may be required for the conduct of the trial.[1]

As we see, the very process of the review and confirmation (or non-confirmation) is given to the judge's mood – there is no single rule that regulated this proceeding.

Contrary to the *ad hoc* international criminal tribunals, ICC Statute contains very detailed rule on how the process of confirmation of charges must proceed:

Confirmation of the charges before trial

1. Subject to the provisions of paragraph 2, within a reasonable time after the person's surrender or voluntary appearance before the Court, the Pre-Trial Chamber shall hold a hearing to confirm the charges on which the Prosecutor intends to seek trial. The hearing shall be held in the presence of the Prosecutor and the person charged, as well as his or her counsel.

2. The Pre-Trial Chamber may, upon request of the Prosecutor or on its own motion, hold a hearing in the absence of the person charged to confirm the charges on which the Prosecutor intends to seek trial when the person has:

(a) Waived his or her right to be present; or

(b) Fled or cannot be found and all reasonable steps have been taken to secure his or her appearance before the Court and to inform the person of the charges and that a hearing to confirm those charges will be held.

In that case, the person shall be represented by counsel where the Pre-Trial Chamber determines that it is in the interests of justice.

3. Within a reasonable time before the hearing, the person shall:

(a) Be provided with a copy of the document containing the charges on which the Prosecutor intends to bring the person to trial; and

(b) Be informed of the evidence on which the Prosecutor intends to rely at the hearing

The Pre-Trial Chamber may issue orders regarding the disclosure of information for the purposes of the hearing.

4. Before the hearing, the Prosecutor may continue the investigation and may amend or withdraw any charges. The person shall be given reasonable notice before the hearing of any amendment to or withdrawal of charges. In case of a withdrawal of charges, the Prosecutor shall notify the Pre-Trial Chamber of the reasons for the withdrawal.

5. At the hearing, the Prosecutor shall support each charge with sufficient evidence to establish substantial grounds to believe that the person committed the crime charged. The Prosecutor may rely on documentary or summary evidence and need not call the witnesses expected to testify at the trial.

6. At the hearing, the person may:

(a) Object to the charges;

(b) Challenge the evidence presented by the Prosecutor; and

(c) Present evidence.

7. The Pre-Trial Chamber shall, on the basis of the hearing, determine whether there is sufficient evidence to establish substantial grounds to believe that the person

[1] Article 19 of the ICTY Statute. The same text could be found in art. 18 of the ICTR Statute.

committed each of the crimes charged. Based on its determination, the Pre-Trial Chamber shall:

(a) Confirm those charges in relation to which it has determined that there is sufficient evidence, and commit the person to a Trial Chamber for trial on the charges as confirmed;

(b) Decline to confirm those charges in relation to which it has determined that there is insufficient evidence;

(c) Adjourn the hearing and request the Prosecutor to consider:

(i) Providing further evidence or conducting further investigation with respect to a particular charge; or

(ii) Amending a charge because the evidence submitted appears to establish a different crime within the jurisdiction of the Court.

8. Where the Pre-Trial Chamber declines to confirm a charge, the Prosecutor shall not be precluded from subsequently requesting its confirmation if the request is supported by additional evidence.

9. After the charges are confirmed and before the trial has begun, the Prosecutor may, with the permission of the Pre-Trial Chamber and after notice to the accused, amend the charges. If the Prosecutor seeks to add additional charges or to substitute more serious charges, a hearing under this article to confirm those charges must be held.

After commencement of the trial, the Prosecutor may, with the permission of the Trial Chamber, withdraw the charges.

10. Any warrant previously issued shall cease to have effect with respect to any charges which have not been confirmed by the Pre-Trial Chamber or which have been withdrawn by the Prosecutor.

11. Once the charges have been confirmed in accordance with this article, the Presidency shall constitute a Trial Chamber which, subject to paragraph 9 and to article 64, paragraph 4, shall be responsible for the conduct of subsequent proceedings and may exercise any function of the Pre-Trial Chamber that is relevant and capable of application in those proceedings.

At the first glance this is a great achievement of the international criminal justice and human rights law. If the accused of the *ad hoc* tribunals have no legal rights to challenge the confirmation of the indictment, the accused of the ICC received this right. But this would be a great illusion. In reality the ICC system deprive the accused the right not to be imprisoned before the confirmation of the charges. The ICC system allows the prosecutor to spend years only for confirmation of the charges while the accused may be imprisoned for these years. This is exactly the case of President of the Republic of Cote d'Ivoire Laurent Gbagbo. This article analyses the decision of the ICC Pre-Trial Chamber on the confirmation of charges against L.Gbagbo, as well as the legal and political context of this decision.

12 June 2014 the Pre-Trial Chamber of the International Criminal Court *confirmed* the charges that were brought by the prosecution in the case against President Laurent Gbagbo. The analysis shows that this decision could not be accepted as a legal one because of many obvious mistakes and defects.

The main legal defects of the given decision of PTC contain the following: poor or non-legal reasoning (sometimes no reasoning at all), acceptance of the evidence with zero probative value as a proof of guilt, reliance on the evidence provided by only one witness and so on. Let look at these defects closer.

One may say that on the current stage of proceedings it is impossible to consider the quality of the evidence. There are some reasons for such a conclusion, because all the evidence referenced

to anonymous witnesses' statements and the very testimony is being kept in secret. But even in this circumstances, we could make certain conclusions of the matter of quality.

First, it should not escape our attention that most of the critical points of the Judgment is proved by the testimony of only one single witness. For example the claim that the «*youth campaign movements were in fact operating as militias*» is "proved" by only one witness P-9. The whole chapter of the use of mercenaries (which is a separate crime as such) is "proved" by reference to only single witness.[1] In the same time we can see that many trivial and unimportant assertions are "proved" by several witnesses.

It must be noted the presence of legal trash in the text of the decision. The crown example in this regard is a finding of the PTC that «the evidence indicates that FANCI[2] was composed of the Ground Forces, Navy and the Air Forces, each headed by the commander» (para 89).[3] This is obviously a trash from a legal point of view – this "finding" has no nor factual neither legal use in the Decision. Such an approach raises a suspicion that judges simply trying to put as much reference as they could in order to make the text better looking from a glance. But the second look shows that all this is just a masquerade.

Another serious problem is standard of the proof. This is the heart matter for any court case. Generally speaking the problem of proof standard is the biggest problem in the modern international justice. We are witnessing a total mess in the presentation of evidence by the prosecution and its evaluation by the judges. Though this mess is not accidental. It is very well prepared mess, based on the real aims of the international criminal courts. In the case that these court have to remove unpleasant politicians they need a very «flexible» rules governing the evidence matters. This «flexibility» mostly comes to almost non-regulation of evidence. Even where these rules exist they formulated in a way that gives a court a full freedom to jungle with them.

In ICC there are 3 official standards of evaluation of evidence:[4] reasonable grounds to believe – for the issuance of the arrest warrant; substantial grounds to believe – for the confirmation of charges; beyond reasonable doubts – for the conviction of the accused. None of these types of standards have any explanation and completely based on the interpretation by the judges.

The standard «substantial grounds to believe» that applies to the confirmation of charges stage needs in legal regulation. For the time being this expression understood only the practice of different court's chambers.

The next problem that probably has the biggest impact on the quality of judgments (including the analyzed decision of 12 June 2014) is the problem of prejudice. Officially the judges are independent and impartial. That's what the ICC Statute says. What does it mean for the practical work of the judges during the proceedings? First of all it means that during the trial (not to mention before the trial) judges could not express their position on the guilt of the suspect or the accused. It is their job to neutrally consider all the versions presented by the opposing parties and after the closing arguments to deliver a judgment where they consider each and every evidence. This idea of independent and impartial judges assures that judge cannot take the position of the prosecution on the guilt of the suspect or the accused *before the end of trial*.

This is not the case in the present PTC decision. The majority of the judges (namely judge Kaul and judge Silvia Fernandez) repeatedly explain their logic by using this idea of retaining in power by any means. But this idea is a *motive* for the committing the crimes – the very essential element that must be established by the court. With one reservation – that must be established after the trial, not before it. Motive – is an element of the guilt.

[1] Witness P-44. It is must be noticed the mess in a footnotes referring to a certain witnesses. For example, instead of referring every time to a certain witness, the judges use the strange reference "see below". The mess becoming even worse when the below reference contains several sources. Thus it makes unclear whether the above footnote refer to the main source in the below footnote or to all of them (that seems to be unprobable – see for example footnotes 294 and 295)

[2] National Armed Forces of Cote d'Ivoire

[3] Such a "finding" reflection almost all army of the world (with certain natural exceptions of the *pays litoral*) would probably found exciting only by women and a men never been in the army (which is the case of present PTC).

[4] These standards apply to the matter of the guilt or innocence of the accused. .

This expression (taken completely from the text of the document containing charges) repeated by judges almost hundreds of times.[1] Even one of the chapter of Judgment called «*Expressions of intention to remain in power at any cost*». But the conformation of charges – is the decision of the judges, not prosecutors. One may argue that the court simply refer to the position of the prosecution, but this assertion could not be even taken to consideration because judges always stressed that this is their own position. Each reference to the "retaining in power" in the PTC decision starts from the sentence "The judges found…". Thus, no doubts that judges expressed *their own* position.

Moreover once again we have to highlight that judges "found" the motive of the accused without not only trial, but even *without reference to any evidence*. They simply took it as a fact.[2]

The situation is worse because there were a clear indications that President Laurent Gbagbo was re-elected in 2010 and all necessary proceedings was assured. To conclude – even judges accepted the prosecution proposition that President L.Gbagbo's intention was «to remain in power at any cost», they have not proved it. They took it and present it as a fact. Contrary to the laws of Cote d'Ivoire!

Finally we would like to discuss the matter of *mens rea.* Usually *mens rea* is connected with the establishment of the guilty mind *of the accused*. But sometimes it is necessary to establish the mind of the *judges*. This necessity dictates by the very existence of the dissenting opinion of judge Christine van den Wyngaert. Officially the dissent judge just expressing his or her opinion and only the opinion of the majority of judges that counts. But in fact it is not true. The problem of the dissenting opinions is that very often they contain legal arguments that negates the arguments of the majority.

Let's take a look at the arguments of judge Wyngaert presented in her dissenting opinion. Judge did not support any of the conclusions of the majority judges. In her opinion judge Wyngaert went to a heart of the case – namely the standard of the proof. Judge called all presented evidence as «still insufficient». The word *still* has a very important mean in this context. There is another serious defect that connected with L.Gbagbo case – namely the decision of the court (again taken by majority – judge Wyngaert dissented) to give the prosecution more time for the collecting new evidence and presenting better proof. This decision is even more scandalous taking into account that the suspect was ordered to remain in prison while prosecution has to collect «better evidence».[3] But of course the main word is insufficient. What is included in this word? First of all the judge draws attention that most of the evidence – is an anonymous hearsay. Charges should only be confirmed if the evidence has a realistic chance of supporting a conviction beyond reasonable doubt. I am, of course, aware that the applicable standard for confirmation is considerably lower than at trial. At the confirmation stage the Prosecutor may even be given the benefit of the doubt when there are questions about the credibility of certain witnesses or the probative value of particular documents. However, there must be at least enough of an evidentiary basis to sustain a possible conviction on the assumption that these questions are resolved in favour of the Prosecutor at trial. If it is clear that, even if the available evidence is taken at its highest, there is a substantial doubt that this will be enough to support a conviction, there is no point in confirming the charges. Based on my understanding of it, I am of the view that the evidence for the charges under article 25(3)(a),(b) and (d) falls below the threshold of article 61(7) of the Statute.

Let's summarize other most important points made by the dissenting judge.

***The presented evidence does not show that that the alleged common plan to maintain L.Gbagbo in power either explicitly or implicitly involved the commission of crimes against civilian pro-Ouattara supporters**.

Dissenting judge stressed that there is no convincing evidence that show that L.Gbagbo at any point agreed with his alleged "inner circle" to commit crimes against innocent civilians. Thus the judge was not persuaded that there was a deliberate effort, on the part of L.Gbagbo and his "inner

[1] Sometimes judges formulate it a bit different – but still in the same vein with the prosecution – «operations … in pursuit of preserving power» (see para 99 of the analyzed Decision).

[2] The problem of facts of common knowledge in the international criminal proceedings has a long and scandalous history. One sharp example may be referenced from the practice of ICRT, when the court prohibit the defence from presenting the evidence that refute the so-called fact of common knowledge.

[3] "Decision adjourning the hearing on the confirmation of charges pursuant to article 61(7)(c)(i) of the Rome Statute", 3 June 2013, ICC-02/1-01/1-432, para. 4(4)(c).

circle", to mentally and materially prepare his supporters to commit crimes against civilians. For example, the majority interpreted Gbagbo's speech at Divo on 27 August 2010 as sending a signal to his supporters that they would be allowed to commit crimes against pro-Ouattara civilians with impunity. But where was proof of such an interpretation?

***It was not proved that it was foreseeable that the killing and raping of civilians would occur in the ordinary course of events**.

The available evidence about a number of isolated violent incidents by L.Gbagbo's supporters in previous years is not sufficient to show that Gbagbo knew that the FDS and/or his other supporters would inevitably commit crimes against civilian pro-Ouattara supporters.[1]

***No substantial grounds to believe that L.Gbagbo, either alone or in concert with one or more members of the alleged "inner circle", used the forces at his disposal to intentionally commit crimes against civilians**.

There is no specific evidence of any order or instruction emanating from L.Gbagbo to this effect, nor can such an order or instruction be inferred from the other available evidence in my view. In particular, I do not believe that it is possible to infer from the fact that Laurent Gbagbo forbade the RTI march, that he implicitly instructed the forces involved in the repression of the march to commit crimes against peaceful civilian protesters.[2] It is impossible to see how the deployment of armed forces to Abobo, which involved the potential use of mortars, can be characterized as an instruction to use those weapons against civilians. It is important to bear in mind, in this regard, that the military was deployed in order to fight a heavily armed insurgency group and that regular law enforcement (police, gendarmerie) were no longer able to handle the situation. Although it might be argued that by sending military units into a densely populated civilian area, L.Gbagbo created and accepted a risk that innocent civilians might be harmed (i.e. *dolus eventualis*), this falls short, in my view, of actively instructing/instigating those troops to deliberately target civilians. I am therefore unable to consider L.Gbagbo as an indirect perpetrator in the sense of article 25(3)(a).

***No enough evidence to conclude that L.Gbagbo would have ordered or otherwise deliberately prompted the commission of any of the crimes against civilians**.

In terms of implicit inducement, based on the evidence concerning L.Gbagbo's public speeches and his alleged instructions and utterances addressed to members of the FDS or "inner circle", I am not persuaded that they show a deliberate effort, 9 on the part of L.Gbagbo, to induce or mentally prepare his supporters to commit crimes against civilians, let alone that hey actually had such a direct effect.

***No sufficient evidence for the existence of a group acting with a common purpose.**

The Amended Document Containing the Charges does not provide any precise indication as to the composition of such a group.[3] It would be impossible to claim that all FDS members, all

[1] Dissenting judge stresses: *It is noteworthy, in this regard, that paragraph 23 of the Amended Document Containing the Charges states the following: "[Laurent Gbagbo] was aware of the risks that would result from the implementation of such a plan and accepted to take them." According to a number of previous decisions of this Court, the Statute does not include criminal responsibility for the acceptance of a risk that a crime may be committed in the execution of an otherwise non-criminal plan.)*

[2] Judge den Wangyaert said that the Confirmation Decision attaches a lot of importance to Laurent Gbagbo's alleged instruction during a meeting held on 14 December 2010 that the RTI march should not take place (see Confirmation Decision, para. 40). However, this finding relies entirely on the testimony of Witness P-9, who also stated that Laurent Gbagbo did not give any specific instructions as to how this should be accomplished. There is no other evidence about what was said during this meeting. Following the meeting, the Chief of Staff gave oral instructions to the Commander of the Ground Forces not o shot at civilians or impartial forces. There is also evidence of similar orders by the Chief of Police. As far as the evidence relating to alleged radio intercepts of orders given on the FDS network on the day of the RTI march is concerned, the terminology used ("rentrer dans la foule") ambiguous. It could just as easily refer to an order to push back the crowd with conventional crowd control techniques. More importantly, there is no evidence whatsoever showing that any of these intercepted orders emanated from or were approved by Laurent Gbagbo.

[1] The dissenting judge points out that the Prosecutor states merely that "*Des commandants et des membres des forces pro-Gbagbo, dont ce dernier et des membres de son entourage immédiate […] ont agi de concert en vue de lancer des attaques violentes contre son opposant politique...*" It is impossible to understand from this what the alleged contours of the "group acting with a common purpose" were or, indeed, whether and, if so, how the composition of this alleged group differed from the participants in the alleged common plan under article 25(3)(a). Also in the "Prosecution's final written submissions on the confirmation of charges proceedings" of 31 March 2014, no more specific information is provided.

mercenaries, all militia members and all youth group members constituted one large "group acting with a common purpose"[1] it is necessary to know who did belong to the alleged group acting with a common purpose. But the prosecution had not presented information about that.

***The "group" was not properly identified**.

The Confirmation Decision considers that the evidence sufficiently demonstrates that "members of the pro-Gbagbo forces" led by L.Gbagbo and the "inner circle" constituted a group within the meaning of article 25(3)(d) of the Statute. It could be agreed that it is not necessary to identify each member of the group and that the composition of the "group acting with a common purpose" can, to some extent, change over time, in the same time it is not acceptable to include persons in the "group" who never had, let alone shared, the intention to commit any crimes against civilians. This follows from the fact that in order to have a group acting with a common purpose in the sense of article 25(3)(d), it is necessary to show the same sort of meeting of the minds between al members of the group, as would be required of a group of co-perpetrators acting according to a common plan in the sense of article 25(3)(a). Accordingly, the dissenting judge stresses, that only those individuals, who agreed "to maintain L.Gbagbo in power at all costs" and to "commit crimes against civilians in order to achieve this goal", can be considered as belonging to the group acting with a common purpose. Although it is probable that there were a number of low-ranking physical perpetrators who were willing to commit crimes against civilians on behalf of L.Gbagbo, the evidence does not show substantial grounds to believe that they constituted one or more group(s) acting with a common purpose, because there is no evidence of a mutual agreement between them. At any rate, the Prosecutor provides no clear argument and does not point to any specific evidence concerning the outline and composition of the alleged "group acting with a common purpose."

***No sufficient evidence showing that the alleged contributions were made by L.Gbagbo with knowledge of criminal intent on the part of the alleged group(s).**

Many of the alleged contributions, e.g. the alleged weapons purchases[2] or the alleged money transfers to several pro-Gbagbo organizations,[3] are either to insignificant or have no obvious link to the alleged crimes against civilians. A highly relevant factor, in this regard, is that the Gbagbo regime faced a potent militarized opponent in several parts of the country, including Abidjan. The purchase and distribution of weapons was thus likely linked to the imminent/escalating armed hostilities.[4]

[1] Such a position would lump together large numbers of individuals who never intended or committed any crimes against civilians (many of whom defected during the crisis) with a relatively small number of physical perpetrators.

[2] It is hardly to believe that it is possible to rely on evidence regarding efforts/failed attempts to purchase weapons. Under article 25(3)(d) only actual contributions can lead to criminal responsibility, as the Statute does not criminalize attempted contributions. As far as evidence for actual weapons purchases is concerned, most of the evidence relates to purchases of non-lethal weapons, such as tear gas grenades, stun grenades and guns to shot rubber bullets. As far as the alleged weapons stock at the presidential palace is concerned, it is not clear from the evidence that these weapons were distributed in the knowledge that those who received them formed a group who intended to kill civilians.

[3] With regard to the evidence of money paid to Charles Blé Goudé, it is difficult to believe that this can be taken into consideration, as these two payments took place in 2004 and 2007, i.e. well before the alleged group acting with a common purpose was formed. As far as money paid to other organizations during the relevant period is concerned, according to the available evidence, the sums involved were rather modest, i.e. the equivalent of a few hundreds of Euros per month per organization. Considering that, according to the available evidence on this point, the price of one AK-47 was said to be around USD 1,20, it is clear that these funds can hardly be considered as "significant" contributions in the sense of article 25(3)(d), even if it were accepted that they were given in support of the criminal activities of the groups involved.

[4] Dissenting judge says that when contributions are generic in nature (i.e. they can be used for criminal as well as noncriminal purposes) and there is no evidence that the contributor had the aim of furthering the criminal activity of the group acting with a common purpose (i.e. in situations where only article 25(3)(d)(i) would be applicable), it is particularly important to analyze whether the accused's assistance is specifically directed towards the criminal or noncriminal activities of the relevant group. The available evidence in this case is to scant, in my view, to conclude that the aleged contributions were aimed at the commission of crimes against civilians.

***Evidentiary record is ambiguous.**

There is a clear evidence that L.Gbagbo's government took a number of steps to have the alleged crimes investigated and prosecuted.[1] However, whether these steps were sufficient to prevent or repress the commission of further crimes - or indeed to investigate and prosecute the perpetrators of the ones already committed - depends to a large extent on the question as to whether they were genuine efforts to stop and/or sanction the violence against civilians. This question cannot be resolved at this stage of the proceedings. Accordingly, given that doubts at the confirmation stage should not automatically work against the Prosecutor, I could have, in principle, envisaged confirming the charges on the basis of article 28. However, I would only confirm crimes that were allegedly committed by FDS members or by militia and mercenaries operating within the FDS command structure. With regard to crimes allegedly committed by other pro-Gbagbo armed groups, who operated outside the FDS command structure, I am not convinced by the available evidence that there are substantial grounds to believe that the members of these groups can be considered as "subordinates under [L.Gbagbo's] effective authority and control" in the sense of article 28(b) of the Statute.

These are not all the defects of the majority decision that were stressed by the dissenting judge den Wyngaert. But even these are enough to make a clear conclusion – the majority of the chamber prefer not to take the task of the confirmation of charges seriously. How the analysis of the opinion of the dissenting judge could be helpful in the establishment of the *mens rea* of majority judges? To understand the link we know the procedure of the adoption of the international judgments. The procedure is the following.[2] The judges discuss the main points at their common meetings. If one judge not agreed on certain matters, he raises his objections and presents his arguments. Thus – and this is a critical point – all other judges are well aware of the position of the dissenting judge and his arguments. In this situation the majority simply cannot just express its position without responding the argument that negates such position. Thus, if the dissenting judge is expressing his argument – it must be faced by the majority judges. Otherwise this judgment could not meet the criteria of properly reasoned. In the same time the very fact that one or several judges expressed their dissenting opinions means that the majority have not agreed with these arguments. The problem remains – why? Majority must answer because the judgment is a matter of good reasoning, not the matter of number of votes it got.

No doubts, there is no other ways for adopting the judgment in a case when members of the panel are not unanimous, than the adopting it by majority. But the situation that we have now – when the arguments of the dissenting judge/judges are simply ignored by the majority (in ICC by just one[3] or two[4] votes). Of course there are questions that relates to the opinion or experience of the judge[5]

[2] For example, at the governmental level, there is evidence that Laurent Gbagbo created the so-called *Commission Internationale d'Enquête* in response to events during and after the RTI march. Although the 'report' of the Commission is indeed extremely thin, it is noteworthy that the UN did not immediately consider the measure as inadequate or disingenuous. On 7 March 201, the then Minister of Justice and Human Rights wrote a letter to Ivorian prosecutors, instructing them to take urgent measures to investigate the post-election violence, to apprehend the perpetrators and to bring them to justice. The same minister later stated in a public speech that the government was taking preventative measures and that he had ordered criminal investigations without discrimination. There is also some evidence indicating that investigations were ordered at the lower level, transmission by police commissioner of a police report concerning the killing of two RHDP supporters by CECOS during the RTI March. The transmission letter indicates that an investigation has been opened, where the *Commisaire du Gouvernement* instructs the *Groupe de Documentation et de Recherche de la Gendarmerie Nationale* à Abidjan on 24 March 2011 to conduct a full investigation into the women's march and the Abobo mortar shelling.] A number of witnesses also provided evidence that it was not possible to investigate alleged crimes in the Abobo area because of security concerns.

[3] In this context we will not discuss the undue ways of drafting judgments (like making this job by the staff like in ICTY or exclusion of certain judges from the drafting process like in Special Court for Sierra Leone). Here we highlight only the proper way of making international judicial decisions.

[1] In trial or pre-trial chambers

[2] In the appeals chamber

[3] And again the question of experience of a judge without any judging experience are critical in ICC (and other international courts and tribunals)

- for example to believe or disbelieve in the honesty of certain witness or to use the doctrine of the judicial law-making or not. But there are purely legal matters that could not be resolved just by voting. They must be resolved by arguments!!!

All legal matters that were raised by the dissenting judge Wyngaert, stayed unanswered in the judgment adopted by majority. And thus this very fact makes this judgment legally defected. This fact must be addressed at the every corner of international justice. Non-resolution of this problem makes all modern system of international criminal justice a mockery.

Postscriptum. And who are the judges?

The question is who are the judges of ICC in general and judges in the President L.Gbagbo case is very interesting and with proper investigation could bring us to quite unexpected results.

First of all it is important to notice that there are many judges at ICC who are not real judges (meaning that they don't have a single day of court experience) but they are not even lawyers. Secondly, only one member in the L.Gbagbo Pre-Trial chamber had an experience as a judge. One member is not even a … lawyer. Moreover – this non lawyer judge acted as a single judge. Single judge – is a very special story that needs the separate analysis, but in this very context we just want to stress that this very non lawyer judge took all procedural decisions during almost three years. And procedural decisions are not non important ones. These decisions are critical for the implementation of the rights of the accused so they all lay in the base for the fairness of the trial.

By the way it is not an easy task to verify the legal (if any) background of the ICC judges. The synopsis of the judges background available on the official ICC website worded in a so nice way that you need to analyze the text to understand what it really says. Or what it really attempts to hide. Let's read the background of the presiding judge of the L.Gbagbo Pre-Trial Chamber *M. Fernández de Gurmendi*. The official bio of this judge says that she «has over 20 years practice of international and humanitarian law and in human rights». This is really good news, because the L.Gbagbo case is of a great concern for the assurance of the accused's right, but is that all from the legal education of the judge? It seems so, because the official bio states, that M.Fernandez came to the ICC from the Ministry of Foreign Affairs «where she was the Director General for Human Rights». Again – not for International Law, but human rights. It sounds good but we have only one possible conclusion to make - M.Fernández does not have legal education. This is scandalous thing. The judge who was never a judge and who does not have legal education.[1]

The biography of Judge *Kaul* is different. From the synopsis we can see that he «is qualified for the German Bar». The frase is not very clear but still give us an idea that at least he is at least a lawyer. But again we see that Mr.Kaul never ever worked not as a judge neither as a counsel (though he is *qualified* for the bar). law.[2]

[4] Official bio of M.Fernandez further says she «acted as a representative of Argentina in cases before the Inter American Commission of Human Rights and the Inter American Court of Justice», «represented Argentina before universal and regional human rights bodies and advised on transitional justice issues related to the prevention of genocide and other international crimes», «contributed to the creation and set up» of ICC, «was also instrumental in the negotiations of the complementary instruments of the Rome Statute as chair of the Working Group on Rules of Procedure and Evidence and the Working Group on Aggression». All these information only inform us that the Argentina government decided to send a non-lawyer to a certain delegations. It never said she headed these delegations, from which you could conclude that she was simply a member of such a delegations and not because of her extraordinary skills but ex officio – as a head of human rights department of Argentina's MFA. // See: http://icc-cpi.int/en_menus/icc/structure%20of%20the%20court/chambers/the%20judges/Pages/judge%20silvia%20alejandra%20fern%C3%A1ndez%20de%20gurmendi.aspx

[1] More information includes that in 2002 Kaul was appointed Ambassador and Commissioner of the Federal Foreign Office for the International Criminal Court. From 1996 to 2003 he participated as head of the German delegation in the discussions and negotiation process of the Rome Statute of ICC. In his capacity as Head of the Public International Law Division of the Federal Foreign Office (1996 - 2002), he was responsible, *inter alia*, for several cases involving Germany which were before the International Court of Justice. He has written extensively on the ICC and other fields of public international // http://icc-cpi.int/en_menus/icc/structure%20of%20the%20court/chambers/the%20judges/Pages/judge%20hans_peter%20kaul%20_germany__%20second%20vice-president.aspx

The only judge that look like a real judge is *Cristine van den Wyngaert***.** But only at a first glance. Yes, M. den Wyngaert is a lawyer[1] and came to ICC from ICTY – International criminal tribunal for the former Yugoslavia.[2] But being an international judge does not really make you a judge. Moreover M. den Wyngaert sat at ICTY only in two cases.[3] Nevertheless the background of den Wyngaert is the best judge in the L.Gbagbo's pre-trial chamber. She is a lawyer and she had previous international *judicial* experience. Thus it is not surprising that very this judge expressed her dissenting opinion to her non-judge and non-lawyer colleagues and did it twice. It is important to note that Judge' den Wyngaert dissent based on essentially legal matters and concerns such a fundamental question that must be established by the judge, not by a laymen.

We are far from claiming that the professional level of judges of the PTC in the case against President Gbagbo was a main reason for the legal defects of its decision of 12 June. The main reason is very different and lays in the political level of the case. But the problem of professionalism of judges is still an obstacle for the proper administration of justice in L.Gbagbo case as well as in modern international criminal justice generally.

SARKOZY ET LE COUP D'ÉTAT CONTRE GBAGBO

Charles Onana[4]

Depuis l'arrivée de monsieur Nicolas Sarkozy à l'Élysée, ses relations avec les chefs d'État africains et avec l'Afrique en général sont difficiles. Son septennat s'ouvre le 26 juillet 2007 sur un discours bruyant à Dakar au sujet de 1'Afrique et de ce qu'il appelle lui-même l'homme africain»:

«Le drame de 1'Afrique, c'est que l'homme africain n'est pas assez entré dans 1'histoire. Le paysan africain, qui depuis des millénaires, vit avec les saisons, dont l'idéal de vie est d'être en harmonie avec la nature, ne connaît que l'e'ternel recommencement du temps rythmé par la répétition sans des mêmes gestes et des mêmes paroles. Dans cet imaginaire où tout recommence toujours, il n'y a de place ni pour 1'aventure humaine, ni pour 1'idée de progrès. Dans cet univers où la nature commande tout, l'homme échappe à l'angoisse de l'histoire qui tenaille l'homme moderne mais l'homme reste immobile au milieu d'un ordre immuable ou tout semble être écrit d'avance. Jamais l'homme ne s'élance vers l'avenir. Jamais il ne lui vient à l'idée de sortir'de la répétition pour s'inventer un destin».

Ces propos très 'peu cartesiens provoquent un tollé dans tout le continent. Le président Sarkozy s'efforcera de ne plus revenir sur 1e caractère à peine «ethnologique» de son discours dakarois. Aux mois de mai-juin 2010, lors du Sommet de Nice, il change de registre. Ses préoccupations sont plus économiques. Il considère, à cette occasion, que 1'Afrique serait un partenaire respectable qui mériterait d'être traité à sa juste valeur:

«Ce qui fonde notre conviction, e'est la claire conscience que nos destins sont indissolublement lie's. L'échec de l'Afrique serait le drame de l'Europe. (...) La nouvelle relation franco-africaine que j'appelle de mes voeux, je la veux décomplexée (...). Il n'y a pas d'un côté des grands pays, de l'autre des petits, mais des partenaires qui ont des intérêts à defendre, des points de vue à faire valoir, sur la base d'une relation d'e'galité et tournée vers le futur».

[2] She «obtained a PhD in International Criminal Law in 1979. She was a professor of law at the University of Antwerp (1985 - 2005) where she taught criminal law, criminal procedure, comparative criminal law and international criminal law» // See: http://icc-cpi.int/en_menus/icc/structure%20of%20the%20court/chambers/the%20judges/Pages/judge%20christine%20van%20den%20wyngaert%20_belgium_.aspx

[3] Official bio says she also has an «extensive international judicial experience. She served in the International Court of Justice as an *ad hoc* judge in the Arrest Warrant Case (2000 - 2002)». What this bio fails to mention is ICJ judge and judge in criminal cases is too different things.

[4] From 2003 to 2009

[5] ***Charles Onana –*** journaliste d'investigation et auteur de nombreux ouvrages de reference sur les conflicts armee en Afrique et la justice internationale.

Le 25 août 2010, lors de la XVIII conférence des ambassadeurs au palais de l'Élysée, Nicolas Sarkozy, diplomate pour l'occasion, exprime quelles seraient ses convictions profondes:

«L'Afrique a un potentiel considérable. L'Afrique a de l'espace, l'Afrique a des ressources, 1'Afrique a une jeunesse et c'est tout l' intérêt de 1'Europe de parler d'une même voix avec 1'Afrique à 1'Afrique le poids nécessaire dans la gouvernance mondiale et les financements nécessaires pour qu'elle se développe. On n'a pas le choix. Il y a douze kilomètres par le détroit de Gibraltar et donc, nous n'avons pas le choix en la matière».

Dans son discours très politique au Sommet de 1'Union africaine à Addis-Abeba en Éthiopie le 30 janvier 2011, le président Sarkozy donne ses impressions sur les événements qui secouent les re'girnes africains:

«La bonne gouvernance, la démocratie, le respect des droits de l'Homme sont autant de valeurs pour lesquelles votre organisaition se bat au quotidien et que vous réussissez à faire avancer. Ce sont des aspirations profondes de chacun de nos peuples, comme nous le rappellent avec force les événements de Tunisie et d'Égypte (...). Permettez-moi, sur ce sujet sensible, au nom du lien fraternel qui unit les peuples d'Afrique et le peuple français, de vous parler à cœur ouvert. Je veux le faire en ami, en ami sincère, parce que 1'on doit la vérité à ses amis (. . .) parce que devant les victimes innocentes la conscience ne peut pas rester indifférente, parce que la violence, d'ou qu'elle vienne, n'est jamais une solution, parce que la violence n'appelle rien d'auvtre que 'la violence, parce que 'la violence, sur tous les continents, n'engendre que la désolation et la souffrance. La France respecte la souveraineté des États et le droit des peuples à se déterminer eux-mêmes. La France ne veut donner de leçon à personne, ni chercher à imposer un modèle. Au nom de quoi le pourrait-elle?»

Mais, au sujet de la Côte d'Ivoire, il glisse:

«Je pense à la Côte d'Ivoire, où tout un peuple voit bafouer le choix qu'il a librement exprimé lors d'une élection qui devait sceller le retour à la paix. La France apporte un soutien résolu aux efforts de 1'Union africaine, de la CEDEAO et du Secrétaire général des Nations Unies».

Lorsque le président français parle du choix bafoué du peuple ivoirien, il faut savoir exactement à quoi il fait allusion.

Revenons donc sur les faits et voyons comment se comporte le président Sarkozy dans ce dossier de politique intérieure propre à la Côte d'Ivoire. Au terme du premier tour des élections ivoiriennes, tout semble normal. Laurent Gbagbo est entête avec 38,04% des suffrages alors que son concurrent, Alassane Ouattara, arrive' en deuxième position, est crédité de 32,07% des suffrages. Les deux camps acceptent les résultats et l'on croit s'acheminer vers une situation raisonnable.

En réalité, ce n'est pas le cas. Le second tour étant décisif, chaque camp attend ce moment pour exprimer ses frustrations, ses désaccords et même ses rancoeurs. C'est ce second tour qui va eristalliser les haines, la violence et les fraudes.

Déroulement du second tour des élections présidentielles

Le 28 novembre 2010, le second tour des élections présidentielles a lieu dans un climat de tension palpable. L'enjeu est important car celui qui sera élu aura la légitimité des urnes et la lourde charge de redresser un pays ronge' par la guerre et les divisions internes. Il pourra aussi exiger la levée immédiate des sanctions qui pèsent sur la Côte d'Ivoire depuis 2004. ll est donc évident que chaque camp croit aux chances de son candidat. Il y a cependant deux problèmes. Le premier est que la division du pays en deux parties -le Nord contrôlé par les rebelles d'Alassane Ouattara et le Sud contrôlé par l'année ivoirienne sous l'autorité du président sortant Laurent Gbagbo est propice à la fraude et à des affrontements entre les partisans des deux candidats.

Le second problème, moins visible, est que 1e camp d'Alassane Ouattara bénéficie déjà de soutiens divers tant du représentant spécial de l'ONU, monsieur Choi, que des ambassadeurs de France et des Etats-Unis à Abidjan. Cet appui interférera dans la gestion politique du second tour. C'est sans doute sur ce dernier aspect que tout va se jouer. Si les élections se déroulent presque normalement dans la partie sud du pays, ce n'est pas nécessairement le cas au Nord où les rebelles

commettent des actes de violence et d'intimidation contre les partisans du candidat Laurent Gbagbo. Un procès verbal d'huissier dressé le 1 décembre 2010 mentionne les faits ci-apres:

«Monsieur Laurent Gbagbo, né le 3l mai 1945 à Gagnoa, de nationalité ivoirienne, enseignant-chercheur, candidat à l'élection présidentielle au second tour de la République de Côte d'Ivoire, domicilié à Abidjan Cocody, quartier Ambassade. Lequel faisant élection de domicile dans ladite Ville, m'a exposé ce qui suit: Que pour le bon déroulement du second tour de l'élection présidentielle, prévue pour le dimanche vingt huit (28) novembre 2010, sa direction locale de campagne (DLC) de Korhogo, a réquisitionne certains des militants de la majorité présidentielle (LMP) en vue de superviser le vote dans les différents bureaux. Que malheureusement, ces militants légalement requis n'ont pu assister au déroulement du scrutin parce qu'ils ont été séquestrés par des éléments des Forces Armées des Forces Nouvelles (FAFN) et des militants du Rassemblement des Républicains (RDR) qui les ont sauvagement bastonnés.

Que pour la sauvegarde de ses droits et intérêts, il me requiert de toute urgence à l'effet d'auditionner Monsieur Doulaye Coulibaly, né le 1 janvier 1952, enseignant militant LMP DDC de Boundiali domicilié a Abidjan Cocody et d'en dresser le procès verbal».

Le même jour, un rapport d'étape soulignant des anomalies graves au sujet des procès-verbaux du second tour des élections présidentielles est adresse au président de la commission électorale indépendante. Ce rapport rédigé par Sils Technology, la société informatiun chargée de surveiller la conformité des procès-verbaux, précise:

«Monsieur le président, nous avons l'honneur de vous transmettre ci-joint, le rapport de l'élection présidentielle 2010-2-eme tour, issue du traitement électronique. Nous voudrions souligner à votre attention que notre logiciel a rejeté un nombre de procès-verbaux pour non-conformité d'acceptation au critère de validité électronique (un nombre de votants anormalement supérieur au nombre d'inscrits) estimé à 2000. Toutefois, ces procès-verbaux pourraient être traités après audit et validation par votre structure. Aussi, voudrions-nous porter à votre connaissance la mise à notre disposition très tardive des procès-verbaux. Cela ne nous a pas permis de présenter un résultat exhaustif. Ce rapport sera suivi d'un rapport provisoire dès que nous aurons saisi les procèsverbaux restants. En vous souhaitant bonne réception et restant à votre disposition pour toute information complémentaire, nous vous prions d'agréer, Monsieur le Président, l'expression de nos salutations distinguées».

Au cours de cette même journée, un rapport de monsieur Charles Kambire, délégué du conseil constitutionnel, relate les fraudes constatées dans les bureaux de vote de la localité de Bouna, au nord-est du pays, contrôlée par les forces pro-Ouattara:

«Dans le cadre du deuxième tour de l'élection présidentielle du 28 novembre 2010 mandat m'a été donne' par le président du conseil constitutionnel pour le représenter dans les bureaux de vote.

Les bureaux de vote visités sont essentiellement Ceux de Bouna. Successivement nous avons sillonné les bureaux de l'EPP Nord (3 bureaux), de l'EPP Ouest (2 bureaux) et de l'EPP Sud (4 bureaux) de Doropo. Par la suite nous sommes allés à Tingo Yalo (2 bureaux), Kodo (1 bureau), Varalé (1 bureau), Latrougo (1 bureau), Bouko (3 bureaux) et Panzarani (2 bureaux). Au total 19 bureaux de vote ont été visités dans 7 localités différentes.

En tout premier lieu il faut noter le climat de peur instauré par les responsables du RHDP et leurs complices des Forces Nouvelles en procédant par des menaces et des intimidations avant le déroulement du scrutin. Des menaces de mort ont été proférées contre les responsables de campagne de La Majorité Présidentielle (LMP).

Le jour du scrutin le père Wattao s'est installé au bureau de vote n°3 de l'EPP Nord de Doropo pour s'assurer que sa consigne demandant de voter pour le candidat du RHDP était respectée. De toute évidence le vote n'était pas libre dans ce bureau et dans bien d'autres.

Au bureau de vote de Massiou, voyant que le décompte des voix penchait largement en faveur du candidat de LMP, les deux éléments des Forces Nouvelles ont, avec la complicité du président du bureau de vote, tiré des coups de feu en l'air pour disperser tout le village et proclamer des résultats qui donnent certes le président Gbagbo vainqueur mais avec une marge peu importante (47 à 35) là

où le décompte au moment des incidents était de 160 pour le candidat de LMP. Au bureau de vote de Kartoudouo, selon le témoignage de monsieur Ollo Paul représentant de LMP dans ce bureau, le responsable du RDR monsieur Kambou Sansan Sifirté a brandi lune machette pour menacer les électeurs et les obliger à voter pour le candidat du RDR. Le président du bureau de vote de cette localité a ouvertement fait campagne pour le candidat du RDR 1e jour du scrutin. En de compte le résultat dans ce bureau donne 249 voix au RDR et 48 voix à LMP.

Le lundi 29 novembre 2010 aux environs de 14 heures alors que la délégation de LMP s'apprêtait à quitter Bouna, trois membres de l'équipe départementale de campagne de LMP (Dr Hien Sie maître assistant à l'université de Cocody, Kambire Ladiré chauffeur du maître de Doropo et Hien Djornanté Jean-Marc comptable) ont été enlevés avec le véhicule du DDC pour une destination inconnue. Le véhicule du fédéral FPI Kambou Difilé a été également braqué. Ils ont été déshabillés, menottes et jete's dans les vestiaires du stade municipal de la ville. Ils ont dû leur salut à des badauds qui vont alerté des personnes qui sont venues les secourir. Quant au DDC de Bouna le principal recherché il a pu être recueilli et mis en sécurité par les responsables du CCI. Les véhicules ont été retrouvés mais leur contenu pillé et saccage. Des témoignages concordants recueillis dans d'autres localités non visitées (Gogo, Tougbo, Vargbo, etc.) laissent apparaître clairement que le vote n'a pas été libre dans le département de Bouna. Au total le deuxième tour de l'élection présidentielle du 28 novembre 2010 s'est déroulé dans des conditions peu démocraticìues dans le département de Bouna».

La liste des exactions et des comportements douteux s'allonge dans les localités contrôlées par les rebelles pro-Ouattara. Le rapport du 29 novembre du général de brigade Nicolas Kouakou détaille les faits suivants:

«Le dimanche 28 novembre 2010, aux environs de 9 heures, le PC Central du CCI, en charge de la sécurisation du scrutin présidentiel, a enregistré 1'arrivée d'un convoi de quatre cars de transport en commun ayant à bord un contingent de deux cent dix-sept personnes, pour la plupart des jeunes gens et des jeunes filles de la Majorité présidentielle (LMP), déboutés de leur mission en tant que représentants du candidat Laurent Gbagbo dans les bureaux de vote en zone CNO».

En dehors des faits rapportés par diverses personnalités ivoiriennes, la mission des observateurs de 1'Union Africaine note, pour sa part, des faits similaires. Dans un rapport du 30 novembre 2010, le chef de la mission, l'ancien Premier ministre togolais, Joseph Kokou Koffigoh, signe une déclaration mentionnant les faits suivants:

«La mission a relevé avec regret des actes de violence graves notamment des pertes en vies humaines, des atteintes à l'intégrité physique, des séquestrations, des intimidations, des tentatives d'enlèvement qui devraient faire 1'objet d'une appréciation minutieuse de la part des organes compétents afin de déterminer leur impact sur le scrutin. En outre, la mission déplore l'ouverture tardive de certains bureaux de vote; le manque de stickers dans certains bureaux de vote; le climat relativement lourd aux alentours des lieux de vote. Enfin, la mission déplore la séquestration de deux de ses observateurs et remercie les agents de l'ONUCI pour le dénouement heureux intervenu à temps».

Informé de tous ces faits délictueux, le candidat Laurent Gbagbo présente une requête aux fins d'annulation au président du Conseil constitutionnel le 30 novembre 2010 en ces termes:

«Monsieur Laurent Gbagbo, né le 31 mai 1945 à Babré etc. a l'honneur de vous exposer ce qui suit : qu'il s'est porté candidat aux élections présidentielles de la République de Côte d'lvoire sous le sigle LMP (La Majorité Présidentielle); qu'il a constaté au cours du second tour du scrutin qui s'est déroulé le 28 novembre 2010 auquel il a pris part, de graves et nombreuses irrégularités qui sont de nature à entacher sérieusement la sincérité et la régularité des résultats du vote dans la circonscription électorale de Ferkéssédougou; que conformément aux dispositions des articles № 2008-l33 du 14 avril 2008 portant ajustement du code électoral pour les élections générales de sortie de crise, monsieur Laurent Gbagbo porte par la présente, une juste réclamation devant le Conseil constitutionnel; que selon Particle 35 nouveau de la loi susvisée, chaque bureau de vote comprend un président, deux représentants de chaque candidat ou liste de candidats et deux secrétaires ; que cependant l'élection présidentielle du second tour s'est déroulée dans le département de Ferkéssédougou sans qu'ait été

respecté le principe de la liberté, de transparence, d'équité et d'équilibre dans la représentation de chaque candidat ; qu'il a été donné de constater dans le département de Ferkéssédougou que les représentants, pour ceux qui ont été admis dans les bureaux de voté ont fait 1'objet de menaces de mort; qu'en effet la veille du scrutin, aussi bien, les militants que les représentants de LMP dans les bureaux de vote ont été persécutés et ont fait l'objet de fortes pressions morales en vue de les empêcher de paniciper au vote; des consignes de vote, sous contrainte et menace d'atteinte à leur intégrité physique n'ont pas permis aux militants LMP d'assumer en toute liberté leur choix; ils ont été mis en garde contre la présence d'un seul bulletin LMP dans l'urne lors du dépouillement; que des représentants se trouvant dans la ville de Ferkéssédougou n'ont pu se rendre dans les bureaux de vote sous la menace des forces nouvelles et dépouilles de leurs biens et documents (extrait de liste électorale, motos, etc.); que le vote dans le département de Ferkéssédougou s'est déroulé par conséquent dans une atmosphère délétère de nature à rompre l'équilibre et l'équité prévus par l'article 35 susvisé, privant ainsi le candidat de LMP de s'assurer du bon déroulement, de la transparence du scrutin et du dépouillement; qu'il est avéré que dans tout le département de Ferkéssédougou, des faits graves de menaces de mort, d'assassinat, d'intimidations, de violences physiques, de séquestrations et d'agressions ont été perpétrés sur les représentants et militants de LMP par les forces nouvelles et par les militants du RDR; que la présence insuffisante des forces de défense et de sécurité en zone CNO n'a pas rassuré les électeurs sachant que ceux-ci n'étaient là que pour un très court séjour ; qu'à ce jour lès militants traumatisés qui n'ont pas la chance de quitter la zone sont encore traqués et se terrent, que certains électeurs ont même été contraints, sous la menace des armes à voter pour le candidat du RDR; qu'il a également été donné de constater dans certains bureaux de vote que les Forces de Défense et de Sécurité (FDS) affectées à la surveillance des dits bureaux de vote, étaient totalement absentes, laissant ainsi la population à la merci des Forces Nouvelles qui semaient la terreur; qu'il est surtout patent que les violences rapportées se soient particulièrement exercées sur les représentants du candidat Laurent Gbagbo et sur leurs militants de la formation politique qui le soutient (LMP); que pire, à la fin du scrutin, les militants RDR aidés par les Forces Nouvelles ont confisqué la majorité des procès-verbaux de sorte que la LMP n'a à ce jour aucun moyen de vérifier ni de certifier les résultats issus de ce département; cette implication forte des Forces Nouvelles dans le déroulement du scrutin viole ainsi les dispositions de l'article 11 alinéa 2 du décret № 2010-278 du 12 octobre 2010 portant organisation et fonctionnement des bureaux de vote qui dispose que: «nulle force armée ne peut, sans autorisation du président du bureau de vote, être placée salle de vote ou aux alentours immédiats»; de façon générale, les éléments des Forces Nouvelles ont circulé toute la journée dans les différents bureaux de vote en exigeant que le vote se fasse en faveur du candidat RDR (...). C'est pourquoi monsieur Laurent Gbagbo, sollicite qu'il plaise au Conseil Constitutionnel après avoir déclaré recevable le présent recours pour être intervenu dans les formes et les délais légaux de bien vouloir constater ces graves irrégularités et dire qu'elles sont de nature à entacher la sincérité du scrutin dans ce département et à en affecter le résultat d'ensernble, en violation de l'article 9 du décrert № 2010-278 du 12 octobre 2010 portant organisation et fonctionnement des bureaux de vote. Il prie en conséquence le Conseil Constitutionnel de bien vouloir prononcer l'annulation des résultats du second tour de 1'élection présidentielle du 28 novembre 2010, des bureaux de vote dans tout 1e département de Ferkéssédougou (commune et sous-préfecture). Et ce sera justice. Fait à Abidjan le 30 novembre 2010».

Du côté d'Alassane Ouattara, aucune réclamation de fraude ou de brutalité venant des partisans de Laurent Gbagbo n'est explicitement soulevée par les voies autorisées. Selon différents observateurs consultés par nos soins, les partisans de Laurent Gbagbo, ne pouvant se prévaloir d'appuis extérieurs, n' étaient pas dans le même état d'esprit que les rebelles et les sympathisants d'A1assane Ouattara. Ce qui ne signifie pas que des partisans de Ouattara n'aient pas été, eux aussi, violentés.

Blocage résultant de la violation de la Constitution

Au lieu de s'acheminer vers l'examen et le traitement exhaustifs de la requête du candidat Laurent Gbagbo, notamment par le Conseil constitutionnel compétent en la matière, on assiste au premier coup de force du président de la CEI (Commission Eléctorale Indépendante), monsieur Youssouf Bakayoko. Ce dernier décide d'organiser une conférence de presse à 1'hôtel du Golf où réside 1e candidat Alassane Ouattara pour proclamer les résultats du second tour de l'élection présidentielle. C'est ainsi que l'intéressé déclare le 2 décembre 2010 que monsieur Alassane Ouattara est le vainqueur de l'élection présidentielle avec 54,10% des suffrages contre 45,90% pour Laurent Gbagbo. Cette déclaration du président de la CEI est la source de la dégradation rapide de la situation politique post-électorale et du blocage qui s'en suivra car le procédé est fondé sur une violation grave de la Constitution ivoirienne et témoigne d'un engagement partisan de la CEI en faveur d'un des deux candidats.

Voici quelques observations qui expliquent cette situation. La CEI est une autorité administrative chargée au titre de l'article 32 alinéa 3 de la Constitution ivoirienne de « l'organisation et de la supervision des élections »[1]. L'article 2 de la loi définissant les compétences de la CEI et complété par le nouveau code électoral précise que la CEI dispose d'un délai de trois jours pour proclamer les résultats provisoires et transmettre les procès-verbaux des résultats ainsi que toutes les pièces justificatives au Conseil constitutionnel afin que ce dernier examine toutes les requêtes et proclame les résultats définitifs. Cette procédure a été respectée au premier tour mais pas au second tour. Pourquoi?

Probablement parce que la CEI, ou du moins son président, avait déjà pris parti pour un candidat. La veille de sa déclaration, le 1er décembre, 1e président de la CEI a reçu les assurances du président Sarkozy qui lui a téléphoné pour l'inciter à agir en faveur du candidat Ouattara. Le délai imparti à la CEI pour proclamer les résultats et communiquer les pièces au Conseil constitutionnel conformément à la loi est arrivé à expiration le 1er décembre 2010 à minuit. Vers 23h30, heure d'Abidian, le président de la CEI fait une déclaration à la radio télévision ivoirienne (RTI) en affirmant que les résultats provisoires ne sont pas consolidés et qu'il ne peut les divulguer. Seulement, le lendemain, vers 17h, alors que son action est forclose, le président de la CEI se rend non pas à la RTI où il a fait sa déclaration la veille mais plutôt au siège de campagne de monsieur Alassane Ouattara, à l'hôte1 du Golf, qui est aussi la résidence officielle des rebelles, pour annoncer les résultats du second tour de l'élection présidentielle. Or cet endroit, qui n'est ni le siège de la CEI ni celui d'une institution autorisée à tenir ce genre de déclaration, n'est pas neutre.

Autrement dit, le président de la CEI ne prend aucune précaution élémentaire pour éviter d'être soupçonné de parti pris en faveur du candidat Ouattara. De plus, en se rendant nresaue seul à l'hôtel du Golf, il semble agir sans le consentement de tous les membres de la CEI qui auraient dû approuver majoritairement cette décision.

Autre detail important, au moment où le président de la CEI fait sa declaration, i1 y a dans la salle, les ambassadeurs de France et des États-Unis, le représentant du Secrétaire général de l'ONU, le représentant spécial du président du Burkina Faso qui, tous, soutiennent Alassane Ouattara. De plus, cette déclaration est faite exclusivement devant les médias français et étrangers qui constituent le principal relais des résultats divulgués hors délai par le président de la CEI.

Sur la base de ces éléments, force est de constater la violation flagrante des règles de transparence, du principe d'égalité de traitement des deux candidats et de toute notion d'impartialité voire d'indépendance de la CEI. Pis, il y a violation de l'article 59 du nouveau code électoral qui prescrit que le président de la CEI procède «à la proclamation provisoire des résultats en présence des représentants des candidats». Il semble bien que le représentant du candidat de Laurent Gbagbo n'a même pas été convié à écouter la déclaration du président de la CEI. Un autre point quia fait polémique autour de la CEI concerne sa composition, jugée par certains largement favorable au candidat Ouattara. ll est vrai que sur les 3l membres que compte la CEI, on compte 20 représentants des partis politiques, 2 représentants du chef de l'Etat et du président de l'Assemblée nationale avec

voix délibératives, 9 membres représentant l'administration et la societé civile avec voix consultatives. Au total l'opposition détient 16 voix délibératives sur 22. Pourtant, même si elle est en majorité hostile à Laurent Gbagbo, un nombre non négligeable de personnalités de la CEI n'approuvent pas le tripatouillage qui se déroule sous leurs yeux pour favoriser le candidat Ouattara. La partialité de la CEI ne sera pas le fait de l'ensemble de ses membres mais plutôt celui de son président dont le zèle est manifeste.

Avec des résultats destinés en priorité à la presse étrangère, pour des objectifs purement extérieurs à la Côte d'Ivoire et aux Ivoiriens, cette élection semble bien peu, au final, appartenir aux Ivoiriens. La suite des événements n'en sera qu'une r démonstration parfaite.

Au lendemain de la déclaration de monsieur Youssouf Bakayoko, c'est-a-dire 1e 3 décembre, le reprsentant special du Secrtaire general de I'ONU intervient, lui aussi, de façon inopportune sur les resultants des elections. Il declare :

«Malgré mon appel à la CEI pour qu'elle proclame promptement les résultats provisoire du 28 novembre 2010, la CEI a été incapable de le faire sans retard, en raison des divisions internes. Ces divisions internes ont été exacerbées lorsque les forces de sécurité ivoiriennes ont renforcé «leur protection» au siège de la CEI à partir du 30 novembre au matin. Ceci a conduit, à la fin, le président de la CEI,Youssouf Bakayoko, à annoncer les résultats du second tour dans l'après-midi du 2 décembre 2010 à l'hôte1 du Golf : le taux de participation a dépassé la barre des 81%; le candidat Alassane Ouattara a obtenu 54,10%; le candidat Laurent Gbagbo obtenant 45,90».

Cette déclaration est troublante, d'abord parce qu'il ne revient pas au représentant de l'ONU de confirmer ni même d'infirmer les résultats du second tour en lieu et place du Conseil constitutionnel ivoirien. Ce faisant, il s'écarte de l'attitude de neutralité et d'impartialité vivement recommandée dans ces circonstances par la nature même de sa fonction. De plus, tout en reconnaissant que la CEI n'a pas proclamé les résultats dans les délais requis, il n'en conclut pas pour autant à sa défaillance, ce qui aurait normalement conduit le Conseil constitutionnel à s'emparer du dossier.

Deuxièmement, il admet également qu'il y a des désaccords au sein de la CEI mais n'estime pas nécessaire d'en tenir compte, au moins pour en comprendre les raisons et éventuellement, envisager une solution. Il préfère s'appuyer sur des résultats rendus hors délai en évacuant d'un revers de main les requêtes du candidat Laurent Gbagbo pour confirmer la «victoire» d'Alassane Ouattara.

Troisièmement, monsieur Choï en tant qu'arbitre, aurait dû juger inopportun le choix de l'hôtel du Golf pour cette proclamation de résultats et proposer un bâtiment officiel pour que le président Bakayoko s'y exprime en toute liberté, si nécessaire sous protection de l'ONUCI. Ceci aurait d'ailleurs coupé court à toute polémique sur la partialité du président de la CEI. En entérinant la présence et le discours de monsieur Bakayoko à l'hôtel du Golf, monsieur Choï valide purement et simplement un comportement suspect qui ne semble, au demeurant, poser aucun problème d'ordre éthique ou juridique à l'ONU.

Le dernier point est le plus grave. C'est l'ingérence directe de monsieur Choï dans les affaires intérieures de la Côte d'Ivoire en violation totale de son mandat et de son statut de fonctionnaire international. Pour s'en convaincre, il suffit de revenir à la résolution 1765 du conseil de sécurité du 16 juillet 2007 qui précise clairement le mandat de monsieur Choï Young-Jin: «Le représentant spécial du Secrétaire général en Côte d'Ivoire certifiera que tous les stades du processus électoral fourniront toutes les garanties nécessaires pour la tenue d'élections présidentielles et législatives ouvertes, libres, justes et transparentes. Conformément aux normes internationales». Il n'est nullement dit ici que le représentant spécial se substituera au Conseil constitutionnel de Côte d'Ivoire ni qu'il devra interférer dans les résultats provisoires ou défiítifs des élections rendus par ledit conseil. Ór, c'est ce qu'il fait dans sa déclaration du 2 décembre 2010:

«En tant que certificateur des élections ivoiriennes, j'ai procédé à l'évaluation et à l'analyse de tous les procès verbaux transportés par l'ONUCI et reçus de la CEI. Même si toutes les réclamations déposées par la majorité présidentielle auprès du conseil constitutionnel étaient prises en compte en nombre de procès-verbaux, et donc de votes, le résultat du second tour de l'élection présidentielle

tel que proclamé par le président de la CEI le 2 décembre ne changerait pas, confirmant le candidat Alassane Ouattara vainqueur de l'élection présidentielle».

Cette déclaration est incongrue. Elle contrevient au propre mandat de monsieur Choi et à la résolution 1765 qui réaffirme en son préambule le «respect de la souveraineté, 1'indépendance... de la Côte d'Ivoire». Face à cette initiative, il devient évident que les élections ivoiriennes ont quitté le terrain du droit pour celui de la politique et de la géopolitique internationales. Pour sauver son image et même sa crédibilité dans ces élections, l'ONU, à travers son représentant, entre en conflit de légitimité avec le conseil constitutionnel ivoirien.

Il est d'ailleurs frappant de voir la conclusion d'un rapport confidentiel de l'ONUCI en date du 10 février 2011, établi par le centre de renseignement et d'analyse de l'ONUCI (Joint Mission Analysis center) qui souligne:

«l'ONU principale concernée par la crise ivoirienne, joué sa crédibilité et se retrouvera dans une situation complexe lorsque les échéances électorales se rapprocheront dans certains pays de la CEDEAO. À cet égard, au moment où des sources bien informées confirment que Laurent Gbagbo montre des signes d'épuisement, il serait bon de le priver de ses moyens de propagande qui fonctionnent à merveille et sur lesquels il compte de plus en plus pour susciter une insurrection quand il aura épuisé les moyens diplomatiques».

Ainsi, pour les historiens du droit et les constitutionnalistes, l'élection présidentielle de 2010 en Côte d'Ivoire restera un cas d'école. Dans la même journée du 3 décembre 2010, après le coup de force du président de la CEI et l'appui prévisible que lui apporte monsieur Choï, le Conseil constitutionnel ivoirien prend ses responsabilités et rend les résultats définitifs en ces termes:

«Les résultats définitifs proclamés par le conseil constitutionnel le vendredi 3 décembre 2010, se présentent comme suit: Laurent Gbagbo: 51,45%, Alassane Ouattara: 48,55%. Il ressort de tout ce qui précède que seul le président élu à l'issue du scrutin du 28 novembre 2010, en l'occurrence monsieur Gbagbo Laurent est habilité à prêter serment».

Cette décision déstabilise monsieur Alassane Ouattara et ses soutiens qui croyaient avoir pris de vitesse le candidat Gbagbo et surtout le Conseil constitutionnel. Leur objectif de prendre le pouvoir par la force et dans la précipitation venait d'être contrarié. Ils vont vite échafauder une seconde phase pour parvenir à leurs fins. Juste après la déclaration de monsieur Bakayoko, le président américain Barack Obama vient à la rescousse du candidat Ouattara:

«Je félicite Alassane Ouattara pour sa victoire aux élections du 28 novembre en Côte d'Ivoire. La Commission électorale indépendante, des observateurs crédibles et accrédités et les Nations Unies ont tous confirmé ce résultat et attesté sa validité. La Côte d'Ivoire est maintenant à la croisée chemins. J 'exhorte toutes les parties, y compris le président sortant Laurent Gbagbo, à reconnaître et à respecter ce résultat et à permettre à 1a Côte d'Ivoire d'aller de l'avant vers un avenir pacifique et démocratique, laissant dans le passé de longues années de conilit et d'occasions manquées. La communauté internationale tiendra pour responsables de leurs actions ceux qui agissent en vue de contrecarrer le processus démocratique et la volonté de l'électorat».

La reconnaissance d'une très discutable «victoire électorale» de monsieur Ouattara accompagnée d'une menace à l'encontre de «ceux qui agissent en vue de contrecarrer le processus démocratique et la volonté de 1'électorat» vise à empêcher toutes contestation de Laurent Gbagbo et de ses partisans. Dans cette logique de menaces, la plus brutale est celle du président Sarkozy. Le chef de l'État français, oubliant tous lies principes qu'il énonçait plus haut sur la souveraineté des États africains, le respect des institutions, laisse son tempérament relativement belliqueux prendre le dessus et lance un ultimatum au président de la République de Côte d'Ivoire:

«Laurent Gbagbo et son épouse ont leur destin entre leurs mains, si d'ici à la de la semaine, il n'ont pas quitté le poste qu'ils occupent, le poste qu'il occupe Laurent Gbagbo, en violation de la volonte' du peuple ivoirien, ils seront nommément sur la liste des sanctions».

En France, cet ultimatum est sévèrement critiqué par différentes personnalités politiques. Le plus véhément est sans conteste le président du Front national, Juan-Marie Le Pen, qui déclare dans un communiqué: «En lançant un ultimatum au Président Gbagbo, Monsieur Sarkozy a fait une faute

politique qui, au vu des affrontement prévisibles entre partisans ivoriens, met en peril le contingent militaire français, la communauté des 12.000 ressortissants français et plus généralement nos intérêts nationaux». L'ancien candidat aux élections présidentielles françaises ajoute: «On ne donne pas de leçon de démocratie quand on a bafoué cyniquement la volonté du peuple français exprimée dans le référendum sur 1'Europe». Mieux vaut privilégier «les solutions négociées plutôt que les rodomontades menaçantes» précise-t-il.

Au mois de février 2011, alors que la lassitude gagne les chefs d'État africains qui envisagent avec le président français une action militaire contre le président Gbagbo, le chef de l'État français s'éloigne de son propre discours sur le respect de la souveraineté des États africains et leur droit à disposer d'eux-mêmes. Il est aidé en cela par l'opposant africain le plus farouche à Laurent Gbagbo et fervent partisan d'Alassane Ouattara, le chef d'État du Burkina Faso, Blaise Compaoré, qui est lui-même au pouvoir depuis 1987 à suite à un coup d'État militaire sanglant et qui ne s'embarrasse ni de fraudes électorales à répétition ni de l'assassinat de ses opposants politiques. Le 24 mars 2001, il écrit le courrier qui suit à Nicolas Sarkozy:

«Monsieur le Président,

À la demande du Président de la République fédérale du Nigeria, SEM Goodluck Jonathan, je vous adresse ce courrier afin de vous rendre compte des décisions prises lors du sommet de notre organisation tenu le 23 mars 2011 à Abuja.

En dehors du communiqué officiel du conseil tenu, nous nous sommes réunis à huis clos pour décider de la démarche politique, militaire à envisager vis-à-vis de 1a situation du conflit ivoirien, et l'ultime décision annoncée est encore une fois votre implication dans l'obtention de la résolution onusienne afin de permettre aux forces nouvelles et à toutes les factions militaires soutenant le President élu de prendre position sur tous les fronts militaires de concert avec vos forces installées sur place.

Le Président du Nigeria, SEM Goodluck Jonathan certes très engagé dans la résolution de la crise, commence à marquer des signes de découragements et me charge de vous faire part de sa déception quant à votre lenteur dans les promesses de soutien sur toutes les demandes qui devraient être formulées par notre organisation afin de résoudre définitivement le problème ivoirien.

La seule et dernière demande de votre implication serait que vous soutenez de la façon la plus solide possible au sein du Conseil de sécurité afin que notre demande officielle puisse aboutir a l'obtention de ladite résolution autorisant les forces onusiennes à riposter en cas d'entraves à leurs missions. Vous comprendrez aisément que cela permettra la stabilisation et la réorganisation des forces infiltrées.

ll faudrait aussi craindre un facteur non encore étudié, qui est le coût social et de l'immigration de cette crise sur toute la sous région en particulier et de l'Afrique en général.

ll n'est pas utile de rechercher la solution politique sans avoir définitivement bouclé la solution militaire, le Nigeria et mon pays sont disposés à prendre le commandement sous la bannière onusienne du déploiement de la force militaire étrangère si jamais la résolution est accordée.

Le plus difficile a été fait, en passant des élections à la reconnaissance de la victoire de Monsieur Alassane Ouattara comme Président de la République par toutes les institutions mondiales, il ne devrait plus être difficile pour votre grand Etat et sa diplomatie exemplaire de faire partir le sortant par tous les moyens de droit.

Comme vous le savez sans doute, la fierté de Monsieur Laurent Gbagbo que j'ai quand même pratiqué est de toujours dire devant ses ex pairs, dixit «vous voyez je ne me laisse pas marcher sur les pieds par la France». Alors vous comprenez avec beaucoup plus de recul que son objectif n'est pas le bien-être de sa population, ni le développement de son pays mais plutôt un défi à la République française et au monde entier.

En pièce jointe je vous adresse copie du communiqué ainsi que du projet de résolution telle qu'elle nous arrangerait afin de résoudre définitivement la crise.

Dans l'espoir, je vous prie d'agréer, Monsieur le Président, l'expression de ma très haute considération. Blaise Compaoré».

Le chef de l'État burkinabé vient satisfaire, à travers cette demande, sa volonté de voir Laurent Gbagbo quitter le pouvoir. Alors qu'il n'a cessé de nier son implication directe dans la déstabilisation du régime de Laurent Gbagbo, Blaise Compaoré est cette fois pris en flagrant délit de mensonge. Dans un entretien qu'il accorde au quotidien français Le Figaro du 6 décembre 2004, il exprime pourtant publiquement sa volonté de voir Laurent Gbagbo évincé du pouvoir : « Le véritable problème de la Côte d'Ivoire, c'est la légitimité du pouvoir actuel. (....) Tant que cela ne sera pas réglé, tout le bavardage autour du rôle supposé du Burkina n'aboutira à rien». Sa lettre el à Nicolas Sarkozy est probablement la meilleure façon, d'après lui, de «régler définitivement» le problème de «la légitimité» de Laurent Gbagbo. Le chef de l'État français, qui a bien reçu le message, croit effectivement qu'il faut utiliser la brutalité pour aider son ami Alassane Ouattara à prendre le pouvoir en Côte d'lvoire.

Le président français sait aussi que cette intervention va servir ses intérêts personnels au moment où il cherche à se représenter aux élections présidentielles en France. Il faut beaucoup d'argent pour une campagne électorale et la Côte d'Ivoire a toujours été une pompe financière non négligeable pour les dirigeants français, de droite en particulier. Peut-on s'en priver en ees périodes de crise financière internationale?

Dans une lettre ultra confidentielle du 25 février 2011, le président Sarkozy, qui a besoin du soutien africain, répond directement au président nigérian Goodluck Jonathan:

«Monsieur le Président, La situation politique de 1a Côte d'Ivoire se dégrade tous les jours et nous craignons une catastrophe humanitaire sans précédent, et comme je vous l'ai dit hier lors de notre conversation téléphonique, la France jouera son rôle dans le rétablissement d'un état de droit et surtout user de toutes les voies légales afin d'obtenir le départ du Président sortant Laurent Gbagbo.

La Côte d'Ivoire s'achemine lentement mais sûrement vers une anarchie et le chaos qui débouchera vers une inévitable guerre civile, étant premier responsable de l'organisation de régionale ouest-africaine, vous avez la lourde tâche de prendre vos responsabilités afin d'envoyer un message clair à M.Laurent Gbagbo que la force militaire dont vous aurez la charge le délogera.

Nos forces basées en Côte d'lvoire interviendront dans l'opération avec une résolution claire des Nations Unies sous le couvert de la mission locale, résolution qui sera soutenue par notre ambassadeur lors des débats au Conseil de Sécurité. Mais pour cela, il vous faudra après la saisine faite par votre pays au conseil pour l'intervention militaire, de penser a trouver un État sous régional qui se chargera aussi d'ester devant la Cour Penale Internationale tel que prévu par le Statut de Rome. La France par ma voix a énoncée au Conseil de Sécurité que le mandat de l'ONUCI est devenu totalement inadapté pour garantir la paix et la sécurité en Côte d'Ivoire et que l'inertie prolongée des Nations Unies ne me laissera pas d'autre choix que de retirer mes troupes de ce bourbier.

Pour ma part, je reste convaincu que vos efforts conjugués avec celui du médiateur Blaise Compaoré, devraient permettre à l'Organisation de 1'Union Africaine de reconnaître enfin la victoire du Président Alasane Dramane Ouattara. Il serait catastrophique pour la démocratie en Afrique de laisser passer un tel affront du Président sortant Laurent Gbagbo et rester au pouvoir. L'Afrique a besoin de dirigeants consciencieux comme vous et surtout qui ont un idéal pour le peuple dont ils ont la charge. Je reste persuadé que votre engagement dans la résolution de la crise ivoirienne sera soutenu par l'ensemble des chefs d'État africains pour qu'enfin ce beau continent puisse s'organiser et aller de l'avant.

La crise ivoirienne est une succession de faille et de laisser aller dû aux compromis afin d'éviter la guerre civile dans toute la sous région de la CEDEAO et de l'Afrique en général, le partage du pouvoir est inadmissible et ce sera une autre défaite des médiations africaines.

La seule solution politique est celle du départ sans condition de Monsieur Laurent Gbagbo qui continue a usurper un poste dont il n'est plus le détenteur légal, et si nous ne prenons pas toutes les mesures nécessaires, le pays risque de sombrer et voir une division en deux Etats, et ceci à la suite du Soudan entraînera une succession de réclamation et de confiscation de zones pour diviser d'autres pays africains.

Sur le point des divergences nées de la méconnaissance du dossier ivoirien par le Président Jacob Zuma, j'ai dépêche mon conseiller diplomatique qui se chargera de lui expliquer les enjeux

et le risque encouru par un manque de cohésion au sein du Panel à faire partir Monsieur Laurent Gbagbo du pouvoir, explication que je me chargerai d'appuyer lors de son passage à Paris. Comme vous le voyez, mes collaborateurs ont été mobilisés immédiatement, et préparent activement d'autres initiatives qui nous permettrons d'améliorer nos politiques dans ce sens et régler définitivement ce problème.

J'adresse copie de ce courrier au président du Faso, Médiateur de la crise ivoirienne.

Je vous prie d'agréer, son Excellence Monsieur le Président de la République à l'expression de ma très haute considération» [2].

Un mois plus tard, le 4 avril 2011, monsieur Nicolas Sarkozy est sur le point d'agir lorsqu'il envoie précipitamment une lettre au Secrétaire général de 1'ONU en disant:

«Monsieur le Secrétaire général,

Vous m'avez écrit le 3 avril 2011 pour me demander le soutien des forces françaises aux opérations militaires que l'Organisation des Nations Unies en Côte d'lvoire (ONUCI) va conduire, conformément à la resolution 1975 du Conseil de sécurité, pour mettre hors d'état de nuire les armes lourdes utilisées contre les populations civiles et les casques bleus.

Je vous confirme que fai donne' l'autorisation aux forces françaises, comme vous me l'avez demandé et conformément au mandat qu'elles ont reçu du Conseil de sécurité, d'exécuter ces opérations conjointement avec l'ONUCI.

Je considère, comme vous, que la protection des civils menacés en Côte d'Ivoire est une urgente nécessité, parallèlement aux efforts politiques de l'ensernble de la communauté internationale visant à résoudre la crise actuelle dans le respect du choix souverain du peuple ivoirien.

Je vous prie d'agréer, Monsieur le Secrétaire général, l'expression de ma très haute considération».

On comprend à travers ces échanges de correspondances qu'i1 ne s'agit ni de clarification du contentieux électoral entre deux candidats à la présidentielle ivoirienne ni de respect de la Constitution de la Côte d'Ivoire encore moins de discussion ou de négociation politique pour éviter le chaos dans ce pays. Il s'agit bel et bien d'un coup de force contre un homme et contre un régime: celui de Laurent Gbagbo. Au cours d'un petit-déjeuner le 5 avril 2011, le chef de l'État français confie à ses ministres ce qu'il a l'intention de faire en Côte d'Ivoire:

«On va décider ce matin s'il va falloir attaquer d'autres objectifs militaires de Gbagbo pour l'obliger à laisser la place. (...) On est allé au bout du bout de la patience avec Gbagbo. N'oubliez pas de répéter que la force Licorne agit sous le mandat de l'ONU. Il fallait intervenir pour éviter de nouveaux massacres. (...)

Gbagbo est réfugié dans le bunker de la résidence présidentielle. J'ai dit à Ouattara que Gbagbo devait avoir la vie sauve et qu'il devait y veiller personnellement» [3].

Désormais, c'est l'auteur du discours de Dakar qui entre en scène. ll ne s'embarrasse ni des principes démocratiques ni de la méthode. Il veut employer la violence et la brutalité contre un président africain dans une affaire qui concerne d'abord et avant tout les Ivoiriens puisqu'il s'agit du choix de leurs dirigeants politiques. Qui accepterait qu'un président américain décide, à la place des Français, de celui qui devrait diriger la France? Qui a osé s'immiscer dans les élections présidentielles américaines lorsqu'il a été constaté et démontré que Georges W. Bush avait triché en Floride? Pourtant, le chef de l'État français vá clairement immiscer dans les affaires intérieures de la Côte d'Ivoire au mépris du choix des Ivoiriens et de la Constitution de la Côte d'Ivoire.

Suivant sa seule vision et ses propres désirs, monsieur Nicolas Sarkozy envoie l'armée française à l'assaut de la résidence du président Gbagbo. Ce dernier est à ce moment-là loin d'imaginer que le président français a déjà décidé d'en finir avec lui et qu'il est détermine' à mettre son «ami» Alassane Ouattara au pouvoir [4]. Le président Gbagbo ne veut pas croire que monsieur Sarkozy va franchir le pas et poser un acte aussi grave que celui d'une intervention militaire directe contre lui à Abidjan. Visiblement, le chef de l'État ivoirien connaît mal le successeur de Jacques Chirac. Celui que ce dernier décrit comme «nerveux, impétueux, débordant d'ambition, ne doutant de rien et surtout pas

de lui-même» [5] n'est pas très disposé à préserver l'image de la France ni celle des soldats français en Côte d'Ivoire et plus généralement en Afrique.

Selon des confidences d'un diplomate de 1'ONUCI qui a requis 1'anonymat, le président Sarkozy aurait insisté pour obtenir l'aide de 1'ONU dans son intervention contre la résidence du chef de 1'État ivoirien. Le président français aurait d'abord proposé à l'ONUCI d'intervenir seul contre Laurent Gbagbo en prétextant que des caches d'armes se trouvant à la présidence menaçaient des civils. Les responsables de l'ONUCl ont fait part de cette demande au siège des Nations Unies à New York. La position retenue par les responsables de l'ONU sera la suivante. Premièrement, il n'y a pas d'armes susceptibles de menacer des civils à la présidence de la République de Côte d'lvoire. Si elle agissait à l'intérieur du palais présidentiel, l'ONU serait accusée de violer son mandat. Deuxièmement, si le président français tient à ce que l'ONU intervienne contre Laurent Gbagbo, il serait préférable que ce soit une intervention conjointe avec 1'armée française. Les dirigeants de l'ONUCI croyaient, selon ce diplomate, avoir ainsi place' le président Sarkozy dans une position plutôt embarrassante. Ils auraient été surpris de voir le président Sarkozy accepter une intervention conjointe de la France et de l'ONUCI aux côtés des rebelles d'Alassane Ouattara.

Le 11 avril 2011, l'armeé française se déploie à Abidjan. Elle accompagne les troupes rebelles d'Alassane Ouattara dans le coup d'État contre le président Gbagbo. Selon des témoins se trouvant à l'intérieur de la résidence du chef de 1'État ivoirien, les forces spéciales françaises seraient passées par le tunnel reliant l'ambassade de France à la résidence du chef de 1'État ivoirien. Ce tunnel, qui avait été creusé du temps de Félix Houphouët-Boigny pour faciliter l'intervention rapide de l'armée française en cas de difficulté du chef de 1'État, est devenu le piège du président Gbagbo. Les forces spéciales françaises auraient défoncé le mur d'accès en béton de la résidence à la dynamite avant de pénétrer directement dans les pièces où se trouvaient la famille du chef de 1'État et ses collaborateurs.

Le président Sarkozy et ses ministres ont beau nié avoir aidé monsieur Alassane Ouattara à prendre le pouvoir par la force, les militaires français, eux, osent dire la vérité sur leur action. D'après l'hebdomadaire satirique, Le canard enchaîné:

«Selon plusieurs témoignages d'officiers supérieurs au «Canard», la France a appuyé la conquête du sud du pays par les forces de Ouattara. L'un d'eux, proche de l'Élysée, se félicite de «notre efficacité dans l'organisation de la descente sur Abidjan». Il est vrai qu'en moins de quatre jours les Forces Républicaines de Côte d'Ivoire (FRCI) ont parcouru, sans grande distance, la moitié du pays. Un autre galonné, membre des services de renseignement, confie: «on a fourni des conseils tactiques aux FRCI», mais aussi «des munitions et des Famas (fusils d'assaut). De son côté, le contingent militaire français est porté, le 4 avril, à 1700 hommes. Les 900 hommes du dispositif permanent Licorne ont été notamment renforcés par des Rambo de la Direction des opérations (ex-service action) de la DGSE et des Forces spéciales. Quelques-uns, parmi ces derniers, se sont retrouvés en contact direct avec l'entourage de Ouattara. A 19h30, quatre hélicos Puma, soutenus par des MI 24 de l'ONUCI, commencent leur pilonnage, frappant au passage des objectifs aussi stratégiques que le CHU et un supermarché du quartier de Cocody. Pour la seconde fois en sept ans, «l'ancienne puissance coloniale» bombardait des soldats et des population ivoiriennes. Cet héroïque canardage, qui, selon l'Élysée, laissait entrevoir une reddition de Gbagbo, risque pour autant de laisser des traces profondes» [6].

Le président Gbagbo nous a confié ce qui s'est réellement passé lors de son arrestation:

«Ce sont les soldats français qui ont tout fait. Ils ont bombardé du 31 mars au 11 avril 2011. Il y a eu des bombardements sporadiques avec largage des bombes. Le ministre français de la Défense, Alain Juppé avait manifesté le désir de parler avec moi. Mon conseiller Désiré Tagro était venu me dire que cette demande venait de monsieur Charles Millon, l'ancien ministre de la Défense du gouvernement Juppé en 1995. En fait, monsieur Millon avait été à l'université de Lyon avec moi. Tagro m'avait fait part de cette demande le 10 avril 2011 à mon réveil matinal. J'étais sur le point d'aller prendre ma douche lorsque Tagro m'a informé du souhait de monsieur Juppé. Il était au téléphone avec Charles Millon. J'ai dit à Tagro de dire à monsieur Millon que j'étais disposé à parler avec monsieur Alain Juppé. Quand j'ai fini de prendre ma douche, j'ai retrouvé Tagro qui m'attendait le téléphone à l'oreille. Il était encore en communication avec monsieur Millon. Soudain,

une bombe explose sur le toit de ma chambre. Millon demande alors à Tagro ce qui se passe. Tagro lui répond qu'on est en train de vouloir tuer le président. Ceux qui ont largué cette bombe ont tout détruit dans la pièce. J'avais une collection de livres. d'auteurs romains et grecs traduits en français que je conservais jalousement depuis quarante ans, tous ont brûlé. Ma bibliothèque constituée depuis l'époque où j'étais étudiant est partie en fumée en quelques minutes seulement. Quatre jours avant, les soldats français sont partis à l'aéroport pour prendre la tour de contrôle. Ils ont demandé à une femme qui était de service ce jour-là si elle était pour Ouattara ou pour Gbagbo. Pour sauver sa peau, elle a dit qu'elle était pour Ouattara. C'est ainsi que les soldats français ont pu apporter des tonnes de matériel de guerre qui ont servi au bombardement. Ils ont fait venir des éléments nouveaux pour conduire les hélicoptères et les chars devant servir à nous attaquer.

Le 10 avril 2011, notre informateur au ministère de la Défense à Paris nous a dit que ce jour-là, c'était 6+3. C'est-à-dire 6 hélicoptères plus 3 autres. Il faut savoir qu'auparavant, c'était uniquement 3 hélicoptères qui nous bombardaient. Les snipers étaient également postés sur le toit de l'ambassadeur de France en Côte d'Ivoire, qui est mitoyen à ma résidence. Leur rôle essentiel était de tirer sur les jeunes Ivoiriens qui manifestaient ou s'aventuraient à sortir à proximité de ma résidence. Ainsi, lorsqu'on m'apprend que les chars français sont à Cocody, le commandant des forces spéciales, l'officier de frégate Boniface Konan me fait parvenir un message disant qu'il ne peut plus combattre car les soldats sont dispersés. Le înessage souligne que les chars et les hélicoptères français ne cessent de tirer sur les soldats ivoiriens.

Le 10 avril, j'ai dit à Konan qu'il devait cessez le combat pour ne pas faire tuer les soldats. Je ne pouvais accepter de voir mourir inutilement les dignes fils de mon pays face à des gens qui voulaient seulement ma tête. J'ai demande' qu'on me laisse attendre sereinement le dénouement à la résidence. Les soldats voulaient me mettre à l'abri. Ils craignaient pour ma vie mais je leur ai dit que je n'étais pas militaire mais chef de 1'Etat. Ce qui m'importait le plus c'e'tait leur sécurité et non la mienne devant le feu français.

A ce moment-là, Konan me dit la gorge serrée, «monsieur le président, les Français ont tout détruit».

En fait, les Français ont encerclé la résidence et au lieu d'achever leur mission de venir me prendre euxmêmes, ils ont plutôt envoyé les rebelles me prendre. Je tiens tout de même à préciser qu'i1s ont envoyé les rebelles m'arrêter devant les caméras. Toutes les images que vous avez reçues sont les images des soldats français. Ce sont les soldats français qui filmaient ma capture. Ils toumaient avec des caméras à la résidence et à l'hôtel du Golf. Plus tard, ils ont fait venir des journalistes français pour d'autres images de moi. Il n'y avait pas de journalistes africains tournant les images au moment de mon arrestation» [7].

La brutalité avec laquelle les collaborateurs du président ont été traités ne souffre d'aucun doute. Même les lmages arrangées après la chute du président Gbagbo ne suffisent pas à dissimuler la violence des rebelles contre les personnalités se trouvant au palais présidentiel.

Pour masquer l'intervention française contre Laurent Gbagbo, on a préparé un petit guide de communication pour répéter à tous les journalistes et dans tous les médias: «Ce sont les troupes de Ouattara qui ont arrêté Gbagbo. Les Français, pardon, l'ONU, avec 1'aide française, ont juste apporté leur soutien» [8].

Personne, sauf ses initiateurs de l'Élysée, n'a cru à ce grossier canular. Après l'avoir longtemps caché, on apprenait aussi, pour une fois officiellement, que le «démocrate» Ouattara avait aussi une armée privée, disons une «rébellion». C'est donc grâce à ces «rebelles» appuyés par 1'armée française qu'il a pu accéder au pouvoir à défaut d'y parvenir réellement par les urnes. Toutes ces initiatives et ces actions plus ou moins dissimulées expliquent pourquoi le recomptage des voix a été refusé par monsieur Ouattara et ses soutiens de la communauté internationale». Il fallait absolument donner l'impression que monsieur Gbagbo était renversé pour non respect des résultats électoraux.

En réalité, les pressions avaient commencé depuis un certain temps et elles venaient directement de la Maison Blanche. Selon le président Gbagbo:

«Un sous secrétaire d'État américain m'a téléphoné et m'a parlé pendant au moins une heure. Il me disait que si je partais du pouvoir, je ne serais pas poursuivi, je pourrais m'exiler avec soixante

quatre personnes de mon entourage et que tous seraient pris en charge. Quant à moi, je serais logé, nourri et blanchi, j'aurais un travail et des revenus équivalant à 2 millions de dollars, etc. Cette conversation ou plutôt ce monologue était surréaliste. Il y avait un tel décalage entre ce que disait ce monsieur et la réalité que je vivais avec le peuple ivoirien que son discours était indigeste. J'ai finalement raccroché, fatigué de l'entendre pérorer sur les propositions qui m'attendaient si j'acceptais de quitter le pouvoir. Je me – suis dit qu'il y avait quelque chose d'étrange dans ce discours. Quel était le sujet? À mon avis, c'était le résultat des élections présidentielles. Ils ont tous prétendu que j'avais perdu les élections présidentielles mais le Conseil constitutionnel de mon pays a dit le contraire. J'ai demandé de recompter les voix, ils ont refusé. J'ai même proposé une commission d'enquête indépendante internationale pour examiner les faits. On a refusé. Pourtant, les données sont simples. S'il est prouvé que j'ai perdu les élections, je m'incline sans autre forme de discussion. Si j'ai gagné, je suis disposé à faire des concessions politiques pour créer un climat d'apaisement et de paix dans tout le pays. Mais pourquoi s'obstine-t-on à me faire des propositions absurdes? Pourquoi cherche-t-on à me corrompre et à me menacer si on est convaincu que j'ai perdu les élections?

Peu après ce coup de téléphone étrange, mes conseillers me disent qu'Hillary Clinton cherche à me joindre au téléphone. Je refuse de prendre la communication car je suis convaincu que je vais encore passer un moment à entendre à nouveau les mêmes propositions. Elle m'a finalement adressé un message pour me proposer je ne sais quoi. Je n'ai même pas ouvert l'enveloppe.

Après Hillary Clinton, le président Obama m'a directement appelé à son tour. Une fois de plus, j'ai refusé de prendre la communication. Je ne voulais plus écouter ni entendre les discours ennuyeux et les propositions ubuesques qu'ils infligeaient à mes oreilles» [9].

En France, une proposition des parlementaires communistes enregistrée par le président de l'Assemblée nationale le 11 juillet 2011 demande une commission d'enquête parlementaire:

«De nombreuses zones d'ombre entourent cette intervention en Côte d'Ivoire. Il est important de savoir pourquoi et comment la force Licorne est intervenue, son rôle dans l'avancée des «forces républicaines» vers Abidjan et pourquoi elle n'a pas protégé les populations civiles dans le nord de la Côte d'Ivoire et si les éléments des troupes françaises étaient à Duékoué. (...) Il est important d'avoir une information sur le rôle des forces françaises dans la capture de M.Gbagbo et de son épouse et où étaient ces troupes lors des exactions commises par les forces républicaines à Abidjan après la capture de M.Gbagbo. Cette commission d'enquête doit étudier toutes les informations disponibles afin de déterminer les éventuelles responsabilité respectives de l'armée française et de l'ONUCI».

La commission d'enquête n'a pas encore eu lieu. Aura-telle lieu un jour? Pendant que se prépare la déstabilisation de la Côte d'lvoire et peu avant la chute du président Gbagbo, un enseignant français, qui vivait depuis 12 ans en Côte d'lvoire, tombe sous les balles des forces rebelles d'Alassane Ouattara. Il s'agit de monsieur Philippe Raymond. Après son assassinat, une dépêche de l'AFP reprise par Le Figaro laisse quelques observateurs perplexe:

«Un professeur français a été tué par balle à Yamoussoukro, capitale politique de la Côte d'Ivoire, sans que 1'on sache si sa mort est liée aux combats dans le pays ou s'agit d'un crime crapuleux, ont annoncé deux responsables français. «Il est possible qu'il s'agisse d'une balle perdue comme celle qui a tue' une Suédoise travaillant pour l'ONU à Abidjan», a déclaré un autre responsable. Aucune de ces deux sources n'a identifié ce professeur. Interrogé, le ministère français des Affaires étrangères a indiqué vérifier cette information».

Le problème est que celui qu'on prétend ne pas réussir à identiñer au Quai d'Orsay n'est pas un inconnu à Abidjan ni à l'ambassade de France en Côte d'Ivoire. La prétendue «balle perdue» dont ce Français aurait été victime n'en est pas une. L'histoire de Philippe Raymond, professeur agrégé des Sciences industrielles à l'lnstitut national polytechnique Houphouët-Boigny de Yamoussoukro, est semblable à celle de nombreux Ivoiriens pro-Gbagbo. Il a été assassiné dans des circonstances troubles lors de l'avancée des rebelles à Yamoussoukro et les autorités françaises ont évite' de saisir la justice pour punir ses assassins. Monsieur Philippe Raymond n'avait jamais caché sa réprobation quant aux ingérences françaises en Côte d'Ivoire. Président d'une association de ressortissants

européens dans ce pays, il avait clairement pris position sur les événements de novembre 2004. Dans une vidéo diffusée sur Internet, i1 jetait un pavé dans 1a marre:

«C'est une adresse à l'intention des services de renseignement, du consulat et des forces Licorne, ne perdez pas votre temps, ne gaspillez pas votre argent à faire une enquête, je vais décliner mon identité. Je m'appelle Philippe Raymond, né de Jacques Raymond et d'Emilienne Raymond, je suis enseignant à l'INP-HB, j'étais coopérant. Quand on a chassé les coopérants, je suis resté et je tiens à m'exprimer maintenant. La France a assez gaspillé Vargent du contribuable français pour faire du mal ici en Côte d'Ivoire. Une balle de mitraillette coûte 3200 francs CFA, c'est ce que Chirac estime être la vie d'un enfant de ce pays.

Ma deuxième adresse est pour les Français de Côte d'Ivoire. Comme moi-même, vous souffrez de la situation depuis maintenant plus de deux ans, alors restez mobilisés. On a vu à la télévision ce qu'on raconte aux Français, pardonnez le mot, les «conneries» qu'on raconte aux Français sur ce qui se passe ici. On leur a dit aujourd'hui que devant l'hôtel Ivoire ce sont les gendarmes ivoiriens qui ont tiré sur les patriotes et que les Français n'étaient là que pour ramener l'ordre et le calme dans ce pays. Alors je dis «ça suffit». Je dis mobilisez-vous! Utilisez tous les moyens en votre possession, Internet, le téléphone, pour dire à tous vos amis en France ce qui se passe réellement ici. Moi j'ai eu ma mère au téléphone avant-hier qui était inquiète, elle a 81 ans, une adjudante de Parmée de l'air à la retraite...

Je lui ai dit: «Chirac a déclaré la guerre à la Côte d'Ivoire, il a bombardé les aéronefs, etc». Elle m'a répondu : «Mais il est malade ce type!»

Invité peu de temps avant la chute du président Gbgabo sur 1e plateau de «Raison d'État», une émission prestigieuse de la chaîne publique ivoirienne, il donne son point de vue sur qui se passe en Côte d'Ivoire:

«Ce qui m'agace le plus c'est que des nations comme les Etats-Unis ou la France qui sont intransigeantes sur la Constitution, se permettent de tenir des propos qui foulent au pied les lois et la Constitution ivoiriennes. Ce soutien de ces nations, de l'ONU qui a suivi maintenant, met la Côte d'Ivoire dans une situation quasiment inextricable. (…) Le résultat des élections ne leur convient pas et ils ont trouvé une pirouette pour donner d'autres résultats (...). Les grandes puissances ont des intérêts économiques dans le monde entier et on connaît les richesses de la Côte d'lvoire. Donc ces puissances souhaitent avoir un interlocuteur qui leur convient, quelqu'un avec qui elles pourront bien s'arranger, un ami quoi!»

A la fin de cette émission, il est l'objet de menaces mais il persiste et signe. Philippe Raymond avait-il trop parlé? Auraitil dû se contenter de profiter du soleil de Yamoussoukro comme certains de ses compatriotes?

Depuis sa disparition, le silence des responsables du Quai d'Orsay en dit long à ce sujet. Vouloir parler des morts ivoiriens mais pas des morts français tels Philippe Raymond ou les 9 soldats tués à Bouaké prouvent que monsieur Sarkozy et certains ministres de son gouvernement ont peut-être des choses à dissimuler sur leurs agissements en Côte d'Ivoire sous Laurent Gbagbo.[1]

References

[l] Cf. La nouvelle constitution de la Côte d'Ivoire, Abidjan, Juris-Editions. – P. 5.

[2] Cf. Toutes les coquilles contenues dans ce texte sont reproduit au texte d'origine.

[3] Cf Le Canard enchaîné, n°4719 du 6 avril 2011, p. 2.

[4] Cf. Lors de sa première interview à l'hebdomaire Jeune Afrique, n°2629 du 29 mai 2011, monsieur Alassane Ouattara se sentira obligé de se justifier sur sa prise du pouvoir en affirmant: «je ne dois rien a personne». Il a néanmoins remercié la France et le président burkinabè Blaise Compaoré pour leur aide déterminante.

[5] Chirac, Jacques, Le temps présidentiel, Mémoires, París, Nil, 2011, 616 p. – P. 265.

[6] Cf. Le Canard enchaîné, n°4720 du 13 avril 2011.

[7] Confidences du président Gbagbo à l'auteur.

[8] Cf. Le Canard enchaîne', n°4719 du 13 avril 2011. – P. 3.

[9] Confidences du président Gbagbo à l'auteur.

[1] Nous sommes très reconnaissants à M. Onana pour son aimable autorisation de reproduire cet extrait de son livre «Côte d'Ivoire. Le coup d'Etat», Duboires, 2011.

SARKOZY AND THE COUP AGAINST GBAGBO

Charles Onana[1]

Since his arrival in the Élysée Palace, Mr. Nicolas Sarkozy's relations with African heads-of-State and with Africa in general have been difficult. His presidency began on 26 July 2007 with a noisy speech in Dakar on the subject of Africa and on what he, himself, calls «African man»:

«The African drama is that African man has not sufficiently entered History. The African peasant, who for millennia has lived with the seasons, whose ideal life is to be in harmony with Nature, only recognizing the eternal renewal of time, cadenced by the endless repetition of the same gestures and the same words. In this imagined world where everything always begins anew, there is no place for either human adventure or for the idea of progress. In this universe where Nature commands all, [African] man escapes the anguish of History that tortures modern man, but [African] man remains immobile in the midst of an immutable order where everything seems to have been written beforehand. [African] Man never propels himself toward the future. He never comes to the idea of getting out of this repetition in order to create his own destiny».

These very Cartesian words caused a great outcry throughout the continent. President Sarkozy would have to try very hard not to return to the patently «ethnological» character of his speech in Dakar. In May-June 2010, during the Summit in Nice, he changed registers. His concerns were more about economics. He considered, on this occasion, that Africa would be a respected partner who deserves to be treated according to its real value:

«Our convictions are founded in a clear conscience that our destinies are irrevocably joined. The failure of Africa would be a drama for Europe. (. . .) The new Franco-African relationship that I hope and pray for, I would like to simplify (. . .) There are not on one side the great countries and on the other the small, but rather partnerships that have interests to defend, points of view to valorize, on the basis of a relationship of equality and a turn toward the future».

On 25 August 2010, during the 18th Ambassadors Conference at the Élysée Palace, Nicolas Sarkozy, a diplomat on this occasion, expressed what were his profound convictions:

«Africa has considerable potential. Africa has room, Africa has resources, Africa has youth and it is completely in Europe's interest to speak with one voice to Africa, in giving to Africa the necessary weight in the governance of the world and the finances necessary for it to develop itself. There is no choice. It is twelve kilometers across the Straits of Gibraltar and so, we have no choice in the matter».

In his highly political speech at the Summit of the African Union in Addis-Ababa, Ethiopia, on 30 January 2011, President Sarkozy gave his impressions of the events that shook African governments:

«Good governance, democracy, respect for Human Rights are many of the values for which your organization has struggled on a daily basis and which you have succeeded in advancing. It is the profound hope of each of our peoples, as we vividly recall the events of Tunisia and Egypt (. . .). Allow me, on this sensitive subject, in the name of the fraternal tie that binds the African people with the French, to speak to you from the heart. I want to say this as a friend, as a sincere friend, because we owe it to our friends to tell the truth (. . .) because in the face of the innocent victims, the conscience cannot remain indifferent, because violence, wherever it comes from, is

[1] ***Charles Onana*** – investigative journalist, author of many books on the situations in African states.

never a solution, because violence begets nothing but more violence, because violence, on every continent, brings nothing but sorrow and suffering. France respects the sovereignty of States and the right of the people to self-determination. France does not want to teach anyone a lesson, or try to impose some model. In whose name could it do that?»

But on the subject of Côte d'Ivoire, he slipped:

«I am thinking of Côte d'Ivoire, where an entire population witnessed the flouting of the choice they had freely made in an election that was supposed to bring about a return to peace. France gave its resolute support to the efforts of the African Union, of the CEDEAO and of the Secretary General of the United Nations».

When the French president speaks of the choice of the Ivorian people being flouted, one must know exactly to what he is alluding.

So, let's get back to the facts and see how President Sarkozy behaved with regard to this case that concerned Côte d'Ivoire's own domestic politics. At the time of the first round of the Ivorian elections, everything seemed normal. Laurent Gbagbo came in first with 38.04% of the vote while his competitor, Alassane Ouattara, finished second with 32.07%. The two sides accepted the results, and it seemed things were headed for a reasonable arrangement.

In reality, this was not the case. With no candidate receiving a majority, a second round was necessary and would be decisive. Each side awaited this moment to express their frustrations, their disagreements and even their rancor. It was this second round that would crystallize the hatred, the violence and the fraud.

What happened in the second round of the presidential elections?

On 28 November 2010, the second round of the presidential elections took place in an atmosphere of palpable tension. The stakes were very high, because the one who was elected president would have the legitimacy of the vote and the grave duty to heal a country that had been eaten away by war and internal divisions. He could also insist on the immediate lifting of sanctions that had been weighing down Côte d'Ivoire since 2004. So it is obvious why each side liked the chances of its candidate. There were, however, two problems. The first was the division of the country into two parts – the North controlled by the rebels of Alassane Ouattara and the South controlled by the Ivorian Army under the authority of the incumbent president Laurent Gbagbo – which made for a situation conducive to fraud and to confrontations between the partisans of the two candidates.

The second problem, less visible, was that the Ouattara camp already profited from various sources of support, like the UN's Special Representative, Mr. Choï, and the French and U.S. Ambassadors in Abidjan. This backing would interfere in the political management of the second round of voting. There was no doubt that everything would be settled on this last aspect. If the elections went off almost normally in the southern part of the country, this was not necessarily the case in the North where the rebels carried out violent acts of intimidation against the supporters of candidate Laurent Gbagbo. A report drawn up by a court official on 1 December 2010 mentions the following facts:

«Mr. Laurent Gbagbo, born 31 May 1945 in Gagnoa, of Ivorian nationality, teacher researcher, candidate in the second round of the presidential elections for the Republic of Côte d'Ivoire, residing in Abidjan Cocody, in the Embassy quarter. He was spending the election at home in the aforementioned city and told me the following: For a good outcome of the second round of the

presidential elections, scheduled for Sunday twenty-eight (28) November 2010, his local campaign staff (DLC) in Korhogo, requisitioned some militants from the presidential majority (LMP) with a view toward organizing the voting in the different precincts. But unfortunately, these legally requisitioned militants were unable to take part in the voting because they were illegally confined by elements of the Armed Forces of the New Forces (FAFN) and some militants of the Rassemblement des Républicains (RDR) who beat them savagely.

To protect his rights and interests, I was required urgently to take a statement from Mr. Doulaye Coulibaly, born 1 January 1952, militant teacher of the LMP DDC in Boundiali, residing in Abidjan Cocody, and to draw up a transcript».

That same day, a progress report focusing on the serious anomalies in the records of the second round of the presidential elections was presented to the president of the independent elections commission. This report, put together by Sils Technology, an IT firm hired to check on the accuracy of these records, specified:

«Mr. President, we are honored to send you here-attached the report on the presidential elections of 2010 – the second round – produced electronically. We would like to bring to your attention that our software rejected a number of records because of their non-conformity to the accepted criteria for electronic validity (the number of votes abnormally larger than the number of registered voters) established in 2000. However, these records could have been handled after being counted and validated by your organization. Also, we would like to bring to your attention that these records were delivered to us very late. This did not allow us to present exhaustive results. This report will be followed by a provisional report in which we have estimated the remaining voting records. Hoping that you receive this well and remaining at your complete disposition for any further information, we pray you, Mr. President, to accept this expression of our distinguished salutations».

In the course of this same day, a report from Mr. Charles Kambire, delegate of the Constitutional Council, detailed the instances of fraud noted in the polling places in the locality of Bouna, in the Northeast of the country, under the control of the Ouattara forces:

«In the context of the second round of the presidential elections of 28 November 2010, I was authorized by the president of the Constitutional Council to represent him in the voting stations.

The voting stations visited were essentially those of Bouna. Successively we crisscrossed the polling places of the EPP North (3 polls), of EPP West (2 polls) and of EPP South (4 polls) in Doropo. After that we went to Tingo Yalo (2 polls), Kodo (1 poll), Varalé (1 poll), Latrougo (1 poll), Bouko (3 polls) and Panzarani (2 polls). A total of 19 voting stations were visited in 7 different localities.

In the first place, it must be noted that a climate of fear had been imposed by the leaders of the RHDP and their partners in the New Forces, starting with threats and intimidation before the voting began. Death threats were made against the leaders of La Majorité Présidentielle campaign (LMP).

The day of the elections, Father Wattao set himself up in Polling Place #3 of the EPP in Doropo to make sure his parishioners' demands to vote for the candidate of the RHDP were respected. From all evidence, the vote in this station, just like in many others, was not free.

At the polling station in Massiou, seeing that the vote count was leaning heavily in favor of the LMP, two elements of the New Forces, with the complicity of the chairman of that polling place, fired shots in the air to disperse the whole village and proclaim the results which gave the most votes to President Gbagbo, of course, but by a smaller margin (47 to 35) here where the vote count at the moment of the incidents was 160 for the LMP candidate. In the voting station at Kartoudouo, according to testimony from Mr. Ollo Paul, representative of LMP in this poll, the leader of the RDR, Mr. Kambou Sansan Sifirté, waved a machete in the air to threaten the voters and force them to vote for the RDR candidate. The chairman of voting station in this locality openly campaigned for the

RDR candidate on the day of the vote. The final tally of the votes in that polling place gave 249 votes to the RDR and 48 to LMP.

On Monday 29 November 2010 at around 2 pm, while the delegation from LMP was preparing to leave Bouna, three members of the departmental team of LMP's campaign (Dr. Hien Sié, assistant professor at the University of Cocody, Kambire Ladiré, a master chauffeur from Doropo and Hiern Djomanté Jean-Marc, an accountant) were taken off in a vehicle from the DDC to an unknown destination. The car of Kambou Difilé, from the FPI, was also held up. They were stripped, handcuffed and thrown into the dressing rooms of the city's municipal stadium. They were saved by passers-by who called people to come and help them. As to the DDC in Bouna, the most important data sought after was found and put into safe keeping by officials of the CCI. The vehicles were found but their contents had been ransacked and stolen. Some corroborating testimony gathered in other localities not visited (Gogo, Tougbo, Bargbo, etc.) left the clear appearance that the vote was not free in the department of Bouna. In total the second round of the presidential elections of 28 November 2010 went off under less than democratic conditions in the department of Bouna».

The list of exactions and dubious behavior gets longer in the localities under pro-Ouattara rebel control. The report of 29 November from Brigadier General Nicolas Kouakou lays out the following details:

«On Sunday 28 November 2010, about 9 am, the Central PC of the CCI, charged with securing the presidential vote, recorded the arrival of a convoy of four city buses carrying a contingent of 217 people, for the most part young people and young girls from the Majorité Présidentielle (LMP), dismissed from their mission to represent candidate Laurent Gbagbo at the polls in the CNO zone».

Apart from the facts reported by various Ivorian figures, the observer mission of the African Union noted some similar details. In a report of 30 November 2010, the mission's chief, former Togolese Prime Minister, Joseph Kokou Koffigoh, signed a statement citing the following facts:

«Regretfully, the mission found some grave acts of violence involving the loss of human life, physical injuries, illegal confinement, intimidation and attempted abductions, which must be made the subjects of a detailed investigation by authorized organizations in order to determine their impact on the voting. Moreover, the mission deplores the late openings of certain polling places; the lack of stickers in certain polling places; the rather heavy mood around the voting places. Finally, the mission deplores the illegal confinement of two of its observers and thanks the agents of the ONUCI for their fortunate and timely intervention in resolving this situation».

Informed of all this criminal activity, candidate Laurent Gbagbo, on 30 November 2010, presented to the president of Constitutional Council a request for the cancellation of the vote in these terms:

«Mr. Laurent Gbagbo, born 31 May 1945 in Babré, etc., has the honor to report to you the following: that he is a candidate in the presidential elections of the Republic of Côte d'Ivoire representing LMP (La Majorité Présidentielle); that, in the course of the second round of the voting which took place on 28 November 2010 and in which he took part, he noted many grave irregularities of the sort that would seriously mar the honesty and legitimacy of the results of voting within the electoral boundaries of Ferkéssédougou; that in conformity with the provisions of Article N°2008-133 of 14 April 2008 pertaining to the adjustment of the electoral code for the general elections to resolve the crisis, Mr. Laurent Gbagbo, with the enclosed, files a just claim before the Constitutional Council; that according to Article 35, also of the above-cited law, each polling place shall have a chairman, two representatives of each candidate or list of candidates and two secretaries; that, nevertheless, the second round of the presidential elections was held in the Department of

Ferkéssédougou without respecting the principles of freedom, transparency, equity and balance in the representations of each candidate; that it was observed in the Department of Ferkéssédougou that the representatives, for those who were admitted into the polling stations, were made the objects of death threats; that, in fact, on the eve of the vote, the activists representing LMP at the polling places were, in the same fashion, persecuted and made the objects of serious moral pressure attempting to keep them from taking part in the voting; that the voting process, coerced as it was and under threat of physical harm, did not allow the supporters of LMP to make their choices freely; they were alerted to the presence of even a single ballot for LMP in the boxes during a count; that the representatives who were in the city of Ferkéssédougou could not enter the polling places because of threats from the New Forces and searches of their possessions and documents (voter registration, motorbike registration, etc.); that, consequently, the voting in the Dept. of Ferkéssédougou took place in a deleterious atmosphere of the sort that nullified the balance and fairness anticipated by Article 35 previously cited, thus depriving the candidate of LMP of a well-conducted vote, with transparence in the casting and counting of ballots; that it is acknowledged throughout the Dept. of Ferkéssédougou, serious death threats, murders, intimidation, physical violence, illegal confinement and attacks were carried out against the representatives and activists of LMP by the New Forces and the activists of the RDR; that the insufficient presence of defense and security forces in the CNO zone did not protect the voters knowing they would only be there a short time; that on this day, the activists of LMP, who were traumatized and still unable to leave the zone, were followed and went into hiding, that some voters were even held under armed threats to vote for the RDR candidate; that it also came to our attention in certain polling places that the Forces of Defense and Security (FDS) who were supposed to be guarding these polling places, were totally absent, leaving the people at the mercy of the New Forces who were spreading terror; that it was especially obvious that the reported violence was particularly committed against those representing Laurent Gbagbo and against the activists of the political organization that supported him (LMD); that even worse, at the end of the voting, the RDR activists, aided by the New Forces confiscated most of the voting records so that LMD had on this day no way to verify or certify the results from this Department; this heavy involvement by the New Forces in the voting process violated the terms of Article 11, paragraph 2, of the decree N°2010-278 of 12 October 2010, organizing and running the polling stations which states that: «No armed force can, without authorization of the chairman of the voting station, be placed in or immediately around the polling place»; in a general way, elements of the New Forces moved all that day in and through the different polling places demanding that people cast their vote for the RDR candidate (. . .). This is why Mr. Laurent Gbagbo begs that it please the Constitutional Council, after having received the present account to be entered into the record without delay, to please take notice of these grave irregularities and to find them to have compromised the integrity of the vote in this Department and to have affected all the results, in violation of Article 9 of decree N°2010-278 of 12 October 2010, authorizing the organization and functioning of the polling stations. I pray, therefore, that the Constitutional Council cancel the results of the second round of the presidential elections of 28 November 2010, from all the voting stations in the whole of the Department of Ferkéssédougou (commune and sub-préfecture). And this will serve justice. Executed in Abidjan, 30 November 2010».

From Alassane Ouattara's side, no claims of fraud or brutality on the part of the Gbagbo partisans were explicitly raised through any authorized means. According to different observers we consulted, the partisans of Laurent Gbagbo, not having the advantage of outside backing, were not in the same state of mind as the rebels and the Ouattara sympathizers. Which does not mean that the Ouattara partisans were not, themselves, violent.

Obstruction resulting from violations of the Constitution

Instead of working toward an examination and exhaustive treatment of the request by candidate Laurent Gbagbo, especially by the Constitutional Council qualified in the matter, we saw a first show of strength from the president of the CEI (Commission Éléctorale Independente), Mr. Youssouf Bakayoko. He decided to organize a press conference at the Hôtel du Golf, where the candidate Alassane Ouattara was staying, to announce the results of the second round of voting in the presidential elections. This is how the CEI declared on 2 December 2010 that Mr. Alassane Ouattara was the winner of the presidential election with 54.1% of the votes to 45.9% for Laurent Gbagbo.

This statement by the president of the CEI was the cause of the rapid degeneration of the post-election political situation and the obstruction that followed because the process was founded on a serious violation of the Ivorian Constitution and was evidence of a partisan commitment by the CEI to one of the two candidates. Here are some observations that explain this situation. The CEI was an administrative authority charged under Article 32, paragraph 3, of the Ivorian Constitution «with the organization and supervision of elections».[1] Article 2 of the law defining the authority of the CEI and completed by the new electoral code specifies that the CEI can take up to three days to announce the preliminary provisional results and send the voting records as well as all marked ballots to the Constitutional Council so that the Council can examine all inquiries and announce the final results. This procedure was followed in the first round of voting, but not in the second. Why?

Probably because the CEI, or at least its president, had already taken sides with a candidate. On the eve of the announcement, that is, on 1 December, the president of the CEI received the assurance of President Sarkozy, who had called him on the phone to encourage him to act in favor of candidate Ouattara. The time given by law to the CEI before they had to announce the results and deliver the records to the Constitutional Council expired at midnight 1 December 2010. Around 11:30 pm, Abidjan-time, the president of the CEI made a statement to Ivorian Radio/TV (RTI) acknowledging that the provisional results were not determined and that he could not make them known. But the next day around 5 pm, after legal time had expired, the president of the CEI went not to the RTI, where he had made his statement the night before, but rather to the campaign headquarters of Mr. Alassane Ouattara, to the Hôtel du Golf, which was also the official residence of the rebels, to announce the results of the second round of the presidential election. However, this spot, which was neither the seat of the CEI nor that of an institution authorized to present such a statement, was not neutral.

In other words, the president of the CEI took no kind of basic precaution to avoid being suspected of having taken sides in favor of candidate Ouattara. Moreover, by going almost alone to the Hôtel du Golf, he seemed to be acting without the consent of all the members of the CEI, a majority of whom would have had to approved this decision.

Another important detail, at the moment when the president of the CEI made his statement, present in the room were the Ambassadors of France and the United States, the representative of the Secretary General of the UN, and the Special Representative of the President of Burkina Faso, all of whom supported Alassane Ouattara. And then, this statement was made exclusively before the French and other foreign media, which made up the principal disseminators of the election results presented outside the legal time limit by the president of the CEI.

On the basis of these elements, it is impossible to ignore the flagrant violations of the rule of transparency, the principal of equality of treatment of the two candidates and of any notions of the impartiality or independence of the CEI. Worse still, there were violations of Article 59 of the new electoral code that prescribes how the president of the CEI proceeds «to make the announcement

[1] Cf. La nouvelle constitution de la Côte d'Ivoire, Abidjan, Juris-Editions, p. 5.

of the provisional results in the presence of representatives of the candidates». It seems, though, that a representative of candidate Laurent Gbagbo was not even invited to hear the statement by the president of the CEI. Another point that created controversy around the CEI concerned its composition, thought by some to be largely favorable to candidate Ouattara. It is a fact that of the 31 members of the CEI, 20 were representatives of political parties, 2 were representatives of the Chief-of-State and the president of the National Assembly with voting rights, 9 were representatives of the administration and civil society who served in an advisory role. In total, the opposition held 16 of the 22 votes. However, even if it was a majority hostile to Laurent Gbagbo, a considerable number of members of the CEI did not approve of the wheeling and dealing that was going on under their noses to give advantage to candidate Ouattara. The bias of the CEI was not on the part of all of its members, but rather that of its president whose zeal was obvious.

With the results given first to the foreign press, for reasons outside the interests of Côte d'Ivoire and the Ivorian people, this election seems not to have belonged much to the Ivorians. The aftermath of the election would demonstrate this perfectly.

The day after the statement by Mr. Youssouf Bakayoko, that being on 3 December, the Special Representative of the UN Secretary General spoke out inappropriately on the election results. He stated:

«Despite my appeal to the CEI to promptly declare the provisional results of the 28 November 2010 vote, the CEI was unable to do this without a delay caused by its internal divisions. These internal divisions were exacerbated when Ivorian security forces reinforced «the protection» of the CEI headquarters, beginning in the morning of 30 November. This led, in the end, to the president of the CEI, Youssouf Bakayoko, announcing the results of the second round in the afternoon of 2 December 2010 at the Hôtel du Golf: voter participation was a record 81%; candidate Alassane Ouattara received 54.1% of the votes; candidate Laurent Gbagbo received 45,9%».

This declaration is troubling, first, because it was not up to the UN representative to validate or invalidate the results of the second round on behalf of the Ivorian Constitutional Council. This done, it removed the air of neutrality and impartiality vigorously advised in these circumstances even by the nature of its job. What is more, while it is recognized that the CEI did not make its announcement of the results within the legally allotted time, this did not lead to its failure, something that would normally occur when the Constitutional Council takes over a case.

Second, it was also acknowledged that there were some disagreements within the CEI, but they did not seem worth considering, in order, at least, to understand the reasons and, possibly, to come up with a solution.

Third, Mr. Choï as the arbiter, ought to have found the choice of the Hôtel du Golf inappropriate for this presentation of the election results and should have suggested an official building where president Bakayoko could express himself in complete freedom and, if necessary, under the protection of the ONUCI. And this would have cut short any arguments about the bias of the president of the CEI. By approving the presence and statements of Mr. Bakayoko at the Hôtel du Golf, Mr. Choï purely and simply validated questionable behavior that did not seem, by the way, to pose any ethical or legal problem to the UN.

The last point is the most serious. It concerns the direct interference by Mr. Choï into the domestic affairs of Côte d'Ivoire in complete violation of his mandate and his status as an international functionary. To convict him of this we need only return to UNSC Resolution 1765, of 16 July 2007, which clearly defines the mandate of Mr. Choï Young-jin: «The Special Representative of the Secretary General in Côte d'Ivoire will confirm that all the stages of the electoral process provide all the necessary guarantees for holding open, free, fair and transparent presidential and legislative

elections. Conforming with all international norms». It is nowhere said that the Special Representative will substitute himself for the Constitutional Council of Côte d'Ivoire or that he will have to interfere in the provisional or the final results of the elections as determined by the Council. But this is what he did in his statement of 2 December 2010:

«As certifier of the Ivorian elections, I proceeded to evaluate and analyze all the records transported by the ONUCI and received by the CEI. Even if all the claims filed by the presidential majority with the Constitutional Council were taken into consideration along with the voting records, and then the ballots, the results of the second round of the presidential election as announced by the president of the CEI on 2 December would not change, confirming candidate Alassane Ouattara the winner of the presidential election».

This statement was unseemly. It contravened Mr. Choï's own mandate and UNSC Resolution 1765, which reaffirms in its preamble «respect for the sovereignty and independence . . . of Côte d'Ivoire». With this action, it became obvious that the elections had abandoned the realm of the legal for that of international politics and geopolitics. To save face and credibility in these elections, the UN, through its representative, engaged in a duel over legitimacy with the Ivorian Constitutional Council.

It is also impressive to see the conclusions of a confidential report by the ONUCI dated 10 February 2011, put together by the Joint Mission Analysis Center, which emphasizes:

«The UN, a principal in the Ivorian crisis, gambled on its credibility and wound up in a complex situation as the dates for scheduled elections in other countries of the CEDEAO approached. In this regard, at a moment when some informed sources were noting that Laurent Gbagbo was showing signs of exhaustion, it would have been good to deprive him of his means of propaganda which were working marvelously and on which he counted more and more to sustain an insurrection after he had exhausted all diplomatic means».

So, for juridical historians and constitutionalists, the 2010 presidential elections in Côte d'Ivoire are a textbook case. On that same day, 3 December 2010, after the power play by the CEI and his anticipated backing by Mr. Choï, the Ivorian Constitutional Council assumed its responsibility and delivered the final election results in these terms:

«The final results announced by the Constitutional Council on Friday, 3 December 2010, are as follows: Laurent Gbagbo: 51,45%, Alassane Ouattara: 48,55%. What all this means is that only the president elect after the 28 November 2010 voting, in this case, Laurent Gbagbo, is entitled to take the oath of office».

This decision upset Mr. Alassane Ouattara and his supporters who believed they had been gaining on candidate Gbagbo, and especially with the Constitutional Council. Their goal of taking power quickly by force would be blocked. They would speedily put together a second phase by which to reach their ends. Just after the statement by Mr. Bakayoko, American president Barack Obama came to the rescue of candidate Ouattara:

«I congratulate Alassane Ouattara for his victory in the elections of 28 November in Côte d'Ivoire. The Independent Electoral Commission, respectable and accredited observers, and the United Nations all confirmed the results and attested to their validity. Côte d'Ivoire is now at a crossroads. I call upon all the parties, including the out-going president, Laurent Gbagbo, to recognize and respect these results and to permit Côte d'Ivoire to move forward toward a peaceful and democratic future, leaving behind the long years of conflict and missed opportunities. The International Community will hold responsible for their actions those who would act against the democratic process and the will of the electorate».

The recognition of Mr. Ouattara's highly questionable «electoral victory» accompanied by a threat against «those who acted to thwart the democratic process and the will of the electorate» was meant to block all challenges by Laurent Gbagbo and his supporters. Within this logic of threats, the most brutal came from President Sarkozy. The French president, forgetting all the principles he had earlier espoused on the sovereignty of African States, the respect for institutions, let his rather belligerent temperament get the upper hand and issued an ultimatum to the President of the Republic of Côte d'Ivoire:

«Laurent Gbagbo and his wife hold their fates in their own hands: if between now and the end of the week, they have not left the offices they hold, the office Laurent Gbagbo holds, in violation of the will of the Ivorian people, they will be put on the sanctions list».

In France, this ultimatum was severely criticized by different political figures. The most vehement was unquestionably the president of the National Front, Jean-Marie Le Pen, who declared in a communiqué: «By issuing an ultimatum to President Gbagbo, Mr. Sarkozy made a political error that, in view of the probable confrontations between Ivorian partisans, jeopardized the lives of the French military contingent, the 12,000 French nationals and, more generally, our national interests there». The former candidate in the French presidential elections added: «We don't give lessons in democracy when we cynically flout the will of the French people as expressed in the referendum on Europe». It is better to favor «negotiated solutions over saber-rattling threats», he said.

In February 2011, as a weariness had overtaken the African heads-of-State who, along with the French president, were looking forward to a military action against President Gbagbo, Nicolas Sarkozy began to distance himself from his own speech on respect for the sovereignty of African nations and their rights to self-determination. He was aided in this by Africa's most ferocious opponent to Laurent Gbagbo and most ardent supporter of Alassane Ouattara, the President of Burkina Faso, Blaise Compaoré, who had, himself, been brought to power in 1987 by a bloody military coup d'État and was unbothered by repeated incidents of electoral fraud or the serial assassinations of his political opponents. On 24 March 2001, he wrote a letter to Nicolas Sarkozy:

«Mr. President,

At the request of the President of the Federal Republic of Nigeria, His Excellency Goodluck Jonathan, I send you this letter in order to bring to your attention some decisions made at the summit of our organization held on 23 March 2011 in Abuja.

Apart from the official communiqué of the Council, we met in closed session to decide the political and military approach to consider vis-à-vis the situation in the Ivorian crisis, and the final decision issued once again concerned your involvement in obtaining a UN Resolution that would permit the New Forces and all the other military factions that support the President-elect to take up positions on all military fronts in concert with your forces posted on the ground.

The President of Nigeria, His Excellency Goodluck Jonathan, very much committed to the resolution of the crisis, began to show signs of being discouraged and asked me to share with you his disappointment over how long it is taking to see your promised support of all the demands that have to be formulated by our organization in order to resolve the Ivorian problem once and for all.

The one and only demand on your involvement is that of your most solid support within the Security Council so that our official request will be accepted and bring about the forementioned Resolution authorizing UN forces to respond in the case they meet obstacles to their missions. You can easily understand how this will allow the stabilization and reorganization of the forces brought in from outside the country.

There is another factor of concern that has not yet been studied, which is the social cost of the spread of this crisis into the whole sub-region, in particular, and throughout Africa, in general.

It is useless to look for a political solution without having definitively arrived at a military solution, Nigeria and my country are in favor of taking over the command, under a UN banner, of the foreign military forces deployed, if a resolution is ever passed.

The most difficult part being over, getting through the elections and the acknowledgement of the victory of Mr. Alassane Ouattara as President of the Republic by all international institutions, it will no longer be that hard for your great country, with its exemplary diplomacy, to use all legal means to get the out-going president to leave.

As you doubtlessly know, Mr. Laurent Gbagbo's pride, as I have observed it, anyway, has always been to say to his peers, «You see, I was not put in place by France». So you can surely see how his main consideration, rather than for the well-being of his people or the development of his country, would be to challenge the French Republic and the world as a whole.

Attached please find a copy of the communiqué as well as a draft of the resolution that would help us finally resolve this crisis.

Hopefully, please accept, Mr. President, this expression of our highest considerations.

Blaise Compaoré».

The Burkinabé president, through this demand, had satisfied his urge to see Laurent Gbagbo leave power. While he continuously denied his direct involvement in the destabilization of the Gbagbo government, Blaise Compaoré was this time caught in a flagrant lie. In an interview he gave to the French daily, Le Figaro, on 6 December 2004, he publicly expressed his commitment to seeing Laurent Gbagbo removed from power: «The real problem in Côte d'Ivoire, it is the legitimacy of the current power. (. . .) As long as that is not dealt with, all talk about the supposed role of Burkina will not lead to anything». His letter to Nicolas Sarkozy was probably the best way, according to him, to «deal with once and for all» the problem of «the legitimacy» of Laurent Gbagbo. The French president, who got the message, effectively believed he had to use force to help his friend Alassane Ouattara take power in Côte d'Ivoire.

The French president also knew that this intervention would serve his personal interests at this time when he was looking to mount a campaign for reelection. He needed a great deal of money for a presidential campaign, and Côte d'Ivoire had always been an important source of campaign financing for French politicians, those from the right, in particular. Would they be deprived of this bounty in these times of international financial crisis?

In a highly confidential letter dated 25 February 2011, President Sarkozy, who needed African support, responded directly to Nigerian president Goodluck Jonathan:

«Mr. President,

The political situation in Côte d'Ivoire is degenerating every day and we fear an unprecedented humanitarian catastrophe, and as I told you yesterday during our telephone conversation, France will play its part in the reestablishment of a lawful state and will, especially, take all legal avenues toward bringing about the departure of out-going president Laurent Gbagbo.

Côte d'Ivoire is moving slowly but surely toward the anarchy and chaos that will inevitably unleash a civil war. Being the primary leader of the regional organization for West Africa, you have the heavy duty of taking responsibility for sending the clear message to Mr. Laurent Gbagbo that the military force of which you are in charge will dislodge him.

Our forces based in Côte d'Ivoire would intervene in this operation with a clear resolution from the United Nations under the cover of a local mission, a resolution that would be supported by our ambassador during debates in the Security Council. But for this, you will, after the submission of your country's case for a military intervention to the Council, have to think of another country within your sub-region that will go before the International Criminal Court (ICC) established by the Rome Treaty. Speaking for France, I set forth before the Security Council that the mandate of the ONUCI had become totally inadequate for keeping the peace in Côte d'Ivoire and that the prolonged inertia of the United Nations left me no other choice than to withdraw my troops from this quagmire.

As for me, I remain convinced that your efforts in conjunction with those of the mediator Blaise Compaoré, will allow the Organization of African Unity finally to recognize the victory of President

Alassane Dramane Ouattara. It would be catastrophic for democracy in Africa to let such an affront by out-going president Laurent Gbagbo pass and to let him remain in power. Africa needs conscientious leaders like you and especially those who hold an ideal for the people whom they serve. I remain convinced that your commitment to the resolution of the Ivorian crisis will be supported by all the African heads-of-State so that this beautiful continent can become organized and move forward.

The Ivorian crisis is a succession of errors and oversights in the compromises made to avoid civil war throughout the sub-region of the CEDEAO and Africa, in general. The sharing of power is unacceptable and would be another defeat for African mediation.

The only political solution is the unconditional departure of Mr. Laurent Gbagbo, who continues to usurp a position to which he is no longer legally entitled, and if we do not take all necessary measures, the country risks sinking further into chaos and being divided into two States, and this after what happened in Sudan would lead to a succession of claims on and confiscation of territories with the division of other African countries.

Regarding the differences spawned by President Jacob Zuma's misunderstanding of the Ivorian case, I sent my diplomatic advisor to explain to him the risks and what is at stake withю a lack of cohesion among the Panel formed to get Mr. Laurent Gbagbo to give up power, an explanation I will have to stand behind when it gets to Paris. As you can see, my colleagues were mobilized immediately and are actively preparing other initiatives that will allow us to enhance our policies in this direction and solve this problem once and for all.

I am sending a copy of this letter to the President of Faso, the mediator of the Ivorian crisis.

I pray you, Sir, the Most Excellent President of the Republic, to accept this expression of my very high considerations.[1]

A month later, on 4 April 2011, Mr. Nicolas Sarkozy was on the verge of taking action when he quickly sent a letter to the UN Secretary General saying:

«Mr. Secretary General,

You wrote on 3 April 2011 asking me for the support of the French forces in military operations the United Nations in Côte d'Ivoire (ONUCI) were going to conduct, in accordance with UNSC Resolution 1975, to neutralize the heavy weapons used against the civilian population and the [UN] Blue Helmets.

I confirm to you that I authorized the French forces, as you asked me and in accordance with their mandate from the Security Council, to carry out these operations in conjunction with the ONUCI.

I feel, as you do, that the protection of civilians under threat in Côte d'Ivoire is an urgent necessity, and runs parallel with the political efforts of the entire International Community to resolve the current crisis with respect to the sovereign choice of the Ivorian people.

I pray you, Mr. Secretary General, to accept this expression of my very high considerations».

We understand through this exchange of correspondence that the primary concern is not the clarification of an election for the Ivorian presidency being contested by the two candidates, or respect for the Constitution of Côte d'Ivoire, and, even less, the political discussions or negotiations toward avoiding chaos in the country. It is obviously about striking a blow against a man and against a regime: that of Laurent Gbagbo. During breakfast on 5 April 2011, the French president confided to his ministers what he intended to do in Côte d'Ivoire:

«We will decide this morning if it will be necessary to attack other of Gbagbo's military objectives in order to force him to step down. (. . .) We have reached the end of our patience with Gbagbo. Do not forget to remind everyone that Operation Licorne is acting under a UN mandate. It must intervene to prevent new mass killings. (. . .)

[1] Cf. All the errors in this text are reproduced exactly from the original.

Gbagbo is holed up in the bunker under his presidential residence. I told Ouattara that Gbagbo's life must be spared and that he has to see to this personally».[1]

From then on it was the writer of the Dakar speech who came on stage. He was unburdened of any democratic principles or methods. He wanted to use violence and brutality against an African president in a matter that concerned first and foremost the Ivorian people in their choice of a political leader. Who would accept that an American, say, rather than a French person, should decide just who would lead France? Who would have dared to interfere with the 2000 American presidential elections when it was claimed, then proven, that George W. Bush cheated in Florida? However, the French president would openly interfere in the internal affairs of Côte d'Ivoire showing contempt for the democratic choice of the Ivorian people and the Constitution of Côte d'Ivoire.

In pursuit of his single-minded vision and his solipsistic desires, Mr. Nicolas Sarkozy sent the French Army to attack the home of President Laurent Gbagbo. At this particular moment, Gbagbo had no idea that the French president had already decided to be done with him and was determined to bring his close personal «ami» Alassane Ouattara to power.[2] President Gbagbo did not want to believe that Mr. Sarkozy would plunge headlong into committing actions as grave as this direct military intervention against him in Abidjan. Obviously, the Ivorian president knew very little about Jacques Chirac's successor. This French politician whom Chirac, himself, described as «neurotic, impetuous, brimming with ambition, and questioning nothing, especially himself»[3] was not much inclined to preserve the good image of France or of the French military in Côte d'Ivoire or, more generally, in the rest of Africa.

According to confidential information gained from an ONUCI diplomat who asked not to be named, President Sarkozy insisted on receiving aid from the UN in his attack on the Ivorian presidential residence. The French president first suggested to the ONUCI that he would intervene only against Laruent Gbagbo on the grounds that the arms caches found at the presidential residence posed a threat to civilian lives. The officials of the ONUCI send this proposition to UN headquarters in New York. The UN officials took the following position: First, there were no arms that might threaten civilian lives at the presidential residence of the Republic of Côte d'Ivoire. If it took any action within the presidential palace, the UN would be accused of violating its mandate. Second, if the French president held out for the UN to intervene against Laurent Gbagbo, it would be preferable that this intervention be carried out jointly with the French army. According to this diplomat, the officials of the ONUCI thought that in doing this they had put Sarkozy in an embarrassing position. They were surprised when President Sarkozy agreed to a joint operation between the French and the ONUCI along side the rebels of Alassane Ouattara.

On 11 April 2011, the French Army was deployed in Abidjan. It took part with Alassane Ouattara's rebel troops in the coup d'État against President Gbagbo. According to witnesses inside the Ivorian presidential residence, the French Special Forces came through the tunnel that linked the French Embassy with the residence of the Ivorian Chief-of-State. This tunnel, which had been dug during the era of Félix Houphouët-Boigny to facilitate the rapid reaction of the French Army in case the Iviorian President should be in difficulty, became a trap for President Gbagbo. The French Special Forces dynamited the concrete wall that blocked the entrance to the residence before going directly into the rooms where the President's family and his colleagues were.

[1] Cf The weekly, Le Canard enchaîné, n°4719, of 6 April 2011, p. 2.

[2] Cf. In his first interview with the weekly Jeune Afrique, n°2629 of 29 May 2011, Mr. Alassane Ouattara felt compelled to justify his taking power by claiming: «I owe nothing to anyone». He nonetheless thanked France and the Burkinabé president Blaise Compaoré for their decisive help.

[3] Chirac, Jacques, *Le temps présidentiel, Mémoires,* Nil, Paris, 2011; 616 pp. – P. 265.

While President Sarkozy and his ministers vigorously denied having helped Alassane Ouattara take power by force, the French military officers dared to tell the truth about their actions. In the satirical weekly, *Le canard enchaîné*, it was written:

«According to testimony given the «*Canard*» by several high-ranking officers, France backed the conquest of the South of the country by the Ouattara forces. One of them, close to the Élysée, congratulated himself for «our effectiveness in the organization of the descent on Abidjan». It is true that in less than four days the Republican Forces of Côte d'Ivoire (FRCI) covered, though no great distance, half the country. Another brass hat, a member of the intelligence services, confided: «We furnished tactical advise to the FRCI, «but also «ammunition and Famas (assault rifles)». According to him, on 14 April, the French military contingent was made up of 1,700 men. The 900 men of the permanent Operation Licorne were notably reinforced by the 'Rambos' of the Office of ex-service operations of the DGSE and the French Special Forces. Someone among the Special Forces was in direct contact with Ouattara's people. At 7:30 pm, four Puma helicopters, supported by the MI 24s of the ONUCI, began their shelling, hitting on their fly-by such strategic targets as the University Hospital and a supermarket in the Cocody quarter. For the second time in seven years, «the former colonial power» bombed the soldiers and civilians of Côte d'Ivoire. This heroic snipe-hunt, which, according to the Élysée, gave them a glimpse into Gbagbo's capture, was far more likely to leave deep scars».[1]

President Gbagbo told us in confidence what really happened at the time of his arrest:

«It was the French troops who did everything. They bombed from 31 March to 11 April 2011. There were some sporadic bombardments with bombs being air-dropped. The French Defense Minister, Alain Juppé, had expressed the desire to speak with me. My advisor Désiré Tagro came and told me that this request came from Mr. Charles Millon, the former Defense Minister in the Juppé government of 1995. In fact, Mr. Millon was at the University of Lyon with me. Tagro informed me of this request first thing in the morning of 10 April 2011. I was about to take my shower when Tagro informed me of Mr. Juppé's wish. He had been on the telephone with Charles Millon. I told Tagro to tell Mr. Millon that I would be glad to speak with Mr. Alain Juppé. When I had finished my shower, I found Tagro waiting for me with the telephone to his ear. He was still on the line with Mr. Millon. Suddenly, a bomb exploded on the roof above my room. Millon asked Tagro what had just happened. Tagro answered him that they were tryring to kill the President.

Those who had dropped this bomb destroyed everything in the room. I had a collection of books by Roman and Greek writers translated into French that I had hung onto jealously for forty years, all were burned up. My library, an accumulation of books begun during my student days, went up in smoke in just a couple of minutes. Four days before, French soldiers had gone to the airport to take over the control tower. They asked a woman who was working there that day if she was for Ouattara or for Gbagbo. In order to save her skin, she told them she was for Ouattara. This is how the French were able to bring in the tons of war materiel that were used in the bombing. They had brought in new components to service the helicopters and tanks before using them to attack us.

On 10 April 2011, our informant in the Defense Ministry in Paris told us that on that day, it was 6+3. That is, 6 helicopter plus three more. You must know that in the past it was only 3 helicopters that bombed us. Snipers were also posted on the roof of the French Ambassador's home, which adjoins my residence. Their main job was to fire on young Ivorians who were demonstrating or venturing out near my residence. So, when it was learned that the French tanks were in Cocody, the commander of our Special Forces, Captain Boniface Konan, sent me a message saying that he could no longer fight because his men had run off. The message stressed that the French tanks and helicopters would not stop firing on the Ivorian troops.

On 10 April, I told Konan that he had to cease all combat to spare the lives of his soldiers. I would not watch the useless deaths of the good sons of my country at the hands of those who wanted only my head. I asked that they let me peacefully await the outcome at my residence. The soldiers

[1] Cf. Le Canard enchaîné, n°4720 of 13 April 2011.

wanted to protect me. They feared for my life but I told them that I was not of the military but was Chief-of-State. What was most important to me was their safety and not mine in the face of this French fire.

At this very moment, Konan told me through clenched teeth, «Mr. President, the French have destroyed everything».

In fact, the French had encircled the residence and instead of completing their mission, that is, instead of coming in and taking me themselves, they send the rebels in to take me. And I have to specify here that they sent the rebels in arrest me in front of the cameras. All the pictures you have seen are photos taken by French soldiers. It was the French soldiers who filmed my capture. They filmed at the residence and at the Hôtel du Golf. Later, they sent in the French journalists to take other pictures of me. There were no African journalists filming at the moment of my arrest».[1]

The brutality with which President Gbagbo's associates were treated is beyond any doubt. Even the photos displayed after the fall of President Gbagbo do not sufficiently hide the violence of the rebels against the people who were in the presidential palace at the time.

To cover up the French intervention against Laurent Gbagbo, they prepared a little communications guide to drum into the heads of all the journalists and all the media: «lt was Ouattara's troops who arrested Gbagbo. The French – excuse us – the UN, with the help of the French, just lent their support».[2]

No one, except maybe its instigators at the Élysée, believed this big hoax. And after its being hidden for some time, they learned, officially for once, that the «democrat» Ouattara also had a private army – call it a «rebellion». So it was thanks to these «rebels» backed by the French Army that he was able to take power, having failed to do so through the ballot box. All of these more or less ill-concealed initiatives and actions explain why Mr. Ouattara and his supporters in the «International Community» refused a recount of the votes. They had absolutely to give the impression that Mr. Gbagbo was overthrown for not respecting the results of the election.

In reality, the pressure had been mounting for some time and it was coming directly from the White House. According to President Gbagbo:

«An American Under-Secretary of State telephoned me and talked to me for a least an hour. He told me that if I left office, I would not be prosecuted, I could go into exile with sixty-four people from my entourage, and that everything would be paid for. As for me, I would be housed, fed and rehabilitated, I would have a job and an income worth $2 million, etc. This conversation or rather this monologue was surreal. There was such a gap between what this man was saying and the reality that I was living through with the Ivorian people that his pitch was hard to stomach. I finally hung up, worn out from listening to him hold forth on the great deals that awaited me if I agreed to step down. I thought there was something strange in this speech. What was the subject? In my opinion, it was the results of the presidential election. They were all assuming that I had lost the presidential election, but the Constitutional Council [i.e., the Supreme Court] of my country was saying just the opposite. I demanded a recount of the votes, and they refused. I even proposed an independent investigatory commission to look into the facts. They refused. However, the particulars were simple. If it was shown that I had lost the election, I would yield without further discussion. If I had won, I wanted to make certain political concessions toward creating an atmosphere of reassurance and peace throughout the whole country. But why did they insist on making me these absurd offers? Why were they looking to corrupt me, and threatening me, if they were really convinced I had lost the election?

A little after the strange phone call, my advisors told me that Hillary Clinton was trying to reach me by telephone. I refused to take the call because I was sure that I would spend more time listening

[1] Personal confidence of President Gbagbo given to the writer.

[2] Cf. Le Canard enchaîné, n°4719 of 13 April 2011, p. 3.

to the same propositions. She finally sent me a message to offer me I don't remember what. I didn't even open the envelope.

After Hillary Clinton, it was President Obama's turn to phone me. Once again, I refused to take the call. I no longer wanted to listen to or even hear these annoying spiels with their grotesque propositions that kept assaulting my ears».[1]

In France, a proposal by Communist legislators recorded by the president of the National Assembly, on 11 July 2011, demanded the formation of a Parliamentary Commission of Inquiry:

«Many shadowy areas surround this intervention into Côte d'Ivoire. It is important to know why and how the forces of Operation Licorne got involved, their role in the advance of the «Republican Forces» toward Abidjan, and why they did not protect the civilian population in the North of Côte d'Ivoire, and if elements of French troops were in Duékoué. (. . .) It is important to have information about the role of the French forces in the capture of Mr. Gbagbo and his wife, and where these troops were at the time the exactions were being committed by the Republican Forces in Abidjan after the capture of Mr. Gbagbo. This commission of inquiry must study all the information available to determine the possible, respective responsibilities of the French Army and the ONUCI».

The commission of inquiry has not as yet been set up. Will it take place someday? During the preparations for the destabilization of Côte d'Ivoire and a little before the fall of President Gbagbo, a French teacher, who had lived for 12 years in Côte d'Ivoire, was felled by bullets from the rebel forces of Alassane Ouattara. His name was Philippe Raymond. After his killing, a dispatch from AFP published in Le Figaro left some observers puzzled:

«'A French professor was gunned down in Yamoussoukro, the political capital of Côte d'Ivoire, without anyone's knowing if his death was linked to the fighting in the country or if it was the result of some criminal villainy,' two French officials stated. 'It is possible that it was a stray bullet like the one that killed a Swede working for the UN in Abidjan,' said another official. Neither of these sources identified the professor. When questioned, the French Minister of Foreign Affairs indicated that this information was true».

The problem was that the person who could not successfully be identified by the Quai d'Orsay was not a «John Doe» in either Abidjan or the French Embassy in Côte d'Ivoire. The alleged «stray bullet» that was supposed to have ended the life of the Frenchman was no such thing. The story of Philippe Raymond, a credentialed professor of Industrial Science at the National Polytechnic Institute-Houphouët-Boigny, in Yamoussoukro, is like that of many other pro-Gbagbo Ivorians. He was killed under suspicious circumstances at the time of rebel advances into Yamoussoukro, and the French authorities have avoided seeking just punishment for his killers. Mr. Philippe Raymond never hid his disapproval of French interference in Côte d'Ivoire. President of an organization of European residents in that country, he had clearly taken a position on the events of November 2004. In a video posted to the Internet, he really tossed his fat into the fire:

«This is for the benefit of the intelligence services, the consulate and the forces of Operation Licorne: do not waste your time and money on an inquiry, I will identify myself. I am Philippe Raymond, my parents are Jacques Raymond and Emilienne Raymond, I am a teacher at the INP-HB, and I was a VSO [like the Peace Corps] volunteer. When they ran off the volunteers, I stayed behind and will now try to explain myself. France has badly wasted the money of its taxpayers by making trouble here in Côte d'Ivoire. A bullet for a machine gun costs 3,200 francs CSA. This is what Chirac figures the value of a child's life in this country to be.

My second point is for the French in Côte d'Ivoire. Like me, you have endured this situation for more than two years, while remaining silent. We saw on television that what was being told to the French people was, pardon my language, 'bullshit' about what was happening here. They are being told today that in front of the Hotel Ivoire there are Ivorian gendarmes firing on their countrymen and

[1] Personal confidence of President Gbagbo given to the writer.

that the French are only here to restore law and order to the country. So I said 'enough is enough.' I said, 'Get moving! Use all the means you possess, the Internet, the telephone, to tell all your friends in France what is really happening here. I got my mother on the phone day-before-yesterday and she was worried, she's 81, a retired warrant officer in the French Air Force . . .

I told her: 'Chirac has declared war on Côte d'Ivoire, he bombed their aircraft, etc.' She responded, 'But he's sick, this guy!»

Invited onto the prestigious Ivorian TV show, «Raison d'Être», just before the fall of President Gbagbo, Philippe Raymond expressed his views of what was happening in Côte d'Ivoire:

«What irritates me most is that nations like the U.S. and France, who are very strict when it comes to their Constitutions, would take positions that trample all over Ivorian laws and its Constitution. The support of these nations, of the UN that has now joined in with them, puts Côte d'Ivoire into an almost inescapable dilemma. (. . .) The results of the election did not suit them so they found a way to sidestep them and get different results (. . .). The Great Powers have economic interests throughout the whole world and they know the wealth of Côte d'Ivoire. So these powerful countries want to have someone to do business with who understands them, someone on whom they can count on, you know, as a friend!»

At the end of this TV show, he had threats made against him, but he persisted and prevailed. Did Philippe Raymond say too much? Should he have been content, as were some of his counterparts, just to enjoy the Yamoussoukro sun?

Since his death, it feels like the Quay d'Orsay has been silent on this subject for a long time. Wanting to talk about dead Ivorians, but not about dead Frenchmen like Philippe Raymond or the 9 soldiers killed at Bouaké, shows that Mr. Sarkozy and some of the ministers in his government might have things to hide about their involvement in the Côte d'Ivoire of Laurent Gbagbo.[1]

[1] We are very grateful to Mr. Onana for his kind permission to reproduce this extract from his book «Cote d'Ivoire. Le coup d'etat», Duboires, 2011. Translated from the French by CM/P – CirqueMinime/Paris

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА

ПАМЯТИ ЛИВИЙСКОЙ ДЖАМАХИРИИ...

ФОРУМ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ» С ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМИ И ПОЛНОМОЧНЫМИ ПОСЛАМИ СССР И РОССИИ В ЛИВИИ

В 2011 году был уничтожен великий социально-политический проект, который останется в истории под названием «Великая Народная Ливийская Джамахирия». То, как этот проект замышлялся и реализовывался, еще предстоит осмыслить. А сейчас очень важно собрать информацию об этом проекте из первых рук – от тех, кто жил в ней, кто строил наши с ней отношения, кто лично знал и работал с лидером проекта Муаммаром Каддафи. С этой целью «*Казанский журнал международного права и международных отношений*» решил провести заочный форум, в котором приняли участие пять бывших советских и российских послов в Ливии.[1] Беседы с этими дипломатами публикуются сегодня в нашей Специальной теме – «*Памяти Ливийской Джамахирии*»...

Беседа с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Ливии (1984-1986) Олегом Герасимовичем Пересыпкиным

А.Мезяев: Олег Герасимович, Вы были Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в ряде стран арабского мира, в том числе Ливане, Ливии, послом России в Объединенном Йемене. Вы также работали в советских дипломатических представительствах в Ираке, в Северном и Южном Йемене. Каково, на Ваш взгляд, место арабского мира во внешней политике нашей страны и изменилось ли место арабского мира во внешней политике России по сравнению с СССР?

О.Г. Пересыпкин: Если говорить о нашем времени, то, безусловно, отношение с арабским миром (Ближний Восток и Северная Африка) в настоящее время достаточно активно развивается. Дело в том, что я изучал состояние отношений нашей страны с этими регионами на протяжении долгого времени. И, естественно, во времена СССР они были тоже активны, но там был очень сильный идеологический аспект. Мы поддерживали все освободительные и прочие движения, сейчас у нас больше прагматизма. Мы понимаем, что 60% мировых запасов углеводородного сырья и находится как раз в этом регионе. И, собственно говоря, мы вынуждены работать, потому что они не только наши партнеры в экономическом сотрудничестве, но

[1] Составной частью настоящего форума можно рассматривать и нашу беседу с бывшим Временным поверенным в делах СССР в Ливии А.З. Егориным, которая опубликована в прошлом номере нашего журнала. (См.: «Казанский журнал международного права». – 2012. – № 5. – С. 119-130.)

и занимают важное географическое и стратегическое положение. Когда я выступал с лекциями в Дипломатической академии МИД СССР, то всегда говорил слушателям о том, что Ближний Восток является ближним и для нашей страны – России, потому что наши отношения с этим регионом исчисляются, по крайней мере, столетиями. Я считаю, что активность России на Ближнем Востоке определенно будет возрастать, и это наш не только экономический и политический интерес, связанный с географической, геополитической близостью к данному региону, это относится, безусловно, и к Северной Африке тоже.

А.М.: Олег Герасимович, Вы были назначены Послом Советского Союза в Ливии в 1984 году. Как начиналась Ваша работа в этой стране и какова была роль СССР для Ливии в этот период?

О.Г. Пересыпкин: После четырех лет работы послом СССР в Северном Йемене я приехал в отпуск в Москву. И тут мне говорят: «Вы хорошо работаете в Северном Йемене, мы хотели бы вас перевести в другую более активную страну», и назвали Ливию. С Ливией у нас очень активное экономическое сотрудничество. Ливийцы расплачиваются нефтью, поскольку у нас в Западной Сибири что-то случилось на наших нефтепромыслах, мы недобираем нефти для поставки в Западную Европу по давно подписанным контрактам. Поэтому ваша задача сосредоточить все свои усилия не столько на политических отношениях, сколько на экономическом сотрудничестве, с тем чтобы возместить тот ущерб, который мы понесли во время неблагоприятной ситуации в Западной Сибири». Когда я приехал в Ливию, там уже работало около 12 тысяч наших специалистов. Мы строили аэродромы гражданские и военные. Ливийцы, хотя и с некоторыми задержками, но выполняли свои обязательства. Помню такую ситуацию. Наши танкеры грузились сырой нефтью и отправлялись в Югославию, Италию или Францию, погашая те наши долги, о которых я сказал. Но надо сказать, что Ливия в то время выбивалась из такого общего арабского контекста, потому что Каддафи вообще не занимал никаких постов. Хотя, естественно, контролировал ситуацию в стране, от него многое зависело, как будет развиваться наше сотрудничество. Он не принимал послов, и, тем не менее, я смог к нему попасть в самом начале своей работы. Причем я написал ему письмо, что прошусь к нему не как посол, а как востоковед, чтобы поговорить с ним и подарить ему очень редкую, как мне казалось, книгу, которую я привез из Йемена. В Йемене после революции были разграблены частные библиотеки, и на рынке можно было купить, например, рукописный комментарий к Корану, который был написан 100-200 лет тому назад. Но, к счастью, Каддафи сразу ответил. За мной приехала машина, меня привезли, оставили в комнате и сказали: ждите, сейчас он придет. Прождал я достаточно долго. Потом он появился, оказалось, он молился. И после молитвы он пришел, развернул мою книгу. Обычно в рукописных арабских книгах в конце пишут год написания книги. Мы долго искали, глава к главе, этот абзац, и оказалось, что эта книга написана 200 лет назад. Мы поговорили, а затем поехали в резиденцию Каддафи, он хлопнул в ладоши – и сразу появились фотографы и телевизионщики и все это дело засняли. На следующий день во всех ливийских газетах появилась наша фотография. Все послы меня стали поздравлять, что мне все-таки удалось пообщаться с лидером. В будущем тоже были какие-то общения, но вот это первое, конечно, произвело на меня очень большое впечатление. Этот человек, безусловно, неординарный уже хотя бы потому, что он разработал третий путь мирового развития, это и не социализм, и не капитализм. Это народная Джамахирия – демократия, и, во всяком случае, у меня осталось от общения с ним очень благоприятное впечатление. Хотя арабский язык у него был с большой примесью диалектизма и приходилось сильно напрягаться, чтобы понять все нюансы того, что он мне говорит.

А.М.: Вы знаете, я приготовил этот вопрос на самый конец, но раз Вы подняли эту тему сейчас, я хочу вспомнить об эпизоде, произошедшем на одной из конференций, которая проходила в Дипломатической академии МИД России. Один из «восто-

коведов», принимавших в ней участие, заявил, что Муаммар Каддафи «недоговороспособен» и вообще «психически нездоров и у него шизофрения». Вы очень мгновенно и резко отреагировали на это, перебив его вопросом: «А вы вообще-то встречались с Каддафи?». Выяснилось, что, конечно, нет, и стало ясно, что «востоковед» просто пересказывает чужие сплетни. И вот у меня такой вопрос, Олег Герасимович, как Вы считаете, почему так старательно тиражируется миф о сумасшествии Каддафи, ведь, казалось бы, уже «достаточно» придумано: и террорист, и диктатор, и убийца собственного народа, зачем же еще добавляют это сумасшествие? Ведь этот ярлык приклеили только ему. Он единственный лидер в мире, которому пытаются приклеить этот ярлык…

О.Г. Пересыпкин: Я думаю, что это делается для того, чтобы создать впечатление, что если человек сумасшедший, то все его заявления можно поставить под сомнение, как и его действия. То есть террорист – понятно, диктатор – тоже понятно, когда он еще и сумасшедший, то от него можно ждать чего угодно. Поэтому это делалось специально, чтобы иметь какой-то дополнительный аргумент, с тем, чтобы уничтожить Каддафи. Доказывать, что он не может занимать этот пост – лидера ливийской революции, не может быть надежным партнером для переговоров. Я, естественно, против этого. Он человек оригинальный, неординарный, но, тем не менее, считать его психически ненормальным я не могу.

А.М.: В одном из своих интервью Вы говорили, что Каддафи – человек амбициозный, эмоциональный, но многие его решения были очень разумными. Не могли бы вы привести примеры таких его решений, которые бы показали несостоятельность обвинений его противников?

О.Г. Пересыпкин: Дело в том, что Каддафи считал себя наследником Нассера. Он считал себя арабским националистом, который должен проводить, именно продолжать линию Нассера. Я считаю это достаточно амбициозным заявлением. Каддафи сделал очень многое для Ливии. Во-первых, по сравнению с другими арабскими странами в Ливии была очень сильно развита инфраструктура, хорошие дороги, развито сельское хозяйство. Ну, например, говорили – голод. Ну, какой там голод? Я знаю, я ездил по стране и бывал на сельскохозяйственных фермах. Каддафи давал всем желающим примерно 50 гектаров земли бесплатно, правда, с одним условием: чтобы земля обрабатывалась и что-нибудь выращивалось, и примерно 20% от стоимости урожая нужно было отдавать в соседнюю воинскую часть. Причем чтобы облегчить труд такого крестьянина, он давал маленький трактор и прицеп с бочкой для воды, потому что в некоторых местах была хорошая земля, но не было воды. Я лично видел, как дети этого крестьянина очень ловко обращались с трактором. Продовольственная безопасность была обеспечена. Я бывал в самых разных регионах страны, и могу сказать, что даже в самых отдаленных из них жизнь кипела. С точки зрения народной демократии были народные комитеты, которые обсуждали все, вплоть до внешней политики Ливии. Мне как послу приходилось им объяснять, скажем, некоторые моменты нашей политики, почему именно так, а не по-другому. Я хочу сказать, что когда там говорили о Каддафи как о диктаторе – ну не было этого! Поэтому, когда я говорил о Ливии, я сказал, что там по большому счету даже не было внутренней оппозиции. Естественно, были недовольные, но политические оппозиционеры уже давно сбежали в Европу и в Америку. А системная оппозиция в Ливии отсутствовала. При тех больших нефтяных доходах, при том политическом и экономическом развитии было больше позитива.

А.М.: Во время Вашего пребывания в Ливии 1986 году США совершили варварские бомбардировки городов Триполи и Бенгази. Не могли бы Вы рассказать об этих событиях подробнее. Как действовало посольство СССР во время этих событий?

О.Г. Пересыпкин: Действительно, именно во время моего там пребывания и были совершены эти бомбардировки. Это был элемент устрашения. Каддафи позволил себе много таких резких высказываний в отношении тогдашнего президента США Р.Рейгана. Более того, он ку-

пил на 15 минут спутник и на английском языке обращался к американскому народу с предложением создать на территории США три государства: для афроамериканцев, для англосаксов и для коренных жителей. Получилось, что для Р.Рейгана, выходца из Ирландии, там места не нашлось. Говорят, что это взбесило Рейгана. У меня потом состоялась такая короткая беседа с Каддафи, и я ему говорил, зачем вы провоцируете, зачем вмешиваетесь во внутренние дела США. На это он мне ответил, что они первыми вмешиваются в мои внутренние дела, почему им можно, а мне нельзя, я сделал это сознательно. И вот кульминационным моментом этой реакции Рейгана и стала эта бомбардировка. С шестого американского флота, который был в Средиземном море, и с базы Великобритании прилетели самолеты, причем, как говорили наши военные, бомбили всего несколько самолетов. А остальные ставили помехи для того, чтобы другие не сбили. Для нас это был элемент неожиданности. И я хочу сказать, что у нас в Москве как то не так отреагировали. Была создана специальная комиссия, которая приняла решение об эвакуации наших граждан. Но уже к этому времени (это был 1986 год) оказалось много наших граждан с семьями, и, более того, по поручению МИДа заместитель министра, который собрал представителей стран – участниц Варшавского договора и информировал их о том, чтобы приняли решение об эвакуации наших граждан с территории Ливии. И мне пришла телеграмма, где писали, что я должен указать точно, куда присылать наши самолеты. На следующий день после бомбардировки все те специалисты и сказали, что они получили информацию от своих министерств иностранных дел, что если россияне уезжают, то они хотели бы к нам присоединиться. В общей сложности получилось порядка 70 тысяч человек, которых я должен был вывезти. Я посовещался со своим коллективом, и мы решили отказаться. Во-первых, я направил телеграмму в МИД о том, что вывозить всех нецелесообразно. Это был элемент устрашения, что может быть еще раз побомбят, но вряд ли. Это разовая акция. Потом была проблема: вот мы начнем посылать свои самолеты, вывозить граждан, для этого у них надо хотя бы разрешения спросить, потому что они собьют наши самолеты либо потопят наши корабли. В конце была фраза о том, что если Москва настаивает, то я готов начать эвакуацию. Ну, как обычно это делается в сложных ситуациях, эвакуировать женщин и детей и тех специалистов, без которых можно обойтись, а массовых эвакуаций не делать. Я отправил эту телеграмму. И из Москвы пришел ответ примерно на полторы страницы, где они объясняли, что Политбюро является директивным органом и все его решения обязательны для выполнения как внутри страны, так и заграничного учреждения. Вот меня отчитали, а потом в конце была такая строчка: «С вашими предложениями согласны». Но когда я приехал в Москву, все говорили: вот посол, который отказался выполнять постановления Политбюро.

Потом я вернулся в Ливию, но отношения уже испортились, и лично Каддафи и его окружение считали, что мы должны были оказать более действенную военную помощь. Мы им все время объясняли, что мы воевать за вас не будем. Но ливийцы считали, что СССР мог бы больше сделать, поэтому работать было тяжело. Когда мне предложили приехать в Москву и занять пост ректора Дипломатической академии МИД СССР, я согласился. Когда приехал прощаться, Каддафи меня, естественно, не принял.

А.М.: В 1985 году Муаммар Каддафи совершил официальный визит в Москву. Насколько я знаю, это был его первый визит, хотя Олег Гриневский в своих воспоминаниях рассказывает о том, что, якобы, у Каддафи была попытка в 1978 году приехать в Москву без предупреждения. Он постоял на аэродроме, но так как его не приехал встречать Л.И. Брежнев, он уехал. Можете ли вы подтвердить этот рассказ Гриневского?

О.Г. Пересыпкин: Я не знаю об этой истории. Но то, что касается первого официального визита, я его готовил. Это был очень важный визит, действительно первый. Мы сидели в Кремле, я там все время крутился с ним. У нас были нефтяные контракты, были очень интересные заявления, которые, естественно, обсуждали американцы и их попытки применить силовые методы, с тем, чтобы добиться своих целей. Я думаю, что он был доволен своим визитом. Он встречался с Горбачевым, его принимали по высшему разряду.

А.М.: Олег Герасимович, что, по Вашему мнению, произошло в Ливии в январе-сентябре 2011 года? Почему было принято решение не только об убийстве Каддафи, но и фактически о разрушении целого государства?

О.Г. Пересыпкин: Вы знаете, некоторые говорят о политической подоплеке произошедшего, но я считаю, что еще есть еще и экономическая. Сейчас спорят, сколько денег было у Каддафи, я имею в виду – у Ливии – вложено в иностранную недвижимость, капиталовложения в Ливии. Одни называют 120 млрд. долларов, другие – 180 млрд., а некоторые даже под 300 млрд. Даже называют конкретные объекты недвижимости. Но объекты разные. Это может быть двухкомнатная квартира сына Каддафи где-то в Лондоне, а может нефтяной завод под Миланом. Главное, что это большие деньги, у него же была специальная структура, это международный инвестиционный фонд, где деньги вкладывались в недвижимость, покупались акции не только в Европе, но и в США. И я считаю, что кроме каких-то политических целей, были еще и экономические. Вот сейчас Европа испытывает большие трудности, собираются по нескольку раз на высшем уровне и обсуждают вопрос, дать или не дать Греции 10 млрд. А когда здесь такие большие деньги, почему бы ими не воспользоваться? Насколько я понимаю, ими уже воспользовались. В самом начале этих событий уже заморозили 1,5 млрд., из которых только 500 млн. дали повстанцам, а остальные поделили между собой. Но я думаю, что наступит время, когда французы и западники предъявят счет новым властям за то, что они использовали ресурсы своих военных самолетов для того, чтобы привести тех к власти. Поэтому, мне кажется, что кроме каких-то политических аспектов была и какая-то еще экономическая составляющая вот этой агрессии, откровенной агрессии против независимого и суверенного государства.

А.М.: В 2011 году во время новых бомбардировок НАТО Ливии Вы стали одним из авторов обращения к президенту и премьер-министру России с просьбой рассмотреть возможности большего влияния России на эти события, в том числе в Совете Безопасности ООН. Как бы Вы в целом прокомментировали нашу международно-правовую и дипломатическую позицию, которую заняла Россия по отношению в ситуации в Ливии?

О.Г. Пересыпкин: Мне кажется, что мы совершили ошибку, когда проголосовали за резолюцию СБ ООН, в которой содержалась фраза: «создать бесполетную зону над Ливией, а также *любые иные меры*…». И вот эта фраза «любые иные меры», получается, разрешает любые меры вообще. Мне кажется, надо было торговаться до последнего, не применять вето, но убрать эту очень сомнительную фразу. Потом мне кажется, что мы пошли на поводу у западников, когда собирались главы государства, объявляли, что Каддафи нелегитимен. Вот я хочу Вас спросить как юриста-международника: а кто определяет, легитимен он или нет? Сейчас оппозиционеры в Сирии, которые создали какой-то комитет, и что – он сейчас легитимен и представляет народ в Сирии? Вот соберутся лидеры десяти-пятнадцати стран и заявят, что какой-то лидер нелегитимен. И что, после этого можно бомбить? На мой взгляд, был создан такой опасный прецедент, который можно сейчас использовать для того чтобы, убрать любого.

А.М.: Олег Герасимович, в 2011 году был уничтожен один из великих проектов современной истории – Ливийская Джамахирия. Уверен, что опыт этого великого проекта еще предстоит изучать. Наверное, его будут изучать будущие поколения, потому что даже просто «большое» видится на расстоянии, а великое – еще с большего расстояния. В данном случае расстояния временного. Но уже сейчас хотелось бы сохранить для будущих поколений информацию. Информацию из первых рук. Поэтому мой вопрос такой: что представляла собой Ливийская Джамахирия как великий мировой исторический проект?

О.Г. Пересыпкин: Известно, что Муаммар Каддафи – автор «Зеленой книги». Она издана на многих языках, в том числе на русском. Каддафи считал, что Джамахирия – это прямое на-

родовластие. Создавались эти народные комитеты, которые обсуждали все вопросы местного управления, высказывали свои рекомендации. Но даже когда мы говорим о демократии, есть различные модели демократии – американская, французская, английская и пр. Но почему эта модель не могла существовать? Мне некоторые мои коллеги говорили: «Чего он там напридумывал, это тупиковый путь», я относился к его теории более взвешенно. Его «Зеленая книга» стала результатом глубоких размышлений, он перелопатил огромное количество литературы. Я видел его огромную библиотеку. Он живо интересовался и нашей внутренней политикой. Я хочу сказать, что эта теория Джамахирии не была выдумана, пока он сидел на диване, это результат напряженного обдумывания той ситуации, которая сложилась и в Ливии, и в мире в целом.

А.М.: Когда нам рассказывают о тех социальных гарантиях, которые Каддафи создал для своих граждан, некоторые просто не верят в это. Вы можете подтвердить, что это правда?

О.Г. Пересыпкин: Это, безусловно, правда. Социальные гарантии там были хорошие. Бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, причем это было на самом высоком уровне. Самое передовое оборудование, в этом смысле я однозначно могу сказать. Социальные гарантии были, и это одно из достижений правительства Каддафи. Сейчас всю систему социальных гарантий разрушили.

А.М.: И последний вопрос. Олег Герасимович, почему никто не выступил в защиту Ливии? Даже на международных форумах, и в том числе среди арабских стран, все, как один, выступили против Каддафи.

О.Г. Пересыпкин: Я могу сказать, что Каддафи в силу своего характера вмешивался во внутренние дела других стран. О США я уже говорил. Но и в арабском мире он позволял себе много таких высказываний, в том числе против монархических режимов Аравийского полуострова. Он был братом, но не удобным для арабского мира, и поэтому жертвовать собой и защищать его они отказывались. Более того, на стороне этих повстанцев было очень много лиц, которые не являются ливийцами. Я арабский язык знаю, могу отличить ливийский диалект от других. И вот эти интервью, якобы, ливийских повстанцев по телевидению показывают – а я слышу, что нет, это не ливиец говорит. И в Ливию, и в Сирию сейчас много набежало наемников. Ну и, конечно, нельзя отрицать, что США – великая держава. НАТО тоже все боятся. Америка все запомнит, и если кто-то из арабских стран активно выступил бы в поддержку Ливии, им бы не простили.

Беседа
с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Ливии (1986-1991 гг.)
Погосом Семеновичем Акоповым

А.Мезяев: Погос Семенович, Вы были Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в ряде стран арабского мира, в том числе в Кувейте, Ливии, Египте... Каково, на Ваш взгляд, место арабского мира во внешней политике нашей страны и изменилось ли это место во внешней политике России по сравнению с Советским Союзом?

П.С. Акопов: Спасибо, вопрос очень хороший, интересный. Я считаю, что на эту тему в последнее время у нас, к сожалению, мало пишут, мало говорят. Хотя, если начать с конца Вашего вопроса, я думаю, что этот вопрос имеет подтекст и субъективного подхода, и объективных причин, факторов, которые определяют отношения или взаимоотношения нашей страны с арабским миром в советский в российский периоды. Я лично много раз задумывался над этим. Если говорить об объективных факторах, то совершенно очевидно, что России нужны арабы, а арабам нужна Россия. Вот эта формула определяет суть подхода к этому вопросу. Причем заинтересованность эта носит не какой-то меркантильный интерес, а весьма глубокий национальный интерес и арабского мира, и нашей страны. Я еще писал об этом в своих статьях. Эти интересы и проявления этих интересов уходят глубоко в историю.

Уже в царской России проявлялись объективные мотивы, которые двигали российскую науку, политику, экономику в сторону арабского мира. Это не случайно, были и объективные причины, если взять остров и геополитический аспект – наши ближайшие соседи, если взять экономические позиции и у нас, и у них нефть, особенно в советский период, постсоветский период. Главным богатством арабского мира, Ближнего Востока считается нефть. И у нас нефть, и у них.

Мы никогда не посягали на природные богатства арабского мира, поэтому арабы не боялись нас, и мы и в царское время, и в советский период не стремились к тому, чтобы эксплуатировать или захватывать их нефть. Это я могу сказать с полной уверенностью. У нас были другие цели, особенно в постсоветский период, потому что в советский период арабский мир был тем рынком, куда мы могли входить без ограничений. Советскую продукцию в европейские страны на европейский рынок и на западный рынок не пускали. А арабский мир, будучи частью «третьего мира», нуждался в экономической поддержке. Еще нуждался в том, чтобы какие-то внешние силы оказывали содействие в развитии этих стран, то есть в становлении на путь самостоятельного экономического развития. Запад не был заинтересован в этом, поскольку это были колонии, и они никогда не стремились к тому, чтобы содействовать развитию этих стран и давать им возможность становиться самостоятельными. Например, та же Асуанская плотина. Поэтому в период, когда эти страны завоевывали политическую независимость, они нуждались в Советском Союзе. Это же относится и к царскому периоду. Россия и тогда искренне стремилась содействовать, помогать отсталым странам развиваться и в научном, и в экономическом, и в политическом плане. Когда изучаешь историю, приходишь к такому выводу, и это, действительно, уникальное явление. Ни одна страна в мире, кроме России, так бескорыстно не помогала этим странам. Если взять Британию, Германию, Францию, у них у всех были империалистические и колониальные цели. А вот я лично не нашел и намека на это в политике или в действиях России и как государства в целом, и в лице отдель-

ных наших соотечественников. А что касается Советского Союза, он был изолирован. Запад всячески препятствовал тому, чтобы Советский Союз вышел на широкую мировую международную арену и в экономическом, и в политическом плане. В тот период, когда национальное освободительное движение привело к тому, что эти страны получили независимость и встали на путь самостоятельного развития, они остро нуждались в поддержке и помощи. Таким образом, был взаимный интерес. Этот взаимный интерес и проявился, но данные страны не имели средств, чтобы покупать нашу продукцию, чтобы происходил товарообмен. А мы тоже только начинали развиваться после индустриализации, после Второй мировой войны, и нам нужен был как воздух внешний мир, выход на внешние рынки и эта заинтересованность с «третьим миром», в том числе с арабскими странами, привела к тому, что мы (советские политики, экономисты, научные институты) разработали такую систему, которая была приемлема для «третьего мира», развивающегося мира. Эту систему надо восстановить. Мы разработали особую систему предоставления кредитов этим странам. Кредит на 10 лет из расчета 2,5% годовых с выплатой либо продуктами, либо продукцией своей страны. То есть каждая страна платит, что имеет, либо с предприятий, которые строились при содействии Советского Союза и за счет этих кредитов. Что это давало? Это давало то, что мы экспортировали продукцию машиностроения в такой форме. Возьмем, к примеру, Асуанскую ГЭС. Она стоила огромных средств, которых у Египта не было, а нам нужно было тоже сбывать эту продукцию. Всего мы дали Египту кредит в размере 1 млрд. 395 млн. инвалютных рублей, но не деньги, а они в счет этого кредита заказывали и брали продукцию нашего машиностроения. За счет этого кредита мы с помощью Египта построили Асуанскую плотину, Асуанскую ГЭС, линии высоковольтной электропередачи Александрия-Асуан около 1000 км, Хелуанский металлургический комбинат, алюминиевый комбинат в Накхамаде, судоверфь в Александрии и десятки других объектов. Тогда один доллар стоил 0,6 инвалютных рублей, если перевести в доллары по тому официальному курсу, то это составляло около 2,5 млрд. долларов. На эти деньги Египет заказал все оборудование для всех этих объектов. Этим самым загружалась наша промышленность, мы ввозили продукцию машиностроения, а Египет осуществлял свою индустриализацию. Казалось бы, это простая схема, но она работала. Кто-то когда-то кричал, что Советский Союз кормит и поит арабов. Это неправда. Я вам привел пример египетского кредита. В то же время в счет этих кредитов мы ежегодно вывозили из Египта 100 тыс. ежегодно. Умножьте это на 20 лет… А ведь хлопок – это валютный товар. Советский Союз тогда производил 5,5 млн. тонн хлопка в Узбекистане, но нам все равно не хватало. Египет всего производил 450 тыс. тонн хлопка-волокна. Из хлопка-сырца выход хлопка-волокна 30%. Из этих 450 тыс. тонн они у себя потребляли и на экспорт вывозили 300 тысяч тонн. Из 300 тыс. тонн 100 тыс. тонн мы в Советский Союз ввозили, остальное они продавали и на это покупали хлеб. Таким образом, если умножить эти 100 тыс. на 10 лет – это уже миллион тонн хлопка волокна. Это в два раза перекрывает все то, что мы давали, поэтому вопрос о том, что мы кормили-поили арабов, – неправда. Это оскорбляло честь и достоинство египтян и дезориентировало наш народ. Да, мы помогали, давали кредит, но, вместе с тем, мы так построили систему, что этот возврат был обязателен. Да, были не только гражданские, но и военные кредиты, которые может быть и не все вернулись, но ведь эти кредиты имели совершенно другой характер. У них другая отдача – политическая. Но если бы не Египет, если бы не Сирия, если бы не другие арабские страны, которые окружают Советский Союз, если бы мы там не были, то там были бы американцы и другие, которые там создавали военные базы против нас. Но наша политика, наши отношения с арабскими странами привели к тому, что не было допущено создание военных баз против Советского Союза в этих странах, кроме Турции.

Наша помощь была бескорыстной, мы не грабили – мы получали с этого кредита всего 2,5 процента. Когда американцы увидели, какой успех имеет эта система, тогда они придумали свой закон, по которому они поставляли зерновую пшеницу в арабские и другие развивающиеся страны, а потом они поставляли эту продукцию с оплатой в местной валюте. Причем они предоставляли потом эту местную валюту на 40 лет на 0,5%, то есть они попытались

перебить нас. Но они все же находили такие формы, чтобы было в их пользу. Они давали в кредит вырученные на пшенице средства в местной валюте, и делили ее: столько-то процентов вам, а нам 20 процентов на наших счетах в вашей стране, и куда мы хотим эти средства – туда их и направляем: на строительство своих посольств или еще чего-то. Во всяком случае, под нашим таким воздействием они тоже попытались найти другие формы. Сотрудничество Египта с СССР принесло ему развитие экономики, что-то давалось народу ежегодно, Асуан построили, электроэнергия пошла, вода пошла, земли освоили. Для того чтобы Египет отошел от Советского Союза, американцы пообещали ежегодно безвозмездно давать помощь в размере 2,5 млрд. долларов, чтобы компенсировать эти потери для возможных перспектив развития экономики. Таким образом, прошло 20 лет, американцы дали вот уже 50 млрд. долларов, но где их Асуан, где их Хилуан?..

А.М.: Те великие стройки, которые Вы назвали в Египте, проходили как раз в те времена, когда Вы были сотрудником посольства?

П.С. Акопов: По своей первой профессии я плановик-экономист, десять лет работал в Госплане, Госэкономкомиссии, а потом меня призвали в Высшую Дипломатическую школу МИД СССР. Как раз в тот период, когда завершился процесс завоевания независимости народами «третьего мира», и когда Советский Союз начал активно развивать свои отношения с этими странами, потребовались кадры экономистов. Тогда Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза обратился в Госплан с просьбой направить десять человек в Высшую Дипломатическую школу. Мы все сдали экзамены, но из десяти человек прошли только трое. Экзамены были очень серьезные, начиная от истории, экономики и заканчивая языками. Поскольку я языков не знал, языковой экзамен не сдал. Я был уверен, что не прошел, и ушел обратно на работу. Но затем меня вызвали и сказали, что хотя вы экзамен не сдали, тут кто-то определил, у вас есть способности к языку, будете учиться. Еще до окончания Дипломатической школы меня наметили на работу в Египет, потому что как раз в это время с ним начались активные экономические связи. Египет был примером того, как нам было надо развивать наши отношения. Именно через Египет мы вошли в Африку, именно через Египет начались наши активные экономические связи со всем третьим миром. Пример Египта оказал огромное влияние на характер наших отношений с третьим миром. В этот период надо сказать, что во главе Египта стоял, на мой взгляд, один из самых выдающихся политических деятелей того времени. Вы помните, какие в то время были лидеры неприсоединения?

А.М.: Тито, Неру, Нассер, Сукарно…

П.С. Акопов: Да, да. Мне посчастливилось работать в тот период. Не раз встречался с президентом Египта Гамалем Абделем Нассером, прежде всего по вопросам, связанным с экономическим сотрудничеством. Вот приведу такой пример. Я был тогда третьим секретарем посольства. Однажды Нассер пригласил посла и говорит: «Вот у нас в правительстве возник спор. Я стою на позиции того, чтобы для реализации плана по строительству Хелуанского металлургического комбината взять советский проект, а некоторые мои соратники прозападного образца (там были такие деятели, как Койсуньо, Захария Бухеетдин, Юнис и другие) настаивают на том, чтобы мы взяли немецкий проект или же английский, поскольку там технология посовременнее, а советская, мол, отсталая. Я нутром чувствую, что надо советское взять. Вооружите меня аргументацией, чтобы я отстоял свою точку зрения». Посол у нас был блестящий дипломат, но он был политик, а в экономике не так силен, поэтому начал доказывать, что, дескать, мы – ваши друзья, а эти – империалисты, они хотят вас… А Нассер отвечает: «Слушай, я это все знаю, ты мне дай экономическую аргументацию». Я слушал-слушал и говорю: «Можно мне два слова сказать?» Посол так посмотрел на меня: «Ну ладно, давай». Я тогда спрашиваю Нассера: «Вы хотите, чтобы на этом заводе работали египетские рабочие?». – «Конечно», – отвечает Нассер. «Чтобы были египетские инженеры?» – Конечно. – «А хотите ли Вы, чтобы как можно быстрее себестоимость продукции на этом заводе была конкуренто-

способная, не выше, чем там?». Он говорит: «Все это правильно. Я хочу этого, но как?». Ну, тогда я и говорю ему: «Конечно, наша техника, по сравнению с немецкой, отсталая, но наша техника более простая. Она доступна для египетского рабочего. Мы его обучим за несколько месяцев, и он начнет работу. Если вы возьмете немецкий проект, то должны будете обучать ваших инженеров в Германии 5-10 лет. И здесь должны будут немцы работать. Сегодня вы платите 500 фунтов нашему инженеру, а придет немецкий инженер – ему надо будет платить 10 тыс. долларов, это все на себестоимости скажется. Наша техника проще, но производительность не ниже, чем там». Он говорит: «Ну это что-то нам дает… А ты откуда такой взялся? И откуда все это знаешь?». Я отвечаю: «Я экономист, работал в Испании, знаю экономику». Потом говорит послу: «Можно он будет у меня советником?» Посол растерялся: «Как же так, он же третий секретарь…». Нассер говорит: «Я это понимаю, это не значит, что я возьму его к себе, только буду приглашать, когда нужно посоветоваться». В общем, согласились, так что потом меня Нассер приглашал несколько раз….

Затем я работал Послом СССР в Кувейте как раз в период ирано-иракской войны. Была сложная ситуация в Кувейте… У меня сложились самые доверительные отношения с эмиром Джабером аль-Сабахом. Как-то я ему предложил: «Что вы яйца держите в одной корзине? Где все ваши капиталы? Только в одних США 90 миллиардов!». – А что ты предлагаешь? – спрашивает. Я говорю: «Вложите ваши капиталы в наш Госбанк»! А мы тогда нуждались в этом. А он говорит: «Пожалуйста, платите 11-12 процентов». Я говорю: «Мы таких процентов не можем платить. Но Вы, же хотите баланс иметь?» – Хочу. А именно он первым из всех стран залива установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Это был мудрейший шаг, несмотря на то, что этому противились саудовцы и все остальные. Я ему говорю дальше: «Вы же провели эту политическую балансировку (с признанием СССР), давайте и в экономическом плане проведем. Давайте под 5 процентов, но процент без учета колебания курса». Дай, говорит, нам неделю подумать. Подумал, через неделю мы встречаемся. Он спрашивает: «Это ты от себя говорил?» – Да, это мое мнение. «Ну, тогда поезжай в Москву поговори, потом приедешь». Приехал, договорился. Записку в ЦК написали… Он тогда готов был вложить 10 млрд. в этот банк, но получилось, так что я не ничего успел. Я как раз был в отпуске у себя в деревне, сменили Громыко, пришел Шеварднадзе, он вызывает меня и говорит: «Вы переводитесь в Ливию». – Я: «А как же? Надо закончить с Кувейтом». – «Кувейт уже прошел», – говорит. Я уехал, и этот план с Госбанком забылся…

А.М.: Погос Семенович, давайте теперь поговорим о Ливии. Вы были назначены Послом Советского Союза в Ливии в апреле 1986 года, сразу после бомбардировок США, Триполи и Бенгази. Как начиналась Ваша работа в Ливии и как развивались наши отношения со страной в течение тех шести лет, когда Вы возглавляли наше посольство?

П.С. Акопов: Спасибо, очень хороший вопрос. Он мне по душе. Я искренне хочу поделиться с Вами моими воспоминаниями об этом времени…

Напутствовал меня Андрей Андреевич Громыко, он в то время был уже Председателем Президиума Верховного Совета. Я был близок с ним, поскольку он приезжал в Египет, мы сблизились, потому что оба были экономистами. У него была книга «Вывоз американского капитала». Я ему рассказал о том, что использовал положения из этой книги. Это был человек. на лице которого никогда не увидишь никаких эмоций, а тут глаза увлажнились, он сам стал какой-то мягкий... Когда меня назначили в Ливию, я напросился к нему на прием. Как глава государства он должен был подписать верительные грамоты, которые я должен был передать по приезду в Ливии. Я позвонил, он тут же в тот же день меня принял, полтора часа разговаривали. Вот несколько его фраз: «Вы идете в страну интереснейшую, а главная Ваша задача состоит в том, чтобы войти в доверие к Каддафи. Нашим послам – Вашим предшественникам – этого не удавалось, может быть, Вам удастся. Но я хочу Вам сказать, что, прежде всего, будьте с ним предельно откровенны. Повторяю: предельно». Я спрашиваю: «Как это понять – *предельно*? Все говорить?» А Андрей Андреевич отвечает: «Говорить до определенного пре-

дела. В этом смысле «предельно». Если Вы не можете рассказать ему правду, лучше ничего не говорить, но никогда не обманывайте». Я, конечно, и сам знал, что плохо обманывать, но когда тебе говорит такой человек, то потом уже на каждом шагу ты стараешься руководствоваться этим. Второе, что он мне сказал: уделить особое внимание военно-техническому сотрудничеству. Эти короткие фразы послужили мне путеводной звездой.

Первая встреча с М.Каддафи началась неожиданно. Он сразу сказал: «Я вас знаю, мне о Вас Нассер рассказывал». А дело было в том, что сразу после агрессии Израиля против Египта 1967 года я был в составе делегации во главе с Подгорным, я остался с маршалом Захаровым продолжать работу по ликвидации последствий агрессии. Тогда мы часто встречались с Нассером. И вот Каддафи мне и говорит, что Нассер ему рассказывал, какую роль я сыграл в укреплении Египта. «Я хочу, чтобы эту роль вы сыграли и у нас» – заключил Каддафи. И потом, когда я уехал из Ливии в 1991 году, Каддафи мне прислал орден за заслуги в укреплении вооруженных сил в Ливии…

Как пришлось выполнять напутствие А.А. Громыко… В тот период на Ливию был огромный нажим со стороны американцев, которые обвиняли Каддафи в том, что он строит завод по производству химического оружия недалеко от Триполи. Наше руководство дает мне поручение выяснить. Каддафи мне говорит: «Какое оружие? Мы строим фармацевтический завод». А наши и американцы настаивали, чтобы допустить инспекцию на эту стройку.

А.М.: И наше руководство тоже настаивало?

П.С. Акопов: Мне МИД дал поручение: скажите ему, пусть допустит инспекцию. Чего он боится? Я пришел и говорю Каддафи то, что мне поручено, а он меня спрашивает: «А почему я должен пускать? Давайте, говорит, у всех проверять, почему только меня? И почему я должен американцев впустить? Почему именно американцев?».

Я вам сейчас сначала об одном эпизоде расскажу, а потом вернусь к этому заводу по химоружию. Когда у меня была вторая встреча, я принес ему послание М.С. Горбачева. Оно уже было переведено на арабский язык, и переводчик ему его зачитал. А Каддафи мне и говорит: «Слушай, я ничего не понял, ты не можешь мне своими словами объяснить?». А я сразу думаю: тут что-то не то, послание было на отличном литературном языке, как он мог не понять? Наверное, думаю, он хочет проверить меня, знаю ли я арабский язык. Но это приемы были известны в истории. Я ему пересказал своим языком. А ведь когда на чужом языке говоришь, все как бы обнажается. Ну, Каддафи мне и говорит, что теперь все ясно. И тут сразу спрашивает: «А какое твое мнение по этому посланию?». И вот я думаю: какая собака тут зарыта, если я ему повторю то, что здесь написано, – он меня принимать больше не будет, скажет: передавай это послание, я почитаю и отвечу, раз ты не можешь ничего больше сказать. И вот я ему и отвечаю: знаете, давайте условимся так: если я вам скажу, что мне добавить к тому, что здесь сказано, нечего – это будет означать, что я не согласен, но не могу комментировать. Но если я буду отстаивать, что там сказано, разъяснять – это значит, я согласен. Но если я не согласен и могу об этом сказать, то буду вам говорить откровенно. Он так задумался, ладно, говорит. И вот когда встал этот вопрос по заводу по якобы химическому оружию, а к нему неоднократно ходил по этому делу, он тогда разозлился и говорит: «В конце концов, скажи мне, а ты то сам как считаешь?». Я говорю: «Я не согласен с этим». «Да?» – удивился он. – «А почему?». Я говорю, во-первых, это дискриминация, почему только Вас проверяют, почему Израиль не проверят, там тоже есть такие заводы. Во-вторых, никакой конвенции о запрещении производства химического оружия нет. Есть конвенция о запрещении использования и распространения химического оружия. Только сейчас во Франции проходит конференция, которая разрабатывает такую конвенцию, где говорится о запрещении производства, но она еще не принята. И, в-третьих, я говорю, мы же с вами друзья, этого американцы требуют, мы-то зачем? Он говорит: «Правильно», а потом так посмотрел хитро: «Ну и что ты намерен делать?» Я говорю: «Конечно, это неприлично, но то, что я вам сейчас сказал, я вложу в ваши уста и передам в Москву!». Он мне: «А сам-то ты что скажешь?» – А я, – говорю, – внизу при-

пишу, что я согласен с Каддафи. Он посмотрел на меня и говорит: «Ну ладно…». Вот почему ни разу не было случая, чтобы он меня не принимал. Запрашиваю встречу – он обязательно примет. Был один случай, когда я запросился к нему, а меня пригласили к Джеллуду,[1] чтобы я ему передал то, что хочу сказать Каддафи. Я отказался от встречи с Джеллудом. А заместитель министра иностранных дел мне говорит: «Ты что делаешь? Ты что, не знаешь, кто такой Джеллуд? Я говорю: я знаю, а вы не знаете, кто я? Я посол великой державы, у меня есть поручение передать послание Каддафи. Раз меня не принимают – я сообщу в Москву, что Каддафи не может принять, принимает только Джеллуд, раазрешите передать послание Джеллуду. Замминистра ушел, а я написал в Москву все, как было, и приписал: считаю необходимым настаивать на передаче именно Каддафи, а не Джеллуду. В Москве Громыко не было, был А.Г. Ковалев.[2] А Ковалев мне отвечает, ну что, Погос Семенович, зачем эти требования, передайте Джеллуду, да и все… Я весь расстроенный, не стал в этот день звонить, дождался следующего дня. Утром прихожу на работу расстроенный, я же должен выполнить… Звонок: вас ждут в киаде. Киада – это руководство, обычно – это Каддафи. Я ему объяснил, почему я так добивался именно личной встречи. Я говорю: Лидер, когда я прошу личной встречи – это означает, во-первых, что мне есть что-то сказать только Вам и никому другому, во-вторых, что послание дойдёт дословно, а другие лица могут что-то исказить, у вас есть недоброжелатели… – Нет у меня никаких недоброжелателей! – Ну это ваше мнение, а у меня другое…[3]

А.М.: У меня вопрос в связи с Вашими срочными встречами с Каддафи. Вы говорили, что он всегда принимал Вас по Вашей просьбе, по крайней мере, в течение суток. В то же время Вы упоминали о неких срочных встречах с Каддафи, когда несколько раз среди ночи приходили срочные указания об безотлагательной встрече. Не могли бы Вы рассказать, какие были в наших отношениях столь срочные вопросы? Может быть, в отношениях между СССР и США было бы понятно вскочить среди ночи для встречи, а вот между СССР и Ливией что же это были за необычайной срочности вопросы?

П.С. Акопов: Весьма срочные вопросы, например, были связаны с войной с Чадом. Это был сложный период, когда Каддафи начал терпеть поражение в Чаде. Наши специалисты и военные были в Ливии, правда, у нас была договоренность, что наши не участвуют в этом, но получилось так, что однажды погиб один из наших военнослужащих и возникала необходимость срочной встречи с ним и выяснения некоторых вопросов и особого отношения двух сторон. Был также момент, когда М.Каддафи обратился к нам за помощью в связи с этой войной. Я об этом никогда не рассказывал, но придется, раз вы задали мне этот вопрос. Каддафи обратился к нам: «Помогите выйти мне из этого положения. Я Вам даю все полномочия, проведите переговоры с кем хотите». Вот это весьма срочный вопрос, это пришло ночью. Звоню, он принимает у себя дома, в семье, я там крик детей слышал… Другой случай. Идет конференция, я пришел туда, передал, что я срочно хочу видеть Каддафи. Он вышел ко мне, мы сидели в фойе и разговаривали. Я опять повторяю, я не приписываю себе лично, я приписываю это Советскому Союзу, что Каддафи действительно высоко ценил и считался с Советским Союзом! А моя роль заключалась в том, чтобы он верил мне.

А.М.: А чем завершилась его просьба о посредничестве по прекращению войны с Чадом? Советский Союз взялся за это?

П.С. Акопов: Я не знаю, мне об этом никто не сообщал, у нас такая система. Каких-то поручений прийти к Каддафи, сказать, сделать для меня не было. Но какие-то шаги, наверное, предпринимались, и думаю, что они не были положительными для Каддафи, поэтому и не взялись.

[1] Абдельсалам Джеллуд – с 1972 по 1977 годы – глава ливийского правительства, долгое время рассматривался как второй человек в Джамахирии (прим. ред.).

[2] Анатолий Гаврилович Ковалев – в 1986 -1991 годах – первый заместитель министра иностранных дел СССР (прим. ред.).

[3] Погос Семенович не захотел обсуждать дальнейшее поведение Джеллуда, однако, по сообщениям СМИ, впоследствии тот выступил против Каддафи.

А.М.: В одном из своих интервью Вы рассказывали о том, как Вы пытались решить вопрос о добыче нефти в Ливии для выполнения советских обязательств перед Европой. Не могли бы Вы рассказать, как проходили эти попытки и чем они все-таки завершились?

П.С. Акопов: В советский период мы добивались возможности получения работать в нефтедобывающей промышленности Ливии. Несколько лет, еще до моего приезда в Ливию, «Зарубежнефть» проводила разведочные и поисковые работы в некоторых районах. В 1986 году я приехал на место, вижу – там пробурили несколько скважин, и больше ничего нет. Наши специалисты мне говорят, это все нам дают бесперспективные участки. Я спрашиваю: «А у других?» – А у других – у западных – у них все нормально, хорошие участки. Я тогда – к Каддафи а он говорит: «Иди к Джеллуду, он этим занимается». Я к Джеллуду. Это был период, когда именно с ним я тогда решал все военные вопросы. И тут я стал разговаривать с ним с напором, раздраженно, стал чуть ли не кричать даже. И он кричит, и я кричу. В этот момент вдруг заходит начальник управления военных закупок и говорит Джеллуду: «Слушай, он такой же, как мы, тоже кричит». Я действительно кричал: «Что же вы делаете?! Когда вам надо оружие – вам давай скидки, льготы… А почему нас не допускают к нефтяным разработкам?» – Как не допускают? – Что же ты дал участки, где ничего нет! – Ну, участвуйте в тендерах и выигрывайте. Я говорю, ну тогда и вы тоже участвуйте в тендерах и выигрывайте у нас оружие. Встал и ушел.

Потом пыл спал, мы еще много раз эту проблему обсуждали. Сколько я не бился – не получалось. Тогда я поставил вопрос о том, чтобы все демонтировать и вывезти. Так и сделали.

Мы в 1993 году проголосовали за санкции против Ливии и вывезли оттуда весь персонал, а американцы сохранили свою нефтяную промышленность через другие компании – канадские, корейские и другие. Что касается выполнения советских обязательств перед Европой, это было уже постсоветское время. Я тогда уговорил одного из руководителей наших нефтяных компаний: что вы поставляете свою нефть в счет своих задолженностей, кредиты туда в Европу из Сибири гоните через всю территорию. Тяжелый огромный объем вложений в себестоимость, это же нефть лучшего качества с меньшими затратами, добывайте в Ливии и перегоняйте через Средиземное море туда. Уговорил, но потом американцы не пустили и не пустят. Они что, думаете, воевали так просто, чтобы Каддафи убрать? Они убрали Каддафи не потому, что это Каддафи, а потому, что он был против иностранного господства в экономике нефтяной страны, потому что он был антиамериканец, потому что он был проливиец, потому что он считал, что национальные богатства страны должны принадлежать народу Ливии. Вот причина.

А.М.: Вы встречались с лидером Ливийской революции Каддафи более сорока раз, не могли бы Вы рассказать о нем не только как о политике, но и как о незаурядной личности, в том числе писателе, авторе «Зеленой книги», поэте?..

П.С. Акопов: Я знал Каддафи, прежде всего, как Лидера. Как человека я знал его меньше. Он создал себе некий имидж и придерживался его, находясь на публике. Я помню, когда мы приехали с ним на какую-то встречу в Сирт, народ собирался, все кричали, и он выходил и организовывал так, что охрана его так везла, как будто там миллионы людей вокруг него. Он устраивал такой спектакль, но не потому что он хотел нам это показать, а для своего народа. Еще одна его отличительная черта – он любил пустыню. Из сорока встреч он примерно двадцать раз принимал меня ночью в пустыне, в палатке. Однажды когда я его спросил, он сказал, что не любит Триполи, там шум-гам, постоянно ходят, а здесь вот я сижу и с Богом разговариваю, луна, тишина… Там у него нет хором, дворцов, простая бедуинская палатка. Я всегда обращал внимание, заходишь в палатку, а там раскладной туристический стол. Он любил сидеть на кресле, которое вращается, а для собеседника стул обычный, перед ним блокнот с карандашом, а там вдали палатки – постель завернутая и приемник. Я не видел у него какой-

то роскоши, даже в официальных кабинетах не видел. Многие говорят, что у него миллиарды лежат на счетах. Я в это не верю, потому что их неоткуда было брать. Я даже в свое время специально считал доходы Ливии и куда они идут. Я пришел к выводу, что у него нет таких средств, чтобы он их клал в карман. Я помню даже, когда мы постоянно давили на него: «Плати долги». Я сам был вынужден считать, куда идут деньги. Я приведу вам пример. Построили 20 тысяч километров шоссейных асфальтированных дорог. Вы знаете, что каждый километр миллионы стоит. Сколько миллиардов вложено – я посчитал. Я посчитал во-сколько миллиардов ему обошлось строительство нефтеперерабатывающего химического завода – где-то около 10 млрд. Я посчитал, сколько он вложил в эту великую искусственную реку. Тогда еще было по бюджету (около 15-20 млрд.), а на самом деле значительно больше. Сколько он на армию потратил, сколько домов жилых построил, все это за счет государства. И вот когда все это просчитаешь, то увидишь, что там с «гулькин нос остается», о каких-то миллиардах говорить не приходится. Поэтому и замолчали сейчас эту тему, никто больше ее не развивает, потому что никаких денег на самом деле нет.

Сегодня мы живы, завтра нас не будет. Сегодня я ощущаю, как искажают действительность. Как-то однажды я после первого года пребывания в Ливии приехал в Москву. Выступил на одном большом совещании, сказал, что хочу выразить неудовлетворение тем, какая у нас ведется антиливийская пропаганда. Приведу пример. Выступает один из моих друзей, он был допущен комментировать на телевидении, выступает на телевидении и пугает Каддафи, называет его сумасшедшим, непредсказуемым, террористом. Я говорю, кто и когда доказал, что Каддафи являлся террористом. Говорят, что у него там готовятся террористические палестинские группы. Да, он не скрывает, что готовит отряды палестинцев, которые призваны освободить палестинские территории. Это что, терроризм? Они называют это терроризмом, а другие национально-освободительным движением. Или говорят, что он сумасшедший. Я бы порекомендовал почитать его «Зеленую книгу». Она написана для своего народа. Какие-то претензии предъявлять не надо. А когда вы прочитаете, увидите, что он хочет, и вы поймете, что его спокойно можно предсказать. На самом деле американцам нужно, чтобы он был сумасшедшим, потому что он антиамериканец. Американцам нужно доказывать, что он террорист. Они обещали выпустить черную книгу о нем. Но где она? В переносном смысле мы его хлеб едим. Да и в прямом тоже! Был момент, когда хлеба у нас не было, и он свои корабли из Австралии, которые везли хлеб в Ливию, завернул к нам. Но об этом никто не говорит. Поэтому то, что я сегодня рассказываю, я говорю это для того, чтобы будущее поколение знало о том, что на самом деле представляла собой Ливия и кем на самом деле был ее лидер.

Беседа
с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР и России в Ливии (1991-1992)
Вениамином Викторовичем Поповым

А.Мезяев*: *Вениамин Викторович, Вы были назначены Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Ливии в 1991 году. Как начиналась работа в этом государстве, как Вы устанавливали первый контакт с руководителем страны?

В.В. Попов: На момент назначения послом в Ливии я уже долгое время работал в Йемене. Сначала я был послом в Северном Йемене, потом Йемен объединился и я стал послом в объединенном Йемене. В апреле 1991 года я прибыл в Ливию. Ливия меня поразила, например тем, как Муаммар Каддафи воспитывал людей. Ливийцы – очень гордая нация, и это в какой-то степени выражалось в отношении к иностранцам. Там были иностранцы, которые обслуживали Ливию, египетские рабочие, а были, так сказать, дипломаты и такие иностранцы, которые рассматривались ливийцами как объект своих действий. Не как субъект международного права, а как объект своих действий. У них много таких вещей было, которых не было в других государствах. Например: М.Каддафи был «лидером ливийской революции» и очень активно пользовался своим титулом. Он был абсолютным хозяином в стране, он все определял, но когда ему надо было уйти от решения какого-то вопроса, он говорил: «Знаете, у нас есть премьер-министр, есть правительство, а я вообще здесь только лидер революции, поэтому обращайтесь по инстанции». Хотя все знали, что основные решения принимаются им самим. И меня поразило то, что копии верительных грамот у меня принял заведующий протокольным отделом МИДа, а сами верительные грамоты должен был принимать министр иностранных дел. В этом смысле страна уникальна, в других государствах верительные грамоты принимает глава государства. Меня сразу приняли, потому что в то время Советский Союз был державой номер один в Ливии. Никто не сказал, когда будет принимать министр, я был в абсолютном неведении. Ожидание продлилось недолго, и я передал верительные грамоты. Это был сложный период. Все шло к тому, что Советский Союз распадается. СССР уже не был мощной державой. Отношения со многими западными странами были прерваны, поэтому наиболее важными были послы Италии и Испании. Посол Испании рассказывал, что его предшественник ждал, пока примут его верительные грамоты около шести месяцев, не дождался, очень расстроился, приехал в министерство, бросил эти грамоты около входа и уехал из страны. В практике Ливии было много непонятных вещей, которые являются неожиданными для дипломатов. Например, мы получали много нот о том, что столица страны переносится в Сирт, и поэтому всем предписано в течение месяца найти здание и переехать туда. Поскольку правительство переезжает, все переезжают в Сирт. Когда все собрались и обсуждали этот вопрос, послы европейских государств сказали: «Мы не будем переезжать. Триполи – столица, мало ли что, завтра опять что-то поменяется». А что значит переехать посольству? Ведь у него есть своя независимая автономная связь, это большой комплекс таких учреждений, которые объединяет много различных служб. Ливия – это специфическая страна, первые впечатления были такие. Но, естественно, я ждал встречи с лидером ливийской революции. Когда меня отправляли в Ливию, то руководство МИДа говорило: «Твое основное дело – это поддерживать контакт с самим Каддафи. Ты знаешь арабский язык, можешь говорить без переводчика, как

он предпочитает, поэтому надо говорить и все, и надо добиваться встречи». Но когда я спросил у министра иностранных дел: «А как»? Он сказал: «Да, да я доложу лидеру». И на этом дело кончилось. По-моему, прошло два месяца, прежде чем Каддафи меня принял. Это был особый период в истории Советского Союза. Самим ливийцам было очевидно, что дело идет к закату СССР, а ведь они были очень завязаны с нашей страной. Я вам скажу, что они выплатили нам по разного рода кредитам больше, чем какая-либо другая страна! Ни одна другая страна так много денег нам не выплачивала и даже близко не подошла к такой цифре. Они выплачивали не всё в виде наличных, но очень много, и таких сумм было порядка 17 млрд. долларов. Сейчас это, может быть, не очень впечатляющая сумма, но в пересчете на сегодняшний день это будет около 200 млрд. Так вот, часть они выплачивали наличными, а часть – поставкой нефти.

А.М.: Вениамин Викторович, можно уточняющий вопрос. Вы говорите, что часть они выплачивали нефтью, а зачем нам, кроме нашей, была нужна еще и ливийская нефть?

В.В. Попов: Дело в том, что ливийская нефть удивительно высокого качества – практически без серы. Ведь что такое процесс переработки или очистки нефти? Это практически отделение серы. Так вот, в ливийской нефти серы почти не было. Второе. Знаете одно дело, когда вы везете нефть из Уренгоя, и другое дело, когда вы берете ее танкерами, отвозите в соседнюю страну и продаете как свою нефть. Вы там можете продать ее значительно дороже из-за удивительного качества. Однажды, помню, когда мы заканчивали строительство металлургического завода в Мисурате (это сейчас известный авиационный город), и вот там как-то строители залили нефть в двигатель машины, и машина поехала! Я не знаю, что потом стало с той машиной, но это удивительный факт – машина поехала.

А.М.: Вениамин Викторович, а как бы Вы в целом оценили место Ливии в нашей внешней политике? В одном из своих выступлений Вы рассказывали, что еще Иосиф Виссарионович Сталин имел особые планы на Ливию…

В.В. Попов: Да, это правда, после Второй мировой войны Советский Союз был мощнейшим государством. Мы вышли из войны победителями. Не забывайте – великими победителями! И мы в конце 1940-х – начале 1950-х годов, по существу, создали Организацию Объединенных Наций. Если говорить откровенно, то создавали ее Советский Союз и США. У И.В. Сталина были хорошие отношения с Ф.Рузвельтом, он не любил Англию и Черчилля. Но вот эта тройка по существу определяла все. Франция тогда была оккупирована немцами и освободилась только в 1944 году. Только благодаря настойчивости И.В. Сталина Францию пустили дальше в качестве постоянного члена Совета Безопасности, потому что это была разгромленная страна. Китай также тогда не играл особой роли. Так что, по существу, именно эта тройка все определяла, и мы создали ООН – эту важнейшую международную организацию, которая должна была следить за порядком на Земном шаре и установила новые правила игры, где есть пять постоянных членов Совета Безопасности, которые имеют права вето при решении вопросов мира и безопасности. Тогда у нас еще были хорошие отношения с США, когда решался вопрос с итальянскими колониями, в том числе с Ливией, где еще шли боевые действия. Ливия создавалась из трех частей: Триполитания, Киринаика и Феззана. И вот эти три части и составили впоследствии Ливию, а до этого было три разрозненные территории. И вот И.В. Сталин устами Молотова решил, что все-таки надо взять одну из них под свою опеку, и мы официально подали на это заявку. Другое дело к этому времени отношение менялось, уже тогда к власти в США пришел Трумэн. У Сталина были очень хорошие отношения с Рузвельтом, но с Трумэном отношения не складывались. Американцы уже испытали ядерную бомбу, более того, применили ее в Хиросиме и Нагасаки, поэтому главные усилия Советского Союза были направлены на то, чтобы создать адекватное ответное оружие. Уже тогда началась

холодная война, и при всей мощи СССР нам территорию эту не дали. Соотношение сил уже менялось, шла активная холодная война, и нам ничего не дали в Ливии, но идея такая была...

А.М.: Я Вас прервал своим вопросом о нефти, а речь шла о Вашей первой встрече с М.Каддафи…

***В.В. Попов*:** Первая встреча с Каддафи была, конечно, незабываемая… Приезжает машина в резиденцию и еще две машины сопровождения и говорят: «Собирайся, поедем». Я спрашиваю: «К кому едем?». Отвечают: «К Лидеру». Я говорю: «Я поеду под флагом и на своей машине». Мне отвечают: «Нет. Ты поедешь только с нами». Я ведь не могу навязывать свои порядки, ну и поехали. Мы едем примерно в девять часов вечера по ночному Триполи... Проезжаем какой-то аэродром, мне кажется, что мы съезжаем на какую-то непонятную дорогу, наконец, приезжаем. Абсолютная пустыня. Стоит палатка, огонь теплится, установка для связи. И около костра сидит Лидер и говорит: «Здравствуй». Это все для меня было в диковинку. Я, правда, до этого был послом в Йемене, встречался с президентом, но всё было по другому… Разговор проходил около костра, причем с одной стороны было тепло, а с другой – достаточно прохладно, потому что в пустыне ночью холодно. Я-то был в костюме, а он достаточно тепло был одет, ему видимо было комфортно. А потом меня посадили в машину и в сопровождении еще двух машин меня снова привезли в резиденцию. Я говорю: «Давайте заедем в посольство, здесь же недалеко, такое событие...». А мне отвечают: «Нет, у нас приказ отвезти обратно в резиденцию». Все, кто с ним работал, четко выполняли указания. Знаете, Каддафи обладал определенным магнетизмом. Сорок лет у власти. Это все-таки была необычная личность. У меня ощущения складывались, что он немного раньше, чем нужно, пришел в этот мир. Его окружение мне потом говорило, что он многое предсказывает, интуитивно откуда-то. Знаете, он не получил классического систематического образования, но он много читал. С другой стороны, он жадно все впитывал и пропускал через себя. У него было много денег, с помощью которых можно многое воплотить в жизнь, и он воплощал. Я приведу три примера. Первый – вода. Он стал делать большой акцент на значение воды и создал большую подземную реку. Вода перекачивалась под землей из одного района в другой. Египтяне, наверное, это скоро почувствуют, потому что перекачивали из-под них. Он смог обводнить значительную территорию, а почва там хорошая. Значение воды он понял давно, а через десять лет еще неизвестно, что будет стоить дороже – баррель нефти или баррель воды. Все идет к этому. Второе – развитие исламо-христианского диалога. Я считаю, что это задача сверхактуальна. И третье – арабское единство. Я начинал свою карьеру в Египте молодым дипломатом и хорошо помню, как произошла ливийская революция 1 сентября 1969 года. Я в это время находился в Египте, где послом тогда был Сергей Александрович Виноградов, человек очень проницательный. Он был долгое время послом во Франции и был известен тем, что сохранил хорошие отношения с Де Голлем после того, как его отстранили от власти. А когда де Голль снова пришел к власти, он ему этого не забыл. Сергей Александрович и в Турции сыграл большую роль, когда Сталин послал его туда во время войны. Он играл в шахматы с Генеральным секретарем турецкого МИДа, и за шахматами выяснилось, что Турция не будет нападать на Советский Союз. Получение этой информации позволило нам перебросить военные части с юга. Это серьезные вещи, я просто говорю, какие роли играли дипломаты в истории. Он был человеком проницательным. У него были тесные отношения с президентом Египта Г.Нассером и очень тесные отношения с вице-президентом Анваром Садатом. Время, наверное, еще не пришло рассказать об этом, но если я еще поживу, то обязательно напишу об этом, были такие вещи, о которых вообще не принято говорить, но когда-нибудь нужно будет сказать. Он с Садатом встречался раз в неделю, причем именно Садат приезжал к нему, и были долгие обеды. И вот Садат рассказал о том, что произошла революция, что к власти пришел молодой капитан. Они его тогда не знали, но он говорит, что сторонник Нассера и готов все разделить, что все ресурсы отдает Нассеру, только чтобы осуществить арабское единство. «Я готов бросить все

к твоим ногам, потому что ты великий человек», – это первое упоминание о М.Каддафи. Вот таким он был – считал, что нужно добиваться арабского единства.

А.М.: Скажите, пожалуйста, а Вам удалось пообщаться с Каддафи не только как с государственным деятелем, но и как с человеком, как с философом, может быть как с писателем и поэтом?

В.В. Попов: Знаете, я пытался во второй беседе с ним, которая была в районе Бенгази, говорить об этих вещах, но это была настолько сложная ситуация, это был август 1991 года, у нас произошел путч… Я говорил о «Зеленой книге», о его работе и т.д., но он не воспринимал это, потому что в основном его интересовало, будет ли существовать Советский Союз. Для них это были очень тревожные дни, потому что они понимали, что их опорой был Советский Союз…

Помню один митинг на Зеленой площади, он должен был выступать, а я приехал раньше и подошел к нему. Я начал ближайшему его сподвижнику, министру обороны, рассказывать про Чингиза Айтматова, не помню почему, вроде вышел его новый роман. С министром обороны у нас были очень хорошие отношения, потому что нужно было встречаться часто. В Ливии работала колония больше трех тысяч человек. И оказалось, что Каддафи знал Айтматова, и он сказал, что он очень хороший писатель. У нас были переводы Айтматова на арабский, и я сказал, что могу прислать или даже запрошу специально. Каддафи сказал, хорошо, пришлите. Он следил за литературой и вообще был человеком очень широких интересов.

А.М.: Вениамин Викторович, какие основные вопросы стояли в наших двухсторонних отношениях, когда Вы были послом в Ливии?

В.В. Попов: Это было время, когда распался Советский Союз и вопросы были сложные, в частности, кому платить долги. Ливийцы сразу поставили этот вопрос. У нас было пятнадцать республик, значит, его нужно разделить. Это был самый болезненный вопрос. Этот вопрос был болезненным до того, как мы проголосовали за санкции против Ливии. Мы были главным источником опоры материальной и моральной для Каддафи, он считал себя социалистом, и Советский Союз был для него светом в окошке. Чтобы мы не обсуждали, у каждого есть свои какие-то интересы, он считал, что таким путем нужно идти. Когда распался Советский Союз, это было для него вторым крахом, крахом каких-то больших иллюзий и больших надежд. Знаете, я вам сейчас многое рассказываю впервые… Вы помните, что на первых порах Российская Федерация действовала на внешнеполитической арене неуклюже, тогдашний министр иностранных дел Козырев считал, что у России нет национальных интересов или что они полностью совпадают с американскими. И вот это «совпадение» нам очень дорого стоило, потому что в то время западники решили, что американцы должны господствовать абсолютно, и они вытащили «Дело Локерби»,[1] которое приписали Каддафи. Тогда американцы заявляли, что это величайшая их победа со времен Второй мировой войны, потому что они зажали ливийцев. Знаете, у Н.В. Гоголя есть такой персонаж – унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла. В тот момент времени мы были подобны этой вдове, так как проголосовали за санкции против нас. Против Ливии вводились санкции на поставки оружия, и требовался немедленный вывод всех наших военных специалистов. В течение недели мы вывели всех наших военных – три тысячи человек, самолетами вывозили… Зачем? Я предлагал четыре разных варианта, но не стрелять себе в ноги. Но мы пошли по этому варианту, и в результате это был тяжелейший период в наших отношениях. Каддафи был взбешен. Скажу честно: я в обход Козырева попытался через свои каналы воздействовать на него, и когда он поехал в Южную Африку, то я договорился с Москвой, что он в Каире встретится с ливийским министром иностранных дел на предмет обсуждения этих санкций. Насколько мне было известно, ливийский министр иностранных дел приехал с чеком на большую сумму. Россия тогда

[1] Подробнее об этом деле см. статьи профессора Кёхлера (наблюдатель от ООН на судебном процессе по данному делу), которые публикуются в настоящем выпуске нашего журнала.

ходила с протянутой рукой, а сумма была в сотни миллионов долларов. Козырев вынужден был его принять. Было восемь утра, и помню, как Козырев сказал: «Давайте говорите, а я тут буду завтракать». Поэтому беседы не получилось. И 300 млн. долларов мы не получили. Это уже страница истории, она потом рассудит, но тогда триста миллионов нам бы совсем не помешали. Каддафи был взбешен, и когда Россия поддержала санкции, огромная толпа пошла на наше посольство и стала громить его. И это после таких отношений, которые у нас были! Громили страшно, если честно сказать, мы были готовы к самому худшему, ситуация была архитяжелая, но они остановились, так сказать, у последних дверей, но разбили все машины. Самое интересное, что через пять месяцев они оплатили весь нанесенный нам ущерб, им это ничего не стоило. Но так они выразили свое негодование. Эта драматическая страница наших отношений. После этого встреч с Каддафи у меня больше не было.

А.М.: Вениамин Викторович, в 2011 году был уничтожен один из великих проектов современной мировой истории – Ливийская Джамахирия. Одной из целей настоящего форума послов является собрать и сохранить информацию об этом историческом проекте. Расскажите, пожалуйста, что представлял собой проект Джамахирия, каким его видели Вы?

В.В. Попов: Да, этот проект еще будут изучать… На мой взгляд, это была попытка мечтателя создать справедливое общество. Кстати, и сами ливийцы в беседах мне так и говорили… Создать справедливое царство на земле Каддафи не удалось, хотя он стремился к этому. Он с детства был идеалистом. Он знал, что итальянцы плохие, что необходимо арабское единство, он искренне стремился к справедливости. Постепенно жизнь разрушала эти иллюзии, и он как-то пытался приспособиться, пытался помогать тем и этим, революционеров воспитывать, и подбрасывать оружие в разные районы Земного шара. Потом он понял, что на арабском единстве надо поставить крест, но очень хотел и пытался создавать африканское единство. Во многом он преуспел в африканском единстве, есть серьезные достижения. Понимаете, человеческая природа остается все-таки неизменной, нельзя быстро переломить ситуацию. И когда ты хочешь быстро всех осчастливить, это очень сложно, даже если у тебя самые благородные намерения, с которыми он пришел к власти. Жизнь всегда вносит коррективы, потому что ты сталкиваешься с предательством и вероломством. У него было много разумных вещей, например, он выступал против партий, потому что, как он говорил, это только часть, а надо все общество объединять. Посмотрите на сегодняшнюю поляризацию, которая растет в геометрической прогрессии. Что происходит в Египте? Они на грани гражданской войны, а в Сирии она идет на самом деле. И, наверное, без единства, особенно в больших нациях, выжить невозможно. Понимаете, в тот период времени очень много нефти было и слишком много внешних игроков, которые хотели получить эти богатства. Вот это не дало осуществить проект, который он хотел осуществить. Искренне хотел, когда был еще молодым, верящим в идеалы. И вот такой тяжелый конец, он был шокирующим конечно. Видимо, эта участь всех таких идеалистов. Наш мир достаточно жесток, хрупок, и, в общем, идеалистам в нем нет места. Это моя личная точка зрения, я могу ошибаться. Знаете, мир требует жестких прагматиков, если вы хотите добиться каких-то целей, вы должны делать какие-то коалиции и т.д. Нужно учитывать реальный баланс сил, иначе все ваши благородные идеи рассыпятся и станут очень неудачными. Вот все.

Беседа
с Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Ливии (1992-1996)
Алексеем Борисовичем Подцеробом

А.Мезяев: Алексей Борисович, Вы были Чрезвычайным и Полномочным послом России в Ливии, Тунисе, работали в дипломатических представительствах СССР в Египте и Алжире. Но Вы также были и заместителем руководителя департамента Северной Африки и Ближнего Востока Министерства иностранных дел России. В этой связи мой первый вопрос: какова, на Ваш взгляд, российская внешнеполитическая концепция отношений с арабскими странами?

А.Б.Подцероб: Прежде всего, хотелось бы уточнить, что в Ливии я был два раза: сначала первым секретарем посольства СССР, а потом послом Российской Федерации.

Что касается наших отношений с арабскими странами то здесь можно выделить два аспекта: положительный и отрицательный. Положительный заключается в поддержании политических отношений с «южным флангом» Европы. Наши корабли используют Средиземное море и Суэцкий канал, для связи с Дальним Востоком. Кроме того, арабский мир – это богатые страны и все капиталовложения туда окупаются. Наконец, это техническое и культурное сотрудничество. Это все положительные моменты. Негативные же моменты заключаются в том, что исламский ареал и сердцевина этого мира на Арабском Востоке являются источником салафизма и для нас важно не допустить прихода к власти фундаменталистов. Нынешняя система международных отношений подразумевает под собой сообщающиеся сосуды, если в один сосуд налить воду, то определенного эффекта можно достичь и в другом. У нас есть такие республики как Северный Кавказ, Татарстан, ряд других автономий...

А.М.: Алексей Борисович, до того как Вы были назначены послом в Ливию, Вы уже имели опыт работы в этой стране и неоднократно встречались с лидером ливийской революции Муаммаром Каддафи, в основном как переводчик. Не могли бы Вы рассказать о визитах М. Каддафи в СССР 1976 и 1981 году, в организации которых Вы принимали участие?

А.Б. Подцероб: Да, я принимал непосредственное участие в организации этих визитов. Это были очень интересные визиты. У Каддафи была очень интересная манера держаться. В 1976 году он был очень почтителен со стариками, однако в течение следующего года его почтительность исчезла. Он, проанализировав развитие капитализма и социализма, разработал третью мировую теорию, которая, по его мнению, меняла будущее. Он обладал деньгами, чтобы задобрить нас, или задобрить тех, кто был на стороне Джамахирии. Мы поставляли ему 75-80% военной техники. Обсуждались два основных вопроса: военное сотрудничество и вопросы экономического характера. Ливийцы получили практически все, то есть использование нашей промышленности было подчинено Ливии. Вопросы экономического характера в отношениях с Ливией играли вторую роль.

А.М.: Но наши экономические отношения с Ливией не были помощью. Каддафи ведь именно покупал оружие?

А.Б.Подцероб: И да, и нет. Мы получили от военного сотрудничества с Ливией 16 миллиардов долларов. Каддафи остался нам должен четыре миллиарда долларов. Когда президент России В.В.Путин встречался с Каддафи в Москве было принято решение о списании части долга, практически всё, но за долг будут размещены заказы Ливии на наши предприятия и эти предприятия получат деньги сразу. Такое сотрудничество нам было очень выгодно, но к сожалению договоренности остались нереализованными.

А.М.: Но если говорить о том, когда вы увидели М.Каддафи первый раз, то это был 1975 год. Вы прибыли с Председателем Совета министров СССР А.Н.Косыгиным на переговоры. Не могли бы Вы рассказать, как проходили эти переговоры, так как это были первые переговоры на таком высоком уровне?

А.Б.Подцероб: Я хотел бы отметить момент, связанный с переговорами: М.Кадаффи и А.С.Джеллуд были вместе, а с нашей стороны был посол и переводчик. Каддафи смущался, он видел человека, который старше его и смущался очень сильно. Да, он отстаивал свои позиции и свою точку зрения, но его смущение было заметно. Вот это произвело на меня достаточно сильное впечатление.

А.М.: Мы обсуждали эти переговоры с Анатолием Захаровичем Егориным и он рассказал один эпизод, когда, несмотря на то, что Каддафи смущался присутствия руководителя такого высокого ранга, он прочитал ему лекцию о невмешательстве во внутренние дела государства, когда тот спросил у него для чего Ливии такое количество подлодок….

А.Б.Подцероб: Да, такая лекция была, но он, при этом, всё-таки, смущался.

А.М.: Алексей Борисович, Вы были назначены Чрезвычайным и Полномочным послом России в Ливии в 1992 году. Как в целом развивались отношения России с Ливией в течение тех четырех лет, когда Вы возглавляли наше посольство?

А.Б.Подцероб: Знаете, задача действительно досталась очень трудная: это было не столько развитие отношение, а стремление сохранить то, что еще возможно. В это время все контракты в военном сотрудничестве и в ряде других областей были свёрнуты.

У меня было четыре встречи с Каддафи и в принципе мне удалось погасить эту негативную тенденцию. Были заседания нашей двусторонней комиссии, где обсуждались вопросы сотрудничества с Ливией после отмены санкций. Главными вопросами были военно-техническое сотрудничество и проблема долгов. Нельзя было допустить падение оборотов и мне удалось это сделать. Очень трудно быть послом, когда твоя задача заключается в недопущении дальнейшего падения.

А.М.: Предпринимались ли попытки осуществить визит Каддафи во время Вашего пребывания послом? Ведь после 1985 года ливийский лидер не приезжал в Россию почти двадцать лет. Почему произошел такой перерыв?

А.Б.Подцероб: Каддафи ставил такой вопрос, и я сообщал об этом в Москву, но мне ответили, что, мол, подождите, если Каддафи обратится, ответьте ему, что сообщите в Москву и Москва рассматривает запрос. Когда я уехал из Ливии, страна ещё продолжала оставаться под санкциями и выход из санкций заложил новую основу и дал Каддафи возможность приехать в Москву. Кстати говоря, выход из санкций мы прогнозировали тогда. Ведь вот эта идея о проведении суда по «Делу Локерби» не в Шотландии – это была наша идея, это Россия её выдвинула ливийскому руководству. Тогда наш заместитель министра иностранных дел И.С.Иванов высказал её ливийскому замминистра Абд аль-Ати аль-Обейди. Ливийцы ухватились за эту идею и, как вы знаете, этот суд был проведён именно в Нидерландах.

А.М.: То есть идея исходила от России? Вы рассказываете об этом впервые.

А.Б.Подцероб: Да, конечно. Они развили эту идею, довели её до реализации, но идея принадлежала России.

А.М.: В своей недавней статье «Каддафи. Каким я его знал», несмотря на название говорящее о самом Каддафи, Вы больше пишите о Ливии, чем о личности самого Каддафи, что понятно, ведь большую часть жизни он посвятил созданию новой линии. И все-таки Каддафи был не только политиком. В этой связи хотелось бы Вам задать вопрос: все ли Ваши встречи с Каддафи были официальными или были и неофициальные встречи, где Вы могли увидеть Каддафи не только как главу государства, но и как человека?

А.Б.Подцероб: Всего у меня были десятки встреч с Каддафи до того, как я стал послом и четыре встречи, которые состоялись в своём качестве посла. У нас установился хороший личный контакт. Знаете, я почувствовал, что я представляю его молодость. Мы с ним встречались до этого двадцать лет назад и когда мы встретились вновь, он сохранил воспоминание об этих встречах.

А.М.: Алексей Борисович, именно благодаря Вам российский писатель смог познакомиться с Каддафи как с писателем, и даже не просто писателем, а философом. Именно Вы перевели с арабского языка его рассказ «Смерть». Расскажите, пожалуйста, историю перевода этого рассказа, почему Вы выбрали для перевода именно его?

А.Б.Подцероб: Во время одной встреч я попросил Каддафи надписать мне книгу его рассказов, «Гибель космонавта» и другие рассказы были там опубликованы... Он подписал – «Моему другу Алексею» и спросил меня, что же мне понравилось больше всего. Я ответил – мне понравилась «Смерть». Я спросил, действительно ли было так, как он описывает в этом рассказе? Он ответил, что это действительно так, он участвовал в борьбе с итальянцами и засучил рукав, и я увидел шрамы на его руке. Это были последствия демонстрации в Себхе, где он учился, принимал участие в демонстрации, которую разогнала полиция. Рассказ «Смерть» - это впечатление Каддафи о смерти. Описывая судьбу отца, Каддафи описывает борьбу ливийцев против синуситов.

Я также перевёл ещё один рассказ Каддафи «После пятничной молитвы», там Каддафи оценивает исламский фундаментализм…

А.М.: Учитывая, что у Каддафи есть еще и другие рассказы, и они переведены на многие языки, нет ли у Вас планов по переводу этих рассказов? Ведь чтобы перевести рассказы Каддафи мало знать арабский язык, нужно знать самого Каддафи.

А.Б.Подцероб: - Да, у меня есть такие планы, но планы эти на дальнюю перспективу.

А.М.: Тем не менее, радостно слышать, что они есть. … Алексей Борисович, что же произошло в Ливии в 2011 году с точки зрения внутренней ситуации в стране и с геополитической точки зрения?

А.Б.Подцероб: С внутриполитической точки зрения отставки президента Туниса Бен Али и президента Египта Мубарака оказали влияние на верхушку племен Киренаики. Киренаицы получали деньги, но верхушка племен была от этого отстранена. Это первое. Второе. После поражения восстания в Киренаике в 1996 году, уцелевшие исламисты ушли на Бахрейн, и там продолжали свою подготовку, вербовали новых членов. И вот спустя пятнадцать лет бахрейнскими самолетами были переброшены в Ливию. Средний класс выступал за демократизацию, но для перемен в Ливии эти повстанцы были слишком слабы. Они дошли до Рас Лануфа и повернули обратно после столкновения с регулярной армией. Собрать регулярную армию было трудно. Часть находилась на границе с Алжиром, часть с Тунисом. Двадцать тысяч человек перешло на сторону противников Каддафи или эмигрировало. Осталось 60 тысяч. Но Кадда-

фи стянул силы и перешел в наступление. Аджабия была освобождена и войска перешли в Бенгази.

Теперь внешний фактор. Бернар Леви, серый кардинал во времена президентства Саркози, был послан в Ливию. Он прибыл в Ливию во время наступления повстанцев. Он позвонил Саркози и сообщил, что за поддержку повстанцев Франция получит 30% новых контрактов. И Саркози начал действовать. Совет Безопасности принял резолюцию о введении бесполётной зоны. Но самолеты НАТО стали бомбить ливийские позиции, что противоречило рамкам резолюции. Тем не менее, ливийцы продержались восемь месяцев. Более того, в агрессии участвовали иностранные войска из Катара, войска французского иностранного легиона. Но хочу подчеркнуть, что ливийцы восемь месяцев сражались за Каддафи. Югославия продержалась в период натовской агрессии всего два месяца…

А.М.: И фактически победили иностранные войска.
А.Б.Подцероб: Да, конечно.

А.М.: Алексей Борисович, каково Ваше мнение о том, почему никто не выступил в защиту Ливии?
А.Б.Подцероб: - Отвечая на ваш вопрос, необходимо, опять вернуться к личности Каддафи. Он провёл индустриализацию Ливии, но проблем постиндустриального периода он решить не мог. Лига арабских государств выступила против него. Решения Лиги являются обязательными, но кто за это голосовал? Алжир, в частности, голосовал против. Но введение санкций Советом Безопасности, конечно, изменило ситуацию. Воздержались Россия и Китай, но решение было принято.

А.М.: Алексей Борисович, подводя итоги произошедшего, можно сказать, что в 2011 году был уничтожен один из великих проектов современной мировой истории – Ливийская Джамахирия. Хотелось бы сохранить о ней информацию для будущих поколений, которым возможно будет яснее ее значение... Что представлял из себя этот проект? Особо хочу подчеркнуть, что у Вас уникальный опыт наблюдения за этим проектом. Многие дипломаты видели его только в то время, когда они были послами, а Вы наблюдали его с самого начала и почти до самого конца…
А.Б.Подцероб: С политической точки зрения и теоретически Ливия представляла собой перевёрнутую пирамиду. Решения принимали первичные законодательные собрания. После этого решения сводились районными народными конференциями и выносились на Всеобщий народный конгресс (ВНК). То есть, законодательные собрания представляли собой основу власти. Районные же конференции и ВНК сводили принятые решения воедино, но своих решений не выносили. Построенная таким образом пирамида отвлекала людей от профессии. Два раза в год проводились собрания. В Ливии закрывались все лавки и все сидели на собраниях. Компетенция людей была низкого уровня. Это первое. Второе. Каддафи превратил Ливию не в великую державу, конечно, но она стала играть большую роль в мировой политике. Была создана промышленность и Великая искусственная река (ВИР). Этого не многие знают у нас, но проект ВИР был решающим с энергетической точки зрения. Искусственная река обеспечила Ливии воду. Конечно, Каддафи делал не только положительное, но положительное резко перевешивает отрицательное. К сожалению все это рухнуло…

Беседа
с Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Ливии (2008-2011)
Владимиром Васильевичем Чамовым

А.Мезяев: Владимир Васильевич, Вы были назначены Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Ливии в 2008 году. Что представляла собой Ливия в этот период времени?

В.В. Чамов: Я был назначен послом России в Ливийской Джамахирии в октябре 2008 года и прибыл в эту страну в феврале 2009 года. До этого мне уже приходилось бывать в Ливии несколько раз, и когда я прибыл в Ливию уже в качестве Посла, то меня поразил размах строительных проектов, которые осуществлялись в то время по всей территории Джамахирии. Прежде всего, жилищное строительство, строительство дорог, которые и так в Ливии отличались своим высоким качеством, строительство современных очень хороших отелей, что было новым явлением для Ливии, строились торговые центры, ряд других объектов социальной инфраструктуры. Ливия в тот период для меня представлялась как одна огромная стройка, было очевидно, что руководство страны выделило колоссальные деньги на развитие и благоустройство страны, причем это касалось не только столицы страны Триполи, но и всей территории Ливии.

А.М.: Как бы Вы оценили место Ливии в нашей внешней политике?

В.В. Чамов: В тот период Ливия занимала достаточно заметное место, несмотря на то, что это небольшая страна с шестимиллионным населением, со своими проблемами, со своими особенностями, которыми она всегда отличалась. Будучи потенциально весьма богатым (известно, что Ливия занимает 2-е место по запасам нефти в Африке, 3-е место по запасам газа), это государство еще и располагает инфраструктурой для транспортировки нефти и газа. Все это усиливало значение Ливии не только на региональном, но и на мировом уровне. В политике России Ливии традиционно уделялось достаточно большое внимание, потому что наша страна в различных областях экономики имеет давнюю историю сотрудничества. Россия поставляла в Ливию, прежде всего, вооружение. Поэтому я ехал туда с серьезным настроем еще более развить сотрудничество и взаимодействие наших стран.

А.М.: Как вы устанавливали первый контакт с руководством Ливии и как развивались ваши отношения с М.Каддафи? Были ли они исключительно официальными или была в них и личная составляющая?

В.В. Чамов: Сразу скажу, что личных отношений с Каддафи у меня не было, я работал в Ливии всего два года, к тому же Каддафи не из тех людей, которые легко шли на личные контакты, особенно с послами. В целом, особенно на начальном этапе, моя задача была довольно трудной, потому что контакты с руководством страны в целом носили достаточно архаичный характер и сама ситуация в стране, особенности Ливийской Джамахирии,

не позволяли легко устанавливать личные контакты. Я могу сказать, что в 1990-е годы у нас практически не было контактов на правительственном уровне. Поэтому в начале моей работы я прилагал максимум усилий, чтобы так или иначе эти связи воссоздать. Работа эта увенчалась определенном успехом, и в последующем российской дипломатии в Ливии было уже проще устанавливать контакты на различных уровнях ливийского общества.

А.М.: Не могли бы Вы рассказать о Вашей первой встрече с Муаммаром Каддафи?

В.В. Чамав: Первая наша встреча была для меня весьма неожиданной. Она произошла 9 марта 2010 года, более чем через год после моего прибытия в Ливию. Верительные грамоты в силу государственного устройства Ливии вручались председателю ливийского парламента. До нашей встречи, насколько я знал, Каддафи не принимал послов, причем не только наших. Мне позвонил человек, представившийся помощником Каддафи, и попросил приехать в определенное место, где меня будет ожидать лидер ливийской революции. Меня привезли в дом Каддафи, и там, в библиотеке, и состоялась моя первая с ним встреча. Для меня эта встреча была неожиданной и очень волнительной. Я не знал, что явилось к ней поводом. В ходе разговора стало понятно, что он хотел обсудить ситуацию в наших двусторонних отношениях, наметить пути их дальнейшего развития. Это было очень интересно, и я через 15 минут уже забыл, что говорю с лидером, мы общались как люди, одинаково понимающие ситуацию и мыслящие примерно в одном направлении. На беседе присутствовали заместитель министра иностранных дел и министр нефти в качестве тех лиц, которые были поставлены в какой-то степени курировать наши отношения, хотя какого-то постоянного куратора наших отношений с ливийской стороной не было. Беседа была очень интересной, длилась она около часа. Естественно, после этого я проинформировал свое руководство о том, что думает Каддафи и как он думает.

Меня поразило, что после того, как он просмотрел свою памятку, он спросил меня, не забыл ли он чего-нибудь важного из нашей беседы, и дал мне возможность внести некоторые упущенные им дополнения. Было ощущение, что он советуется со мной, и это притом, что он видел меня в первый раз.

А.М.: Сколько раз Вам довелось встречаться с Каддафи?

В.В. Чамов: Личных встреч было три и еще приблизительно семь-восемь встреч в более широком кругу на разного рода мероприятиях.

А.М.: Все эти встречи с лидером ливийской революции происходили по инициативе ливийской стороны или и Вам приходилось просить о встрече для обсуждения того или иного вопроса?

В.В. Чамов: Ливийский протокол не предусматривает обращений послов к лидеру. Все встречи были по инициативе Каддафи. Посол не знает даже до последнего момента, куда он едет. Нас всегда пересаживали с наших машин на местные, а бывало и по два раза, и везли разными закоулками, переулками, видимо, чтобы сохранить в тайне место назначения.

А.М.: Не могли бы Вы немного рассказать о том, что Каддафи постоянно становился мишенью для американских военных и на него достаточно часто совершались покушения.

В.В. Чамов: Большая часть этих покушений приходилась на 1970-80-е годы, когда он активно пытался реализовывать свои политические воззрения, описанные в «Зеленой книге». Тогда же его обвиняли в том, что он являлся спонсором террористов. В последую-

щем Каддафи как бы простили, он превратился из отверженного в «нормального» государственного деятеля. Его принимали и в Париже, и в Нью-Йорке, он был признанным международным сообществом государственным лидером.

А.М.: Владимир Васильевич, что, по Вашему мнению, произошло в Ливии в 2011 году с внутренней и геополитической точки зрения?

В.В. Чамов: Произошла страшная вещь. Страна – член ООН, член Движения неприсоединения, Лиги арабских государств, Организации исламского сотрудничества, по сути дела, подверглась неспровоцированной внешней агрессии. В нарушение основополагающих норм международного права и Устава ООН эта страна стала жертвой целого военно-политического блока, в результате которого был свергнут режим, правящей Ливией более сорока лет, режим, который был признан международным сообществом. В Ливии имела место внешняя интервенция, под прикрытием документов, принятых Советом Безопасности ООН, в связи с размытостью и нечеткостью формулировок. В результате этого вторжения произошел полный демонтаж государственной системы управления и Ливийская Джамахирия как субъект международной жизни перестала существовать. Можно считать, что это очень негативный прецедент, сценарий, который теперь пытаются применить в Сирии.

А.М.: Владимир Васильевич, как бы Вы оценили резолюции СБ ООН 1970 и 1973? Как бы Вы оценили роль ООН в том, как была разрешена ситуация в Ливии, и, в частности, как получилось, что Ливия не могла принимать участия в принятии и обсуждении этих резолюций, была также лишена права направить своего представителя в ООН?

В.В. Чамов: Что касается названных резолюций, я бы оценил их как поспешные. Все было сделано для того, что бы как можно быстрее принять эти резолюции и создать повод для внешнего вмешательства во внутренние ливийские дела. Сложилась такая ситуация, когда, несмотря на то, что в резолюциях не была прямо прописана возможность военного вторжения, фактически они давали на это вторжение разрешение. Роль ООН на этом можно считать законченной, потому что дальше действовало НАТО, ООН же на ситуацию уже не влияла. Отсюда следует, что тем, кто планировал свержение режима Джамахирии, нужны были эти две резолюции как своего рода благословение.

Что касается того, почему ливийцы не имели своего представителя, то дело было в том, что представитель Ливии в ООН достаточно быстро перешел на сторону восставшей оппозиции и его, естественно, в Триполи отозвали и назначили другого человека. Но чтобы въехать в США и принять участие в работе Совета Безопасности, этому человеку нужно было получить американскую визу. Американцы всячески тянули, не давали ответа на запрос о получении визы, и в итоге получилось так, что обе эти резолюции принимались в отсутствие ливийского представителя. Слово ливийцам произнести не дали.

А.М.: Владимир Васильевич, как бы Вы могли прокомментировать Вашу отставку? Ведь случай этот беспрецедентный в российской дипломатии…

В.В. Чамов: Я знаю только то, что знают все. Для меня это не было неожиданным, но я не думаю, что это было правильным решением.

А.М.: По Вашему мнению, почему же все-таки было принято решение не о простой смене власти в Ливии, а именно о разрушении этого государства? Также я хотел бы спросить Вас: почему было принято решение о физическом уничтожении Каддафи, более того – почему была нужна именно показательная расправа?

В.В. Чамов: По поводу последнего я не уверен, что было какое-то решение специально убрать Каддафи. Просто так получилось, что Каддафи стал центром силы и, собственно, воплощением самой Ливийской Джамахирии. Поэтому с его убийством сразу прекратилась и военная операция. Каддафи слишком свободно мыслил, слишком широко мыслил, пытался вторгаться в те сферы, которые являются табуированными для большинства населения Земного шара. Пытался диктовать какие-то свои идеи, в том числе в области создания новых финансовых систем, систем расчетов в той же Африке, в Латинской Америке. Самостоятельно пытался работать на некоторых направлениях – на африканском, на арабском – и всегда имел свое мнение, всегда отстаивал его, опираясь на ресурсы, которыми обладал. А второе, что еще более важно, Ливия – богатая страна, очень богатая потенциально, находящаяся близко от европейского континента, с запасами нефти и газа, с важным стратегическим положением, с длинной береговой линией. С другой стороны, Ливия всегда была воротами в Африку, еще в римские времена она именно так называлась. Все это сыграло свою роль и все это вместе дало вот такой результат. Видимо где-то было принято решение устроить показательную порку, показательное наказание.

А.М.: Конечно, разрушение Ливии – это трагедия сама по себе, но что же с уничтожением Ливийской Джамахирии потеряла Россия?

В.В. Чамов: Там все, конечно, потеряли… Другой вопрос: кто-то вернет свои потери, а кто-то – маловероятно. Наша страна потеряла потенциально достаточно много, наши отношения были весьма развитыми. Можно упомянуть три основные сферы. Во-первых, военно-техническая линия. Ливия была вооружена нашим оружием. В последние годы успешно развивалось нефтегазовое сотрудничество, поскольку у нас в этом плане большие возможности и достижения и у ливийцев было, что предложить. Я бы еще выделил сферу строительства железных дорог, направление качественно новое и многообещающее. Мы реализовывали очень большой проект, первый такого масштаба в Ливии. Вслед за ним могли последовать и другие подобные проекты, потому что у Каддафи в голове уже была нарисована схема железнодорожных путей, которые связывали бы Ливию с другими странами Магриба вплоть до Мавритании на Запад и на Юг чуть ли не трансафриканская магистраль. Мы довольно успешно здесь работали. Пока сотрудничество прекратилось, не знаю, что будет в будущем, сможем мы что-то вернуть или не сможем.

А.М.: В одном из своих интервью Вы говорили, что в Ливии очень активно работала «Татнефть», это, конечно, не может пройти мимо внимания «Казанского журнала международного права». Более того, Вы добавили, что «Татнефть» работала даже лучше некоторых западных брендов, которые имеют мировую известность…

В.В. Чамов: Это не мои слова, это слова Каддафи. Именно так мне сказал Каддафи во время одной из встреч. Кстати, это возможно было тоже доводом для третьих сторон в отношении ликвидации джамахирийского проекта, потому что на самом деле наши нефтяные компании достаточно успешно вошли на ливийский нефтегазовый рынок, и это представляло собой весомый фактор. А «Татнефть» очень хорошо вошла в Ливию, бурение было непростым, прямо скажем – бурение было тяжелым, сложным. Маятник качался вправо-влево, есть нефть – нет нефти. Я всегда говорил, что все будет нормально, найдем нефть. Они нашли нефть в 2009 году, хорошую нефть, очень успешно работали, и это нравилось ливийской стороне. Место работы было где-то в 700 км от кромки моря. Даже после свержения Каддафи «Татнефть» вернулась в Ливию. И только потому, что только они смогли бы восстановить, и больше никто. У меня такое ощущение, у меня нет доказательств, но то, что я слышал от министра нефти, позволяет мне говорить именно так. Приятно говорить о «Татнефти», у посольства с этой компанией были особые отношения.

Они показали себя очень эффективными работниками, что в условиях Ливии было очень важно, потому что не всегда компании выполняли то, что обещали, эти люди показали себя на должной высоте.

А.М.: Владимир Васильевич, я задаю этот вопрос всем послам: что собой представляла Ливийская Джамахирия как мировой исторический проект? Как Вы видите этот проект?

В.В. Чамов: Это вопрос, на который часа три нужно отвечать. Вы понимаете, в чем уникальность этого проекта? В том, что под написанную неким человеком теорию выстраивалась социально-экономическая инфраструктура. Естественно, все это проходило очень непросто, было много сложностей, и Ливийская Джамахирия переживала такие же трудности, как и другие социалистические страны, хотя она и не являлась страной соцлагеря. Были проблемы, но страна имела такого лидера, как Каддафи, и они упорно шли по этому пути. Важный рывок был совершен в начале 2000-х годов. Были сняты международные санкции, которые были введены против Ливии в 1992 году, по известным причинам; с другой стороны – тогда Каддафи понял, что международная ситуация качественно изменилась и перестал направлять ресурсы на революционные проекты в других местах. Он бросил средства на решение социально-экономических задач Ливии. Это было очень заметно, и в общем страна собиралась сделать серьезный рывок вперед. Я даже думаю, что если бы у Ливии было еще семь-десять лет спокойной жизни, то такие страны, как Кувейт или Катар, ездили бы туда учиться, потому что положительные тенденции были налицо. Это был уникальный опыт, строительство государственной системы на основе анархизма. У нас были попытки в 1920-е годы создать нечто подобное. В частности, Нестор Махно, два года у него существовала республика свободных хлебопашцев, это была именно анархистская система, построенная на народовластии. А в Ливии данный проект развивался с ведома и под руководством человека-теоретика, который как раз знал и понимал, что он делает, другое дело, что не все получалось. Это был интереснейший опыт, уникальный эксперимент, который был прекращен и прекращен силами извне. Конечно, у Каддафи были противники по разным причинам, но решающий удар при сносе системы нанесли силы НАТО. Жаль, что этот эксперимент был оборван на том этапе, когда он мог совершить качественный рывок. Больше, конечно, этого уже не будет. Что бы не произошло дальше с Ливией, развалится она на три страны, разделится на межплеменные анклавы, останется ли она единым государством, но больше такого эксперимента не будет, мы не узнаем, что же из этого могло получиться. Вот это жалко, искренне по-человечески жалко…

СМЕРТЬ

Муаммар аль-Каддафи[1]

(перевод с арабского – Алексея Борисовича Подцероба)

Смерть, кто это – мужчина или женщина? Аллах ведает...

Доисламский поэт Турфи бен аль-Абд считал, что Смерть – мужчина, который выбирает лучших. Современный же поэт Назар аль-Кабани полагает, что это, по-видимому, женщина, потому что она забрала его сына Тауфика.

К чему, однако, такой вопрос? Что от того, мужчина Смерть или женщина? Смерть – все равно Смерть. Но это не так. Если это мужчина, то следует сопротивляться ему до конца, а если женщина, то следует в последний момент уступить ей.

Во всяком случае, Смерть совсем не такая, какой ее изображают в книгах – иногда в образе мужчины, иногда – женщины.

Смерть – это мужчина, нападающий и никогда не переходящий к обороне, даже если он потерпел поражение. Он злобен, иногда смел, иногда труслив. Бывает, Смерть терпит поражение и оказывается вынужденной отступить. Она не побеждает в результате каждого нападения, как это обычно считают. В скольких схватках лицом к лицу Смерть изнемогала и, обессилев, убиралась прочь!!! Несмотря на раны, полученные в борьбе со Смертью, упорный противник никогда не сдается. И в этом превосходство жизни над Смертью.

Но Смерть, действительно, упорный противник. Ей свойственны безграничное терпение, абсолютная уверенность в победе, даже когда кажется, что сопротивляющийся ей берет верх. Она никогда не теряет надежду на ответный удар. Сколько бы схваток она ни выиграла, на нее не влияет эйфория, которой придается впавший в заблуждение победитель. Это богатырь, преисполненный неуклонной решимости!!!

Сила смерти не в целенаправленных ударах и не в победных атаках; она то побеждает, то терпит неудачу, то нападает, то отступает; ее удары не всегда точны, и не из всех схваток она выходит победителем. Ее сила в дьявольской способности выдерживать удары, залечивать раны и вновь обретать боевой заряд, что неизбежно ведет к гибели противника.

Способность Смерти к победе проистекает из того, что она действует в одиночку, ни с кем не вступая в союз. Она, бывает, обманывает, вводит в заблуждение. Но невозможно превратить ее в слугу. Если бы Смерть вступила с кем-то в союз, то стала бы его заложником; заложник же не только не свободен, он просто марионетка. А марионетку, как известно, когда игра закончена, выбрасывают. И даже если бы Смерть стала слугой, заложником или марионеткой, победа все равно осталась бы за ней; Смерть – не легендарный герой, который должен быть идеальным, высоконравственным, образованным, поскольку все эти качества обязательны для литературного героя. Смерть хитра, непостоянна, изменчива, способна к перевоплощениям! Она может явиться в виде всадника, восседающего на белом коне и готового встретиться с врагом лицом к лицу. Но она может нанести удар в спину, подобно женщине, не владеющей оружием. Она может появиться в виде пешего, бесстрашного бойца или превратиться в змею.

Сколько жертв она поглотила, жертв, которые, не ожидая ее, пребывали в довольстве, благополучии, веселье и совсем не думали о ней!!! Сколько жертв она унесла, когда те спали, предаваясь приятным сновидениям! Не ждите от Смерти жалости или пощады, она никогда не пойдет вам навстречу, не посчитается с мольбами, Ваша жизнь ничто для нее. Она отрывает младенца от груди матери, запускает руку в материнское чрево и убивает находящийся там плод, похищает в брачную ночь жениха или невесту. Уносит родителей, оставляя в живых детей, а, бывает, поступает наоборот.

Мой отец был упорным бойцом, так же, как и Смерть; в боях с итальянцами он решил стоять до конца; во время одного из сражений у Кардабийи его бойцов обуяла жажда, и он

[1] В 1969-2011 годах – Лидер ливийской революции.

попросил своего дядю Хамиса достать воду. Дядя атаковал итальянский обоз, груженный водой. Но Смерть оказалась быстрее Хамиса, пуля попала ему в правое надбровье, и он пал в бою. Отца обуял гнев, он поднялся из окопа и решил сражаться стоя; он бросил вызов Смерти, крикнув: «Мы – Ауляд Муса, и, если ты, Смерть, знаешь это, то выйди, трусливая, ко мне и давай сразимся!!!». Смерть не приняла вызов, а ответила шквальным огнем. На призыв отца отозвалась группа смельчаков, закричавших: «Мы – Ауляд аль-Хаджж... Мы – Ауляд аль-Атраша...». Они бесстрашно, не пригибаясь под пулями, атаковали Смерть, отец бросился к ним, чтобы принять участие в атаке, но смерть вновь опередила его, и прежде, чем он успел добежать до них, они были убиты. Когда товарищи отца увидели, что Смерть следует за ним по пятам, они попросили его не приближаться, чтобы и до них не добралась Смерть, уже унесшая Хамиса и Ауляд аль-Хаджж, Аль-Атраша и Ас-Сухби, Мухаммеда бен Фараджа и других; отец же сражался со Смертью с утра и до ночи; в конце концов, силы Смерти истощились, ее решимость ослабла, и она удалилась, но лишь для того, чтобы вернуться позже. На теле и одежде отца насчитали восемь следов от пуль, которые, однако, так и не смогли нанести ему смертельную рану.

Я говорил уже, что бывает, Смерть терпит поражение и обращается в бегство, но она не стыдится неудачи и ни о чем не сожалеет, поскольку знает, что несмотря на поражение, победа в конечном счете будет за ней, неудачи останутся в прошлом; ее тайна в том, что она полагается на собственные силы, а не на поддержку извне.

Не прошло и трех лет, как Смерть возобновила битву. И между ними началось сражение более жестокое, чем у Кардабийи. На этот раз Смерть избрала местом противоборства район Кияфа, а ее оружием были поддерживавшие итальянцев сенуситы из Сирта и Аджджабийи. И если Смерть в этот день бросала вызов, гордясь числом своих жертв и будучи уверенной в победе, то отец отвечал вызовом на вызов. Уступая ей в гордыне, он превосходил ее в смелости. Смерть хохотала, когда он увидел солдат Сенуси, многочисленных как саранча и собиравшихся штурмовать теснины, окружавшие впадину Кяляя, находившуюся поблизости от соляных копий. Пустыня из желтой превратилась местами в черную, а местами – в белую, будучи заполненной солдатами в униформах этих цветов; сотни людей были мобилизованы ради смерти. С отцом было немного бойцов из Ас-Сабаиа и еще меньше из других племен. То был роковой день. Смерть находилась в полной готовности. Отец призвал на помощь все свое мужество. Смерть была окружена полчищами солдат-сенуситов, а вокруг отца сплотилась лишь горстка храбрецов. Позиция была неудачной, положение – отчаянным, борьба – неравной. Отец сказал себе, что не будет думать о Смерти и ее армии, а там – будь, что будет. Он не вырыл себе окопа, решил, что будет вести стрельбу не лежа, а с колена или стоя. В его душе перемешались мужество и отчаяние, а что может быть лучше такой смеси! Однако Смерть косила товарищей отца, не трогая его, совсем как в сражении у Кардабийи.

Вот пал Абу Исбаа, которому пуля попала в сердце. Вот Каддаф ад-Дамм испустил последнее дыхание, вот... Но тут солнце стало клониться к горизонту, как будто и его сразила шальная пуля. Скоро наступит темнота, и появится шанс выжить. И тут Смерть окончательно разбушевалась, разгневавшись на отца, который с самого утра бросал ей вызов, она направила на него одну из полученных сенуситами от русского царя винтовок Мосина, стремясь поразить его прямо в сердце, но взяла неверный прицел, и пуля пронзила навылет левое плечо.

Как я и говорил, не все удары Смерти попадают в цель. Она то промахивается, то поражает жертву, то берет верх, то терпит неудачу. Она лишила отца возможности продолжать бой, но не лишила его жизни.

Я говорил вам, что Смерть не всегда демонстрирует мужество и не всегда готова к противостоянию, иногда она проявляет малодушие. Она наносит удар в спину, жалит снова и снова, прячется в земле. В сражениях у соляных копий и Кардабийи сопротивление бойцов отца, в конце концов, утомило Смерть. Она так и не сумела одолеть его, но, повторяю, проклятая никогда не отчаивается, не оставляет своего противника в покое, даже если тот победил в схватке.

Когда Смерть бросает вызов открыто, она является на черном или белом коне. Смерть бесстрашно обнажает свой меч, столкнувшись даже с величайшими вождями. А, бывает, она подкрадывается незаметно сзади, не вступая в открытую схватку, поражает снизу, а не сверху, кусает, а не наносит удар, сжимается в комок, ранит в пятку, а не в шею. Итак, в тот раз Смерть (ужасом перед которой охвачен весь мир) перевоплотилась в ядовитую змею, но отец раздавил ее ногой, однако она успела ужалить его и решила, что ее хитрость удалась. После того, как Смерть не сумела одержать верх в открытом бою, она прибегла к коварству. После схватки среди бела дня она ударила из засады, сделала ставку на сахарскую змею, которая ужалила одинокого человека в отдаленном уэде, где никто не мог прийти ему на помощь и он должен был неизбежно погибнуть!!! Таковы были расчеты Смерти, надеящейся на неизбежную победу и гордящейся ею, однако от нее ускользнуло, что воля к жизни может разрушить ее планы, что в качестве противоядия будут использованы обычный горячий чай без сахара и кое-какие рвотные средства и что отец поднимется на ноги, победив всего несколько мгновений назад торжествовавшую Смерть, насмехаясь над ней и попирая ногами змею, в которую перевоплотилась Смерть в этом отдаленном уголке пустыни.

Однако Смерть не отчаивается, какие бы поражения она ни потерпела. Она по-прежнему сильна и продолжает парить над местом схватки. Смерть выскользнула из-под раздавившей змею ноги отца и воплотилась в другую змею, поджидавшую его на пути к дому; когда отец протянул руку к засохшему кусту, который был нужен ему, чтобы разжечь огонь в очаге, он ухватился за прятавшуюся там вторую змею, и та ужалила его!!! Он уже не находился в пустынной отдаленной местности; но Смерть была уверена, что именно на этот раз она победит, поскольку отец лишится той воли к сопротивлению, которая была у него, когда он был вдали от дома в одиночестве и собственная гибель в силу этого представлялась ему особенно трагичной. На этот раз вокруг него были люди, и надежда, что можно положиться на них, что они помогут, должна была притупить его волю к борьбе. Смерть ожидала, что упорно сопротивляющийся противник теперь не ускользнет от нее, однако она не поняла, что избранный ею метод глуп: ведь она укусом первой змеи сделала отцу прививку против яда, сама того не осознав. Второй укус поэтому заставил его страдать, но не оказался смертельным.

Отец продолжал жить. А Смерть продолжала бороться с ним. Отец сопротивлялся ей.

Дойдя до этого места в нашем повествовании, мы можем сказать: Смерть во всех предыдущих случаях поступала как мужчина, а затем поступила как женщина. Но здесь возникает подозрение. Даже когда она воплотилась в змею, сопротивляться ей надо было так, как будто это мужчина. Ядовитая змея – заклятый враг, и поскольку она враг, то, следовательно, подобна мужчине. Она сражалась, как сражались эритрейские или итальянские солдаты у Кардабийи. Относительно сути Смерти мы вновь повторяем вопрос, с которого начали этот рассказ: Смерть – мужчина или женщина? Мы уже отмечали: если это мужчина, то следует сопротивляться ему до конца, а если это женщина, то в последний момент уступить ей.

И все-таки я, в конце концов, убедился, что Смерть – женщина, поскольку отец сдался ей 8 мая 1985 года, как будто он имел дело не с всадником с обнаженным мечом, вид которого у мужественного человека (каким был отец) породил бы желание биться.

Казалось, что барабаны смерти, гул которых увеличивался, для него всего лишь одурманивающая песня, которую поет Умм Кальсум. Всякий раз, когда приближалось шествие Смерти и начинали громче звучать ее барабаны, отец ощущал нарастающую слабость и улыбался непонятно чему, как младенец в колыбели. Он становился все более спокойным и умиротворенным, и нам начало казаться, что шум, производимый кортежем Смерти, внушающий ужас здоровым людям, звучит в ушах больного как дурманящая песня одного из египетских певцов. Я даже подумал, что нет смысла давать больному анастетик, что будет достаточно протяжной египетской песни. Однако врач воспротивился этому, сказал, что я не должен вмешиваться в то, что он делает, что мой вывод неправилен и абсолютно не соот-

ветствует действительности. Я устыдился своего невежества, решил не ставить врача в затруднительное положение, признав справедливость его слов и сказав, что ничего не смыслю в анастетиках, не разбираюсь в приеме их больными и здоровыми людьми, что я преувеличил возможности египетских песен, утверждая, что они могут воздействовать на больного, и абсолютно справедливо, что они воздействуют только на здоровых, и поразительны результаты их воздействия на сто миллионов арабов. Начиная с 1948 года общеизвестно, что (вопреки моему представлению) необходимо при операциях и для снятия боли использовать химические анастетики.

Врач подтвердил, что нигде в мире песни не воздействуют на состояние больных и слушать их не рекомендуется, поскольку это может, например, вызвать у больных рвоту. Что касается здоровых или душевнобольных, которые подобны здоровым, то им рекомендуется слушать песни, чтобы впасть в искусственно вызванный транс. Врачи утверждают, что песни не вызывают у них осложнений, а если какие-то осложнения и появятся, то они связаны с употреблением химических препаратов и, следовательно, будут представлять проблему только для самих этих людей. Во всяком случае их физическое состояние не будет вызывать опасений. Когда же я заметил, что песни воздействуют на душу и ум, то врач не придал моим словам значения, ответив: «Душа.., ум.., темперамент... и прочее, все это вещи отвлеченные и меня как хирурга не интересующие».

В общем, отец слабел и слабел, мы переживали и тревожились, иногда плакали, а он улыбался, впав в предсмертное забытье. Посмотрите!!! Разве это та же самая Смерть, с которой он сталкивался в сражениях у Кардабийи, Тали, соляных копий?! Разве это змея, которая подкараулила его в пустыне?! Разве это та Смерть, которая выступала в облике непримиримого врага, гордого, уверенного в своих силах и открыто бросающего вызов?! Я не уверен, что это та же самая Смерть, и даже если та же самая, то, значит, она бесподобно умеет маскироваться. Итак, на этот раз отец не сопротивлялся ей, как это он делал в течение всей своей жизни, побеждая ее, несмотря на то, что ей неоднократно предоставлялась возможность покончить с ним. Следовательно, Смерть – женщина. И если это так, то следует уступить ей в последний момент, что отец и сделал.

Вывод из всего этого: в большинстве случаев Смерть терпит поражение, когда она появляется с развевающимся черным знаменем среди поднятой над полем боя пыли или в центре урагана. В подобных случаях Смерть, убежденная в своей победе, самообольщается; она побуждает тем самым своего противника сопротивляться, что и ведет к ее поражению. В этом своем обличье она предстает смелым воином, с которым следует биться до конца, и сопротивление ему в большинстве случаев заканчивается победой. Но она легко достигает своей цели, когда выступает в облике женщины. А женщине в последний момент следует уступить, как уже было сказано в начале рассказа. Капитуляция же исключает возможность победы. Когда Смерть меняет свой метод, она ожидает, что противник, встретив ее в обличье женщины, сдастся.

Таким образом, Смерть всегда добивается своего, сколько бы ни продолжалось противоборство, и не щадит своего противника, даже если он сдался, струсил либо ослабел!!!

В течение всей жизни следует сопротивляться Смерти, как это делал мой отец, бесстрашно противостоявший ей, пока не достиг 100-летнего возраста, несмотря на всю ненависть к нему Смерти, пытавшейся покончить с ним, когда ему было только 30 лет. Правильной позицией является сопротивление, а бегство даже за границу от Смерти не спасет. «Где бы вы ни были, Смерть найдет вас, даже если вы спрячетесь в укрепленном замке». Однако если она перевоплотилась в женщину, явилась безоружной в облике покорной жены, пришла тихо, как соблазнительница, и мы ощущаем ее каждой клеточкой тела и опьянены ее дыханием, то тогда сопротивляться ей недостойно мужчины, и следует уступить ей в последний момент.

Вот так все это было![1]

[1] Впервые опубликовано в журнале «Азия и Африка сегодня», 2001, №2.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЮБИЛЕЙ

К 50-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И КЕНИЕЙ

Джомо Кениатта, первый президент Кении, «Властители джунглей» (рассказ)

ИНТЕРВЬЮ
*Interview of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kenya to the Russian Federation Mr. Paul Kurgat
*Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Республике Кения (1989-1992) В.С. Китаева
*Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Республике Кения (2005-2008) В.Е. Егошкина

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
****Paul Kurgat,*** Pages of the History of the Kenyan-Russian Diplomatic Relations
****С.Я. Синицын,*** Из истории установления дипломатических отношений между СССР и Кенией
****Л.Владимиров (В.С. Лавров),*** Из воспоминаний первого посла СССР в Кении

ДОКУМЕНТЫ
*Телеграмма Председателя Совета министров СССР премьер-министру Кении по случаю провозглашения независимости (11 декабря 1963 г.)
*Сообщение об установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами между СССР и Кенией

Предваряя специальные материалы, посвященные 50-летию установления дипломатических отношений между Россией и Кенией (а также полувековому юбилею независимости Республики Кения), хочется сказать несколько слов о рассказе Джомо Кениатты «Властители джунглей», которым открывается рубрика.

Сегодня всем известно, что Джомо Кениатта – первый премьер-министр, а затем – первый президент независимой Кении, возглавлявший страну с 1964 по 1978 годы. Сегодня его сын – Ухуру Кениатта – также является президентом Кении (избран в 2013 году).

Однако данный рассказ взят из книги «Рассказы африканских писателей» изданной в СССР в 1962 году. Вот что говорит об авторе эта книга:

Кениатта Джомо (1893) – ученый и писатель Кении, один из видных руководителей национально-освободительного движения народов Африки. Родился в Кении, в резервате кикуйю. Окончил миссионерскую школу. Вступил в Центральную ассоциацию кикуйю — первую в стране политическую организацию, объединявшую в основном передовых людей Кении. Будучи редактором главного печатного органа этой организации, сменил свою европейскую фамилию Джонстон на Кениатта – «сын Кении». В 1929 году побывал в Лондоне как представитель от Центральной ассоциации. С 1931 года изучает этнографию и антропологию в Московском и Лондонском университетах. В 1938 году публикует большую научную работу «Лицом к горе Кении», принесшую Кениатте известность в научном мире. В годы войны работает на оборонном заводе в Лондоне, затем учителем, выступает с лекциями перед солдатами. После войны возвращается вместе с семьей в Кению, где занимается организацией школ и основывает партию Союз африканцев Кении. Был первым председателем этой партии. 20 октября 1952 года Кениатта вместе с пятью соратниками был арестован и приговорен к семи годам каторжных работ, впоследствии приговор был заменен ссылкой в отдаленную область страны. В августе 1961 года народ Кении добился его освобождения. В настоящее время Кениатта находится на свободе и выдвинут в правительство. Возглавляет прогрессивную партию «Кана».

ВЛАСТИТЕЛИ ДЖУНГЛЕЙ

Джомо Кениатта[1]

В далекие времена Слон сдружился с Человеком. Однажды, когда в джунглях хлынули дожди, Слон пришел к своему другу, у которого на опушке леса была хижина, и сказал ему:

- Дорогой мой добрый Человек, не разрешишь ли ты мне спрятать под крышу твоего жилища хобот, чтобы он не намок?

Человек, увидев, в каком бедственном положении оказался его друг, ответил:

- Дорогой мой добрый Слон, хижина невелика, но в ней хватит места и твоему хоботу, и мне. Пожалуйста, просунь его сюда, но осторожно.

Слон поблагодарил Человека и сказал:

- Ты совершил благородный поступок, когда-нибудь я отплачу тебе тем же.

Что ж, вы думаете, произошло дальше? Вначале Слон просунул в хижину хобот, потом постепенно и голову и, наконец, вытолкал Человека под дождь. Сам же удобно расположился в хижине, приговаривая:

- Дорогой мой добрый Человек, твоя кожа грубее моей, а так как здесь для двоих мало места, ты побудь под дождем; я же останусь в хижине, чтобы ливень не попортил мою нежную кожу.

Человек, увидев, как поступил с ним его друг, стал громко выражать свое возмущение. Услышав шум, из соседнего леса прибежали звери, чтобы посмотреть, в чем дело. Все они столпились вокруг, прислушиваясь к жаркому спору между Человеком и его другом Слоном. В разгар перебранки к ним подошел Лев и проревел:

- Эй вы, разве не знаете, что я властелин джунглей! Кто смеет нарушать спокойствие в моих владениях?

Услышав это, Слон, который был важной персоной в джунглях, ответил примирительно:

- Господин, в ваших владениях никто не нарушает мира и спокойствия. Мы лишь обсуждаем вопрос о владении этой хижиной, которую, как вы видите, сейчас занимаю я.

Лев, желавший, чтобы в его владениях царили «мир и спокойствие», ответил сурово:

- Приказываю моим министрам назначить комиссию по расследованию, которая должна тщательно изучить это дело и доложить о результатах.

Затем он повернулся к Человеку:

- Ты хорошо сделал, что подружился с моим народом, в особенности со Слоном, который является одним из моих самых почетных государственных деятелей. Перестань роптать, ибо еще не все потеряно. Подожди до заседания моей имперской комиссии, и там ты сможешь подробно изложить свою жалобу. Я уверен, что ты останешься доволен решением комиссии.

Человеку очень понравились добрые слова властелина джунглей, и он стал ждать заседания, полагая, что ему вернут хижину.

Слон, выполняя приказ своего господина, вместе с другими министрами занялся созданием комиссии по расследованию. В состав комиссии были включены старейшины джунглей: 1) Носорог, 2) Буйвол, 3) Аллигатор, 4) высокочтимый Лис – председатель комиссии и 5) Леопард – секретарь комиссии. Увидев состав комиссии, Человек запротестовал и спросил, не следует ли включить в комиссию представителя его стороны. Но ему ответили, что это невозможно, так как его собратья недостаточно образованы, чтобы разобраться во всех тонкостях законов джунглей. Кроме того, ему нечего опасаться, ибо все члены комиссии славятся своею беспристрастностью, и, поскольку они избраны богом, чтобы блюсти интересы рас, менее их одаренных зубами и когтями, он может быть уверен, что они расследуют это дело с величайшей тщательностью и вынесут справедливое решение.

Комиссия приступила к расследованию. Первым был вызван достопочтенный Слон. Он важно выступил вперед, обмахиваясь молодым деревцом, которое ему заботливо приготовила Слониха, и надменно произнес:

[1] ***Джомо Кениатта –*** первый президент независимой Республики Кения.

- Властители джунглей, мне кажется, нет необходимости тратить ваше драгоценное время на выслушивание обстоятельств дела, с которым вы все, несомненно, знакомы. Я всегда считал своим долгом защищать интересы друзей, и это, по-видимому, явилось причиной недоразумения, возникшего между мной и присутствующим здесь моим другом. Он попросил меня спасти его хижину от надвигающегося урагана. Поскольку ветер проник в хижину из-за того, что в ней было слишком много свободною места, я счел необходимым во имя интересов моего друга наиболее экономично использовать свободное пространство и заполнил его собою – это долг, который при подобных обстоятельствах каждый из нас, безусловно, исполнил бы с неменьшей готовностью.

Выслушав убедительные показания достопочтенного Слона, комиссия вызвала Шакала и других старейшин, которые единодушно поддержали выступление Слона. Затем был вызван Человек, он начал по-своему излагать причины спора. Но комиссия прервала его:

- Уважаемый, высказывайтесь только по существу дела. Мы уже получили все сведения из самых достоверных источников; единственное, что мы хотели бы услышать от вас, — это была ли свободная площадь в вашей хижине кем-нибудь занята до того, как там расположился уважаемый Слон?

Человек начал было:

- Нет, но...

Однако в этот момент комиссия объявила, что получено уже достаточное количество свидетельских показаний обеих сторон, и она удаляется на совещание. Насладившись изысканными яствами за счет достопочтенного Слона, члены комиссии позвали Человека и огласили приговор:

– По нашему мнению, спор возник из-за достойного сожаления недоразумения, причиной которого является отсталость ваших идей. Мы считаем, что достопочтенный Слон выполнил свой священный долг защиты ваших интересов. Поскольку совершенно очевидно, что вы сами заинтересованы в наиболее экономичном использовании свободного пространства и так как вы сами еще не достигли того этапа, на котором были бы в состоянии сами заполнить это пространство, мы считаем необходимым прийти к компромиссному решению и удовлетворить обе стороны. Слон будет по-прежнему занимать вашу хижину, но мы даем вам право подобрать себе участок для строительства новой хижины, более отвечающей вашим потребностям; со своей стороны мы проследим, чтобы вас никто не беспокоил.

Не имея выбора и опасаясь, что, отказавшись, он пострадает от зубов и когтей членов комиссии, Человек выполнил решение комиссии. Но не успел он построить новую хижину, как в нее ворвался Носорог, угрожающе выставив вперед голову, и приказал Человеку убираться прочь. Для разбора этого дела вновь назначена королевская комиссия, и ее решение не отличалось от предыдущего...

Это повторялось до тех пор, пока Буйвол, Леопард, Шакал и все остальные не обеспечили себя новым жилищем за счет Человека. Тогда Человек решил, что ему следует найти более эффективный способ самозащиты, так как от комиссии толку не добьешься. Он сел и сказал: «*Ng'en-da thi ndagaga motedi*», что означает: «Все, что ходит по земле, можно когда-нибудь поймать в капкан», или, другими словами: «Людей можно дурачить долго, но не вечно».

Однажды ранним утром, когда хижины, занятые властителями джунглей, уже начали разваливаться, Человек построил неподалеку большую и прекрасную хижину. Как только Носорог заметил ее, он ринулся к хижине, но, увы, застал там крепко спящего Слона. Затем в окно влез Леопард, в дверь вошли Лев, Лис, Буйвол. Шакал завывал в тени, чтобы ему тоже дали место, а Аллигатор наслаждался солнышком на крыше. Вскоре все они затеяли спор о том, кто проник в хижину первым, а от спора перешли к драке. В это время Человек поджег хижину, и она сгорела дотла, а вместе с ней и властители джунглей и иже с ними. А Человек пошел домой, приговаривая: «Мир дорог, но за него стоит заплатить», и с тех пор зажил счастливо.

ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW OF AMBASSADOR EXTRAORDINARY AND PLENIPOTENTIARY OF THE REPUBLIC OF KENYA TO THE RUSSIAN FEDERATION MR. PAUL KURGAT

KJIL&IR: Your Excellency, first of all, we would like to congratulate Republic of Kenya with 50 years of its independence.

Ambassador Kurgat: Thank you very much.

KJIL&IR: And we also just celebrated 50 years of establishment of our diplomatic relations. So, it's quite a big year in our history. Could you kindly tell us, what was the history of independence struggle in Kenya?

Ambassador Kurgat: Kenya, like most of African countries and other developing countries over Asia and Latin America, as you know, was colonized. And Kenya was colonized by the British. The native people were deprived of rights, deprived of economic and political freedoms. Historically, I think, we were influenced by the liberations that came in the end of the Second World War. Our people participated in Second World War and coming back home they had a clear notion that it was possible to be liberated, and struggle was started. Another aspects is that there was an influence of the USSR and the USA, international labor organizations, liberal parties in these countries.

Jomo Kenyatta, the first president of Kenya, with George Padmore came to work to Moscow in 1929, and he went back in 1932-1933. They studied in the Communism University of the workers of the East. This was the early contact between Kenya and the USSR.

Definitely, from his actions and writings, he did not become a member of the Communist party. He was much more interested in liberation of Kenya. So, by 1950-s we already had different communities all over the country (Bongoma, central Kenya, Mombasa) – it was a mass movement in Kenya. And, therefore, Kenyatta and Odinga found a common ground and, together with groups of people behind them, moved the course of movement of liberation until the year 1963. USSR took its opportunity in 1960 to draft a UN resolution on liberation of colonial countries. So, it was Russia who pushed the international forum for liberation of African states, including Kenya, and Asian countries and Latin American states.

KJIL&IR: Sometimes we could read that several African states, namely Kenya got its independence. I always argue with such expressions claiming that it has won its independence. It was a liberation war…

Ambassador Kurgat: It was a serious war. People went to say that there are only 2 countries in Africa that won independence and that it was not *given* to them. These countries are Kenya and Algeria.

KJIL&IR: You're Excellency, what was the main difference between liberation war in Kenya and liberation struggles in other African countries?

Ambassador Kurgat: The Kenyan liberation war was very bloody. The country was already branded «the White Highlands» that the British didn't want to leave.

KJIL&IR: What were the main features of your independent development? As far as we know, you started with African socialism, then went through so-called Africanization policy. What are the main achievements of Kenya during the 50 years of your independence?

Ambassador Kurgat: There were three goals which Kenya wanted to achieve: provision of education, provision of health services and elimination of poverty. Talking about achievement of these lines, the number of primary and secondary schools, universities in Kenya has tremendously

increased. Today we have 811 903 primary school candidates. We have over 20 public universities and related institutions, almost the same number of private universities and colleges. The level of education increased tremendously as well. Comparing to the 1960-s and 1970-s, the number of Kenyans going abroad for education has dropped. It's a positive fact.

In terms of health services, we have at least one major hospital in every region (so-called level 5). We have legislated the ways of treatment of some diseases, like malaria. We distribute for free the nets to avoid malaria. Currently, there is a work on a free treatment of cancer. We have magistrates in that field.

In terms of eliminating poverty, it is a challenge for Kenya as well as for other countries, including not only provision of healthcare and education, but also creation of rooms, of jobs. We are now devolving into regions – the funding's will be channeled to the regions. The administrators there will identify the projects that can help the youth at the regional level, the national level. This is happening.

KJIL&IR: You're Excellency, could you tell us about the main principals, the main directions of Kenyan policy on international arena? What's the role of Kenya in international relations?

Ambassador Kurgat: I can start from 1964, when Jomo Kenyatta was appointed as chairman of OAU attempts to resolve the Congo crisis. Moreover, in 1974-1975 Kenya was a defender of Mozambique and Angola in their wars of independence, seeking to reunite all the fractions together. By the 1980 Kenya was already in the UN peacekeeping system and we went to Zimbabwe, participated in many other peacekeeping operations in Africa. And what is commonly known in Kenyan armed forces is 'Kenbat', that is a Kenyan battalion that even went to Yugoslavia. Very interesting: when you come to our country, you will find out where the soldiers are coming from. Somebody's place is called Kosovo, another's place is called Bosnia. All of them are because of soldiers arriving from peacekeeping operations, who buy houses and give them the names of the places where they served. At the UN our diplomats quite pushed a lot; early in 1970-s, you remember how Kenyan diplomats worked on the moving of the UNEP to Nairobi. I think its major achievement to have the only UN organization situated in Africa, what makes Nairobi the major diplomatic center. We have been sending our people into international organizations. We believe as a country that the UN is the forum to solve international issues and push international agenda.

KJIL&IR: Talking about the role of Kenya in international law, I have to stress the big contribution of Kenyan lawyers. The biggest example is the concept of exclusive economic zone that was presented by Kenya and now it is a generally accepted norm of international law fixed in UN convention of the law of the sea. Nowadays Kenya is arguing before the ICC and I'm expressing my own opinion, but I have to say that I feel that Kenyan position is stronger than the position of the Court. So, we see that Kenya has a very strong school of international law.

Ambassador Kurgat: Yes, we have very serious professionals. One of our Attorney-Generals – Amo Suaku – was among these people who worked out this concept of exclusive economic zone. So, we have worked through our mission to New York, through our diplomats and through our lawyers to develop these legal issues on international arena. Even the law of the space – we made some contribution there. You are right – we have strong international lawyers, strong schools, strong people doing international relations and good will of the Government of Kenya.

KJIL&IR: Let me turn to the topic of Kenyan-Russian relations. These relations have more long history than their diplomatic relations. Could you tell us what were the early relations between our states before we established diplomatic ties? You've already mentioned the visits of Kenyatta…

Ambassador Kurgat: Yes, as I said, before opening the diplomatic mission there was less contact, but there were early Russians who visited the continent, visiting Ethiopia, the Eastern coast of Africa, including Kenya. If you go to Saint Petersburg, there is a museum «Kunstkamera».

There were people who made collections of art from Kenya: the first people coming there were anthropologists, and later more art was collected from other Europeans, especially the Swedes. That is an early stage. Then comes, as I said, independence. Well, shortly before independence, during the struggle for independence, Russia was involved through the UN forum to push for independence, as I said Kenyatta was here [in Russia] to push forward the liberation, to give lands and rights to the people, political parties, to operate economy and political activities as free people. I think that's where Kenyan-Russian relations start. But also, since education was so limited to Kenyans by the British, very few people were allowed to have it, you know, very few schools existed. Most of people who went to school were sons or daughters of chiefs. The majority of people was not able to secure education in Kenya and either walked or went by bus or by train to schools in Uganda. And again it was limited to primary or secondary. From 1954 when the USA-USSR relations changed crucially, Russia opens up for a mass foreigners coming in for education. And some Kenyans interestingly started taking train to Kampala, then walking north to Sudan, then taking ship to Cairo and were flown from KANU office there to Moscow. They could study here or some of USSR satellite states like Bulgaria, Poland etc. Two things opened during that time. There was the political push and Kenyatta to have USSR support for Kenyan independence. And they came here to attend the conference «The human resources development» – that students found out, they already knew that independent Kenya needed qualified people. They started coming here to get education.

KJIL&IR: In some academic literature we could find the information that Kenya appointed its Ambassador to the USSR the day before the proclamation of independence. Could you tell us a bit more about this unique case?

Ambassador Kurgat: According to one of our leading historian's professor Betwan Alanogot, it was already known that the independence day was coming, on the 12th of December, 1963, they said we didn't have diplomats; we had to put together people of different professions. Kenya, Kenyatta and Odinga had to prepare, because the most immediate task was to have people for going out and lobbying for the country's development in the international forums, in the capitals of major countries – USA, UK, Russia, China, France – in brief, the Big Five. Therefore, then Jomo Kenyatta and Odinga, who were close comrades in liberation, had to prepare some people. I want to say that maybe that was our earliest coalition form of government. People had to be put ready and maybe that's why Ambassador to USSR was appointed a day before independence. It was urgent that people went out immediately at independence to start lobbying for development agenda, claiming the place of Kenya in the international arena.

KJIL&IR: Just two days after the proclamation of your independence it was announced that Soviet Union and Kenya established diplomatic relations. Could you give our readers a general overview of how diplomatic relations developed during Soviet times?

Ambassador Kurgat: During the Soviet times the main link between USSR and Kenya bilateral relations was education. If we look over the years, there was a period where students went up to a thousand in the USSR and Eastern Europe. Especially, in engineering, medicine, science in general; and limited – international relations, international law. So, that was the line of relations. There were some other contacts and ways of cooperation, too. Russia built for Kenya a hospital – Nyanza General Hospital, its other name is «Russia». This happened because of close relations between Kenyan Vice-President Odinga with Soviet Union. As I said, he doesn't seem to have shared the ideology of being a communist, favoring communism for Kenya, but what I tend to know now from writings, readings and interviews is that he favorited not communism as such, but cooperatives as a way in which majority of the citizens would be shareholders of governmental property. That was about African socialism. Maybe they were saying the same thing in different language…

KJIL&IR: Our relations started with quite an enthusiasm, but the whole 50 years were not in the same line and sometimes we got difficult time. For example, you participated in boycott

of Olympic Games in Moscow. So, could you tell me a little bit more about these times when our relation were not so good, maybe even a little bit frozen?

Ambassador Kurgat: There are two points to be noted. Firstly, Kenya, being a member of the UN and believing in peaceful resolution of conflicts thought that the USSR intervention in Afghanistan was wrong. Secondly, there were partners of ours, development partners. As you know, in the UN there is a real game with votes and arm twisting (if you do this, we will do this…etc.) behind the scenes of diplomacy. But I think not even this but the fears of such a behavior of the USSR played the key role. We thought, 'if this happened to Afghanistan, one day that might happen to us!' What we supported on the level of the UN and OAU was the principle of non-intervention to other peoples' affairs. But generally, Kenya-Russia relation had been doing well.

KJIL&IR: Let's talk about modern level of relations between Kenya and Russia. And let me ask you, what are the main economic projects that we have between our states?

Ambassador Kurgat: We have Russian companies getting interested in Kenya. Last year we had higher-level visits: the Prime minister of Kenya Raila Odinga visited Russia and took part in Saint-Petersburg international economic forum. He made contacts with Russian companies – e.g. Lukoil which is already working on how to go to Kenya, how to map the areas for oil extraction. So, the oil and gas sphere is one of the best examples of positive development. There was another high level visit of the Energy Minister of Kenya where there was a discussion on possible participation of Russian companies in power engineering activities in Kenya. Currently, we have a Russian company bidding for generating energy, called Efesek – we are still waiting for results. There is a company in Kenya already selling the Russian jeep, Russian vodka 'Standart'… Russians are best in promoting Kenyan tourism, bringing Russian for sightseeing in Kenya, facilitating their stay and movements there. Right now, as I'm talking to you, there are several Kenyan companies selling flowers to Russia. We have 'Redland Roses', 'Masai flowers' and other big brands. There are contacts and mutual interests in flowers, tea and coffee. Kenyan tea is very unique. If you try mixing it with something else, everybody will notice. The Russians have a good taste of Kenyan tea! Kenyan tea is doing very well on the market and is pressing to do more. The other one sector is tourism, as I said. We have a couple of charter flight to Mombasa, to Nairobi; all of them stop in Dubai. So, more and more Russians are traveling to Kenya for tourism, more and more Russians are even setting places to do business in Kenya (there are 2 or 3 of them). There is a great support of 'Renaissance capital' popularizing us to shop, to be a destination for investments. On a personal level I visited companies that are interested in business with Kenya, persuading them to invest… Although, the volumes and numbers comparing to other countries, especially Russia, are low. I think it's a good start in a post-soviet era. We've had speakers from both Russia and Kenya visiting each other, speaking, expressing interests. On the educational front, we have private students coming to study medicine. Nowadays, Russia is the third largest producer of medical doctors for Kenya after University of Nairobi and Moi University. So, it's very good.

KJIL&IR: Let me ask you, what were the newest international treaties concluded between Kenya and Russia? Maybe, some of them are under your guidance as an Ambassador of Kenya to Russia?

Ambassador Kurgat: Yes, among new treaties we may mention one treaty on tourism. Another treaty is on aviation. Now we are working on some other treaties, including treaty on culture…

KJIL&IR: You've just mentioned that there is a work on a treaty on cultural affairs. And my last question was exactly about the culture. We all know that Africa generally and Kenya particularly are very rich in culture. And for example I'm not surprised that namely the former Russian Ambassador to Kenya Mr. Egoshkin was appointed a chief of the Russian-Central African Cultural Center – the first one ever! So, what are the main events planned by the Embassy in terms

of culture? Maybe in this year which is very important in our relation… So, what can we expect on cultural level this year?

Ambassador Kurgat: This is very important issue. I hope to work very close to Ambassador Egoshkin on which cultural events can be done. We have a cultural troupe to Kenya and Kenyan troupe to Moscow, as well as Kenyan community to Moscow who could perform some traditional dances. We could also exhibit Kenyan art. We could make a Kenyan Tea Day, a Kenyan Coffee Day – to bring together these cultural aspects to facilitate getting to know Kenyan culture by Russians. And vice-versa. It's very interesting when you are asking somebody if they are going to Kenya, you hear the answer 'No, it's too hot there!' [laughing] And your Ambassador one time called me and said 'Mr. Ambassador, it's very cold in Nairobi!' And I told him 'Your people will not believe you that there is cold!' You know, Nairobi has a different climate, sometimes hot, sometimes cold. But the Russians, who tried going there once, are going and going there again. Of course, the Government has done and is doing much in providing security. As you know, we are neighboring the troubled Somali, but we have put all the measures to the ground, the country is safe and all.

KJIL&IR: You're Excellency, thank you very much for your answers. Let me again congratulate you and all peoples of Kenya and wish you more and more years of independence, and to develop our relations more successful under your guidance!

Ambassador Kurgat: Thank you.

ИНТЕРВЬЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА СССР и РФ В РЕСПУБЛИКЕ КЕНИЯ (1989-1992) Владимира Сергеевича КИТАЕВА

А.Мезяев: Владимир Сергеевич, мы только что отметили 50-летие установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Кенией. Вы были Чрезвычайным и Полномочным Послом в этой стране. Расскажите, пожалуйста, о том, как начиналась Ваша дипломатическая миссия в Кении и как развивались наши отношения в этот период…

В.С. Китаев: В конце 70-х годов судьба меня забросила на африканский континент. И с африканской проблематикой мне довелось проработать 15 лет. Если можно так сказать лирически, моей первой любовью была Европа, а Африка – это моя вторая любовь. Я с большим уважением отношусь к народам Африки, африканской культуре, африканской цивилизации. Континент очень большой, разнообразный, население около миллиарда человек, очень интересные люди, доброжелательные, общительные, называют друг друга «братья и сестры»…

В 1978 году я прибыл на дипломатическую службу в Алжир, затем был послом в Гвинее. В 1987 году меня вызвали на совещание в Москву и предложили стать заведующим Африканским отделом МИДа, я согласился. Потом уже, когда в 1988 году МИД возглавил Э.Шеварднадзе, три африканских отдела в МИДе объединили в один, а меня направили послом в Кению…

Кения очень интересная страна. Отношения с ней развивались у нас не прямолинейно и непросто. В Кении большое влияние имели и имеют сейчас англичане. Это была их любимая

колония, они считали ее местом для выезда на дачи из туманного холодного Лондона. Кения к тому же была одной из стран, которая добилась своей независимости вооруженным путем. Такая же вооруженная борьба была в Алжире, отчасти в Гвинее, в Гане, в Египте. В 1952 году образовалось движение мау-мау. Это были бедные безземельные крестьяне и бывшие солдаты английской армии, которые воевали во время Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции. Когда они вернулись домой – тут не было ни свободы, ни земли для крестьян, все было захвачено английскими поселенцами и людям некуда было деваться, тогда они пошли бороться за независимость и землю. Они сосредоточились возле горы Кения, они там скрывались и воевали против английского колониального господства до 1963 года. Там были свои военные структуры, свои главнокомандующие, которых называли генерал Россия, генерал Китай – в зависимости от влияния… Англичане не могли ничего сделать более десяти лет, а кенийцы не хотели против своих же воевать. Параллельно с вооруженной борьбой шла политическая борьба, которая была неоднозначная, были революционные демократы, прогрессивные силы, даже документ такой выпустили – «Путь Кении к социализму», африканский социализм». Были и национал-реформаторы, которые стояли на пробуржуазных, прокапиталистических позициях. Джомо Кениатта, первый президент Кении, прогрессивный, в общем-то, человек. Англичане очень сопротивлялись предоставлению независимости Кении, старались всячески предотвратить этот процесс. Они сначала дали внутреннее самоуправление, типа автономии в рамках колонии. 12 декабря 1963 года они были вынуждены согласиться с признанием независимости Кении, а уже 14 декабря мы установили с ней дипломатические отношения. Первым послом был мой тезка Владимир Сергеевич Лавров,[1] и шестым послом в 1989 году приехал я. Отношения были почти на нуле, потому что президент Даниэль арап Мои боялся, что против него выступают оппозиционеры луо, которых якобы поддерживают Советский Союз и другие прогрессивные силы, у них какие-то письма оказались, где говорилось о поддержке с нашей стороны, мол это работа КГБ… И послы, видимо, тоже свою какую-то позицию занимали. Дело дошло до того, что послов не принимали нигде, им был запрещен выезд из Найроби, никаких связей не было, туристам визы не давали и другим советским гражданам тоже. Заправляли всем англичане и заправляли всем правые силы. Мы здесь договорились с тогдашним кенийским послом в Москве, чтобы он попросил, чтобы верительную грамоту у меня приняли побыстрее. Я не хотел сидеть и ждать, как некоторые послы, по нескольку месяцев. Помогло мне одно чрезвычайное обстоятельство: начинался учебный год в наших вузах, а кенийцы приезжали до двухсот человек на учебу к нам.

А.М.: То есть мы принимали кенийских студентов, а кенийцы не давали визы нашим гражданам?

В.С. Китаев: Вот в том то и дело! И вот конец августа, начинается учебный год, а разрешения из Москвы насчет приема в российские вузы нет. Прошло дня два – мне звонок от министра иностранных дел (а я сначала должен министра иностранных дел посетить, передать ему копии верительных грамот, и только потом к президенту). Меня просят срочно приехать. Приезжаю, а мне говорят, что случилось неприятное явление, что наши студенты должны ехать, а разрешение из Москвы не поступает, ехать или не ехать им туда, прошу прояснить, в чем тут дело. Отправил в МИД депешу, и вопрос решился. Через пару дней мне опять звонок: президент Мои приглашает меня для вручения верительной грамоты. Поняли, что посол что-то может сделать, что в первые же дни, еще официально не став послом, уже помог. Значит, надо принимать. Мне повезло, что в мой период в Кении было спокойное время, всех оппозиционеров Мои «прижал», КГБ больше не боялись, а тут я – новый посол. И вот, когда было вручение верительных грамот и когда президент произносил ответную речь, я подумал, вот если сейчас просто уйду от него, в следующий раз я к нему приду, только когда прощаться буду, и больше я его никогда не увижу. В нарушение всех правил, когда он закончил речь, я

[1] Ниже публикуется выдержка из воспоминаний В.С. Лаврова (написавшего свою книгу под псевдонимом Л.Владимиров).

сказал: «Господин, президент, можно я скажу вам несколько слов, дополнительно к официальной процедуре?». Шеф-протокол мне руку уже дергает, что все, процедура закончилась. И я сказал: «Знаете, господин президент, я с большим уважением отношусь к президентам африканских стран и знаю их роль, роль президента в своей стране. По моему предыдущему опыту я прошу вас сделать так, чтобы я имел возможность вас лично посещать и иметь с вами личные беседы, минуя протокол». Он так «поежился», помолчал, за руку попрощался, он в этом отношении очень сдержанный и лишних слов не говорит. Ну, думаю, поживем – увидим, что и как. Примерно через неделю – звонок в посольство, звонит секретарь президента, англичанка, и говорит, что президент вас лично завтра хотел бы принять в восемь утра для беседы один на один, приезжайте, вас тут встретят. Через пять минут шеф-протокола звонит из МИДа и говорит: «Господин посол, вам сообщили, что у вас встреча с президентом?». Я говорю: «Сообщили». И вот, пришел к президенту, продумывал, что говорить, вроде кризисная точка в наших отношениях прошла, визу мне дали быстро, приняли меня быстро, президент пошел на мое предложение о личной встрече. Пришел и говорю: «Господин президент, я не хочу касаться прошлого, что было до меня, то было, меня интересует будущее, что у нас с вами будет. Я выступаю за развитие отношений в политической сфере, за нашу совместную борьбу за мир, за международную безопасность, за разоружение, за сокращение войск, здесь у нас с вами позиции совпадают, и тут мы можем с вами вполне сотрудничать. Готов поддерживать связи с вашим МИДом. Мы за экономическое сотрудничество. Вот, вы получаете нефть с Ближнего Востока и потом на грузовиках везете эту нефть по всей стране, включая ваши западные округа на границе с Угандой. Давайте, мы вам поможем сделать нефтепровод, вы прекрасно знаете, что у нас опыт есть. Мы всю Сибирь опоясали нефте- и газопроводами, мы и здесь у вас сделаем. В Алжире, вы знаете, мы тоже помогали. Тем более у вас триста километров, там мы по тридцать тысяч километров прокладывали». Он заинтересовался. Я дальше: «Второй момент: Кения богата природными ресурсами, мы знаем, что здесь у вас работали геологи – англичане, французы. Знаем, что французы дали вам доклад по вашим природным богатствам. Вы уверены, господин президент, что они вам все сказали? Давайте, мы попросим наших геологов, они опытные люди, приедут и посмотрят, причем не так, как французы, а из космоса. Мы ведь космическая страна, в космосе с 1961 года. И третий момент. Кто у вас строит промышленные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы? Англичане. Давайте, мы вступим с ними в кооперацию, они вам дают кредиты, технику, а мы дадим вам рабочую силу». Он мне ответил: «Знаете, господин посол, то, что вы мне сказали, очень интересно. У нас министр экономики, он, правда, под английским колпаком, поговорите с ним, я ему позвоню, он вас с удовольствие примет. Хотя он никогда не принимал советских послов, только английских. И продолжайте с ним действовать». И тогда я сказал, что я готов действовать, но я со связанными руками, так как вы не разрешаете выезжать советскому послу. Он удивился: «Как так?». Стали прощаться, и мы пошли в комнату секретариата. И он при мне же дал команду шефу безопасности, чтобы с сегодняшнего дня советский посол имел возможность ездить, куда он хочет, по Кении, никаких препятствий ему не создавать. И мне сказал: «Господин посол, Вы все слышали, можете свободно ездить». И так получилось, что это разрешение, которое выдавали на меня, распространили на все социалистические страны.

А.М.: А этот запрет касался всех дипломатов? Или только из социалистических стран?

В.С. Китаев: Ну, другие этот запрет нарушали. Но я не хотел идти на это, хотя тоже мог. Потом объясняться с полицейским на дороге, у меня же и флажок свой, и номер свой. После этого, недели через две, на северо-западе страны университет открывают, и мне как обычно прислали приглашение. И я поехал. Приехал туда, показали нам, дипломатам, новый университет. В это время приехал президент в сопровождении своих министров, человек 15. А я всегда держался впереди, так как представляю великую державу. Он меня увидел, подошел, обнял и говорит: «О, советский посол, мой большой друг!». И вот после этого я уже любо-

му министру спокойно звонил, так как я теперь был большим другом президента, и никаких проблем не было. Вот так, шаг за шагом, посол должен проявлять инициативу и не бояться. В отношении виз. Этот вопрос зависел от двух министров – безопасности и миграционной службы. Ну, думаю, надо начинать с министра безопасности. Москва руководила все-таки нами умно. Прислали нам офицера безопасности, который должен был следить за безопасностью коллектива. И вот мы пошли вместе с нашим офицером безопасности к кенийскому министру безопасности. И министр говорит: «Вот, мы раньше с опаской относились к вам, с осторожностью, а вы сами приводите мне вашего офицера безопасности. Мы страшились вашего КГБ, а тут к нам сам КГБ и пришел». Я говорю: «Если у вас есть вопросы, мы готовы, мы все вопросы решим». Министр сказал, что вопросов нет. Тогда, я поинтересовался, почему не даются визы в вашу страну. Он сказал, что не будет с нами на эту тему разговаривать, а позвонит шефу миграционной службы, чтобы он нас принял. Через день мне из миграционной службы звонят и спрашивают, когда мне удобно нанести им визит. Прихожу я к нему с одной такой папочкой, и мы с ним поговорили о сложности получения виз. Он ответил, что все это недоразумение, плюс еще старое влияние. На что я ему ответил, что со старым нужно покончить и начать новую страницу, нам надо помогать друг другу, и протянул ему папку, где были досье на четырех человек, которые хотели нелегально пробиться в Москву, их арестовали, так как их кенийские паспорта оказались фальшивыми, вот копии этих паспортов, проверяйте, кто их сделал. Он меня поблагодарил и сказал, что будут с нами сотрудничать: «Все визовые проблемы снимаются, все приезжие, в том числе и туристы, пусть в аэропорту проходят к начальнику пункта и скажут, что шеф службы разрешил выдавать визу. А если вы сами будете в аэропорту кого-то встречать, то это будет для нас гарантией, и наши офицеры сами поставят визу». После этого разговора визовые вопросы были сняты. Поэтому надо шаг за шагом, не стесняться, постепенно так идти.

Был я и у министра экономики. Все ему рассказал, он тут же при мне дал команду проверить возможности. Англичане, конечно, палки в колеса вставляли. Но дело в том, что сама обстановка, атмосфера изменилась во всех этих делах.

А.М.: Назревает вопрос. Вы в абсолютно проанглийском государстве вдруг развили такую активную и успешную деятельность, что трудно предположить, что западные страны не пытались Вам препятствовать…

В.С. Китаев: Пытались.

А.М.: Вы не могли бы рассказать об этом?

В.С. Китаев: Видите ли, там много было английских советников, английских консультантов и английских чиновников.

А.М.: Включая секретаря президента… Вы сказали, что она была англичанка.

В.С. Китаев: Она была англичанка, но гражданка Кении. Я установил дело с британским послом. Он еще служил в колониальной администрации. Он прекрасно знал Кению. И его кенийцы прекрасно знали и прекрасно к нему относились. Он знал, что я делаю, агентура и чиновники ему все докладывали, что новый советский посол тут «шурует», причем беззастенчиво. И он мне симпатизировал. И вот, когда я к нему пришел, я ведь должен наносить визиты вежливости своим коллегам, мы с ним очень хорошо побеседовали. Насчет экономического сотрудничества я сказал, что мне трудно с вами соревноваться, вы тут все позиции занимаете. Я сказал: «Вы ведь хотите сделать из Кении развитую страну, «витрину западного мира». Что нам в этом отношении сделать?». Тут ведь у нас уже Горбачев был, новое политическое мышление, новые связи, веяния. Вот он и подсказал мне, что нам нужно создать совместную кооперацию. Потом я связался с английским министром. И тут тоже дело случая. Пошел я в бассейн, а там все высокопоставленные лица, тут и поговорили. И у меня в 8 утра в бассейне есть комментарии из первых рук, того, что происходит в Кении. Я прихожу в посольство, там

у нас в 9 утра начиналась работа, и там проходит оперативное совещание. Надо всегда контактировать со всеми, чтобы быть в курсе событий. В Генштабе кенийском тоже был, находится прямо в соседнем доме от моей резиденции, вели разговоры о том, что наши страны не представляют друг для друга никакой опасности. И чтобы не было никаких недоразумений, подарил им брошюру на английском языке о советских вооруженных силах. После этого отношения тоже улучшились. Попросил у начальника Генштаба разрешение на установку антенны для просмотра телепередач из Москвы, вот если хотите, сказал я им, я четвертый кабель проведу в Генштаб, все, что я смотрю по телевидению, будет смотреть Генштаб, и через день я получил разрешение на установку антенны. 12 декабря национальный праздник Кении – День независимости, они устраивали парад, пригласили дипкорпус. У них на площади застрял танк, и другие должны были его обходить. А рядом со мной сидит английский военный атташе, я ему и говорю: «Знаете, если у нас в Москве на Красной площади во время парада что-то происходит, всегда стоят резервный тягач и танк, у нас ведь не батальон один идет и не одно артиллерийское орудие, и если что-то случится, тягач подъезжает и оттянет в сторону. Вы бы тоже могли другой танк поставить, а тягач бы оттянул. Через несколько дней вдруг звонок в посольство: «Знаете, господин посол, к нам приехал заместитель министра обороны Великобритании проверять английские военные базы здесь в Кении. Через пару дней мы могли бы встретится у нашего посла. Вы согласны встретиться с ним?». Я говорю: «Ну, раз приглашаете – приду». И вот британский посол мне говорит: «Мы знаем, что вы критикуете нас, что мы имеем сеть военных баз, в том числе и в Кении, да, это так и есть, но ведь у вас тоже есть в Казахстане, в Туркменистане, там солнечно, вам там можно тренировать круглый год, а нам где в Англии тренировать? Поэтому мы вынуждены идти в наши бывшие колонии и там устраивать тренировки и военные маневры». И еще говорит: «Никаких против вас козней здесь не строим и никаких со стороны Кении военных действий против Советского Союза не будет. И я хочу, чтобы советский представитель в Кении об этом знал». Я им сказал: «Вот, мы в Индийском океане вместе работаем, ваши британские солдаты, американские и наши. Но вы и американцы можете в любой порт в Индийском океане зайти. А куда нашим зайти? Есть порт Момбаса в Кении, куда мы можем зайти. Конечно, это решают кенийцы, но мы понимаем, кто и как это решает в Кении. Вы можете помочь в данном вопросе?». На что он ответил: «Господин посол, считайте, что ваши корабли могут заходить в порт Момбаса». И это потом получило развитие, когда произошли кровавые события в Сомали, когда там «драка» началась между разными кланами, когда оказались под угрозой иностранные специалисты, которые в Сомали работали, там 12 человек наших было тоже, несколько сотен американцев и англичан. Они послали туда свою эскадру. И говорят, что могут и ваши эсминцы подойти, чтобы забрать и ваших людей. Вам же проще будет ваших людей забирать. Вот мы и вывезли наших людей и привезли в Момбасу.

А.М.: Владимир Сергеевич, можно тогда задать последний вопрос? Вы говорили о тех трех пунктах, которыми Вы покорили Даниэля арапа Мои и растопили лед в наших отношениях. Расскажите, пожалуйста, удалось реализовать вот эти проекты?

В.С. Китаев: Часть удалось реализовать. Космическую геодезию сделали, нам было самим интересно. Вот этот институт у нас был заинтересован проверить свою аппаратуру в действии в африканских условиях.

А.М.: Вам не удалось узнать, французы все рассказали кенийцам?

В.С. Китаев: То, что они не хотели, они не рассказали…

****

ИНТЕРВЬЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КЕНИЯ (2005-2008) Валерия Евгеньевича ЕГОШКИНА

А.Мезяев: Валерий Евгеньевич, каковы, на Ваш взгляд, сегодняшние российско-кенийские отношения? В мае этого года Минсельхоз России заявил, что Кения – это главный российский партнер на континенте…

В.Е. Егошкин: Я боюсь, что это несколько преувеличено, хотя как бывший посол в Кении я делал многое для укрепления наших отношений, может, что-то и получилось…. Но думаю, что все-таки это преувеличено. Во времена моей работы там было очень сложно делать подвижки. Кое-что удалось сделать, но не думаю, что очень сильно изменилась ситуация…

А.М.: Вы были Чрезвычайным и Полномочным Послом в Кении с 2005 по 2008 годы. Расскажите, пожалуйста, как складывалась Ваша работа в Кении в этот период и какие были политические взаимоотношения?

В.Е. Егошкин: Для меня Кения была страной малоизвестной, так как до этого я занимался северной Африкой, затем в министерстве я занимался закавказским направлением и Турцией, балканским направлением, Украиной. Поэтому англоязычная Кения для меня была тогда довольно далека. Тем не менее, мы уже достаточно давно имеем дипломатические отношения с Кенией, и для дипломата это довольно престижно работать в Кении, жить и работать там очень комфортно. С точки зрения работы были определенные трудности. Я сразу начал изучать язык суахили, мое произношение было довольно хорошим из-за моих знаний арабского, который является составной частью суахили, и многие думали, что я свободно разговариваю на суахили.

А.М.: Это редкость, когда послы умеют разговаривать на суахили…

В.Е. Егошкин: Да, это, действительно, редкость. Наши послы суахили не знали. Это язык, на котором говорят и выступают, поэтому, когда кто-то выступает, а ты не понимаешь, это довольно грустно. Очень мало зарубежных послов владели этим языком. Традиционно Кения ориентирована на Запад, хотя при установлении дипломатических отношений социалистические страны оказывали свое желание завязать их. Мы были одними из первых, кто установил дипотношения с Кенией, Германия была первой, а мы вторые. У нас началось активное сотрудничество. Но те представители руководства Кении, которые хотели строить отношения с СССР, прежде всего Одинга, были вскоре устранены от руководства страной, и началась прозападная политика. И в этой связи начался период, когда, с одной стороны, послу было работать комфортно, и в то же время работать было тяжело. Была постоянная слежка. Даже если обычный кениец окажется рядом с нашим посольством, его тут же увозили и допрашивали, что он там делал. Не говоря уже о тех, кто заходил к нам за визой или оформлением каких-то документов. Даже митрополит Макариос рассказывал, что когда он приехал в советское посольство для получения визы, то, выходя из посольства, видел, как привезшему его кенийцу, кстати, уважаемому человеку, профессору университета, заламывают руки и ведут в поли-

цейский автомобиль. После этого этот кениец не только больше не ездил в наше посольство, но чуть ли не отрекся от православия. Действовали так вполне сознательно, чтобы отвадить людей от посещения советского посольства. Конечно, подобного рода мероприятия очень поддерживались западными спецслужбами.

А.М.: А такие действия велись только против посольства СССР или против всех соцстран?

В.Е. Егошкин: Я предполагаю, что такие действия велись против всех соцстран, в том числе и против китайцев. А в западные посольства можно было ходить спокойно. Мой период – это когда Кения стала отказываться от односторонней ориентации на Запад, стала прекращаться слежка, которая была раньше. Но это не значит, что сразу произошли большие изменения. Приезжали представители наших компаний, но больших интересов не нашлось и к поиску нефти и газа. Видимо, пройдет время – и мы созреем, чтобы активно работать с Кенией. А я считаю, что с Кенией работать нужно.

А.М.: Можете ли Вы выделить самый яркий проект наших взаимоотношений с Кенией, когда Вы были послом?

В.Е. Егошкин: В экономическом плане мне сразу сложно что-то назвать, а в политическом у нас особых противоречий не было. Мы часто оказывали помощь при засухах, поставляли муку, зерно…

А.М.: Эти инициативы выдвигало посольство?

В.Е. Егошкин: Посольство всегда инициатор, всегда выдвигает массу инициатив, но не всегда они принимаются. А когда с этой инициативой согласен центр, то это всегда хорошо. Развивались активно парламентские отношения, приезжал глава Совета Федерации. Приезжали представители различных министерств, организаций. Недавно был ответный визит в Россию председателя парламента Кении, он закрепил многие договоренности межпарламентских отношений. Достаточно активно взаимодействовали на культурном уровне, устраивали выставки художников, приезжали танцевальные коллективы, хотя все это не финансировалось. Помогли белорусскому театральному колледжу выступить в Кении, на концертах присутствовал бывший президент Кении Мои. Он и принимал этих студентов, и выступал, в целом его структуры спонсировали мероприятия. Впрочем, через культуру мы смогли достучаться до многих вопросов. То, что частные кенийские структуры спонсировали мероприятие, – это большая редкость, обычно обладатели миллиардов сами ходят с протянутой рукой, а тут вызвались спонсировать мероприятие. В ноябре 2010 года приезжал С.В. Лавров, в ходе визита мы провели выставку уникальных фотографий, которые хранятся у нас в Кунсткамере. Кенийцы о них не знали. Так как опять наше государство не выделило деньги на культурное мероприятие, вновь помогли кенийские предприниматели, с которыми у посольства установились особые отношения. Главное работать. В мой период посольство не сидело спокойно, и даже если не все у нас получалось, мы работали. Вот сейчас наши наработки начинают давать свои плоды.

А.М.: У меня есть уточняющий вопрос: Россия в основном покупает в Кении чай, кофе и цветы, а что Кения покупает у России?

В.Е. Егошкин: В основном мы поставляем муку, зерно, некоторые металлы. Правда, не все поставки прямые, много поставляется через западные фирмы. Мы пытались проработать возможности поставки тракторов, наладить сотрудничество в области строительства железных дорог и реконструкции уже имеющихся дорог. Есть такая потребность у Кении, есть такие возможности у нас, но пока Кения заинтересована в поставке минеральных удобрений, холодильников, стиральных машин… Кенийцы проявляли интерес к поставкам хрусталя. Есть сейчас один проект, который осуществляется компанией «Ренессанс капитал» по строитель-

ству коттеджей бизнес-класса в Найроби… У нас есть что поставлять в Кению, но заинтересованность со стороны наших пока довольно низкая. Была заинтересованность в строительстве портов. Мы хотели продвинуть наш «Суперджет». Варианты существуют, важно их выявлять и реализовывать. Когда наше давление ослабевает, то и Кения забывает…

А.М.: У нас не было крупных удач, а были ли у нас крупные неудачи?

В.Е. Егошкин: Я бы не сказал, что у нас были крупные неудачи, мой период пребывания был отмечен тем, что не было стабильности, было не совсем безопасно, были периоды межнациональных столкновений, и все-таки больших разочарований не было. Мы исходили из того, что постепенно вода камень точит, и мы вели планомерную, спокойную политику.

А.М.: Я хотел спросить о событиях 2007-2008 годов, эти события являются сейчас объектом рассмотрения в Международном уголовном суде. Как они затронули посольство России? Как Вы считаете, каковы были причины этих событий – внутренние или внешние?

В.Е. Егошкин: Обстановка была сложная, и главное не оказаться в ненужное время в ненужном месте. Этот конфликт не был направлен против России, но если попасться под горячую руку, то будет неважно, чей ты дипломат. Если говорить о причинах столкновений, то прежде всего причины внутренние, если и были причины внешние, то, скорее всего, из-за того, что многие западные державы хотели, чтобы президент оставил свой пост, чтобы пришел кто-то другой. Внешний фактор тоже сыграл свою роль. В конечном счете, был привлечен Кофи Аннан, мы тоже занимались урегулированием этих конфликтов, хотя мы играли далеко не ключевую роль. И вот уже долгое время Кения существует без такого рода столкновений.

А.М.: После общения с большим количеством наших послов, которые работали в Африке, можно сделать вывод, что Запад вел довольно недружественную политику в отношении российских посольств. Об этом, в частности, много писал наш посол в Замбии Василий Григорьевич Солодовников.[1] Не было ли провокаций со стороны западных спецслужб в отношении наших посольств в Кении?

В.Е. Егошкин: Западные спецслужбы активно работали, но откровенных выпадов не было, хотя такие моменты были, но этот период уже прошел.

А.М.: Можете ли вы привести пример таких провокаций?

В.Е. Егошкин: Были моменты слежки, бывали случаи недружественных публикаций в печати. Например, говорилось, что за Одингой[2] охотится русская мафия и его хотят убить, на самом деле это были турки армянского происхождения, но о них говорили как о «русской» мафии. После нашего активного демарша вход армянам в Кению был закрыт. Была публикация, где человек грабит банкомат, и писали, что, дескать, это российский дипломат грабит банкомат, но на самом деле это был болгарин. И вот такими булавочными уколами нас пытались провоцировать, скомпрометировать, но, как правило, нам удавалось вернуть себе честь и показывать позитив.

А.М.: В конце 2011 года МИД России включил Кению в список стран, посещение которых не было рекомендовано. Как Вы считаете, какова ситуация с безопасностью в Кении и в регионе в настоящее время, учитывая, что Кения также является объектом

[1] См., например: Солодовников В.Г., О попытках ЦРУ осложнить советско-замбийские отношения // Африка в воспоминаниях ветеранов дипломатической службы. – Вып. 5 (12), Институт Африки РАН. – М. 2004. – С. 261-282.

[2] Видный политический деятель Кении, депутат парламента, министр жилищного строительства, министр энергетики. В 2008-2013 годах – премьер-министр страны.

терроризма? Каково Ваше мнение о том, в чем состоят его главные причины? Почему именно Кения стала объектом террора на протяжении последних лет?[1]

В.Е. Егошкин: Я бывал в разных странах, и, как правило, эти страны не всегда были благоприятны с точки зрения безопасности. В Алжире я работал послом в период, когда там был терроризм, постоянные угрозы и т.д. У нас была охрана, я перемещался на бронированной машине. В Кении, казалось бы, не было угроз политического свойства, однако в последние годы ситуация изменилась. Вспыхнули внутриполитические, межэтнические конфликты, которые, хотя и были приглушены, но окончательно не были ликвидированы. Там в свое время и аль-Каида активно работала. Мне даже приходилось общаться с некоторыми кенийцами, которые рассказывали, как их привлекали к работе против Аль-Каиды. Вот эта ситуация и послужила причиной для рекомендации МИДа.

А.М.: Валерий Евгеньевич, в 2008 году, когда Вы еще были послом в Найроби, министр иностранных дел Кении заявил во время визита в Москву, что к 2012 году планируется повысить число российских туристов в Кению до 50-100 тысяч человек в год. Однако по официальной информации 2011 года число туристов из России было всего около 8 тысяч, хотя динамика достаточно резкая, увеличение почти в два раза, но цифры явно несопоставимы с поставленными планами. Не могли бы Вы несколько слов сказать о том, каковы перспективы развития наших отношений в области туризма? И еще. Вы большой знаток африканского искусства. Расскажите, пожалуйста, что можно увидеть в Кении именно с точки зрения культурной, а не просто традиционного отдыха на морском побережье Момбасы или сафари, на чем обычно делают акцент туристические фирмы?

В.Е. Егошкин: Когда я приехал в Кению, в то время у нас посещало эту страну всего около 900 туристов в год. Мы начали активную работу в области развития туризма, сориентировали кенийские организации, как работать в Москве с российскими туристами, как лучше представить Кению. Но вот те события, которые произошли затем в стране, тот факт, что страна не самая безопасная, несколько снизили эффект. Хотя, с точки зрения организованного туризма, в общем проблем, как правило, не возникает. Я, например, не встречал недовольных. Те, кто хочет посмотреть в первую очередь животных, покупаться в океане, они получают свое.

С точки зрения культурных памятников, которые следовало бы посетить, есть такие в числе интересных объектов для посещения, например остров Лама. Это остров-город, который является отражением типичной культуры суахили. Это культура, возникшая за счет какой-то степени смешения местного населения банту, с арабами. Я достаточно часто ездил на этот остров отдыхать и чувствовал себя достаточно комфортно. Наши туристы почему то не часто туда ездят, в то время как для западных туристов это точка притяжения. Там проводится фестиваль культуры. Я там был неоднократно, и мне как арабисту там было очень интересно. Есть еще острова вокруг Ламы, которые можно и нужно посещать, там есть старинные развалины исламского периода, музеи, форты. Это такие достопримечательности, которые просто интересно посетить. Очень познавательно посетить страну масаев, их уникальную культуру.

[1] В момент сдачи журнала в печать террористическая активность в Кении вспыхнула с новой силой. Только в первой половине 2014 года произошло 6 крупных терактов. 1 апреля в Найроби 2 одновременных взрыва унесли жизни 6-ти человек и несколько десятков человек были ранены. 23 апреля также в столице при взрыве бомбы погибли 4 человека. 3 мая во время теракта в порту Найроби погибли 3 человека. 4 мая – новый одновременный теракт в автобусах, погибли 3 человека и более 60-ти ранены. 16 мая – двойной теракт на рынке Гикомба в Найроби, погибли 10 человек. 16 июня – нападение террористов на город Мпекетони, в том числе на полицейский участок, погибли 48 человек. Кроме того, несколько терактов было предотвращено. 14 марта в Момбасе были арестованы 2 террориста, имевшие при себе 2 бомбы. 19 марта кенийская полиция обнаружила в одной из припаркованных у полицейского участка машин несколько сотен кг взрывчатки.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**Paul Kurgat, Pages of the History of the Kenyan-Russian Diplomatic Relations*
**С.Я. Синицын, Из истории установления дипломатических отношений между СССР и Кенией*
**Л.Владимиров, Из воспоминаний первого посла СССР в Кении*

PAGES OF THE HISTORY OF THE KENYAN-RUSSIAN DIPLOMATIC RELATIONS

Paul Kurgat[1]

Kenyatta's Early Contacts: A Precursor to Kenya – Russian Relations

The following sections will attempt to interpret and evaluate Kenya – Russian relations having in the background that Kenya have most of the same characteristic of a third world African country. «The Kenyatta Moscow Years, 1929; 1932-1933»[2] is picked as a special case study to explain events and positions of various actors in the decolonization process, post independence cold war politics and Kenya – Soviet lukewarm relations overtime. Kenya – Soviet relations were as ambiguous as *neizvestin Keniata v Moskve* (ambiguous/ unknown Kenyatta in Moscow).[3]

Jomo Kenyatta joined the struggle to liberate Kenya from the yoke of colonialism in the 1920's. He was born in 1889 at Ichaweri Village, Gatundu Division, Kiambu District, Kenya. He was Kenya's founding father, prime minister in 1963 and president of the Republic of Kenya, 1964-1978. Still in his late 20s, Kenyatta was appointed by one of the liberation movements, the Gikuyu Central Association to go and present the land grievances of the Kenyan Africans to the authorities in England, because he had received missionary education and editor of *Mwikwithania* newspaper. Kenyatta like other great figures in History remains an enigma. Since he never wrote his own memoirs, he left historians and other interested groups imagining him and creating different images of him.[4]

Kenyatta's age dates 1889-1978, the founding father of the nation, traversed Continents and this period spurred so many important developments in Kenyan History. Kenyatta was the first Kenyan political leader to tour the Soviet Union/Russia and Eastern Europe. It was mainly through the subsequent expansion of his contacts with outside world that Kenyans came to be involved in Soviet Union/ Russian experience. Arriving in Europe late 1920's and early 1930's, Kenyatta traversed the Soviet Union/Russia, Eastern Europe and Western Capitals attending labour conferences, teaching Kiswahili, taking up University studiers, writing protest letters to newspapers and party leaders worldwide on the exploitation of Kenya's human and natural resources by the British colonialists. Kenyatta caused increased awareness of the strategic significance of black Africa, gave further impetus to concern about the colonial evils in the Continent and fostered attempts by progressive forces to intervene.

An analysis of Kenyatta Moscow years 1929 and 1932-1933 shades light on the Soviet Union's/ Russian influence and contribution to Kenya's liberation struggles, gives the insight factors guiding the formulation and implementation of Kenya's foreign policy and specifically it will shade light on the post-colonial Kenya-Soviet Union/Russian bilateral relations in particular and Eastern Europe in

[1] ***Paul Kibiwott Kurgat*** **–** Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kenya in Russian Federation. His excellency Paul Kurgat was a lecturer in international relations, conflict and conflict resolution, researcher in the Department of history, political science and public administration, Moi University.

[2] Pegushev A.M., Afrikanskij v Komintern: Neizvestnij Keniata (Africans and the Commintern: The ambiguous Kenyatta). *Vostok,* No. 4, 1997, pp. 37-49; Suchkov, D.I., Djomo Keniata v Moskve (Kenyatta in Moscow). *Vostok;* No. 4, 1993, pp. 106-121; Pochevskii, B.A., *Vneshnjaja Politika Kenii* (External Politics of Kenya). Moskva: Mezhdunarodnye Otnoshenija, 1987.

[3] Ibid

[4] Murray-Brown, J., *Kenyatta,* New London. George Allan and Urwin, 1972, pp. 189-199.

general. Finally, this study is expected to fill of the grey areas in the biography of the late president Kenyatta (1895-1978).

Kenyatta's long stay in Europe[1] includes his Moscow years (1929; 1932-1933). Though, his contribution towards the struggle proper was minimal, and generally he did not lose touch with the liberation straggle at home.[2] Others equate him with George Washington (USA), Gandhi (India), and Nkrumah (Ghana).[3] Kenyatta's Moscow years have been publicly mentioned only after the collapse of the former Soviet Union, by Russian researchers[4] and later Kenyan scholars. It is now an established fact, that Kenyatta was in Moscow (1929 – 1932-1933) either/or attending International labour conferences, as a university student, and/or teaching Kiswahili at the Department of Foreign Languages[5] at the Communist University of the Toilers of the East.

Kenyatta supervised and participated in the grand political and socio-economic changes in the post colonial Kenya (1963-1978), and he had indicated in the Kapenguria trials (1952-1953) that one time he joined Moscow State University.[6] The British intelligence had been suspicious of his activities both in Kenya and Europe and indicated that he had briefly joined the Communist Party.[7]

The ascending into power by Eltsin supported by Communist majority in the Duma, and the collapse of the former Soviet Union in the early 1990s made available archival documents from the former Communist Party's Central Archive located at Dmi-trovskaya 15 – renamed in March 1999, the Russian Government Archive of Socio-Political History (RGASPH).[8] Here are found inventories on the activities of the *Komunisticheskii Universitet trudyashisa Vostoka (KUTV)*[9] where Kenyatta was admitted between 1932-1933 as a student later turned Kiswahili Lecturer in the Department of Foreign Languages[10]. Other archival documents include University's admission minutes, records of student's activities, curriculum, and regulations.

A careful analysis of these documents enabled us to answer the following questions: did Kenyatta spend many comfortable years in Europe without any touch with the liberation struggle in Kenya? Was Kenyatta a student at the Moscow State University? Was he a sympathizer and/or member of the Communist Party? Was he a nationalist, reformist or revolutionalist? And finally, was he a linguist? Did Kenyatta's Moscow years influence Soviet Russia-Kenya bilateral relations in general? Do they still influence Kenya-Russian bilateral relations in general? Answers to these questions were core to this research.

Kenyatta visited Moscow[11] first in 1929 from London on what it looked like orientational *safari* (tour) and in particular to attend an International Labour Conference organized by the International Organization for Professionals and Industrial Workers (IOPIW). His second visit which took place 1932-1933 was connected mainly with his studies at the *Komunisticheskii Universitet Trudiyashisa Vostoka (KUTV)*[12] Kenyatta's Moscow years are documented in the archival files found at ARGSPH, and can be divided into three categories. The first category of these documents are files detailing characteristics of individual students, University forms, registers, memorandums, rectors memo's, protocols, departmental minutes, and correspondence between the University administration, *Ispol-nitelni Komitet Komunisticheskovo lntemasionala (IKKI), and Organ glavnaya Politicheskoe Upravlenie (OGPU).*

[1] *The Herald,* Nairobi, 22-28 August, 1999, p. 8.

[2] *The Herald,* Nairobi, 13-19 June, 1999, p. 7.

[3] *The Sunday Nation,* 22nd August, 1999; see also *Sunday Nation,* September 1, 1996, p. 16.

[4] Suchkov D.I, Djomo Keniata v Moskve (Kenyatta in Moscow). *Vostok,* No. 4. – Moscow, 1993.

[5] Ibid; p. 112; and Rossiiskij Tsentr Khranenia i Izuchenia Dokumentov Noveiishej Istorii (RSKIDNI). Collection No. 522, Inventory 113, p. 24.

[6] Murray-Brown, *Kenyatta,* p. 267.

[7] *Encyclopedia Britannica.*

[8] Rossijskij Tsentr Khranenia Izucheniia Dokumentov Noveijshei Istorii (RSKIDNI), Collection No. 532; 534; 495, Inventory No. 198, DNo. 1211.

[9] Communist University of the Toilers of the East.

[10] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory No. 118, p. 15.

[1] RSKIDNI, No. 532 Vol. 143, p. 6.

[2] Peguchev, Neizvestnij Keniata.

The second category of documents are those devoted to the Negro (now a racist term for people of African race) Section – «A», (Kenyatta belonged to this group). These are mainly departmental minutes between lecturers, students, and other departments concerned with this section. The third category is mainly research findings by Africanist – like Andre Shek, and I.I. Potekhin. They wrote and edited reference books, lecture manuscripts on Africa's political-economy and edited students articles destined for publication either in the former Soviet Union, respective African countries or in the various European press organs of the international workers union. These archival documents and the works by Russian Africanists like Dmitri Suchkov and A.M. Pegushev[1] did help the authors very much in the analysis and the understanding of Kenyatta's Moscow years (1929; 1932-1933).

These documents and research works shade light on the early activities of the Soviet/Russian foreign policy and the problems that were faced by its organs i.e. the Komintern[2] and Peoples Commissariat on foreign affairs in harmonizing their activities and those of the multiracial, anti-colonial and nationalistic movements in various parts of the world.

The late 1920's witnessed world economic depression, anti-imperialist movements became a common site and the leftist's with its nerve center in Moscow took the opportunity to rally mass support from their European sympathizers, and the large number of citizens from the colonies already in Europe. When Kenyatta arrived in Britain in 1929 as the General Secretary of the Kikuyu Central Association (KCA)[3], he tried to test the worth of the leftist in Kenya's liberation movement by making contacts with the Fabians, Troskists, Marxists, Labourists, Unionists, and various anti-imperialism leagues. It was through such contacts that Kenyatta on his way back to London from Moscow in 1929, met George Padmore the man who was responsible for his second visit to Russia in 1932-1933.[4]

Padmore was the editor of the *Negro Worker Journal* published in Hamburg, Germany. He made several trips to European capitals on the assignment of the *Komintern.* However, it was not too long before events started changing in the European scenario. Hitler joined the race for Germany's Chancellorship post in 1932. The Nazist's ideology began to spread rapidly, and it became more difficult for the *Negro Worker Journal* to operate in *Deutschland.* However, Kenyatta and Padmore under all the prevailing circumstances, decided to travel to Moscow. He had therefore gone to Moscow not by choice, but by necessity. This earliest information about Kenyatta in Moscow is found in the University's (KUTV) memorandum of admission dated 26th August, 1932.[5] Kenyatta and Padmore were both admitted as students of Negro sector No. 9 (restricted section of the foreigners «A» KUTV[6].

The university was established by the *Vserasiiskim hpolnitel-nim Komitetom Rasiskoy sovetskoy Federativnoy Sosiolisticheskoy Respubliki (PSFSR)* on a decree of 21 April, 1921.[7] The courses and the University calendar were to be supervised by the department of *Narodnii Kommissariat Inostranik Del.* The core objective of creating the University was to train a cadre of revolutionaries for the Soviet-Asian republics, and other regions. It was hoped that this would accelerate revolutionary activities in Eastern and Western European countries and finally spread to the Third World. The University was strictly under the *Vsye Sayuznii Komuisticheskii Parti (VCP(b)) (All union Communist Party, VCP(b))Rasiiskii Komitet Bolshevikov* (Russian Bolsheviks Committee)- which supervised the admission and the curriculum of the students. According to KUTV's admission minutes dated summer 1932, Kenyatta had gone to Moscow from England where he had arrived in 1929, as a representative of the Kenyan people to petition against the partition of Kenya by the colonialists. He had too attended a congress organized by the anti-imperialist league in the United Kingdom in 1929.

[3] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, (Kenyatta in Moscow), *Vostok,* 1993, № 4, p. 109.
[4] Communist International (Komintern).
[5] RSKIDN, Collection No. 532, Inventory No. 439, p. 6.
[6] Suchkov D.I., Djomo Keniata v Moskve, p. 107.
[7] Ibid., p. 107.
[8] Ibid., p. 107.
[1] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 109.

He visited USSR the same year briefly to attend another conference of the International Trade Union Committee of Negro Workers (ITUCNN).[1]

However, Kenyatta arrived again in the USSR in the company of Padmore to pursue university education. Both were enrolled at KUTV in August 1932.[2] The minutes of the university's administrators dated 20th September, 1932 indicate that Pokravski – rector, Vaedman – head of the Secret Service Department *(OGPU)* and Ko-tenikov – of the *Ispolnitelni Komitet Komunisticheskovo International (IKKI)* met and approved the list of students seeking admission and the support staff. The administrators were particularly pleased with the presence and admission of George Padmore' a well-known Communist sympathizer. However, the administrators were suspicious of Kenyatta. They deferred his admission temporarily directing that he be isolated from KUTV hostels to allow more time for scrutiny and clarification of his documents.[3]

A close analysis of the archival documents on admission shows inscription made using a red marker endorsing «count it checked». The documents also capture the names of students and support staff marked «check their autobiographies», confirm their state of health with the University's (KUTV) clinic and/or simply «inquire from *Narodnii Commisariat Inostranik def»* Finally, after undergoing all the admission procedures and admission granted, small study groups were formed to start embarking on the one year course. Classes began on Г[1] September 1932, but Kenyatta did not attend them immediately. According to the class register, Kenyatta, fellow students, Hermilton, and Roge arrived at the University 2nd September. Hermilton and Roge started attending lectures from the 3rd September, 1932, and Kenyatta attended lectures from September 4th, 1932.[4] Johnstone Kenyatta was already abbreviated Joken. Some of the students did not give their true surnames initially to the administration making it difficult to identify them to-date. Most of the students including Kenyatta, and Padmore arrived in the USSR from Europe. There were only three students, who came from Africa directly and were always dubbed or referred to as «the Liberian group».[5]

In Russia, Kenyatta was regarded as a symbol of liberation movements in Africa and, in particular, Kenya. He was among those who were curious to know more about the Soviet system and how it could benefit the liberation movement. Influenced by the Soviet rhetoric of internationalism they travelled to the land of socialism for education and/or intellectual experience. The Soviets understood little about Africa and Africans and particularly the separation between race and class struggles. According to Matusevich[6] it was this misunderstanding that tempered the early enthusiasts of the Soviet Union who got disillusioned with Moscow's conspicuous inability to recognize the importance of race as a vehicle of political discourse. For example Jomo Kenyatta and George Padmore (both one time residents in the USSR) in due course traded Soviet Communism for nationalist and Pan-African aspirations respectively. He coordinated and established contacts with various international and regional anti-imperialist movements.

In 1927, the Scientific Research Association on National and Colonial Problems (SRANCP) was established, and it's Motto «Read the lids under which the University exists on». The director of SRANCP also doubled as the rector of KUTV. Kenyatta, arrived in Moscow when Joseph V. Stalin, was the new leader of USSR. The «Closed and cleansed apparatus» of university support staff and lecturers at the University had been put into place. *Organa glavnaia Politicheskoe Upravlenie (OGPU),* a Secretariat/Security Department of the University carried out grilling exercises for both employees and students. *OGPU* also an overseer on the teaching of foreign languages – French, German, Japanese, Arabic etc. a major ado in the foreign language learning was the lack of qualified persons in those areas. Many academic nobles had been forced to flee during the 1917 revolution and knowledgeable persons in foreign languages who did not adhere to Communist ideology could not be employed, the peasants and workers were only trying to assemble a new academic curriculum. Most

[2] RSKIDN, Collection No. 532, Inventory No. 439, p. 6.
[3] Suchkov, Keniata v Moskve, p. 107.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Matusevich M., Probing the Limits of Internationalism, *Anthropology of East European Review*; 27, 2 Fall 2009. – P. 8.

of the lecturers then did not command the assigned foreign languages comfortably.[1] The Secrecy and mystery that surrounded this institution was also to blame.

The head of Youth Department at the Executive Committee of the Communist International, took adequate precaution to lock out foreign spies from infiltrating into the institution i.e. the preparation of party activities and revolutionaries.[2] According to the administrative and/or regulatory organs the *Maksisko – Leninskaya Shkola (MLS), komunisticheski Universitet Nauchno Maksyskoe Znanii (KUNMZ),* and *Komunisticheskii Universitet trudiashisha Vostoka (KUTV),* all arriving foreign students had to be met by persons appointed by the Ministry of Education. All their passports, photographs, cameras, letters and any other documents were taken away by the administrators.[3] Students were given soviet identity documents under assumed or abbreviated names. Johnstone Kenyatta was abbreviated Joken.[4]

For external contacts, University's or hostel addresses, were prohibited for use. Therefore a different assumed home address was given. The students were under strict instructions not to reveal to any outsiders their true names and/or what they were doing in the Soviet Union. They were not allowed to take personal or group photograph^). If for any unavoidable circumstances a student had to speak to the soviet citizens, any group of people or organization he/she had to present themselves as political emigrants; avoid stating their true names; never identify their party's activities – past or future; never reveal where they came from; never discuss life at the University; never reveal any possibilities or prospects of travelling abroad; absolutely avoid talking to people unknown to them. These were some of the University rules signed by Siratinski, and dated September 9, 1930.[5] This closed society is thought to have influenced Kenyatta's government policy towards the Soviet Union/Russia stems from the above legacy. Students who planned to travel abroad, (to other European countries for work or conferences), they had to vacate the university hostels to some specified places where they remained until their departure time. Contact with the outside world was made through appointed people who were in-charge of posting and receiving mails. The same person(s) also assisted students who finished or those who decided to terminate their studies to get travel documents.

In the first semester, students learned subjects such as: The History of the Bolshevik Party, Political economy; Regional History; Russian Language; English Language; World Survey; Arithmetic; Current Politics; Revolutionary Movements; Historical Materialism; The History of Workers Movements, and Revolutionary Activities.[6] Other courses included: espionage and counter espionage; communication, transport and distribution; organization, publishing of illegal materials and passport services, conspiracy and party organization; Inter-regional broadcast, documentation, correspondence, librarianship and archives; conspiracy and conspiracy language; passwords «Signs – Symbols»; information collection, demonstrations and counter demonstrations; weaknesses and behaviour of colleagues during interrogation, inquest, and its consequences[7]. Analysis of the courses leaves no doubt as to the intended mission of the graduates. Those who took the Communist ideology seriously and faithfully were expected to become agitators, organizers, and propagandists of the Communist International in their countries/regions.

KUTV's curriculum included both theoretical and practical matters, i.e. Marxist theory, party organization and propaganda, law and administration, theory and tactics of Proletarian Revolution, trade union organization, problems of socialist construction and mathematics.[8] Along with the courses, students were expected to know each other and their teachers well as they were being closely assessed on their adaptability and acceptance of the Soviet doctrines.

[1] RSKIDNI Collection No. 532, Inventory Reg. No. 114. – P. 2.
[2] Ibid.
[3] Ibid, p. 2.
[4] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 110.
[5] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Reg. No. 114, pp. 3-9.
[6] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory No. 439, p. 6.
[7] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory No. 114, p. 36.
[8] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory No. 439, pp. 16-17.

Students discipline was a regular course of concern of the various departments, and one such took place on the 20' October 1932. According to the department minutes, the University administration was very much concerned with the students' indiscipline. During one of the departmental meetings Kenyatta called for the tightening of students' discipline, but emphasized the need for solidarity between the students of African and the American origins. He was against the introduction of what he called unnecessary physical education[1]. At the end of one conclusive departmental meeting, it was agreed that a *Kultkomiteet* (Cultural Committee) be set up and in the next meeting, Kenyatta was entrusted to manage the committee's activities where discipline and studies were equated to the two sides of the same coin.

The University's concern continued to be expressed again, in a letter dated 20th July 1932 from Comrade Valdan of KUTV, and addressed to Comrade Kotelnikov of the eastern Secretariat and read, «...The fact that the following three foreign students: Benks, Bob and Smith were expelled from the university is causing untold disorder to an extent that they are threatening fellow negro students and even engaging in physical confrontation with the University support staff... They spent most of their time making acquaintance with women and heavily drinking in the restaurants after which Russian ladies, and even men with suspicious characters have come to who know the expelled students real surnames and those of their continuing colleagues and started appearing in the hostels... as a result their disorderly behaviour has disrupted the whole University programme».[2] This dilemma caused University's high handedness on the expelled students, and thus causing open riots, and a bid to win sympathy from the African colleagues. The University's administration therefore lived in fear of unexpected ugly scenes because Africans formed the bulk of undisciplined students.

This problem was the agenda of the departmental staff meeting held on the 2nd November 1932. Lecturers gave the appraisals of the students and again Kenyatta's characteristics are missing. Voluminous information on individual students indicates that Kenyatta had drawn a private time table with his lecturers. Kenyatta was always busy with workers conferences and as a part time Kiswahili teacher at the Department of African Studies. It is noted that during the workers congress that opened its doors in Moscow on 10th November, 1932, there were only two delegates from *KUTV*[3]*, Padmore* and Kenyatta. Padmore arranged to attend the regular group classes before going or after the congress, but Kenyatta did not feel obliged to make any arrangements with his lecturers. Students were graded according to their collaboration with the institutional laid down regulations and embracing of the official soviet doctrine.

For instance, a student whose name was only given as Morris was blamed for having adopted European cultures as a result of his long stay in Europe to an extent of being unable to understand the colonial problems, back in his respective country. However, Robert was said to have «matured politically, but disturbed by the Gentian influence. He even thinks that German language will solve his problems and therefore reads all that he is given in German language. He takes colonial issues abstractly, and even thinks it's a myth. He has been torn away from his own country»[4] the lecturers argued.

As the administrators and lecturers accusations mounted foreign students pressed on with their demands through the students' leadership. It was at this stage that the students cultural committee chaired by Kenyatta demanded that various types of entertainment be introduced – chess, radio clubs, monthly visits to the cinemas, and excursions. «The administrators responded quickly by arranging the first trip to Soviets Historical Museum and Lenin's Mausoleum which took place in the morning of 31s1 October 1932».[5] In the mausoleum Kenyatta and other students viewed the body of the first leader of the proletariat world (Lenin died in 1924). As soon as that was over, Kenyatta attended the Organization of Industrial Workers Union that opened its doors on the 10lh November, 1932 at the Union

[1] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory No.439, p. 10.
[2] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory № 439, p. 11.
[3] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory № 115, p. 129; Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 111.
[4] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 439, pp. 21-22.
[5] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 439, p. 11.

Building (Domsoyuzov).[1] The congress was a major event not only to the Soviet political life, but also to the International Workers Movement. Leaders from all over 52 countries gathered including those from Egypt, British-Guinea, Nigeria, Liberia, and Kenya (represented by Kenyatta).

Kenyatta registered to attend the Congress, on 9[1] November, 1932. Although participants were allowed to register only after getting an invitation letter from the Executive Council of the International Workers Organization or its local branches. Kenyatta did not have written permission either from the headquarters or its local branches. It is believed George Padmore, one of the executive members of the committee and his friend verbally interceded for Kenyatta. Kenyatta attended the Congress as the leader of the Kikuyu Central Association (KCA) and represented the East African Association of Workers and Peasants.[2]

From 10th November 1932, Kenyatta no longer attended lectures (arranged to attend lecturers privately) and participated in the Congress continuously to the end. Every morning he walked down along Tverskaya Avenue and crossed to the Bolshaya Dmitrovskaya to the Union Building (Dom Soyuzov) so as to be there at 10.00 am. The Congress continued up to 9.00 pm every day and during the break intervals, Kenyatta had chats with the African delegates. At the presidium were familiar to him Comintrena faces of the Kominterna (K. Setkin, A. Marti, Sen-Katayamu, Yaroslovski, Jermanetto, Stasovu, V. Pika) who were present.[3]

No doubt high on the agenda was the decolonization of African countries. When the Congress closed its doors till 24th November 1932, Kenyatta and most delegates departed and travelled across the country on 30lh November, 1932. Kenyatta was later to visit the Ural towns of Sverdlovsk and Magnitogorsk. Time was moving very fast and the academic year was drawing to an end. It was therefore crucial for a staff meeting to be held on 28' December, 1932 to evaluate the semester's results out and draw plans of work for the coming New Year which included an entertainment programme for students which began on the 1SI – 15lh January, 1933. The holiday was followed by an industrial training which was carried out at a factory called Amo. Regular classes were to being on 1st February, 1933. The combination of academic and industrial work became a common norm in the soviet society. This was meant to keep a close link between the classes in society and the ruling circles.

During the brief winter holidays, *KUTV* students decided to break up the University's daily routine monotony and went to watch cinemas and theatres. A small group of students which included Kenyatta decided to go to a theatre on 13th January, 1933. However, what they saw outraged them. The student decided to invite on 19.h January, 1933 the Executive Secretary of the Kominterna Comrade D.Z. Manuelskii. Accorded this opportunity the students expressed their views and complaints and the experienced, mature and authoritative Johnstone Kenyatta was the first to talk; «I begin with the incident at the theatre. On 3th January, 1933, a few of us went to the theatre «Abazzrenie» to watch a play «Geisha» and were very much upset to see terribly black painted animals and criminal actors in the play portrayed as Africans... I am not going to dwell too much on this issue, we wrote a memorandum which is going to be read here. It is my hope that comrade Manuelskii will be able to understand our feelings, expressed in our memorandum and give an answer to it. We have sent a copy of the memorandum to the International Workers Union and its executive committee».[4]

Kenyatta and other fellow African students were simply protesting against the roles played by «Geisha» actors disguised, as of black origin, portrayed Africans as uncivilized, poor, aggressive, contentious, and hungry. Kenyatta and his colleagues demanded the protection of the Blackman's dignity from their hosts. A case of racial insensitivity was given where students were encouraged to form small groups where they would be participating in social and physical competitions. Two notice boards were set up, red for winners and black for losers and premium (prizes) were given.[5] The notice boards however, portrayed some racial prejudices in the Soviet society i.e. black the African colour symbolized failure and red white supremacy according to the students' interpretation.

[1] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 439, p. 12.
[2] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 39, p. 14.
[3] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 114.
[4] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 441, p. 1.
[5] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory No. 439, p. 10.

The students gave a breakdown of the insults and re-counted their sad moments. The next student continued, «To portray Negros at the present time like it was displayed in the play, «Geisha», is to give a wrong impression about Africans to the Soviet people».[1] The students complained of how Africans were being portrayed in the theatres, and school textbooks which according to them confirmed soviet prejudice against the black race. Then they came back to the question of the living conditions. Kenyatta stood up again to speak, «I want to ask, is Comrade Manuelskii (in-charge of foreign students) answerable to our presence here, is he in a position to take any action towards reconciling the arising questions? We have had many meetings of which we aired our concerns/ problems etc. But unfortunately nothing so far has been done to address these problems. Did comrade Manuelskii listen to all the complaints from the University students, bad food and the poor living conditions as a whole? The question of food is not political; we must here directly, say we are poorly fed. Concerning education (I am talking as an individual, but also stating the opinions of all my colleagues) I want to state that it is very bad for a teacher talking to students in English is unable to adequately express himself making it difficult to understand what he is talking about».

Diverting from the language issue, Kenyatta went straight to politics and stated «I think the University administration is not in a position to deal with this problem, it is better not to give any promise. I, for example was promised a room in a hotel, but I have never seen it. The Commintern for sure disregards Africans from the colonies, why?» He continued to pose more questions, «What has the British Communist Party done in the African colonies? What work are they doing here? This party has never protested against the on-going amputation of land from the indigenous peasant population of Kenya (they have grabbed the fertile lands and transferred them to the industrialists for exploitation). The liberal groups and parties are protesting against the invasion, but the Communist Party is keeping quite. The Communist Party must raise these questions».[2]

When comrade D.Z. Manuelskii's turn came, he promised to solve the students' problems to the best of his ability and especially the living conditions. In reply to Kenyatta's accusation of the Communist party's ineptness to put pressure on Africa's colonial masters, Malnuelskii cautiously stated:

If we declare that we are going to do something in the colonies – the Western European intelligence service would fabricate allegations about a Communist conspiracy led by Joseph Stalin (Stalin was unheard of those day).[3]

It was in Moscow that Kenyatta encountered the contradiction of the Bolshevik politics as concerning the colonized people. While supporting the anti-imperial struggle, the Communist considered the main problem laid in the question of class not race. In every African elite they saw a capitalist bourgeoisie. But for Kenyatta and Pad-more, the problems in those colonies were racial and the issue was how to liberate all Africans, without engaging into class struggle. Kenyatta and Padmore were not alone. Other students held the same opinion too, and were extremely disappointed. Some foreign students including Smith argued in a political economy class that the Communist also believed that they were superior to the blacks and urged his colleagues to ignore them.

Soon after the meeting with Manuelskii, Kenyatta and other African students together with I.I. Potekin travelled to the Ukraine. The trip enabled them to see the countryside and meet the people. Ukraine and the Northern Caucsus – Kavkaz, Povolshye and Kazakhstan areas that had been seriously hit by terrible hunger.[4]

Questions were being raised as to why the vigilant organs allowed the delegation of African students to travel down to the Ukraine, but all in vain. During the 9^{lh} meeting of the Association of African students and soviet representatives in Russia in 1932, a memorandum was signed that stated «...the excursion to the soviet regions come face to face with Lenin's decree on national politics in practice. The transformation of Ukraine from a former sub-colony of imperial Russia to a developed country with a national culture and international outlook, that is quite different from the Tsarist's politics of destroying nationalities in the colonies. That has convinced us, that Lenin's course is the only

[1] Ibid, p. 1.
[2] Ibid, p. 5.
[3] Ibid, p. 14.
[4] *Voprosy Istorii,* No. 4, Moscow, 1990, p. 93.

means of solving national issues.[1] This was seen in the light of the colonies in Africa Third World and the imperial powers. If Lenin's policies were to be applied there, decolonization would immediately be achieved.

However, as the holiday season was coming to an end, the University administration compiled the course for the new semester and the following work plan was worked out: Political economy 200 hours; History of Commintern 240 hours; Leninism 280 hours; Historical materialism 120 hours; Formation of Political parties 330 hours; Military science 120 hours; Current political Affairs 80 hours; English language 160 hours».[2]

The University's administration did all that it could to woo students and one such incident took place January 15, 1933 with the appointment of Johnstone Kenyatta to head the French Language Department as he taught Kiswahili.[3] The French lecturer, M. Sail was proceeding on leave and though Kenyatta had no knowledge of French, the leadership of section 'A' had to be entrusted to someone who commanded respect. Kenyatta who vehemently complained of the students living conditions had to be given this promotion to enable him receive a pay of 208 Rubles, 50 Kopeks per month.[4] Kenyatta was allowed to teach Kiswahili language which helped him earn 175 Rubles a month. Furthermore, Kenyatta was given separate accommodation. This was an appreciation for the services in teaching Kiswahili other students and lecturers. Today in the Russian federation, Kiswahili and other African languages are very much developed. Moscow and St. Petersburg State Universities have fully fledged Kiswahili Departments Faculties. In the 1990s there was a National radio broadcast and T.V programme in RTR channel (on Mondays at 22.35pm Russian time) called *Hakuna Matata* (Kiswahili phrase meaning «no problem») and sponsored by a chain of supermarkets in St. Petersburg by the same name *Hakuna Matata.*

Apart from lecturers, students were expected to prepare seminar papers on the political situations in their countries. The papers were later published in the newspapers or journals. Kenyatta seized the opportunity to express outrage over the exploitation of Africa's resources by the colonial masters. His first article title «Gold Fever in Kenya: Africans are Becoming Victims of «Imperialist Greed», and dated January 1933».[5] In the article, Kenyatta laments as to why the land of the Kenyan people was being taken away. He accused the British colonial government for expropriation of land and exploitation of Kenyan resources for example Gold in Kakamega. He expressed his hope that Organization of Workers and Peasants of the various ethnic communities in Kenya would resist that move from them. He urged Kenyans not to pay taxes and try not to work in the lands that were taken away by force and demanded the withdrawal of the British troops, which served as a tool of oppression thus paving way for Kenya's independence. He ends his article with a slogan «long live the workers unity» and «long live free Africa». The style and maneuvers of the language in the article fitted very much the editorial policies of such publication.

The second article by Kenyatta was published at the end of May 1933 under the title «The raise of an African Revolt: The History of a Massacre in Kenya».[66] It details how Harry Thuku waged a war against the imperialists. Here Kenyatta expounded on the conception of a in the anti-colonial struggle by the nationalists. Through writing of articles, attendance of international labour conferences, personal contacts with political leaders and workers organizations, Kenyatta hoped the struggle for Kenya's independence would be given an urgent international attention. As the academic year drew closer, students prepared to return home. However, those who desired to continue their studies for another half a year after the summer holidays had to attend military exercises in various designated camps in Russia after which they had to take their holidays at the University's «*Dachas»* (cottages) on the outskirts of Moscow or travel to holiday resorts in the Crimean Peninsula as they awaited for the beginning of 1933/34 academic year.

[1] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 442, p. 2.
[2] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 442, p. 3.
[3] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 135, p. 14.
[4] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 112, p. 25.
[5] RSKIDNI, Collection No. 532, List No. 1, Inventory Register No. 132, pp. 8-10.

As the University prepared to admit a new set of students for the 1933-1934 academic years, the administrators prepared to iron out a repeat of indiscipline/protest expressed before by students. A detailed proposal commented on the conduct of African students and proposed that only twenty be admitted in the 1933-1934 academic year. This was to be done through the Hamburg Negro Committee or through the assistance of the Negro league. The Hamburg (German) committee was cautioned to admit more serious students. Candidates were expected to reflect their social backgrounds and their proximity to actual participation in the revolutionary liberation movements in their countries of origin. Selection of candidates from South Africa was strictly applied to members of South African Communist party. For the rest of Africa, the selection targeted Partyless groups, but strictly the admission conditions were to be applied. Concerning French Africa, the officials of the Negro League and the Communist Commission of France were charged with the selection of candidates.[1]

Later however, there was a proposal emphasized that the selection of the African candidates should be left open and independent panelists were to be dispatched to various countries to ascertain the suitability of candidates.[2] It is obvious that the experience of the previous lot of African students had triggered the stricter admission rules. In his end year report the rector lamented that the students were of national reformist in character and specifically Johnstone. It proved difficult to convince him to change. He keeps on declaring that bourgeoisie system of education was superior because it allowed people to think for themselves while in the Soviet people were one as he claimed obliged to follow a set up pattern of thinking.[3]

The description of student's characteristics agrees with Matusevich's[4], observations that some African students became de facto conduits of dissent. They had more freedom of expression and travelled than their hosts and many of them arrived from countries steeped with liberation energy forces, further noting that African students saw in the Soviet Union less of a promised land of racial equality and more of an educational opportunity of choice. It is noted that few of these students were committed Marxists, even those of them who arrived with the backing of foreign Communist parties or their front organizations lacked the enthusiasm for Communism. Nationalists like Kenyatta were interested in seeking support for the decolonization processes in colonized territories like Kenya.

In his review, the rector noted that two Negros had been expelled to enable create some order, but in a year's time another quite unhealthy incident occurred. Comrade Vels (administrator) met an African who kept on claiming that he was married and as such he was demanded permission for young ladies to visit the hostel. The rector blamed this on weak discipline. The Africans would walk out of class to a hair dressing saloon, and to the coffee cafes etc. The rector noted that through the international workers movement was asked to leave the country but he refused. However, he noted that in the second semester, they were able to make him attend lectures and he was never late this time and was more disciplined. This laxity had been blamed on the weak administrative leadership of the concerned section. Comrade Nasonov and Comrade Potekhin, took upon themselves the responsibility to rectify the mistakes by introducing a new study plan, which was fulfilled with a lot of difficulties.[5]

The rector's report detailed Kenyatta's refusal to the Negro Office of the international workers movement request to write a report about the activities of the Kikuyu Central Association in Kenya but he refused. It is thought that Kenyatta suspected that such a report could have been paraphrased and used against him by portraying that he might have accepted the Communist ideology like the way his 1933 letter to KCA was interpreted.

The letter indicates that Kenyatta blamed the KCA for not making a step forward – thus wasting a lot of energy and time making speeches, memoranda, and petitions and hence failing to mobilize and recruit the masses, to participate in the struggle for the daily needs of workers. Instead, the letter continues, have submitted themselves to the parasite/colonists only to be requested that they returned

[1] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 118.

[2] Ibid, p. 118. Those words were quoted from comrade Vasilij, Head of sector «A», who seemed not to have known the difference between, Cameroun, and Kenya at his level of administration.

[3] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 440, p. 4.

[4] Matusevich, Probing the Limits of Internationalism.

[5] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 440, p. 4.

the grabbed lands.[1] Kenyatta is alleged recommended the formation of an executive organ that would unite all workers in the plantations and the factories. A trade union was supposed to be set up and the leaders who had failed KCA movement were not going to be allowed to join the party.[2] However, the letter was unsigned. Whether those were the true reflections of Kenyatta, it remains a subject of further research. For sometimes, Kenyatta faded from the documents as he did not appear on the list of students travelling across the country or those attending military drills neither was he on the list of students going to rest in the Crimean resort of Otza.

However, Kenyatta's name appeared again in one of the University's internal memos. «Allow comrade Kenyatta to go on leave from 21/VII – 5/VIII 1933 and pay him 150 Rubles». Proceeding on leave he chose not to stay in Moscow but travelled around the Soviet country. It is believed Kenyatta left the land of the Bolshevik for London after 22nd August 1933[3] Kenyatta found it extremely difficult to follow the regulations or simply ignored them -because of his very independent mind and character. While attending an International Conference in Moscow organized by the International Organization for Professionals and Industrial Workers, he used the official letterheads (forms) of the Kikuyu Central Association (KCA) and signed down his real names.[4] He thus had contradicted KUTV's regulations by identifying himself with his party and revealing his names. Earlier on Kenyatta had refused to answer any questions provided in the admission forms for the Negro section «A».

It is worth mentioning that Kenyatta had not been invited or personally requested to be a member of the Communist Party in USSR or elsewhere in the world. He declared himself Partyless while in Moscow.[5] All this confirms Kenyatta's doubt, about the immediate or future plans of the then Communist party. Though Kenyatta did not present himself as a leading activist of the working class rights, and plight, he was by his own words, the leader of the Kikuyu Central Association (KCA) an organization in East Africa. His firm stand on Communism ideology was to strongly influence his post-colonial administration.

The rise in momentum of anti-colonial movement in the 1930's in the colonies triggered an impetus to a serious preparation of Bolshevik revolutionaries who could translate Marxist – Leninist theories and methods worldwide. The eastern secretariat IKKI had to give its sister parties more admission vacancies to the university. The candidates were expected to be people of integrity with ability to support the various workers parties. They were expected too to have been members of the Communist party in their home countries for more than two years. They were required to be healthy and able to resist a hostile climate for long, Moscow temperatures falls below -20°. Those suffering especially from sexually transmitted diseases were not admitted. It was also emphasised that emigrants who left their countries and lost touch should not be contacted. Brotherly parties were expected to guarantee *IKKI* that the candidates were not spies, strangers and/or wild people.[6]

In the light of the aforementioned conditions and requirements, how did the University finally assess Kenyatta? Kenyatta is said to have come to the USSR with the blessing of the international workers movement and that he was born in 1889 in East Africa (Kenya) to a peasant family and worked as a journalist. Had middle secondary education, with a non-party status and was admitted to the KUTV on the 26.V.1932. He attended lessons for the first time in September, 1932. It was also noted that Kenyatta was the leader of the National Reformist Organisation – the Kikuyu Central Association (KCA) of which he did not provide details conclude that the association was under heavy influence of Indian National Congress and Gandhism.

They arrived at a conclusion that Kenyatta was highly intelligent and educated African. They marveled at his organisational abilities which enabled him to address the English House of Lords, the League of Nations and his visit to the Archbishop of Edinburgh for KUTV. It was clear Kenyatta

[1] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 59, pp. 54-65.

[2] Ibid.

[3] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 120.

[4] RSKIDNI, Collection No. 539, Inventory Reg No. 45, p. 14.

[5] Suchkov, Djomo Kenyatta v Moskve, p. 109; Pegushev, A.M., Neizvestnij Keniata (Anonymous Kenyatta). *Vostok,* No. 4. – Moscow, 1997, pp. 45-46.

[6] RSKIDNI, Collection No. 532, Inventory Register No. 120, p. 24.

was a national reformist and for all the period of this stay, they could not convince him to change his Bourgeoisie ideology. He never thought at any time thought the Communist ideology and methods of revolutionary activities were morally right. Kenyatta was very careful in all the speeches he made to an extent of refusing an offer to publish in the Workers Journal an article about the activities of his political party the Kikuyu Central Association (KCA). Kenyatta made the decision because he thought and believed that it was strange and unwise to discuss matters of one's party with strange organisations. When other students were asked to write about Kenya and KCA on his behalf, he considered it a stab on the back and against the will of the many million Kenyans. He immediately declared that, «Kenya is my country and I am the leader, do not interfere with that work.[1]

KUTV concluded that Kenyatta's perception about the USSR was worse off than the time he arrived. The best was to handle the situation they thought was to delay Kenyatta's return to London for three to four more months so that leading Communist theorist could try and talk to him.

However, under those circumstances, Kenyatta departed to London, where back in 1929 he had handed over land petitions as the Secretary General of Kikuyu Central Association (KCA) to the British administration even though they chose to ignore the petitions. Kenyatta exerted more pressure to the colonial government in London in the later years. He was curious and persistent an advantage that helped him to interact and establish contacts with people of different walks and beliefs. Among the people he met were influential British politicians, representatives of organisations with substantial political and financial influence. With their support Kenyatta was able to traverse Great Britain, and other European capitals. Soon afterwards, Kenyatta teamed up with a number of Africa political leaders and activists from the colonies – Nkrumah Senghor etc. Their team spirit calumniated in the formation of Pan-Africanism and which transformed to the later organisation of African Union (OAU/AU).

Was Kenyatta's Moscow years known to Kenyans, the British administration, or the Soviet peoples? Harry Thuku leader of KCA is said to have known about Kenyatta's *safaris* (trips) to the USSR and other European capitals. Thuku expressed fears immediately after his release from prison in 1931 that Kenyatta would declare himself the leader of KCA in Europe, and the USSR. Others who knew of Kenyatta's Moscow trips were labour party officials, colonial administrators both in Nairobi, and London, journalists, British intelligence services and the Kenya police.

The colonial government was pre-occupied then by the question of reforming the protectorate with a possibility of creating an East African Federation after having commissioned the «white» highlands of Kenya. Meanwhile the British land commissioners Young (1927) and S. Wilson (1929) and the white papers of 1930 suggested creating an East African Federation in line with the political life of the indigenous people.[2]

Reforms in the British Protectorate and the economic crisis in Britain at the end of the 1920's and early 1930 which led to the parliamentary victory of the labourists in May of 1929 elections, pre-occupied the above groups more than Kenyatta's Moscow years. Kenyatta's appeals were sympathised with the minority of the labour party members, Missionaries and ordinary citizens of less political influence. Kenyatta's contact with the leftists was considered a matter of sheer curiosity by African activists. Kenyatta visited the Quakers College in Birmingham, officials of the colonial office, and lastly the Bolsheviks in Russia.[3] On the basis of declassified British Secret Service documents, between 1920 and 1930's Kenyatta's biographer J. Murray-Brown reconstructed the political and psychological picture of Kenyatta's Moscow years and contact with the Kominterna.[4] Kenyatta never talked about his Moscow years in public and left interested groups guessing.[5]

[1] Suchkov, Djomo Keniata v Moskve, p. 120.

[2] Subbotin V.A., *Velikobritania i ee_Kolonii v tropicheskoy Afrike,1918-1960* (Great Britain and Her Colonies in Tropical Africa). – Moscow, 1992; Sudejkin, A.G., *Lejboristy i Anglijskie Kolonii v Afrike (20's – 30's: Evropa, SShA i Kolonialnyj Mir* (Labourists and English Colonies in Africa (20's – 30's): Europe, U.S.A and Colonial World). – Moscow, 1998.

[3] Pegushev, Neizvestnij Keniata, p. 39.

[4] Murray-Brown, *Kenyatta,* pp. 121-22; 267.

[5] Letnev A.V., Vliianie Oktiabrskoi Revoliutsii na Afriku i Politiku Britanskogo Koionializma (The Influence of the October Revolution in African and the Politics of British Colonialism). *Narody Azii I Afriki,* No. 3. – Moscow, 1987.

In Moscow, LI Potekhin openly stated that he had met Kenyatta in person while in Moscow. Potekhin, in 1963 published an article in Nairobi magazine titled, «The struggle for the release of Jomo, and other political detainees». The article under the banner «in support of a scholar»[1] expressed the Soviets people's solidarity for the release of Kenyatta whom had devoted most of his life in defending and studying the problems of the African Continent. Potekin wrote of Kenyatta:

I have known Kenyatta for a long time. About thirty years ago, I read his brilliant article in the Negro worker journal attacking colonialism, and fighting for the rights of the African people and subsequently for national independence ... I knew Kenyatta in person and I must admit that he is a man with a noble heart, and great wisdom as evident in the straggle for the happiness of his people.[2]

Potekhin was a history professor at Moscow state university. He created an impression that under his supervision, Kenyatta studied social sciences.[3] Potekhin, Kenyatta's lecturer at KUTV was only taking a precaution not to link Kenyatta with the Communist Party Institution (KUTV), or his contacts with the *Komintern,* firstly because Kenyatta then was in detention and any link with the Soviet Union would have confirmed the British intelligence reports that Kenyatta was a Communist and therefore liberal democracy expected of anti-colonial leaders was in danger. Secondly, Potekhin did not want to reveal the Soviet secret of having trained the third world leaders in preparation for armed liberation struggle to culminate in a socialist revolution the leakage of Kenyatta's Moscow years to the British intelligence services had to be refuted.

Indeed Potekhin's article in some way helped Kenyatta to go through the Kapenguria court process (1952-1953) by affirming that Kenyatta studied at «Moscow State University»[4] and not the Communist University of Toilers of East fears and dissipating that Kenyatta harboured any Communist ideology. This suspicion was caused by Kenyatta's publications in the Negro Worker Journals. This claim had also been refuted by Labour party leaders for example Brookeway.[5] This claim was also watered down by the fact that the archival documents of 20th November 1932 indicate that Kenyatta as a student at KUTV in the USSR was not a party member[6]. Student officially meant non-Communist members. Kenyatta's friend and colleague George Padmore was finally expelled from the Soviet Communist Party in 1933 for disagreeing with the Comiterna Executive Committee. It is also clear that Kenyatta as a person was anti-Communist and even anti-Soviet.[7]

Kenyatta was both anti-Communism and anti-imperialism. His anti-imperialist feelings on land grabbing were expressed in an article published in the August 1932, by the *Negro Worker* Journal. Kenyatta demanded the return of land to the Kenyan – Africans. He said that nowhere in the world had British imperialism been nurtured like in Kenya, with an exception of the South African white regimes. In recognition of his contributions, Kenyatta was made one of the *Negro worker* editors.[8] Other editors of the journal included anti-colonial activists from America, and Africa, George Ford, A. Nzula – the secretary of the South African Communist party.[9] In an article titled «An African view of the British imperialism[10] and published in the Negro journal, Kenyatta criticized the British policies in the African colonies. Kenyatta therefore utilised the services of the Negro journal to voice the grievances and demands for African rights. But reflecting on the journal's editorial policies, Frankel wrote:

They were revolutionaries of the 1930s impatient with common solidarity against people of different faiths. They believed that the whole world including Africa was ready for a socialist revolution but they had failed to judge the level of awareness, and the readiness of the workers,

[1] Patel H., *The Struggle for the Release of Jomo, and His colleagues.* Nairobi, 1963.
[5] Ibid.
[6] Pegushev, Neizvestnij Keniata, p. 40.
[7] Murray-Brown, *Kenyatta,* p. 267.
[8] Ibid., pp. 167; 359.
[9] RSKIDNI, Collection No. 532. Inventory Register 439, p. 6.
[10] Ibid, p. 6.
[1] *The Negro worker* Vol. 3, No. 1, 1933.
[2] Ibid.
[3] Ibid.

and peasants, further noted that they also judged the strength of the liberation movements not by objective facts, but by the failures of their leaders.[1]

The journal's editorial policies were decided by the small executive group the core of the Komintern, and Trade Unionists in Moscow of which Kenyatta was not a member. This fact was clearly demonstrated in August 1932, when the so-called «the group of three» decided to transfer the headquarters of the International Trade union Committee of Negro Workers from Paris to Moscow, while maintaining the journal's publication in Paris.[2] Most of the articles published in Negro journals were prepared by the party apparatus from the Association of Scientific Research on National and Colonial Problems, (ASRNCP), where Africanists like I.I. Potekhin actively participated.[3] More frequent members of the editorial board differed both in their thinking and ideology and the struggle against colonialism and imperialism were the only issues, which brought them together. However, the principality, and firmness of Kenyatta on the one side and the determination of the *Komintern* led to unavoidable split and conflict between the two camps. Earlier in 1928 the VI congress of the *Kominterna* urged its organs, and parties to distance themselves from working with Bourgeoisie oriented personalities, and parties.

The administrators of KUTV had to declare war against the reformist conception in the Soviet era, and when the conflict deepened, and in summer of 1933, Padmore the editor of the Negro worker journal tendered his resignation letter, which was published under the titled, «Goodbye» in the August-September issue. He cited financial difficulties as the reason. Meanwhile, Geran Kuyate, Pad-more's colleague had been expelled from the editorial board in January 1934 for unspecified wrong doing. Padmore George was expelled in the same year from the *Kominterna* organisation for establishing links with the Bourgeoisie, and National reformist groups and was blamed for confusing the difference between class unity and racial unity.[4]

For the columnist, class difference was a major problem, not racial difference. Kenyatta and other African political activists from the third world knew that racial discrimination was one of the thorny questions in the colonies, where homelands (reserves) were created for the blacks, certain jobs and institutions preserved for the whites only. However, he submitted to the Negro Workers Journal two other articles titled: «Under The Imperialist Yoke»[5] and «Land Grabbing in Africa»[6], by and large the articles discussed the issue of the land question in Kenya and Kenyatta and KCA sentiments earlier expressed at the Carter Commission seating in London 1932. The carter report strengthened and favoured land ownership and its utilization by the whites in Kenya.

While in London, Kenyatta did not only limit the struggle for independence to Kenya. He actively worked with organisations like international African friends of Abyssinia to condemn fascist aggression against Ethiopia (1935-1936) through the published of articles in the *Labour Monthly.* Those were the last articles by Kenyatta to the Negro workes journal before he chose to sever links and remain defiant. Kenyatta foresaw a situation where the colonialists or even political opponents were going to misinterpret his ideological belief over links to Komintern organs,[7] the Soviet Union and worldwide *Komintern* networks. Undoubtedly Kenyatta disagreed with the Communist ideology and saw no credibility in its future. The decision by Kenyatta and Padmore to quit Communist organs was summed up by the German historian J. Geish in 1934, as follows:

---

[4] Frenkel M.Y., *Socialism and National Liberation Movement in Africa (1917-1939). Asia and Africa,* No. 3. – Moscow, 1987.

[5] Krasnye Internatsionalnye Profsoyuzy (Red International Professional Unions), In *RSKIDNI,* Collection No. 534, Inventory No. 3, Storage No. 735.

[6] Davidson A., Marxist Literature on the problems of colonialism and anti-colonialism in Africa South of the Sahara. In *Sources, and Historiography on African National-Liberation Movements,* Budapest, 1978.

[7] *The Negro worker* Vol. 4, No. 1, 1934; see also Letnev A.B., Obshestvennaja Mysl' v Zapadnoi Afrike, 1918-1939 (Social Thought in West Africa). Moscow, 1983, pp. 167-168.

[8] *The Negro worker* Vol. 4, No. 2, 1934.

[9] *The Negro worker* Vol. 3, Nos 4-5, 1933.

[1] Ibid., *Negro Worker* Vol. 3, Nos 6-7 1933.

The USSR and the Comminterna had lost its sphere of interest among the African, and the Negro populations.[1] Most of the political activist including Kenyatta, left to actively participate in the Pan-Africanist movement in Britain.[2]

This was more true of Kenyatta than Padmore. Kenyatta was more interested in the welfare of the African Continent. Kenyatta's anthropological book on the Kikuyu people «Facing Mount Kenya» was therefore a reflection and product of the two worlds – East and West.[3] Kenyatta's Cosmopolitanism & metropolitanism a Gikuyu and an African having lived in Western and Eastern Europe was a man of triple heritage qualified him to be called a man of many worlds.

The Cold War and Kenya – Russian Relations

In Moscow, Ivan Potekhin, a Soviet Africanist under whom Kenyatta had studied praised Kenyatta as a leader who had devoted his life to defend the African people's rights of self determination against colonialism.[4] Meanwhile at home the colonial government continued its campaign to discredit Kenyatta's leadership. Governor Sir Patrick Renison referred him as: «The African leader to darkness and death».[5]

In June 1960 the chairman of the Kenya Cairo Office (KCO), Odhiambo Okello, and the head of the information and radio section of the Kenya office Abdulla Karungo visited Moscow at the invitation of the USSR committee for Afro-Asian solidarity. In a news conference, Odhiambo Okello praised the support given by the Soviet Union to the African people in the struggle for independence.[6] Here the Soviets were portrayed as eager to help Africa liberate itself from Western colonialist. Following the end of emergency period in 1952, the Soviet government supported the Kenya African nationalist cause by introducing Kiswahili broadcasts in addition to those in English, beginning February 1, I960.[7]

In its first Kiswahili broadcast *Moscow Radio* reiterated that the days of the foreign colonial rulers who had stolen the African Continent and brought in «poverty, disease, starvation and ruin» were numbered, and that the Soviet government and the Soviet people wholeheartedly pledged to «support the African people in their struggle against foreign rule in many aspects».[8]

October 1, 1960, Oginga Odinga then a member of the legislative council, KANU's deputy chairman travelled to Moscow and was quoted to have been impressed by what he saw and heard of life in the Soviet Union and the Soviet Union's claim that it supports all those exploited, suppressed and repressed. Odinga wrote:

The people of Africa know very well that colonialism could have been wiped out a long time ago if the United States, ... did not stand behind the European colonialists ... imperialism is the worst enemy of the African people ... the Soviet Union uses its prestige to help oppressed nations to rid themselves of all forms of neo-colonialism. The Soviet Union is always with us in the most crucial moments of our struggle. We will never forget this.[9]

The fear by the USA was, that the vacuum that would have been created by the sudden departure of Western colonialist would easily have been filled by the Soviets, hence the US hesitation and calculations. The Soviets harboured also imperialist ideas. Oginga's tour of the Soviet Union, Eastern Europe and China and his attendance in the world peace conference in Stockholm and Tokyo caused suspicion

[2] Geish J., *The Pan African Movement.* London, 1974, p. 338.

[3] Abrahams P., *Nkrumah, Kenyatta and the old order-African Heritage.* – London, 1963, pp. 141-144; see also Erasov B.S. *Tropicheskaia Afrika: Ideologia i problemi Kulturi* (Tropical Africa: Ideology and Cultural Problems. – Moscow, 1972, pp. 50-51.

[4] Gaitheru R.M., *Child of Two Worlds.* – New York, 1965.

[5] *TASS,* February 25, 1960.

[6] *East Africa and Rhodesia,* 1960, p. 860.

[7] Moscow Radio, June 14, 1960; Orwenyo, The Soviet Union and Communism as Factors among Kenyan Intelligentsia.

[8] Ibid.

[9] *TASS,* 1960.

[1] Odinga O., Kenia: Pobeda ne za gorami. *Pravda,* October 16, 1960, p. 3.

and perceptions in the Kenyan leadership. On his return to Kenya, October 1960, his passport was immediately seized and he was detained and searched at the airport for nearly two hours, while fellow colleagues in the Kenya legislative council and who had travelled together on the same flight were allowed to leave the airport.[1]

When the withdrawal of Odinga's passport was brought up in the legislative council by Tom Mboya, the debate degenerated into the threat of Communism in Kenya and the perceived role of Odinga in it. The minister for Internal Security and Defence, G.J. Ellerton, Odinga's recent speeches, writings and press statements had done Kenya a lot of harm by bringing infiltration of communist threat and subversion, very much closer to the country. He concluded that if his actions were not checked at once his acts would bring the menace of Communism to the country.[2]

Odinga stood firm in his reply to the august house. He stated that 'socialist democracy' emphasized the development and improvement of the standards of life of the masses of a country. On Communist, he informed the house that Socialist Parties were thriving in several countries and therefore the new ideological force had to be reckoned with. On his tour to the Socialist countries Odinga concluded:

After touring most countries and seeing what happens, I now know that the whole world is just heading towards Social Democracy. It is only because the forces of Capitalism are still powerful, which is why people are not moving more quickly towards Socialism ... The time is coming and we are moving towards it when people, the world over, will accept this ideology ... all you are doing today, tomorrow you will not be able to do. It is like trying to stop the river Nile water from flowing into Egypt, you will need all the forces of the world. Therefore when we begin to develop, the best thing is not to try to block us, from learning what we wanted to learn.[3]

Tom Mboya condemned any thinking towards 'Social Democracy' and warned Kenyans that totalitarianism and dictatorship were tied up with Communism and that Kenya's future development lay in the partnership with the west.[4]

Throughout the 1960's the debates on Communism and Kenyatta's detention dominated colonial and African leadership. Odinga's colleague in parliament described him as an agent of the interests of the Sino-Soviet bloc and Mboya a stooge of western influence and a child of British imperialism.[5] To western-oriented politicians, the emergence of two major political parties (KANU and KADU) and a further division of KANU into two factions guaranteed that Kenya would not go Communist. Upon the release of Kenyatta and his assumption of leadership he promised Kenyan people that Odinga will be the first man to be given a post in a KANU government[6]. A promise he kept despite a strong opposition of Odinga's participation by the British government. This opposition to Odinga serving as a minister was a clear sign that the west was not ready to see the development of cordiality between Kenya and the USSR.

At independence, Kenya found herself in three dilemmas: the need to diversify relations with the Soviet Union, total Partnership with the West and the challenge to be neutral i.e. Non-aligned.[7] According to Orwenyo in 1958, a year after the first fourteen Africans had been elected to Kenya's legislative council, the legislators were asked to collaborate with the British government and the West in keeping Communism out of Kenya. The majority of the legislators who became Cabinet ministers and high government officials in the 1960's pledged to use all their powers to block Communism, although others were sceptical. This pledge to keep Communism out of Kenya came into effect when in 1966 KANU government decided to purge from the Party and the government those politicians who advocated strengthening relations with the Soviet Union and other socialist countries and the subsequent expulsion of Soviet specialists from Kenya and limitation of work permits.

[2] *East African Standard,* Odinga's passport seized at the airport, October 27, 1960.

[3] Republic of Kenya, *Official Report,* Kenya Legislative Council Debates, 11th Council, LXXXVI, Fourth Session, December 9, 1960.

[4] Ibid, pp. 881-83.

[5] Ibid., pp. 1435-36.

[6] Bennett G., and Rosberg, C, *The Kenyatta Elections.* – Oxford, 1961.

[7] *The Times,* Post Promised to Mr, Oginga Odinga, August 7, 1972

[1] Orwenyo, The Soviet Union and Communism as Factors among Kenya's Intelligentsia.

However, after independence, Kenya-Soviet relations started thawing and a number of bilateral agreements on cooperation were signed. These agreements included sending young Kenyans annually to study in the Soviet Union's institutions of higher learning.[1] These government to government scholarships seemed to echo Kenyatta's Moscow year 1929; 1932-1933 as his biographer quoted him saying:

I was learning all the time and travelled to see the country as part of my education. I was not confined. I was my own master.[2]

Murray Brown notes that there was more to Kenyatta's trip than straight forward tour and that on his return to London Kenyatta was anxious to appear moderate and eager to remove the «Bolshevik label attached to him».[3]

Kenyans were thirsty for higher education and challenged the colonial government's idea that Africans had to advance through local institutions before they could expect to share political control of their country. They demanded political control first so that they could remodel their government as they saw fit.[4] When Kenyatta returned to Kenya from Britain in 1947 and offered to lead Kenya Africa Union (KAU), he openly talked of his visits to the Soviet Union by stating:

I have visited Moscow, I have been there twice, like everybody else, even some of the conservatives in England have been to Moscow just for education purposes. But some people who want to destroy my career naturally take the view that Kenyatta has been to Moscow and therefore he is a Communist ... I was never closely associated to the Communist Party ... I have no contact with any Communist or any Communist Country... What we are looking forward to do and what we are trying to do is not to make Kenya follow somebody else's policy or ideology. We intend to make our own ideology and we are free to take good things from all quarters.[5]

It comes out clearly that Kenyatta became attracted only to aspects of Marxism that were meaningful to his experiences in Kenya, e.g. the more systematic and vigorous withering away of the colonial state and his strategy to implement the welfare system of state – subsides in public institutions, e.g. hospitals and schools in post-colonial Kenya must have been influenced by his Moscow years. Kenyatta visited Moscow the third time at the beginning of the 1960's for an international conference, and in June 1964 he sent a message to the Soviet government to help Kenya strengthen its independence. It was in Kenyatta' appreciation above that at independence.

On 12th December 1963, the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CKCPSU) sent a deputy prime minister with a congratulatory telegram to the then Prime Minister, Mzee Jomo Kenyatta. The telegram read in part:

Honourable Prime Minister, allow me to congratulate you on this historic occasion of your country – the Independence Day... we wish you and the people of Kenya the very best of luck in the strengthening of your economic and political independence... the Soviet government recognizes Kenya as an independent and sovereign state ...we hereby express our readiness to establish bilateral relations and exchange diplomats at Ambassadorial level... we believe that between USSR and Kenya, there will develop friendship in all spheres based on the principle of peaceful co-existence.[6]

It is evident from the wordings of the telegram that the Russians were warming up for excellent bilateral relations right from the onset of Kenya's independence. These relations were to cover economic, socio-cultural and political spheres. The delegation headed by S.G. Lapin demonstrated Moscow's will and enthusiasm to partner in development. Kenyatta held discussions with the delegation and reached an agreement that Nairobi and Moscow would establish diplomatic relations

[2] Ibid.

[3] Murray-Brown, *Kenyatta,* p. 26.

[4] Ibid, p. 165.

[5] Ibid., p. 251.

[6] *The Listener,* Jomo Kenyatta, «Face to Face» 1961, An interview with John Freeman. Vol. Lxxvi, no. 1706, Dcember 7, 1961, p. 958.

[1] Ministry of Foreign Affairs, *USSR and African Countries 1963-1990,* (ed) F. Ilicher. – Moscow: Politzdat, 1982, p. 67; see also *Pravda,* 12th December, 1963; see also *Istoria Vneshnei Politiki SSSR,* Vol. II, 1945-1985. – Moscow: Nauka, 1986, p. 276. Citation AVp SSSR).

at the Ambassadorial level and a communique was reached and signed three days after independence, on 15 December 1963.[1] Kenya's Ambassador to the Soviet Union Adala Otuko arrived in Moscow on 2nd January 1964 and his counterpart Amb. V.S. Lavrov arrived in Nairobi on 10th March 1964.

Lavrov met Kenyatta on the 17th March and Odinga on the 18th March.[2] Kenya and the Soviet Union agreed to collaborate in the areas of trade, and economic, cultural and technical cooperation. In addition, the two agreed to consult on important international issues. Making reciprocal visit to Moscow, Kenya government delegation headed by Oginga to Moscow on 18 April – 12 May 1964 after which a joint Kenya-Russian communique was issued at the end of the visit and in which Russia undertook to help finance Nyanza General Hospital, popularly known as the «Russian Hospital», emphasized the need to advocate peaceful co-existence of states; to forge a common stand on the question of destruction and eradication of weapons of mass destruction (WMD); the eradication of Colonialism and neo-colonialism in all its forms and recruitment of Russian professionals to work in Kenya beginning 1 lth July – 14lh August 1964.[3]

In July 1964 a special government committee under Oginga Odinga was formed to co-ordinate work, aimed at realizing the resolutions of the Kenya – Russia communique of 11 May 1964. The membership included Minister for agriculture Mr. Bruce Mackenzie, Minister for Trade and Industry Dr. Gikonyo Kiano, Minister for Natural Resources Mr. Lawrence Sagini, and Minister for Information Mr. Ochieng Oneko. Kenya – Russian relations remained connected through ministerial, Party, Trade and Cultural delegations. In 1964 Kenya government cabinet ministers and business delegations visited Moscow. Njoroge Mungai of Health and Housing Ministry (May 1964), and Mr. Lawrence Sagini, Minister for Natural Resources (summer 1964), and trade unionists and community representatives arrived in Moscow to discuss potential opportunities for partnership with their counter parts.

Kenya – Russian relations, was further boosted by the signing of the following agreements: Nairobi trade agreement of April 1964 and the Moscow cultural and technical cooperation agreement of 11th May 1964; the Nairobi agreement on economic and technical cooperation[4] and a linkage between Tass and Kenya News Agency (KNA), of 20th November 1964.[5]

Kenya received an immediate credit of 40 million Rubles including credit goods worth 13 million Rubles as Kisumu hospital was finally built as per the agreement signed on 20.h November 1964 and had a capacity of 200 beds and 100 outpatients are attended to daily in Kisumu.[6] Earlier on 12th December, 1963'Mzee Jomo Kenyatta, joined the Soviet delegation in the official opening of the Patrice Lumumba Institute Nairobi (Kasarani area). The institute had been charged with the training of party cadres and labour officials in Kenya.

By 1964, opposition members of parliament attempted to use Patrice Lumumba Institute as a vehicle to present a common front or influence government and party policies, and when in 1965, all KANU branch officials were brought together at Lumumba Institute for a course in party management and organization an opportunity presented itself when the Institute was turned into a forum to publicize descending views. The founders of the Institute were Kenyatta, Odinga, and Kaggia, who was Chairman of the Management Board. Financed largely with Russian funds, and staffed by a sizeable number of Russian lecturers, the institute appeared to have been heavily biased in favour of the pro-east wing of KANU. The opposition also dominated the Board of Management and drew up the institute's curriculum as Mboya steered out of the Institute's affairs.[7]

During 1964-1965 period, Lumumba Institute students acted as a pressure group demanding from government radical policy changes and party reforms. The opposition rejected *Sessional Paper*

[2] Ibid., p.70; see also *Pravda,* 15th December, 1963.

[3] Pochevskii V.A., *Vneshnaiya Politika Kenia* (Kenya's External Politics). Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 1987, pp. 1967-1968.

[4] Ibid, p. 68.

[5] Ibid, p. 68.

[6] Kenya National Archive (KNA) – BY/24/7 New Russian Hospital. 1967.

[7] Ibid.

[1] *The East African Standard,* 8th July 1965.

No. 10 of 1965, claiming that it did not fully embrace Scientific Socialism.[1] The students attempted, in July 1965, to take over KANU headquarters in Nairobi and to force their own nominees into national office.[2] The pro-government Member of Parliament faced by the student's politics passed a private member's motion at the end of April 1965, urging the government to tactfully amend the Ministry of Education Act and take over the institute. The motion was passed and the institute subsequently ceased to function.[3]

Schools and Institutions of Higher Learning in Kenya were on high alert in case the danger of Communist ideas was spreading from the Russian funded Lumumba Institute to students and masses in general. Radical publications were searched, destroyed and culprits were sentenced to jail.

As the suppression of Marxist literature continued, Kenyatta's administration actively but cautiously engaged Soviet Union and other socialist's countries, e.g. Bulgaria, Hungary, Poland, Czechoslovakia, Yugoslavia and China to train its human resource.[4]

However, Kenya – Russian relations suffered a setback in 1965, when pro-west KANU wing members of parliament took full charge of the ruling party (KANU) and government business. The government started to slow and scaled down the implementation of earlier signed Kenya – Russian agreements. Nevertheless, Tom Joseph Mboya, visited Moscow on 18th February, 1966.[5] His mission was to explain to the Russians why Kenya was delaying the implementation of some of the bilateral agreements. While in Moscow, Mboya argued that the tender to irrigate Kano rice scheme could not be awarded to the Russians because an English expert had advised them to carry out the project on a regional (East Africa Community basis and that some Western investors had been identified to carry out the regional project in what he claimed would be implemented in a record eighteen months.[6] Kenya – Russia Relations worsened in mid 1965 when Kenya government closed down the «*Sovexpot filma»* and kicked out Tass and Pravda correspondents.[7] Kenya, recalled and later replaced its Ambassador (Adala Otuko) from Moscow in October 1966.[8] The above actions were a culmination of the polarization of Kenyan parliamentarians into two groups: the pro-West and radical pro-Russia and Eastern Europe.

The parliamentary groupings that divided honourable members into pro-West and pro-East inside and outside parliament, greatly impacted on the country's foreign policy orientation toward Russia and Eastern Europe. The east-west foreign policy orientation debate was sustained between government and backbench members of parliament and spread to other senior members of the Public Service. First, the backbench opposition critics challenged government's policy on large-scale farming and industrialization which was still dominated by Europeans and Asians. They argued that the economic life of the country was more pro-West and exerted too much influence over the country's external affairs. Second, they expressed concern over the slow pace of Africanization in the Civil Service, economy, land ownership etc. Third, they were concerned with the rapid replacement of the existing white rich class by emerging African political elite that was assuming the same class position, and which they believed was a creation of capitalism.[9]

The opposition backbench of KANU rejected the colonial economy, demanding greater participation of the citizens, through state and co-operative enterprises, and greater nationalization of the public economic sector. This strategy, the opposition argued, would create an egalitarian society in which full economic opportunity would be open to a larger section of the population. They rejected

[2] Gertzel C, *The Politics of Independent Kenya,* Nairobi: East Africa Publishing House, 1970, p. 65.

[3] Ibid., p. 65.

[4] Republic of Kenya, Proceedings of the Legislative Council Vol. LXVII, Tenth Council, Fifth Session, Second and Third Meetings, 6th March 1956, Col. 394 and Vol. LXIX.

[5] Pochevskii V.A., *Vnyeshnaya Politika Kenii* (Kenya's External Politics). – Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 1987.

[6] Ibid, p. 70.

[7] Gertzel *Government and Politics in Kenya,* p. 585.

[8] Ibid, p. 72.

[9] Ibid.

[1] Ibid, p. 56.

completely uncontrolled acquisition of property by any organization, group, or the privileged political elite, at the expense of the masses.

The pro-government wing of KANU parliamentary group in contrast laid greater emphasis on private enterprise and the stimulation of individual efforts rather than on public enterprise as the basis for economic development. This view was articulated elaborately in Sessional Paper No. 10 of 1965.[1] Many scholars argue today that it was this private stimulus that made the economy of Kenya superior in the Eastern Africa region.

The disbanding of the moderate political Party of Kenya African Democratic Union (KADU) and its merger with KANU in the 1960's strengthened and enlarged the pro-government element within the ruling KANU parliamentary group. It fuelled rivalry for leadership, especially of the backbench group, which the radicals had dominated. As a result, of this combined KANU and KADU forces the government took full control of government business in the August house i.e. speaker, clerk, whip and chair persons of the various parliamentary select committees.[2]

The parliamentary re-alignment coupled with Mboya and Odinga rivalry, continued to impact in one way or another on government affairs. Politicians increasingly became linked to one or the other of the two policy strands within KANU. The origins of this identification lay in attitudes attributed to them in years before independence. While Mr. Odinga had publicly shown his preferences for Russia and the East, as he adopted a more populist stand on domestic policies, Mboya was associated in the people's minds with the West and this dichotomy was given much sharper focus in the 1964-1965 public debates in Kenya.[3]

Oginga frequently used public forums to brush off political elites as he presented what he termed peoples wishes. At a Mombasa rally in July 1964, Odinga suggested that the government should give undeveloped lands to the poor to farm and in February 1965, at another Mombasa rally, he announced that the government would introduce a limit to land ownership in March 1965, he also suggested that European farms and business should be bought by African companies and co-operatives, rather than individuals, in order to create a classless society.[4] In April 1965 Odinga support a KANU rally resolution in Kimilili, on nationalization while in May 1965 in Kisumu, he announced that Kenya would become a socialist state as soon as possible.[5] Odinga's leadership style and public statements meant he favoured a more radical approach particularly on land, than what official policy acknowledged, and these brought him increasingly into more political conflict with his cabinet colleagues.

Mazrui[6] acknowledges that Odinga led the way in post-colonial Kenya by daring to look beyond Western Europe and the United states for donors, potential trading partners and paradigms of development. In the heat of the cold war, he observes, Oginga Odinga was the most daring of all Kenyans to explore what the Socialist world had to offer to help Africa. Liberation leaders in Africa looked increasingly to Socialist countries in both Europe and Asia for arms and military training; Oginga believed that the Socialist world could also lend a hand in economic development and social transformation. Odinga secured economic and financial support from the Soviet Union, Eastern Europe and China. Tom Mboya, on the other hand, secured support from Western Europe and the United States. In this regard Mazrui concludes, «Kenya was experiencing the diversification of benefactors in the Cold War era».[7]

---

[2] Republic of Kenya, *African Socialism and its Application to Planning in Kenya. Sessional paper,* No. 10.

[3] Gertzel, *Government and Politics in Kenya,* p. 57.

[4] Ibid, p. 57.

[5] *The East African Standard,* 14th December 1964; 23rd March 1965.

[6] *The East African Standard,* 22 June 1965.

[7] Mazrui A.A., Uhuru Bado Kidogo: Africa's Condition of «Not Yet Uhuru»: The Balance Sheet. A Lecture given at the invitation of the Jaramogi Odinga Odinga Foundation and delivered in Nairobi, Kenya, on Friday, July 15, 2005. Institute of Global Cultural Studies, 2005, 2007. – http://igcs.binghamton.edu/iges site/dirton28.htm

[7] Ibid, p. 7.

Odinga's arguments and proposals were taken up first and foremost by Mboya, who argued that the backbench opposition had departed from the government policy on African Socialism, which was to be based on a mixed economy and with a strong private sector interjected by state control to ensure fair distribution of wealth and equity that the government promised its people. While Odinga blamed the country's woes on Mboya's association with the West, Mboya believed Odinga was sneaking Socialism to Kenya and called for Odinga's resignation from parliament, these scenario put Mboya and Odinga at the centre stage of the Cold War politics in Kenya, and was linked directly to the difficulties in government policies articulation and implementation.[1] However, over time; government dealt a crippling blow on the opposition wing of KANU, as Cherry Gertzel sums up:

The evidence suggests that the tactful use of Communism to discredit the opposition reflected certain genuine fears of Communism and an ideological side to the debate none the less genuine though it was based on a considerable confusion of ideas. The debate on the merit of capitalism and socialism confused the economic, political and social issues at stake; but at the same time it revealed that the fears expressed about Communism were by no means entirely insincere.[2]

Talk on Communism had been introduced into the Kenyan politics by the European settler community after World War II. In both official and unofficial circles they talked about the possibility of Communist interference in domestic politics of Kenya.[3] The subject of Communism threat was raised twice in Kenya's legislative council in the 1950's. The settlers associated the African political leadership opposed to western ideas with Communist.[4] To edge off the back bench opposition; the pro-government group used the scare of Communism to turn the strong attachment of Africans to the land against their rivals. These tactics were first used in the 1965 senate by-elections, which were essentially a contest between radical and conservative wings of KANU for popular support. Several candidates sought to associate Communism in the public mind with a challenge to property and so to arouse fears of their opponents who belonged to the radical group. A parliamentary candidate in Kitui while explaining KANU manifesto stated:

...Reject he who brings Communism to Kenya. Communism means *shambas* (land) and all possessions belong to the government. Wives are communal, and the government takes children after birth.[5]

The perceived Communist plan was therefore unthinkable and unspeakable in the African context. However, his opponent ignored the accusation and based his campaign on the KANU manifesto, having declared himself the KANU independent candidate. The opponent won the election, primarily because he was the more popular man, devoid of the politics of the day. The ideological contest was to be followed by a political purged when on 27 February, 1966 Tom Mboya, KANU secretary General announced a delegates conference for 12th-13th March, 1966 in which president Kenyatta was supposed to outline new plans for the party and introduce a new constitution.[6] Though the convening of the Limuru conference was opposed by Odinga's group, a majority of the pro-government parliamentary group approved the meeting. The delegates met in Limuru on 12h-13th March, 1966 and adopted a new KANU constitution and subsequently elected new office bearers.[7]

The Limuru Conference of 1966 had major political consequences on the reorganization of the Party. First, eight provincial posts for Vice Presidents, were created, second, Party employees were to be appointed by National Executive Committee and thirdly, all associates and sympathizers of Oginga were to be voted out in the snap little general party election of 1966.

This Party reorganization and the little general though slowed down bilateral relations did not stop Kenya-Russia contacts. Between 1967-1969, Moscow invited the backbench to visit the Soviet Union on a familiarization tour. In addition, Russia used diplomatic channels to carry out consultations

[1] *Daily Nation,* 30 April 1965.
[2] Gertzel, *The Politics of Independent Kenya,* p. 69.
[3] *The East African Standard,* 28th February 1968.
[4] *Daily Nation,* 10 March 1976; 13th April 1976.
[5] Ibid.
[6] Pochevskii, *Vnyeshnaya Politika Kenii,* p. 73.
[7] Ibid.

with the Kenya government concerning matters of global security dangers posed by the apartheid regime (in then South Africa), nuclear free zones and the Indian Ocean, preparations of a Convention on Sea Law and the instability in the Horn of Africa. Kenya reciprocated through its foreign minister. Munyua Waiyaki, who issued a statement that Kenya valued the help she received from the Soviet Union and was committed to strengthen the relationship between the two countries.[1]

The government commitments were actualized when in 1970, when an agreement was signed to open a direct aerodrome corridor between Moscow and Nairobi[2] and contacts between community-based organizations i.e. cooperatives, women organizations and workers Union were re-activated. The members of Central Organization of Trade Unions (COTU) travelled to Russia, to participate in the 100 anniversary of Lenin's birthday.[3] This was followed by a reciprocal visit to Nairobi by a delegation of the Central Committee of the Communist Party of USSR to discuss the Russo-Kenya cultural links and of which an agreement was concluded and signed on the 18th July, 1972.[4]

The terms of the agreement were as follows:

That USSR offers 20 scholarships to Kenya Government to meet student's round trip air fare, tuition and boarding expenses.

That Kenya agrees to send a variety of orchestra to perform in the USSR, provided that USSR pays for all the costs involved.

That an exhibition of Kenyan applied arts in Moscow for 20 days would be held at the expense of the host.

That the USSR agrees to meet fourteen days educational tour in USSR for two Kenyans. It was agreed that the two students be librarians or archivists and who had not been to Russia before.

That USSR offers three (3) Russian language teachers to the University of Nairobi for a term of 3 years at their own expense.

It was accepted unanimously that Kenya, desperately needed doctors and that the USSR had offered seven (7) doctors to work in the provinces, therefore national interest demanded that the offer be accepted or a very good reason for objection be given. It was agreed that failure to get a clear answer from the ministry of health by 2Г' July, 1972 the matter would be referred to cabinet for action.

Lastly, it was agreed that the two countries exchange Radio and T.V programmes.

However, local legislation on this matter would be observed. The work on the execution of the agreement was coordinated by Kenya's ministry of co-operatives and social services. The agreement wholly placed all the financial responsibilities to the Russian government as Kenya remained non-committal to any financial expenditure on her side.

The Russo-Kenya relations was given a further boost when in June 1971 a delegation of the Supreme Soviet committee visited Nairobi and met the Speaker of the National Assembly and his deputy at the Kenya National Assembly Chambers. The Kenyan parliament delegation made a reciprocal visit to Moscow in November 1972.

Another warming up in the Russo-Kenyan relations presented itself in July 1972, when the then minister for finance and planning Mwai Kibaki, on behalf of the Kenya government urged the Soviet government to actualize the 1964 agreement on economic and technical cooperation.[5] In April 1973, Russian warships docked at the port of Mombasa and were met by the defence minister, James Gichura.[6] In February 1976, the Kenya government re-visited the economic and the technical assistance agreement signed in 1964 with a call for «Regular Consultation» in regard to that agreement.[7]

[1] Kenya National Archives, KNS-BY/24/97 Minutes of the meeting held on 18 July, 1972 on the Kenya-Russian Cultural Agreement, pp. 1-3.

[2] Pochevskii, *Vnyeshnava Politika Kenii,* p. 73.

[3] Ibid.

[4] Pochevskii, *Vnyeshnava Politika Kenii,* p. 73.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] Ibid.

The engagements at ministerial and Party levels worked well for Kenya-Russian Relations in the 70's.

However, the cold war politics manifested in both sides of parliament, did not allow any further smooth Kenya-Russian Relations to continue. Kenya Government changed its mind and asked the Russians to participate only in the construction of Hospitals in Nairobi, Mombasa and Kisumu. Kenya's economic policies and political system came under persistent attack from Russian broadcasts. In reference to Kenya's general elections, Moscow portrayed Kenya as a country of inequality where the rich could buy their parliamentary seats to participate in politics.[1] These airwaves attack only served to fuel interstate hostility as it helped deepen internal political rivalry in Kenya.

The relations further worsened with the Russian invasion and occupation of Afghanistan in 1979 and Kenya's subsequent boycott of the 1980 Moscow Olympic Games[2] (Kenya's National Olympic Team assembled at Bhukungu stadium – Kakamega, where Moi and his cabinet were chief guests). Meanwhile president Moi in a face-to-face talk with the Russian Ambassador at state house Nairobi on 22nd May 1980, stated that: «Kenya was interested in the development and growth of Russo – Kenya relations and the boycott of Moscow Olympic Games constituted her political tactics to defend Human rights».[3] Kenya seemed to have been satisfied that boycotting the 1980 Moscow Olympic Games, with her allies in the west would sustain pressure for the Russians to abandon the invasion and occupation of Afghanistan.

However, the early 1980's witnessed the warming up of Kenya-Russian relations. An aeronautic agreement was signed to allow the Russian airliner (Aeroflot) to fly direct Moscow-Cairo-Nairobi-Bujumbura, Kigali-Antananarivo routes as Kenyan reciprocal trip was made in March 1983.[4] The relationship continued to improve-in March 1983 when the Russian chamber of commerce secured a mutual agreement in Nairobi with their counterpart the Kenya chamber of commerce.[5] This was followed closely with the Kenya-Russian trade agreement signed in Nairobi in June 1983.[6]

In December 1981, USSR signed a protocol for scientific and cultural cooperation with Kenya which provided for the extension of scholarships to Kenyan students and postgraduates to study in the Soviet Union and provided for the exchange of teachers, scientists and artists. Prior to that, in August, a consumer society delegation from Kenya visited the USSR.

Further to the above agreements a Cultural and Scientific Cooperation was signed in December 1983 to provide 60 scholarships for Kenyan students to study in the Soviet institutions of higher learning, two Soviet doctors to work in Kenya at Moscow's expense, and six more Soviet doctors to work on contract in Kenyan hospitals.

A Soviet delegation headed by a deputy chairman of the presidium of the USSR Supreme Soviet participated in the celebrations of the 20th anniversary of Kenya's independence in mid-December, 1983. In February 1984, Soviet leaders had discussions on trade matters with Elijah Mwangale, Kenya's foreign minister, in Moscow. This was followed by a Soviet trade that visited Nairobi in May and June 1984. As the officials and diplomats discussed trade matters, the Soviet Media carried out a strong criticism on Kenya's decision to allow US warships to use port facilities in Mombasa. However, President Moi chose to ignore this criticism when he met a Russian delegation in Nairobi November, 1984. He instead appealed for more technical cooperation between the two countries, especially in the training of Kenyan Human Resource. As the Cold War came to an end in 1989, a new charter on Kenya-Russian bilateral relations has continued to secure Kenyan Government 25 scholarships annually, markets for Kenyan tour industry, Cut Flower and tea sectors of the Kenyan economy. Russian products are making inroads to the Kenyan market for instance wheat and wheat, steel, paper and paperboards, zinc, rubber products and fertilizers.

[1] Moscow Radio in Kiswahili, August 31, 1979.
[2] *The Standard,* 23 May 1980.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Ibid.

Kenya-Russia relations have impaired considerably following the demise of Communist Soviet Union and both countries embracing multipartism. The town states have also become more open to the international trade.

Thawing of USSR – USA Relations and the Post-Cold War Impact on Kenya – Russian Relations

Relations between the United States and the Soviet Union had been strained since 1917 Bolshevik revolution in Russia which established proletariat dictatorship and called for the destruction of Capitalism. The U.S. did not recognize USSR diplomatically until 1933. During the Second World War both USA and USSR fought the Germans as allies but parted ways after the war in 1945.

In the 1940's and the 1950's each side accused the other of wanting to rule the world and every revolt and international incidents as part of the Cold War. In the 1960's China accused the Soviet Union of betraying Communism as France demanded independent leadership in Europe. In 1979 Cold War tensions rose again as after USSR invaded Afghanistan to help defend pro-communist government from Afghan rebels.

In the late 1980's USSR-USA relations began thawing and the Cold War tensions eased after the signing of a major US-Soviet arms control agreement and the withdrawal in 1989 of Soviet troops from Afghanistan. In the late 1980's, the USSR began to reduce its Conventional Military forces in Eastern Europe, Gorbachev worked for a more decentralized economic system and allowed more democracy and freedom of expression in the USSR and Eastern Europe. In 1989 Communist rule came to an end in a number of Eastern European countries, the Berlin wall collapsed, German reunification took place in 1990 and 1991 the Soviet Communist Party lost control of the Soviet government. In 1992 Russia President Boris Yeltsin and USA President George Bush declined that they did not view each other countries as potential enemies. The above events effectively ended the Cold War.[1] Communism as an ideology lost its appeal and the Soviet Union collapsed as Brzezinski's 1970's prophesies came to pass:

Communism until recently the most militant revolutionary ideology of our day is dead – Communism is dead as an ideology in the sense that it is no longer capable of mobilizing unified global support on the contrary, it is increasingly fragmented by conflicts among constituent units and parties. This has contributed to ideological disillusionment among its members. Communist states, Communist movements, and Communist subversion are still very important on the international scene, but Communist ideology as a vital force is no longer with us.[2]

It is generally accepted that the failure of Gorbachev's reforms in the new thinking era,[3] coupled with instability in the international economic environment, Moscow's over stretched military and economic activities in the third world were a major contributor to the collapse and the end of the cold war.[4]

[1] http://www.laughtergeneology.com/birv/histprof/misc/ColdWar.htmI

[2] Bzhezinski, Z., *Between The Ages: American's Role in the Technetronic Era.* New York: Viking Press, 1970, p. 375.

[3] See: Gorbachev, Perestroika; Saivets and Woodby, *Soviet-Third World Relations;* Richards, The Soviet Oversees Information Empire; Petro. N.N. and Rubinstein, A.Z., *Russian Foreign Policy from Empire to Nation-State,* Longman, 1997; Marantz, P., Russian Foreign Policy during the Yeltsin's Second Term. *Communist and Post Communist Studies,* Vol. 30, No. 4, 1997, pp. 345-351.

[4] For an in-depth analysis of multifaceted nature of Russian relations see, Protopopov, A.S., Kosmenko, V.M. and lmanova, N.S., eds., *Istoria Mezhdunarodnykh Otnosheniy i Vneshney Politiki Rossii, 1948-2005* (His tory of International Relations and Foreign Policy of Russia, 1948-2005). – Moscow: Aspekt Press, 2010; and for Africa(n) Russian relations see; Matusevich's, Probing the Limits of Internationalism; An Exotic Subversive; Journeys of Hope and Zevin, L.Z. and Simonov, E.L., Pomosh i Ekonomicheskoe Sotrudnichestvo SSSR s Rasvivayushimisia Stranami: Uroki, Problemy Perspectivy Assistance and Economic Cooperation between USSR and Developing Countries: Lessons, Problems and Perspectives. *Narody Azii i Afriki,* 2, 1990, pp. 5-17.

The rapid decline in Cold War tensions meant that mutual suspicion was no longer the order of the day and this is associated with thawing of relations between USSR and USA.[1] For the first time there appeared to be both practical and a conceptual way out of the «prisoner's dilemma» that had for so long confounded those seeking a model for how the Cold War could be end.[2]

The cold war rationale that largely guided US and USSR Africa relations from the 1950's to late 1980's was dramatically called into question by the radical changes in the Soviet bloc initiated by Mikhail Gorbachev after his emergence in 1985 as the leader of the Communist party of the Soviet Union. Gorbachev's *Novoye myshlenye* (new political thinking) led to a new search for a form of international co-operation.[3] It led to tolerance to liberal democracy and although Africa became peripheral in Russia's foreign relations. The new thinking entailed a rejection of revolutionary struggles, and the need for negotiations and compromise to resolve ongoing regional disputes between Washington and Moscow and a reset on their Africa policies.[4]

Conclusion

Kenya's Soviet/Russia relations highlight the dilemmas of a developing country in dealing with complex international relations. Post-colonial Kenyan governments maintained a pro-western foreign policy posture with astonishing devotion; nonetheless, Moscow and Nairobi shared a common posture on the issue of decolonization, regional and global security issues. Kenyatta's ambiguous, cooperative and at times conflictual relations with the communist countries are a miniature of Kenya – Soviet/ Russian relations.

An analysis of Kenyatta's Moscow years (1929; 1932-1933) and in particular his studentship at the Communist University of the Toilers of the East (KUTV) indicates that he spent most of his time either teaching Kiswahili, attending international labour conferences or writing articles to journals/ newspapers that condemned colonialism and imperialism and teaching Kiswahili language rather than attending classes, a clear indication that he found himself at KUTV accidentally under the influence of his friend George Padmore. Kenyatta dismissed the Soviet Communist Party Syllabus of education for being propagandist and became attracted only to aspects of Marxism's that were meaningful to his experiences in Kenya, for example, the more systematic and vigorous withering away of the colonial state, the welfare system of states subsidies to hospitals, schools issues he implemented in the post-colonial Kenyan state.

However, Kenyatta could not understand why Marxism down played race and negative nationalisation (ethnicity) critical obstacles of nationhood. Kenyatta discovered that the Communist s in both Britain and Moscow were racist, paternalistic and ethnocentric. The Communist in Moscow did not trust him because he had been in Britain and was perhaps a British spy. When Kenyatta returned to Kenya after World War II, the realities of African nationalism and the struggle for independence in Kenya influenced his participation more than the rhetoric of liberal democracy and Marxism.

The post-colonial Kenyan governments have maintained diplomatic relations with Soviet Union and the then Eastern bloc countries at the Ambassadorial levels. Bilateral agreements signed partly at ministerial and parliamentary levels, saw a high turnover of Human Resource development though Kenya's diplomatic nerve center remain Western Europe, North America and Japan. The Western hold on Kenya did not diminish or disappear with the retreat of the British colonials at independence in 1963. Instead, the dynamics of the global liberal economic order, geopolitics and geo-strategy drew Kenya increasingly into its fold. Policy directions to facilitate the convergence of the shield and the sickle became lukewarm, at best, and turbulent, at worst.

[1] Axelrod R., *The Evolution of Cooperation.* – New York: Basic Books, 1984; Oye K., *Cooperation Under Anarchy.* Princeton University Press, 1986.

[2] Axelrod, *Cooperation Under Anarchy*; Jervis, R., Realism, Game Theory and Cooperation. *World Politics,* Vol. 40, No. 3, 1988.

[4] Gorbachev M.S., *Perestroika.* – New York: Harper and Row, 1988.

[5] See for instance: Adade C., From Paternalism to Ethno-Centralism: Images of Africa in Gorbachev's Russia. *Race and Class.* Vol. 46, No. 4, 2006.

The Kenyatta administration of the 1960's and the 1970's recognized the merits of non-alignment in the global politico-ideological context dubbed the «Cold War» that not only pitched the capitalist domain against the Communist /socialist bloc but also it pitched the pro-government members of parliament, led by Tom Joseph Mboya against the opposition elements, led by Jaramogi Oginga Odinga. In the final analysis, the former advocated a policy which would guarantee continuity of entrenched free enterprise economy under the British colonial state. The latter, on the other hand, was reformist and championing a complete break with the past and transfer of authority and ownership of wealth and resources wholesale to the people – the workers, the fanners, herdsmen, squatters, etc., dispossessed by colonialism. Non-alignment would seem, though to have been a facade, a brilliant ploy used by die hard pro-government wing of KANU established to portray some resemblance of political neutrality in global political affairs.

In reality, the lure of private property ownership deflected political class away from the socialist orbit. Overtures by Soviet Union and its allies to nurture close bilateral relations received lip service from the independent Kenyan governments. Limited activity took place between Nairobi and Moscow since the establishment of diplomatic relations and opening of diplomatic missions in early 1960's. In spite of the bilateral agreements on trade Soviet trade with Kenya remained inconsiderable. It is only with the end of the «Cold War» that Kenya – Russian relations is undergoing resuscitation as is witnessed by the strong interests from both countries for stronger viable relations between them.

Since the end of the Cold War, Kenya and Russia have enjoyed warm and cordial relations. In May 1997 a protocol on Consultation between the Foreign Affairs Ministries was signed by senior officials of the two ministries and enables them to hold bilateral consultations in each other's capitals at least once every year. Today, Kenya and Russia share common grounds on areas ranging from global security issues particularly on terrorism and piracy, refugee crisis, poverty eradication and international trade.

The end of the Cold War witnessed democratization and liberalization of politics in the developing world as both industrialized nations stopped propping up allied authoritarian governments in the Third World. During the Cold War period both blocs tolerated many authoritarian regimes because they were allies. Democratization reduced government oppression, empowered the masses and protection of basic human rights.

Kenya re-introduced multi-party politics in 1992, drew up and adopted a constitution with greater human rights guarantees in 2010. The constitution has created more cohesive institutions of shared power, private sector autonomy, free press, stable and sustainable development. Kenya's external engagement is in support of democratization, peace building, peace keeping, international trade and direct investment.

Globalization of the world economy has picked up as average volume of world trade has increased. With no threat of super power war and expropriation greatly lessened, multinational corporations (MNCs) can move capital and equipment from Europe, America to Africa and vice versa.

The end of the Cold War led to decreased interstate conflicts in the developing countries and strengthening of the free market economy. On the other hand, civil conflicts brought about by ideological rivalry lessened and significant decrease in external involvement in African affairs.

The competition between the two blocs opened up opportunities for many young people from the developing world including Kenya as the adversaries sought to secure their spheres of influence. Kenya is today an admirable economic and diplomatic giant because it managed to maneuver the turbulence of socialist orientations and the trappings of the cold war.

Generally in the African continent the end of the Cold War led to increased democracy, reduced domestic and interstate conflicts and greater participation in the global economy. The Human Rights Charter has been enshrined in many African constitutions and citizens' participation in governance matters have increased[1].

*****

[1]Extract from the book: Paul Kurgat, Alice Kurgat, The Shield and the Sickle: Aspects of Kenya-Russian Relations from the Colonial Period to the End of the Cold War (1929-1989), Moscow. 2012

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И КЕНИЕЙ

С.Я. Синицын[1]

…Уже в первые дни пребывания в Найроби советская делегация была принята Огингой Одингой, который изложил свои оценки положения дел в стране, отметив, что обстановка далеко не стабилизировалась, что экономика страны находится в руках англичан и выходцев из Азии. По его словам, в правительстве нет единства в вопросе о пути становления независимой Кении: часть стоит за капиталистический путь, но Кениата и большинство в правительстве выступают за социалистический путь развития. Он высказался за направление Советским Союзом своих экспертов в Кению для разработки программы экономического развития страны. Огинга Одинга заверил нас, что вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР практически решен и принял копии наших проектов документов по этому вопросу.

В первые же дни состоялась беседа нашей делегации с госсекретарем в кабинете премьер-министра Джозефом Мурумби, который непосредственно отвечал за подготовку документов об установлении дипотношений Кении с другими странами. Он обещал незамедлительно сообщить Кениате об имеющемся у нас для него личном послании Н.С. Хрущева. Сказал, что кенийская сторона намерена направить в Москву своего посла. Он высоко отзывался о роли СССР в поддержке борьбы Кении за независимость, как и борьбы других колониальных народов, отмечая, что эта поддержка помогает кенийцам в их взаимоотношениях с Западом, вынуждая его идти на уступки. Он рассказал, что США были недовольны приглашением КНР на торжества, настаивали, чтобы были приглашены и чанкайшисты, давая понять, что могут пойти на сокращение своей экономической помощи Кении. Однако этот демарш был оставлен кенийцами без внимания. Наша страна, говорил Мурумби, не может игнорировать ни СССР, ни КНР, население которых превышает миллиард человек, и будет проводить независимую политику.

Конечно, наиболее важные беседы состоялись непосредственно с Джомо Кениатой, и их было несколько. Первая, носившая сугубо официальный характер, состоялась в его офисе в присутствии ряда других лиц. Он тепло приветствовал нашу делегацию, заявил, что давно мечтал об установлении советско-кенийских отношений, чему ранее барьером служил колониализм, но теперь этот барьер устранен. Он с благодарностью воспринял содержание поздравительного послания Хрущева и заявил о готовности установить дипломатические отношения с СССР и уже в ближайшие дни подписать соответствующие документы. Прощаясь, он пригласил нас сразу по окончании празднеств посетить его в загородной резиденции в Гатунду.

Следующая беседа состоялась у генерал-губернатора, где мы сидели с Кениатой за одним столом. Он говорил, что у Кении много общего с Алжиром, так как обе страны «получили свободу не на тарелочке, а вырвали ее у колонизаторов в результате упорной борьбы». Он подтвердил, что отсрочка с провозглашением республики вызвана тактическими соображениями с учетом сложной обстановки. Кенийцы рассчитывают на помощь СССР, у которого они могут многому научиться. Со своей стороны Кения готова предоставить советским людям возможность изучать здесь язык суахили, на котором в Восточной Африке говорят 40 миллионов человек. Кения могла бы использоваться также для отдыха советских космонавтов. Кениата сказал, что хотел бы обсудить сомалийскую проблему и военную помощь СССР сомалийцам, выразив при этом удовлетворение принципиальной позицией Советского Союза в данном вопросе. По его мнению, СССР и США – это две державы, от которых зависят судьбы мира на земле. Кения хочет сотрудничать со всеми странами, «брать все полезное как от Востока, так и от Запада».

[2] ***Сергей Яковлевич Синицын*** – видный советский дипломат, сотрудник посольств в Эфиопии и Замбии. В 1978-1986 годах – заместитель заведующего Третьим африканским отделом МИД СССР. В 1991-1992 годах – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (РФ) в Республике Сан-Томе и Принсипи. Автор многих книг о дипломатической службе.

14 декабря Джомо Кениата и С.Г. Лапин обменялись письмами об установлении дипотношений между СССР и Кенией на уровне посольств и договорились опубликовать соответствующее коммюнике. В тот же день Кениата принял нашу делегацию в Гатунду, недалеко от столицы. Небольшой деревянный домик, просто обставленный и охраняемый спецподразделением вооруженных сил. На лужайке перед домом расположился военный оркестр. Нас встретила, а затем угощала кофе молодая миловидная африканка – как оказалось, жена Кениаты (третья по счету: первая была кенийкой, африканкой, а вторая – англичанкой). Затем вошел Кениата, усадил нас в кресла, сказав довольно чисто по-русски «Здравствуй» и «Садитесь, пожалуйста». Заметил, что, конечно, забыл русский язык, но некоторые слова еще помнит и всегда с теплотой вспоминает свое пребывание в СССР. Мы стали вручать ему привезенные подарки, доставая их из коробки. «Коробка», – сказал Кениата, вспомнив еще одно русское слово.

Главным подарком, помимо альбомов и прочего, был крупный белый бюст В.И. Ленина с задумчивым выражением лица, нестандартный на фоне растиражированных в те годы «вождистских» изображений Ленина. История этого подарка не совсем обычна. Перед отъездом из Москвы мне поручили подобрать подарок для Джомо Кениаты. Обычно при поездках правительственных делегаций подарки для иностранных лидеров приобретались по безналичному расчету в «подарочном фонде» либо Совета Министров, либо ЦК КПСС (в нашем МИД подобный фонд был гораздо беднее). Однако ничего подходящего, на мой взгляд, там не было: стандартные безликие бюсты Ленина, вазы с изображением Кремля, чайные наборы, палехские шкатулки и пр. Тогда я попытался найти что-нибудь в художественных магазинах-салонах, но и здесь меня постигла неудача. И вот, пребывая в полном разочаровании от тщетности своих поисков, я случайно заглянул в магазин «Фарфор» в Столешниковом переулке и там в углу обнаружил этот бюст Ленина, причем стоил он совсем недорого. Моя покупка понравилась и Лапину, и Манчхе. Главное, конечно, было то, что бюст явно понравился Кениате, который водворил его в своем кабинете.

Разговор с Кениатой в его загородном доме был долгим и непринужденным. Чувствовалось, что хозяина не сковывают стены официального офиса, где он, видимо не без оснований, опасался подслушивающей аппаратуры. Кениата несколько раз возвращался к своему пребыванию в СССР, подчеркивал, что через все годы испытаний, несмотря на интриги недругов, приклеевших ему ярлык «коммуниста», он сохранил веру в Советский Союз. «Россия – это родина в моем сердце», – говорил он, отмечая большую роль СССР, Н.С. Хрущева в борьбе за обеспечение мира и ликвидацию колониальной системы. Он поблагодарил за нашу информацию о согласии советской стороны направить в Кению сельскохозяйственных экспертов. Сказал, что правительство Кении остро нуждается в помощи друзей в плане добрых советов, подготовки кадров и пр. и выразил уверенность, что «Никита Сергеевич Хрущев понимает нас». Простые люди Кении думают, продолжал он, что независимость как манна небесная принесет им все блага. Народ верит КАНУ и правительству, и потому правительство должно хоть что-то дать народу, чтобы тот видел ощутимые результаты своей независимости. «Пустой желудок нельзя убедить в преимуществах свободы», – говорил Кениата, – «и поэтому определенное время нам придется быть на положении попрошаек». Он высказался за скорейшее оказание, теперь уже открыто, помощи КАНУ по линии КПСС в деле подготовки партийных кадров, а также просил ускорить направление в Кению советского посла, которому обещал оказывать все необходимое содействие.

При обсуждении международных проблем Кениата позитивно расценил недавно заключенный Московский Договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, заметив: «Мы в Африке всегда боролись против таких испытаний, в частности проводимых Францией в Западной Сахаре, а что касается присоединения Кении к этому договору, то этот вопрос требует дополнительного изучения». Кениата очень внимательно выслушал нашу информацию о причинах ухудшения советско-китайских отношений и живо реагировал на изложенное ему содержание письма Н.С. Хрущева к Мао Цзедуну на этот счет. Он сказал, что считает важным, чтобы СССР и Китай были едины в том, что касается укрепления мира на земле и сдерживания давления империалистических сил, и поэтому надеется, что китайские руководители

дадут надлежащий ответ на это письмо. Тем самым кенийский лидер воздержался от выражения своей позиции по существу советско-китайских разногласий, не критиковал ни одну из сторон, явно не желая включаться в спор «двух социалистических гигантов». Кстати, такой подход был характерен для большинства развивающихся стран, рассчитывавших на помощь не только Советского Союза, но и Китая, который к тому же в их глазах по уровню экономического развития и истории отношений с Западом был им ближе, чем СССР.

Все же главное внимание в беседе Кениата уделил вопросу о Сомали, непосредственно затрагивающему проблему территориальной целостности Кении. Учитывая нашу принципиальную позицию, он говорил, что советская помощь Сомали должна предоставляться таким образом, чтобы она не использовалась против других друзей Советского Союза, в частности Кении.

Отношения между Сомали и Кенией обострились, накануне в ряде пунктов были обстреляны кенийские пограничные посты, имели место пограничные столкновения. У Кении хорошие отношения со всеми другими соседями, и она готова урегулировать с Сомали имеющиеся разногласия путем переговоров, но сомалийцы не хотят этого и продолжают открыто претендовать на северо-восточные районы Кении. Зачем, спрашивал Кениата, маленькому Сомали нужна армия в 20 тыс. человек, как не для агрессии?

Он согласился, однако, с тем, что, наверное, было бы хуже, если бы Сомали вооружилась с помощью США, Англии и ФРГ, и заметил, что сомалийский премьер-министр Абдуллахи Исса информировал его о том, что Сомали обратилась за военной помощью к СССР только ввиду позиции Запада, пытающегося давить на Сомали в вопросе о военной помощи, ограничивая ее и навязывая свои условия. Кениата просил передать Н.С. Хрущеву свою озабоченность по поводу сомалийских дел и посодействовать их урегулированию. Конечно, эта просьба была передана по назначению, но и помимо нее с нашей стороны были вскоре предприняты шаги дипломатического характера по смягчению возникшей напряженности на Африканском Роге, имевшие, правда, непродолжительный эффект.

Кениата тепло распрощался с нами, вышел на крыльцо своего дома и помахивал рукой, пока наша машина не набрала ход. С тех пор мне больше не доводилось встречаться с этой колоритной африканской политической фигурой. Мы уезжали из Кении, обнадеженные дружеским вниманием к нам кенийского руководства и в надежде, что отношения СССР с этой страной получат быстрое развитие. Поначалу эти надежды как-будто оправдывались: был подписан ряд межправительственных соглашений, в том числе по экономическому сотрудничеству, однако, если не считать построенного нами госпиталя в Кисуму и прием на учебу в СССР кенийских студентов, сотрудничество двух стран далеко не достигло ожидавшегося нами характера и уровня. Одной, но отнюдь не основной причиной того была наша военная помощь Сомали. Главная же причина заключалась в характере самого кенийского режима, отягощенного внутренними разногласиями, огромным влиянием Запада в экономике и понятным стремлением западных кругов не допустить в контексте «холодной войны» усиления присутствия СССР в такой стратегически важной и сравнительно экономически развитой стране, как Кения. Наши противники пытались, и небезуспешно, вызвать недоверие Кениаты к нашим контактам с Огингой Одингой и другими «левыми», активно содействовали расколу кенийского руководства по политическому и племенному принципу. Наши отношения заметно испортились в начале 1965 года, когда в Момбасу не было допущено советское судно, якобы загруженное тяжелым вооружением, не предназначенным для правительства Кении. Последовали демарши и контр-демарши. Ужесточилось отношение к нашим представителям в Кении, а в 1966 году некоторые наши сотрудники посольства были объявлены кенийским правительством «персоной нон грата» и им пришлось покинуть страну... Но тогда, в декабре 1963 года, мы покидали Найроби с чувством исполненного долга…[1]

*****

[1] Выдержка из главы книги «Оставленные рубежи. Из воспоминаний дипломата». – М.: Институт Африки РАН, 2006.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КЕНИИ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Л.В. Владимиров[1]

2 января 1964 г. в Москву прибыл первый посол Кении в СССР Адала Отуко. Он был тепло встречен в советской столице как первый официальный посланец кенийского народа и независимой дружественной страны. «Я очень счастлив,— сказал по прибытии в Москву Адала Отуко,— приехать в эту великую страну, народ которой в течение долгого времени помогал нам в борьбе против колониализма, против иностранного господства. Поэтому Советский Союз — страна, которая известна не только в Кении и во всей Африке, но и во всем мире. Мы восхищаемся вашими научными и техническими достижениями».

Вскоре был назначен и первый советский посол в Кении В.С.Лавров. Он прибыл в Найроби 10 марта 1964 г. Приезд советского посла в Кению совпал с периодом, когда западные державы не щадили сил для того, чтобы раздуть в мировой печати кампанию вокруг вопроса о советских специальных поставках в Республику Сомали, которые были осуществлены правительством СССР по просьбе сомалийского правительства в интересах укрепления обороны и суверенитета этой страны. Разжигая клеветническую кампанию по вопросу о специальных поставках в Сомали, западные державы, прежде всего Англия, стремились с самого начала осложнить отношения Советского Союза с Кенией. Советские поставки Сомали империалистическая печать изображала в том свете, будто бы Сомали готовится к захвату пограничной северо-восточной провинции Кении, а Советский Союз якобы способствует осуществлению этих замыслов. Все это, разумеется, являлось сплошным вымыслом. Тем не менее, фальсифицированные «сообщения» доходили до Кении.

В аэропорту Найроби, встречая прибывших советских дипломатов, кенийские и иностранные журналисты, прежде всего, задали вопрос о поставках советского специального имущества в Сомали. На это им ответили, что империалистическая пресса пытается создать несуществующую проблему, с тем чтобы нанести ущерб отношениям Советского Союза с дружественными ему государствами. Однако все эти попытки неминуемо потерпят провал. Было сказано и о том, что советские люди с большой симпатией следили за многолетней героической борьбой мужественного кенийского народа и оказывали ему политическую и иную возможную помощь. Теперь, когда борьба кенийского народа за независимость увенчалась победой, Советский Союз готов развивать со свободной Кенией разносторонние дружественные отношения и сотрудничество на основах полного равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела, что отвечает интересам народов обеих стран. Изложение интервью посла СССР было опубликовано в кенийских газетах, передано по радио и телевидению Найроби. Оно противодействовало клеветнической кампании империалистических держав.

В июне 1964 года в центре Найроби, на Лемана-стрит, было учреждено посольство Советского Союза. Здесь стали проводиться кинопросмотры, встречи и другие мероприятия. Многие кенийские политические деятели, представители интеллигенции и общественности страны познакомились здесь с советскими фильмами, творчеством советских художников, с произведениями искусства СССР и союзных республик. Впервые кенийцы слышали правдивую информацию о Стране Советов, о жизни советского народа.[2]

[2] Л.В. Владимиров – псевдоним Владимира Сергеевича Лаврова – видного советского дипломата, первого Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Республике Кения. .

[1] Выдержка из книги «Рожденная в огне. Путь Кении к независимости». – М.: Политиздат, 1972.

ДОКУМЕНТЫ

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ КЕНИИ ПО СЛУЧАЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ КЕНИИ

11 декабря 1963 г.

Позвольте, господин Премьер-министр, поздравить Вас по случаю знаменательного события в истории вашей страны – провозглашения независимости Кении и передать Вам лично, правительству и народу Кении от имени правительства и народа Советского Союза и от себя лично наилучшие пожелания успехов в укреплении политической и экономической независимости Кении.

Советские люди всегда были преисполнены чувства солидарности с народом Кении в его героической борьбе за свою национальную свободу и независимость и искренне радуются тому, что кенийцы вступают на путь самостоятельного государственного развития.

Провозглашение независимости Кении является еще одним выдающимся событием в историческом процессе освобождения всего африканского континента от последних остатков колониального господства.

Советское правительство торжественно заявляет о своем признании Кении как независимого и суверенного государства и выражает готовность установить с нею дипломатические отношения и обменяться дипломатическими представительствами на уровне посольств.

Позвольте, господин Премьер-министр, выразить уверенность, что между Союзом Советских Социалистических Республик и независимой Кенией будут развиваться отношения дружбы и всестороннего сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования.

Председатель Совета министров СССР.

СООБЩЕНИЕ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ОБМЕНЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМИ МЕЖДУ СССР И КЕНИЕЙ

15 декабря 1963 г.

В результате переговоров между советской правительственной делегацией, прибывшей в Найроби для участия в торжествах по случаю провозглашения независимости Кении, и правительством Кении достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами на уровне посольств между Союзом Советских Социалистических Республик и Кенией.

Глава советской правительственной делегации заместитель министра иностранных дел СССР С.Г. Лапин и Премьер-министр Кении Джомо Кениата обменялись соответствующими письмами по данному вопросу.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДЕТЕКТИВ

ДЕЛО «ЛОКЕРБИ» В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Мезяев, Дело «Локерби» и современное международное право (введение в тему)
Ханс Кёхлер, Вновь о «Деле «Локерби»
Kohler H., The Lockerby Trial Revisited
War in Ukraine / Tragedy of flight MH17. Urgent call for independent international investigation

Дело «Локерби» и современное международное право (введение в тему)

В настоящем выпуске нашего журнала мы публикуем материалы, посвященные одному из выдающихся событий в международном праве и международных отношениях – так называемому «Делу Локерби». Данное дело рассматривалось в Международном суде ООН, однако суд заявил, что не имеет юрисдикции рассматривать жалобу Ливии против США и Британии. Ливийских обвиняемых судил специальный «гибридный» суд (шотландские судьи, заседавшие на военной базе Цейст в Нидерландах, судили двух граждан Ливии). Кстати, в интервью с одним из бывших послов России в Ливии (также опубликованном в настоящем выпуске журнала) оказалось, что идея такого суда была выдвинута именно Россией. Мы публикуем статью наблюдателя от ООН на данном судебном процессе профессора Ханса Кёхлера, который, через почти десять лет после вынесения приговора по данному делу, вновь возвращается к некоторым правовым и политическим аспектам данного процесса.

Системный анализ «Дела Локерби» показывает, что он не является историей. Имеется немало оснований полагать, что трагедия малайзийского лайнера MH17, сбитого в небе над Украиной в июне 2014 года, во многом схожа с провокацией над Локерби... Похоже, что к теме «Дела Локерби» мы ещё вернёмся в следующих выпусках нашего журнала…

ЕЩЕ РАЗ О ДЕЛЕ «ЛОКЕРБИ»

Ханс Кёхлер[1]

Судебный процесс по делу двух ливийских подозреваемых в Специальном Шотландскм Суде, заседавшем в Нидерландах (который продолжался с мая 2000 до января 2001 гг.), и последующее споры по поводу двух апелляций (2001-2002 гг. и 2007-2009 гг.) одного из обвиняемых, который был признан виновным, имели большое значение для оценки проблем и перспектив развития уголовного правосудия в рамках международной политики[2], особенно когда вопрос о личной уголовной ответственности связан с вопросами терроризма, включая государственный терроризм. Полемика не закончилась со смертью 20 мая 2012 года единственного осужденного Абдельбасета Али аль-Мохмед Мегрохи.

[1] ***Профессор Ханс Кёхлер*** – президент Международной организации за прогресс (International Progress Organization), в 2000-2002 годах - международный наблюдатель в Шотландском суде в Нидерландах (на процессе по «делу Локерби»).

[2] См.: *Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads*. Indian edition. New Delhi: Manak Publishers, 2005, pp. 110ff. (First published by Springer, Vienna and New York, 2003.)

Следует напомнить, что летом 2009 года он отказался от своей второй апелляции, представленной в шотландскую Комиссию по пересмотру уголовных дел (SCCRC). Он сделал это вскоре после того, как его посетил в тюрьме с частным визитом министр юстиции Шотландии за несколько дней до того, как он был освобожден из чувства сострадания и вернулся в Ливию как неизлечимо больной пациент. Вопреки впечатлению, созданному СМИ, освобождение из чувства сострадания в соответствии с шотландским законодательством не ведет к прекращению судебного разбирательства. Аль-Меграхи отказался от своей второй апелляции явно под давлением, чтобы увеличить шансы на свое освобождение[1].

Сложность дела Локерби заключается в противопоставлении уголовного судопроизводства (на национальном уровне Шотландии) и политическими противоречиями (на межправительственном уровне). В то время как Суд рассматривал вопрос о личной уголовной ответственности в отношении двух ливийских граждан,[2] на этот судебный процесс постоянно оказывали влияние межгосударственные споры (включая государства – гражданства подозреваемых) по вопросам юрисдикции, а также вопросы ответственности государства (с точки зрения компенсации за гибель людей и возмещении ущерба, причиненного в результате инцидента)[3].

Автор отслеживал данный политический спор с самого начала через Международную организацию за прогресс (IPO) – неправительственную организацию, имеющую консультативный статус при Организации Объединенных Наций – и неоднократно высказывал предложения по мирному урегулированию ситуации, в том числе по вопросу о личной уголовной ответственности обвиняемых ливийских граждан. Когда, примерно через четыре года после инцидента, дело Локерби было представлено Совету Безопасности ООН как проблема международного терроризма, IPO сформировал Комитет экспертов с целью анализа международно-правовых вопросов и политических противоречий между Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Ливией, по вопросам проведения расследования и привлечения к ответственности виновных. В то время мы придерживались мнения о том, что политико-правовой спор должен был быть решен согласно нормам Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (т.н. Монреальской Конвенция 1971 г.)[4].

Что касается судебного аспекта, мы предложили, что сторонам, участвующим в указанном споре, «следует рассмотреть вопрос о личной уголовной ответственности в специальном международном уголовном трибунале»[5]. После сессии в Нью-Йорке 1 декабря 1994 года, в ходе которой были проведены консультации с Председателем Совета Безопасности ООН, мы предложили, среди прочего, что Совет Безопасности ООН должен передать вопрос о личной уголовной ответственность обвиняемых граждан Ливии «уголовному трибуналу шотландских

[3] См.: *Why has the Lockerbie convict abandoned his appeal?* at http://www.i-p-o.org/IPO-nr-doubts-Lockerbie_appeal-31Aug2009.htm.

[4] Один из подозреваемых был оправдан на первом судебном процессе (31 января 2001 г.). Начиная с этой даты, проходят уголовные разбирательства (т.е. процедуры обжалования), связанные только с одним ливийским гражданином.

[5] По вопросу об ответственности государства см. письмо от 15 августа 2003 г. Временного Поверенного в делах Ливийской Арабской Джамахирии при Организации Объединенных Наций на имя Президента Совета Безопасности: Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, Док. S/2003/818, 15 августа 2003 г. См. также выступления д-р Ханса Кехлера, международного наблюдателя на судебном процессе по делу Локерби в Нидерландах (2000-2002) http://ipo.org/koechler-lockerbie-statementaug2003.htm.

[1] "Geneva Declaration of Legal Experts on UN Sanctions against Libya (1992)," in: Hans Koechler and Jason Subler (eds.), The Lockerbie Trial. Documents Related to the I.P.O. Observer Mission. Studies in International Relations, XXVII. Vienna: International Progress Organization, 2002, pp. 109ff. For details see also [Hans Koechler], Memorandum from the President of the International Progress Organization addressed to the President of the Security Council of the United Nations. United Nations / General Assembly / Security Council, Doc. A746/886, S/23641, 25 February 1992, Annex.

[5] Par. 6 of the Geneva Declaration of 23 May 1992, *loc. cit*., p. 110.

судей, проводящих встречи в штаб-квартире Международного Суда ООН»[1]. Тогда, в декабре 1994 года, мы также призвали Конгресс США и парламент Великобритании провести общественные слушания по делу Локерби. Автор впоследствии провел серию консультаций с членами Конгресса США в Вашингтоне.

Когда через четыре года Совет Безопасности ООН приветствовал инициативу судебного процесса над двумя ливийскими подозреваемыми в Шотландском Суде[2], автор повторил мнение Комитета о том, что уголовный трибунал по этому делу должен быть либо международным, либо он должен действовать а рамках международных структур, например, Международного Суда ООН»[3].

Также было заявлено, что «нет оснований сомневаться в докладе независимых экспертов, назначенных Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, по шотландской судебной системе. Проблема, однако, заключается не в том, применяется ли шотландское законодательство или нет, а в том, что может ли трибунал, состоящий исключительно из шотландских судей, удовлетворять требованию беспристрастности»[4].

Судебное разбирательство и первые процедуры обжалования проходили в довольно уникальном экстерриториальном контексте – на территории бывшей военно-воздушной базы НАТО в Нидерландах. Данный факт показал, что проблемы, поднятые автором, были достаточно обоснованы[5]. В отличие от распространенного мнения среди международной общественности, Высший уголовный Суд, заседавший в Камп ван Зейсте, был, по существу, национальным судом, созданным на основании Указа Королевы Великобритании[6], что было предусмотрено резолюцией Совета Безопасности ООН № 1192 (1998), принятой на основании главы VII Устава ООН, и осуществлялось на основе межправительственного соглашения между Великобританией и Нидерландами [7].

Не станем здесь повторять те замечания по судебному процессу и процессу первой апелляции, которые были сделаны мною в двух докладах, представленных в Организацию Объединенных Наций, и направленных, в свою очередь, шотландскому Суду[8]. Мой опыт участия на процессе (с самого начала судебного процесса, в мае 2000 года и до окончания рассмотрения первой апелляции в марте 2002 г.) показал, что это было *mission impossible* для любой судебной власти, будь то в Шотландии или в любом ином месте, в плане удовлетворения основным стандартам справедливости и беспристрастности. Ибо это дело являлось частью международного спора, более того, спора, касающегося ответственности государств за акты терроризма.

Мы полагаем, что после оглашения судебного вердикта в январе 2001 года и после апелляционного решения в марте 2002 года[9] – подтвердилось, что имела место судебная ошибка[10],

[1] Par. 7 of the «New York Declaration of Legal Experts on U.N. Sanctions against Libya», in: Hans Koechler and Jason Subler (eds.), *op. cit.*, p. 112.

[2] Resolution 1192 of 27 August 1998.

[3] Hans Koechler, *Statement on behalf of the Committee of Legal Experts on UN sanctions against Libya* (3 September 1998), Par. 5, *op. cit*., p. 116.

[4] Par. 6, *loc. cit.*

[5] For a documentation of the commentaries and analyses see Hans Koechler and Jason Subler (eds.), *op. cit.*

[6] *United Nations. The High Court of Justiciary (Proceedings in the Netherlands) Order 1998*: United Nations, Security Council, Doc. S/1998/795, 24 August 1998, Annex I.

[7] Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Kingdom of the Netherlands concerning a Scottish Trial in the Netherlands including Annexes and Exchange of Notes. The Hague, 18 September 1998, Foreign & Commonwealth Office, Treaty Series No. 43 (1999).

[8] See "Report on and evaluation of the Lockerbie Trial conducted by the special Scottish Court in the Netherlands," Santiago de Chile, 3 February 2001; and "Report on the appeal proceedings at the Scottish Court in the Netherlands," Vienna, 26 March 2002, published in: Hans Koechler and Jason Subler (eds.), The Lockerbie Trial, pp. 15ff and 25ff respectively. – For a complete documentation of the author's international observer mission at the Scottish Court in the Netherlands and the worldwide debates about international criminal justice initiated by the two reports see the dedicated web site of the International Progress Organization at http://i-p-o.org/lockerbie_observer_mission.htm.

[4] См.:John P. Grant, The Lockerbie Trial: A Documentary History. Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana Publications, 2004.

[5] См.: BBC NEWS от 14 марта 2002

то есть ливийский гражданин, который был осужден, не был виновен в предъявленных ему обвинениях. Позже, по прошествии шести лет, шотландская Комиссия по пересмотру уголовных дел (SCCRC) пришла к такому же выводу относительно возможной судебной ошибки[1].

С решением SCCRC в июне 2007 года о направлении дела аль-Меграхи назад в апелляционный суд, дело прибрело крайне сложный и деликатный политический характер.

В 2008 году ситуация осложнилась ещё больше, после того, как министр иностранных дел Великобритании издал распоряжение, согласно которому были засекречены определенные доказательства (а именно, секретные документы иностранного правительства) в пользу защиты обвиняемого. В государстве, в котором положения Европейской Конвенции о правах человека 1950 г., касающиеся справедливого судебного разбирательства, и где они скрупулезно соблюдаются, перспектива прекратить производство по факту сокрытия доказательств, приобрела реальный характер.[2]

Тем временем, после отказа от рассмотрения второй апелляции в 2009 году и смерти заявителя в 2012 году, шотландская газета *The Herald* раскрыла информацию о секретном документе, о котором британское правительство не хотело сообщать общественности. Предположительно, данный документ исходил от правительства Иордании и доказывал причастность к преступления иных лиц.[3] Интересно отметить, что данный документ до сих пор так и не привлёк внимания средств массовой информации, а власти Великобритании продолжают хранить молчание о самом факте его существования.

Нераскрытие доказательств перед защитой делает слишком очевидным то, что проблемы, с которыми столкнулись в ходе разбирательства с самого начала, в любом случае не были решены. Вместо того, чтобы быть обычным уголовным процессом, дело Локерби стало вопросом международной политики, а не правосудия. Данный характер не изменился и с решением SCCRC о передаче дела обратно в суд кассационной инстанции в 2007 году. Судьи не поставили под сомнение решение британского министра иностранных дел (в связи с поданной затем второй апелляцией).[4] Прежде чем аль-Меграхи поспешно отказался от своей апелляции, он, казалось, не соглашался с просьбой министра иностранных дел о назначении «специального адвоката» [5]. Это означает, что защита была бы лишена доступа к важным материалам, которые, как мы теперь знаем, находились в распоряжении прокуратуры еще до начала судебного разбирательства в Нидерландах. О каком равенстве сторон может идти речь, если очень важные доказательства были доступны только одной стороне?[6] Состязательная система уголовного судопроизводства приобрела бы абсурдный характер, если суд вынужден был бы работать, основываясь на предоставлении «информационной привилегии» стороне, представляющей

[6] Scottish Criminal Cases Review Commission, News Release: Abdelbaset Ali Mohmed Al Megrahi, 28 June 2007: "The Scottish Criminal Cases Review Commission ... has today referred the case of Abdelbaset Ali Mohmed Al Megrahi ... to the High Court of Justiciary," at http://www.sccrc.org.uk/ViewFile.aspx?id=293.

[7] Подробнее см.: I.P.O. News Release: Statement by Dr Hans Koechler, International Observer, appointed by the United Nations, at the Scottish Court in the Netherlands (Lockerbie Trial), on the withholding of supposedly secret evidence from the Defence by order of the Government of the United Kingdom, Los Angeles, 25 February 2008, at http://i-p-o.org/Lockerbie-statement-koechler-25Feb08.htm, and the author's letter, dated 21 July 2008, to the Foreign Secretary of the United Kingdom, David Miliband, at http://i-po.org/ipo-nr-21July2008-lockerbie_appeal.htm.

[8] How UK Government hid secret Lockerbie report, by Chief Reporter Lucy Adams, The Herald, Glasgow, 1 June 2012, at http://www.heraldscotland.com/news/crime-courts/how-uk-government-hid-secretlockerbie-report.17751710.

[1] В ответе от 27 августа 2008 года на письмо автора министр иностранных дел Дэвид Милибэнд, министр иностранных и по делам Содружества писал: «По оценке министра иностранных дел о том, что выпуск этого материала будет делать реальные и долговременный ущерб отношениям Великобритании с другими государствами и национальной безопасности Великобритании».

[2] значение этого решения объясняется более подробно ниже.

[3] The Greshornish House Accord of 16 September 2008, co-sponsored by the author, has put special emphasis on this question in the context of Scotland's independent judicial system: "Whilst Scotland retains an adversarial system as opposed to an inquisitorial system, the existence of a real equality of arms is crucial to the delivery of justice." (The Lockerbie Case – Quid nunc, Scotia? Greshornish House Accord, Isle of Skye, 16 September 2008, Answer 4/1, at http://i-p-o.org/Greshornish_House_Accord-16Sept08.htm.)

обвинение. Нельзя допускать подобного рода *reductio ad absurdum* ни при каких обстоятельствах. Не должно возникать никаких иллюзий: судебное разбирательство невозможно, если не может быть обеспечена справедливость уголовного процесса. Слушания, когда предоставляются доказательства, в доступе к которым отказано другой стороне, должны быть признаны осуществлением авторитарной (государственной) власти – и таким образом это является насмешкой над принципом разделения властей и принципом верховенства закона.

Как я объяснил в своем письме британскому министру иностранных дел от 21 июля 2008 года,[1] что существует реальная возможность подобного сценария. 13 июня 2008 года судебная палата Международного уголовного суда решила приостановить разбирательство по делу *Прокурор против Тома Лубанги Дьило* из-за нераскрытия (non-disclosure) защите оправдательных материалов.[2] Судьи заявили: «Палата без колебаний пришла к выводу, что право на справедливое судебное разбирательство, – которое, без сомнения, является одним из основных прав обвиняемого, – включает в себя право на раскрытие оправдывающих материалов...»[3]. Они в дальнейшем ссылались на более раннее постановление Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, согласно которому «публичный интерес [...] исключается, если его применение лишает обвиняемого возможности установить его невиновность».[4]

Кроме того, совершенно ясно, что назначение «специального адвоката» судом, который представил конфиденциальное резюме доказательств по указанному вопросу – ни в коей мере не решило бы проблему. Удивительно, что Высший суд вообще назначил такого адвоката (своим решением от 19 августа 2008 года), о чём, кстати, суд объявил только после вмешательства автора.[5] Возникают вопросы – на основе каких критериев был выбран данный адвокат? Кто должен был решать, какая информация будет раскрыта, а какая нет? В этой почти кафкианской ситуации, обвиняемому никогда не будет позволено знать в полной мере, какая дополнительная информация была в распоряжении прокуратуры. Таким образом, он не только лишен основных прав человека (закрепленных в ст. 6[3][c] Европейской конвенции о правах человека) на защиту лично либо с помощью адвоката по собственному выбору,[6] но и он будет умышленно держаться в неведении о возможных оправдательных материалах. Это означает, что после передачи SCCRC дела аь-Меграхи, проблема, которая возникла с самого начала разбирательства, приобрела бы еще более острый характер.

Шотландские обязательства согласно Европейской конвенции о правах человека настоятельно требовали, чтобы шотландские судьи обеспечили полное рассекречивание всех доказательств, находящихся в распоряжении прокуратуры до начала суда в 2000 году, и, таким образом, отклонили акт британского министра иностранных дел, юридическая сила которого, согласно шотландскому законодательству, зависела от усмотрения судей. В целом, принципы справедливости и беспристрастности не допускают иного решения вопроса о раскрытии таких доказательств, ведь под угрозу была поставлена вся система уголовного правосудия. Политические соображения (т.е. учёт британских национальных интересов), не должны стоять на пути справедливого уголовного процесса. К сожалению, судьи приняли решение в пользу политических интересов государства.

---

[4] Полный текст письма см.: http://i-p-o.org/ipo-nr-21July2008-lockerbie_appeal.htm.

[5] Decision on the consequences of non-disclosure of exculpatory materials covered by Article 54(3)(e) agreements and the application to stay the prosecution of the accused, together with certain other issues raised at the Status Conference on 10 June 2008. International Criminal Court, ICC-01704-01/06, 13 June 2008.

[3] Параграф 77 решения от 13 июня 2008 г.

[4] International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), Prosecutor v Krstic, IT-98-33-A, Judgment, 19 April 2004, Par. 180.

[5] Интервью с Би-би-си, Глазго, 17 сентября 2008. Подробнее см.: I.P.O. news release "Law and Politics in the Lockerbie Case," Vienna, 22 September 2008/P/RE/20287c-is.

[6] Подробнее см.: On the Scottish judges' ruling to appoint "Special Counsel" for Mr. al-Megrahi see the BBC report based on an interview with the author: Reevel Alderson, "Appeal court plans Lockerbie Move." BBC News, 17 September 2008, at http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/south_of_scotland/7622223.stm.

До определенной степени, политические факторы также оказывали влияние и на работу Шотландской комиссии по пересмотру уголовных дел. Конкретные формулировки в решении SCCRC, упомянутые выше, раскрывают проблему беспристрастности в работе Верховного органа по судебному контролю Шотландии. В пресс-релизе SCCRC от 28 июня 2007 года сообщалось не только о передаче дела аль-Меграхи обратно в Верховный Суд, но и содержит также странную «превентивную реабилитацию» первоначальную защиту аль-Меграхи (которая представляла его во время судебного процесса, и первой апелляции в Нидерландах) и шотландских следователей (которые выступили с обвинениями в манипулировании ключевыми судебными доказательствами в период, предшествующий судебному разбирательству).

В нескольких беседах с аль-Меграхи в период 2001-2002 гг. (в качестве Международного наблюдателя ООН, посетившим его в королевской тюрьме Цейста в Нидерландах) и в письме из тюрьмы Барлини в Глазго на имя автора, аль-Меграхи горько жаловался на отсутствие необходимого представительства в команде его защиты. В письме он выразил недоумение по поводу «неудачи моих адвокатов в представлении некоторых важных вопросов, и игнорирования ими моих инструкций в ходе судебного разбирательства и отсутствия правильных советов...».[1] В беседах в тюрьме в Нидерландах он доверился автору, что его адвокаты неоднократно и без его согласия подписывали соглашения с прокуратурой. Несмотря на повторные жалобы аль-Меграхи о несоответствующем представлении его интересов со стороны защиты, Комиссия грубо заявила, что «не считает, что данные утверждения были обоснованы»[2]. Вероятно, SCCRC хотела, чтобы вопросы справедливости и беспристрастности суда были исключены из новой апелляции. Во момент представления пресс-релиза SCCRC (28 июня 2007 года) полная информация о причинах передачи дела аль-Меграхи держалась в секрете.[3] Тем временем (к марту 2012 года), шотландская газета *The Herald* опубликовала весь отчет на 800 страницах «в интересах общества».[4] Дальнейший спор между обвинением и защитой по вопросам прерванной второй апелляции подчеркнул серьезную озабоченность по поводу справедливости и беспристрастности, по которым автор неоднократно поднимал вопрос с начала судебного разбирательства по делу Локерби:

(а) Обвинение хотело ограничить «основания» апелляции только к тем, которые были перечислены в решения SCCRC. Может ли апелляция быть справедливой (и вообще иметь смысл), если защите не дают возможности развить аргументы на основе дополнительных доказательств (не упомянутых SCCRC), когда решался вопрос о том, что аль-Меграхи, возможно, стал жертвой судебной ошибки? В конце концов, эта проблема была решена апелляционными судьями в пользу позиции защиты: «суд постановляет, ... что апеллянт имеет право получить ответ суда на все заявленные им основания апелляции»[5].

(б) Более общий вопрос: какие конкретные доказательства могли быть приняты во время рассмотрения новой апелляции? Была бы защита в состоянии использовать материал, который стал доступен в то время, которое прошло с момента вынесения первоначального приговора (в январе 2001 года) – с чем была не согласно обвинение? В настоящее время ясно, что правительство Великобритании будет продолжать вмешиваться в процесс, решая, что определенная информация, в связи с её «чувствительным» национальной безопасности характером, не может быть раскрыта апеллянту. Это именно то, что заявил британский министр иностранных дел в своём решении в феврале 2008 года. Опубликование этого решения в шотландских СМИ

[1] Письмо, полученное 6 декабря 2002 (Архив Международной организации за прогресс).

[2] См. также: http://i-p-o.org/koechlerlockerbie -appeal_report.htm).

[3] Для деталей см.: Statement by Dr Hans Koechler, international observer appointed by the United Nations to the Lockerbie Trial in the Netherlands (2000-2002), on the referral of the case of Abdelbaset Ali Mohamed Al Megrahi by the Scottish Criminal Cases Review Commission to the High Court of Justiciary. I.P.O. News Release, Vienna, 29 June 2007/P/HK/20429.

[4] Полный текста отчета см.: http://login.heraldscotland.com/SCCRC-Statement-of-Reasons-red.pdf.

[5] (Abdelbaset Ali Mohmed Al Megrahi against Her Majesty's Advocate, Scope of the Appeal, Summary, 15 October 2008.)

(документ, исходящий из правительства Иордании) проиллюстрировал, что данное дело непосредственно связано с политической ситуацией на Ближнем Востоке.

Ситуация, когда государственная власть отдала распоряжение о нераскрытии доказательств, действительно, не имеет прецедентов в Шотландии. Были лишь случаи в Англии в связи с делами о терроризме. Так как Великобритания ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, значение фраз «верховенство закона» и примат «прав человека» в правовом пространстве Европы должны быть особым объектом нашего рассмотрения.

(A) Выводы касательно системы уголовного правосудия

В настоящее время (в связи с внезапным отказом аль-Меграхи от второй апелляции в 2009 году и после смерти апеллянта в 2012 году), можно только догадываться об окончательных результатах дальнейшего рассмотрения апелляции. (В то время как первая апелляция была подана самим аль-Меграхи, вторая была инициирована решением Шотландской уголовной комиссией в 2007 году). В соответствии с шотландским законодательством, родственники умершего преступника или родственники жертв имеют возможность передать дело на новое рассмотрение в апелляционный суд, что фактически представляет собой третью апелляцию.

На данный момент трудно сказать, как политическая обстановка окажет воздействие на юриспруденцию. Тем не менее, некоторые выводы – с точки зрения уголовного судопроизводства – могут быть сделаны из того, как шотландская судебная власть рассматривала дело Локерби. Мой опыт участия в данном деле даёт основания для довольно мрачных перспектив будущего развития международного уголовного правосудия – в частности, в отношении перспектив деятельности Международного уголовного суда (МУС) как единственного постоянного учреждения в этой области, или концепции универсальной юрисдикции (выходящей за рамки комплементарной юрисдикции МУС).

Опыт рассмотрения дела Локерби вплоть до преждевременного отказа от второй апелляции, в значительной степени, подтверждает сомнения в проекте международного уголовного правосудия, о которых я упоминал в моей книге «Глобальное правосудие или глобальная месть?» (2003 г.) – особенно в отношении крайне политизированной среды, в которой должны быть проведены судебные разбирательства[1].

Справедливость судебного разбирательства требует: (а) независимости в проведении судебного разбирательства (которое должно быть свободно от политического вмешательства – национального или международного); (б) независимости сознания со стороны всех главных сторон и участников процесса (в первую очередь судей). Ни первое, ни второе не было обеспечены в ходе судебного рассмотрения дела Локерби в Нидерландах и на слушаниях по двум апелляциям (первой – в Нидерландах и второй, внезапно прекращенный, – в Шотландии). Также требование независимости не было обеспечено в деятельности SCCRC (в годы после первой апелляции в 2002 г.), или это будет обеспечено в возможной третьей апелляции.

Отсутствие независимости суда стало крайне очевидным в двух основных аспектах:

(1) В ходе судебного разбирательства в Нидерландах жизненно важные доказательства не были доступны, потому что их предоставление зависело от неохотно дающей на то согласие исполнительной власти, в том числе, иностранных правительств. Так как «Шотландский суд в Нидерландах» (несмотря на его экстерриториальную природу и Главу VII Устава ООН, на основе которой была принята резолюция Совета Безопасности ООН, инициировавшая этот

[1] По вопросу о независимости и целостности судебной процедуры в международном политическом контексте см.: R. K. Raghavan, “Rendering criminal justice globally,” in: Frontline. India’s National Magazine, Volume 21, Issue 05, February 28 - March 12, 2004. – См. также: Siddharth Varadarajan, “When power subverts the law,” // The Hindu, 10 January 2006.

процесс), был, по существу, национальным судом, иностранные правительства не были юридически обязаны представлять какие-либо документы в качестве судебных доказательств. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1198 (1998) не установила каких-либо обязательств для правительств сотрудничать с судом по таким вопросам.

(2) (а) Судьи вынесли непоследовательный приговор, основанный на весьма проблемных доказательствах , что не может быть объяснено простым отсутствием у них аналитических навыков, но, скорее всего, это следует отнести к политическому контексту, в котором рассматривалось дело.[1] (б) Создается впечатление, что обвинение в значительной мере действовало под влиянием двух сотрудников ФБР, присутствовавших на большинстве судебных заседаний, и замеченных за частыми беседами с сотрудниками прокуратуры.[2] (в) Защита, со своей стороны, неоднократно подписывала соглашения с прокуратурой против воли обвиняемого (аль-Меграхи).[3]

В целом, действия обвинения и защиты часто казались скоординированными,[4] которые, как бы, следовали в русле какого-то внешней (внесудебной) стратегии, что создавало впечатление действий, которые должны привести к заранее обговорённому результату. Для независимого наблюдателя не было никакой иной возможности объяснить такое странное «соломоново решение», по которому сначала трое шотландских судей приняли своё решение о виновности аль-Меграхи, а затем ещё пятеро также единогласно приняли решение отклонить его апелляцию. Мы полагаем, что эти решения были результатом соображений политической целесообразности, но не правовой аргументации. Как иначе можно объяснить, что первый подозреваемый был признан виновным, а второй был полностью оправдан?[5] Ведь оба обвинения были идентичными!

В этом уникальном «гибридном» деле шотландская судебная власть просто не могла выйти из «затруднительного положения», ставшего результатом внешнего воздействия на различных уровнях и различной природы. Хотя, начиная с Союзного акта 1707 года, Шотландия имеет свою судебную систему в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, специальному суду по делу Локерби пришлось действовать в условиях, в которых британское правительство (частично в тандеме с иностранными правительствами, в частности, США), влияло до такой степени, что принцип разделения властей и принцип верховенство закона, были поставлены под угрозу:

(а) Суд по делу Локерби был создан королевским указом, что проистекало из обязательного характера резолюций СБ ООН, принятых на основании главы VII, то есть не юридическим органом.[6]

(б) Определенные доказательства приходилось получать через правительство Великобритании, в том числе через запросы, адресованные иностранным правительствам британским министерством иностранных дел. В связи с отсутствием сотрудничества некоторых

---

[2] Подробнее см. отчет автора от 3 февраля 2001 о приговоре Локерби.

[3] См. особо статью 4 вышеупомянутого отчета. (“The two state prosecutors from the US Department of Justice were seated next to the prosecution team. They were not listed in any of the official information documents about the Court’s officers produced by the Scottish Court Service, yet they were seen talking to the prosecutors while the Court was in session, checking notes and passing on documents. For an independent observer watching this from the visitors’ gallery, this created the impression of ‘supervisors’ handling vital matters of the prosecution strategy and deciding, in certain cases, which documents (evidence) were to be released in open court or what parts of information contained in a certain document were to be withheld (deleted).”

[4] См. письмо аль-Меграхи, цитируемое выше и статью 25 отчета автора от 26 марта 2002.

[5] См. Статью 14 отчета автора от 3 февраля 2001: “Seen from the final outcome, a certain coordination of the strategies of the prosecution, of the defence, and of the judges’ considerations during the later period of the trial is not totally unlikely.”

[1] См.: I.P.O. News Release of 1 September 2008: “Lockerbie case: British Foreign Office corrects information on its Libya web site and affirms the Scottish Court’s right to order disclosure of ‘sensitive’ material” at http://i-po.org/IPO-nr-Lockerbie-FCO-01Sept08.htm..

[2] Подробнее см.: Hans Koechler, Global Justice or Global Revenge?, pp. 110ff.

иностранных правительств существенные доказательства могли не быть представлены в суде.

(c) Как указывалось выше, министр иностранных дел Великобритании распорядился о неразглашении защите определенных материалов.

Не удивительно, что судебное разбирательство проходило в таких условиях, что независимые наблюдатели, казалось, были частью политического процесса, а не суда. Эти положения в любом случае несовместимы с принципом независимости судебной системы и принципом справедливого судебного разбирательства.[1]

(B) Выводы касательно соотношения права и международной политики

Дело Локерби выявило фундаментальные, почти непреодолимые, трудности любой системы уголовного правосудия, если оно проводится в контексте международной политики:

- Принцип разделения властей, необходимый для легитимности судебного разбирательства и верховенства права в целом, не может быть реализован, если внешние интересы политики государства напрямую зависят не только от результата, но и от проведения конкретного судебного процесса (уголовного преследования) в пределах юрисдикции этого государства, что почти неизбежно означает, что в соответствующие дела будут вмешиваться спецслужбы, местные или иностранные.

- Если уголовное правосудие в каждом конкретном случае (как в случае с двумя ливийскими подозреваемыми по делу Локерби) будет следовать политическому сценарию, то, в конечном счете, судьи должны совершать своего рода судебные *sacrificium intellectus*, принося свою репутацию и независимость в жертву «национальным интересам», которые, впрочем, до конца не определены и тщательно скрываются от общественности. Такая практика применения права будет чрезвычайно контрпродуктивна для достижения основной цели международного уголовного правосудия, а именно: подержания международного правопорядка, а через него, международного мира.[2].

Даже после смерти единственного осужденного, заключительная глава по делу Локерби пока не может быть написана. На данном этапе можно сказать одно: гибридный характер суда не может преодолеть те трудности, которые вызваны участием соответствующей страны в международном споре, если она напрямую связана с уголовным делом. Проведение судебного разбирательства по делу Локерби шотландской судебной системой создало негативный пример, который предупреждает нас о проблемах и подводных камнях уголовного правосудия в международной сфере и оказывает плохую услугу тем, кто пытается ввести концепцию «универсальной юрисдикции» в современное международное право.

Помимо уголовного правосудия и (международного) верховенства закона, проблемы, которые автор неоднократно поднимал как международный наблюдатель на процессе по делу Локерби, также относятся к основным вопросам международной безопасности. Рассмотрение дела Локерби шотландской судебной системой может иметь далеко идущие последствия для того, что некоторые государства называют «глобальной войной с террором».[3] Только справедливое и убедительное разрешение (с точки зрения закона) вопроса о личной уголовной ответственности позволит странам, вовлеченным в спор, а затем и всему международному сообществу, сделать соответствующие выводы, обеспечивающие в будущем надежную и устойчивую контртеррористическую стратегию. Не может быть справедливости без установления истины – и никакие эффективные меры для защиты граждан страны не могут быть приняты, если

[3] См. также “Lockerbie trial: an intelligence operation? BBC interview of Dr. Hans Koechler – New revelation about financial offer to a key witness from Switzerland.” I.P.O. News Release, Vienna/Zurich, 5 October 2007, at http://i-p-o.org/IPO-nr-Lockerbie-5Oct07.htm.

[1] См. также: Hans Kelsen, Peace through Law. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1944.

[2] Подробнее см.: Hans Koechler (ed.), The “Global War on Terror” and the Question of World Order. Studies in International Relations, Vienna: International Progress Organization, 2008..

политическими интересами (в частности, интересами внешней политикой) строить преграды для надлежащего и тщательного расследование причин преступления, такого, например, как взрыв рейса *Pan Am* над Локерби в декабре 1988 года.

После многих лет участия в наблюдении и анализе правового и политического спора[1] между Соединенным Королевством, Соединенными Штатами Америки и Ливийской Джамахирией, автор обобщил свои выводы в выступлении на церемонии «Награды права Шотландии 2008» в Глазго, как раз в ту неделю, когда аль-Меграхи был внезапно доставлен в больницу в этом городе с диагнозом рак последней стадии. Проблемы политизации уголовного правосудия, которые я озвучил тогда, стали еще более актуальными после отзыва аль-Меграхи своей второй апелляции в 2009 году, и после его смерти в мае 2012 года.

«Судебное разбирательство над Локерби стало своеобразным тестом для системы уголовного правосудия Шотландии. В то же время, это стало показательным примером в глобальном масштабе – его анализ продемонстрирует способна ли система государственного уголовного правосудия оказать сопротивление диктату международной политики сильных мира сего или просто перестать функционировать, как только «верховные государственные интересы» вмешаются в императивы правосудия? Принцип справедливого судебного разбирательства, несомненно, является высшим и постоянным общественным интересом. Если верховенство закона является обязательным, то принципы отправления правосудия должны иметь приоритет над некоторыми общественными интересами – такими, например, как внешняя политика государства или его торговые интересы. Внутренняя стабильность и международная легитимность государства в долгосрочной перспективе зависит от того, в состоянии ли оно обеспечить верховенство закона над соображениями удобства. Вопреки тому, что скептики и сторонники превосходства реальной политики пытаются заставить нас поверить, что основная идеей принципа верховенства закона является не *fiat justitia*, *pereat mundus,* но *fiat justitia* <u>*ne*</u> *pereat mundus* – «пусть свершится правосудие, чтобы мир не погиб».

Остается надеяться, что шотландская судебная система наконец-то решится или сможет восстановить свою репутацию, и новая апелляция будет рассмотрена «в интересах правосудия». В соответствии с положениями шотландского законодательства, апелляционное производство может быть инициировано даже после смерти осужденного. С процессуальной точки зрения, мяч сейчас находится на стороне тех, кто может доказать законный интерес в рассмотрении и окончательном разрешении дела – это либо семья Абдельбасет Али Мохмеда аль-Меграхи или семь жертв. Поскольку аль-Меграхи отозвал свою апелляцию под давлением и перед лицом смерти, это было бы вполне уместным шагом.

[3] См.: Khalil I. Matar and Robert W. Thabit, Lockerbie and Libya: A Study in International Relations. Jefferson, N.C.: McFarland, 2003.

THE LOCKERBIE TRIAL REVISITED

Hans Köchler[1]

The trial of the two Libyan suspects at a special Scottish Court sitting in the Netherlands (which lasted from May 2000 until January 2001), and the subsequent controversies over the two appeals (2001-2002 and 2007-2009) by the only person convicted, has become of exemplary importance for the evaluation of the problems and prospects of criminal justice in the framework of international politics,[2]1 especially when the issue of personal criminal responsibility is related to questions of terrorism, including state terrorism. The controversy has not ended with the death of the only person convicted, Mr. Abdelbaset Ali Mohmed al-Megrahi, on 20 May 2012. It is to be recalled that, in the summer of 2009, he dropped the second appeal he had been granted by the Scottish Criminal Cases Review Commission (SCCRC). He did so shortly after he had received the private visit of Scotland's Justice Secretary in his place of detention, and only days before he was released on compassionate grounds and returned to Libya as a terminally ill patient. Contrary to the perception created by the media, compassionate release under Scots law is not conditional upon the termination of judicial proceedings. Mr. al-Megrahi apparently abandoned his second appeal under pressure – to increase the chances of his release.[3]

The complexity of the Lockerbie case lies in the juxtaposition of criminal proceedings (at the domestic level of Scotland) and a political controversy (at the intergovernmental level): Whereas the Court dealt with the question of personal criminal responsibility of – initially – two Libyan suspects,[4] the criminal proceedings were constantly being interfered with by a dispute between three states (including the suspects' state of origin) over issues of jurisdiction as well as state responsibility (in terms of liability for compensation for the loss of life and damages caused by the incident).[5]

The author has followed the political dispute since its beginning and – through the International Progress Organization (I.P.O.), an NGO in consultative status with the United Nations – has made repeated proposals for a peaceful settlement, including the resolution of the question of personal criminal responsibility of the accused Libyan nationals. When, approximately four years after the incident, the Lockerbie tragedy was brought before the United Nations Security Council as an issue of international terrorism, in particular state terrorism, the I.P.O. had formed a committee of experts with the aim to analyze the international legal issues and the political controversy that unfolded between the United States, the United Kingdom and Libya over how to investigate the incident and bring to justice those responsible. At the time, we were of the opinion that the legal-political dispute should have been resolved on the basis of the «Convention for the Suppression of Unlawful Acts against

[1] President of the International Progress Organization International Observer, appointed by the United Nations, at the Scottish Court in the Netherlands (2000-2002). Article prepared for *The Kazan Journal of International Law and International Relations (2014)*. For publication in the Russian language – © by Hans Köchler, 2014. Adapted and updated version of an article published in the National Law School of India Review (2009). .

[2] See the author's analysis of the Lockerbie trial in regard to the evolving concept of international criminal justice in: *Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads*. Indian edition. New Delhi: Manak Publishers, 2005, pp. 110ff. (First published by Springer, Vienna and New York, 2003.)

[3] For details see the News release of the International Progress Organization, 31 August 2009: *Why has the Lockerbie convict abandoned his appeal?* at http://www.i-p-o.org/IPO-nr-doubts-Lockerbie_appeal-31Aug2009.htm.

[4] One of the suspects was acquitted in the original trial (31 January 2001). Since that date, the criminal proceedings (i.e. appeal proceedings) related to only one Libyan national.

[5] On the issue of state responsibility see the letter dated 15 August 2003 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of the Libyan Arab Jamahiriya to the United Nations addressed to the President of the Security Council: United Nations, Security Council, Doc. S/2003/818, 15 August 2003, and Par. 3 of the *Statement by Dr. Hans Koechler, international observer of the International Progress Organization, nominated by the Secretary-General of the United Nations, at the Lockerbie trial in the Netherlands (2000-2002), on the agreement between the United States, the United Kingdom and the Libyan Jamahiriya on the remaining issues relating to the fulfilment of all Security Council resolutions resulting from the bombing of Pan Am 103 over Lockerbie*. Reykjavik, 23 August 2003, at http://i-p-o.org/koechler-lockerbie-statementaug2003.htm.

the Safety of Civil Aviation», the so-called Montreal Convention of 1971.[1] Concerning the judicial aspect, we had further suggested that the parties involved in the dispute «should consider submitting the question of personal criminal responsibility to an *ad hoc* international criminal tribunal».[2] After a session in New York City on 1 December 1994 – in the course of which we held consultations with the President of the Security Council – we further suggested, *inter alia*, that the Security Council submit the question of personal criminal responsibility of the accused Libyan nationals «to a criminal tribunal of Scottish Judges meeting at the seat of the International Court of Justice».[3] At that time, in December 1994, we also called upon the U.S. Congress and the U.K. Parliament to hold public hearings into the Lockerbie incident, and the author subsequently held a series of consultations with members of the United States Congress in Washington, D.C. When eventually – four years later – the Security Council welcomed the initiative for the trial of the two Libyan suspects before a Scottish Court sitting in the Netherlands,[4] the author reiterated the Committee's view that «a criminal tribunal on this case should either be international in its composition or should operate in an international framework such as that of the International Court of Justice».[5] We also stated that «[t]here is no reason to doubt the report of the independent experts appointed by the Secretary-General of the United Nations on the Scottish judicial system. The real issue, however, is not whether Scottish law is applied or not, but whether a tribunal consisting exclusively of Scottish judges can meet the requirement of impartiality»[6] – because of the political nature of the dispute which was related to a case of criminal justice, with the United Kingdom, the country of jurisdiction (via the Scottish judicial system), as a party.

The actual conduct of the trial and first appeal proceedings in the rather unique extraterritorial framework on the grounds of a former NATO air force base in the Netherlands has made obvious that the concerns the author had raised in the years when these arrangements were proposed and negotiated were well justified.[7] One fundamental aspect must not be overlooked when it comes to these special arrangements: Contrary to the widespread perception in the international public, the High Court of Justiciary sitting at Kamp van Zeist was essentially a domestic court, created on the basis of a decree of the Queen of the United Kingdom[8] that was triggered by a Chapter VII resolution of the Security Council (1192 [1998]), and implemented through an intergovernmental agreement between the United Kingdom and the Netherlands.[9]

I shall not repeat here the remarks on the trial and first appeal which I made in two comprehensive reports that were submitted to the United Nations Organization and forwarded, in turn, to the Scottish Court.[10] What I have learned – in the course of the two years at Kamp van Zeist (from the beginning

[1] Cf. «Geneva Declaration of Legal Experts on UN Sanctions against Libya (1992)», in: Hans Koechler and Jason Subler (eds.), *The Lockerbie Trial. Documents Related to the I.P.O. Observer Mission*. Studies in International Relations, XXVII. Vienna: International Progress Organization, 2002, pp. 109ff. For details see also [Hans Koechler], *Memorandum from the President of the International Progress Organization addressed to the President of the Security Council of the United Nations*. United Nations / General Assembly / Security Council, Doc. A746/886, S/23641, 25 February 1992, Annex.

[2] Par. 6 of the Geneva Declaration of 23 May 1992, *loc. cit*., p. 110.

[3] Par. 7 of the «New York Declaration of Legal Experts on U.N. Sanctions against Libya», in: Hans Koechler and Jason Subler (eds.), *op. cit.*, p. 112.

[4] Resolution 1192 of 27 August 1998.

[5] Hans Koechler, *Statement on behalf of the Committee of Legal Experts on UN sanctions against Libya* (3 September 1998), Par. 5, *op. cit*., p. 116.

[6] Par. 6, *loc. cit.*

[7] For a documentation of the commentaries and analyses see Hans Koechler and Jason Subler (eds.), *op. cit.*

[8] *UNITED NATIONS. The High Court of Justiciary (Proceedings in the Netherlands) Order 1998*: United Nations, Security Council, Doc. S/1998/795, 24 August 1998, Annex I.

[9] *Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Kingdom of the Netherlands concerning a Scottish Trial in the Netherlands including Annexes and Exchange of Notes*. The Hague, 18 September 1998, Foreign & Commonwealth Office, Treaty Series No. 43 (1999).

[10] See Report on and evaluation of the Lockerbie Trial conducted by the special Scottish Court in the Netherlands. – Santiago de Chile, 3 February 2001; and Report on the appeal proceedings at the Scottish Court in the Netherlands. – Vienna, 26 March 2002, published in: Hans Koechler and Jason Subler (eds.), *The Lockerbie Trial*, pp. 15ff and 25ff respectively. – For a complete documentation of the author's international observer mission at the Scottish Court in the Netherlands and the worldwide debates about international criminal justice initiated by the two reports see the dedicated web site of the International Progress Organization at http://i-p-o.org/lockerbie_observer_mission.htm.

of the trial in May 2000 until the end of the first appeal in March 2002) – was that, in spite of the conclave-like situation in which these proceedings were conducted, it would have been almost a «mission impossible» for any judiciary – whether from Scotland or elsewhere – to meet basic standards of fairness and impartiality in the handling of a criminal case which was part of a dispute in the domain of international power politics, and even more so when this involved questions of state responsibility for acts of terrorism.

My conclusion – after the announcement of the trial verdict in January 2001 and again after the appeal decision in March 2002[1] – was that a miscarriage of justice may have occurred,[2] i.e. that the Libyan national who was convicted may not have been guilty as charged. Later, more than six years after my first observation in this regard, the Scottish Criminal Cases Review Commission (SCCRC) came to the same conclusion concerning a possible miscarriage of justice.[3]

With the decision of the SCCRC, in June 2007, to refer Mr. al-Megrahi's case back to the appeal court, the case entered a politically highly complex and sensitive phase. The critical nature of the new judicial review process became more than obvious in the issuance, in 2008, of a so-called Public Interest Immunity (PII) certificate by the Foreign Secretary of the United Kingdom, which was aimed at withholding certain evidence (namely secret documents originating from a foreign government) from the Defence, and thus from public view. In a jurisdiction where the European Human Rights Convention's rules on fair trial are scrupulously upheld, the staying of proceedings because of non-disclosure of evidence would be a real prospect.[4] In the meantime, after the abandonment of the ongoing second appeal in 2009 and the death of the appellant in 2012, the Scottish newspaper *The Herald* has revealed information about the secret document that the U.K. government did not want the public to know about. It is supposed to come from the government of Jordan and implicating another Middle Eastern group.[5] It is worthy of note that, at the time of this writing (July 2012), no media establishment has yet taken up or commented on that report, and the U.K. and Scottish authorities have been completely silent about it.

The dilemma over the non-disclosure of evidence to the defence makes it all too obvious that the structural problem that beset the proceedings from the very beginning has not been resolved in any way. Instead as a case of criminal justice, the Lockerbie affair was mainly handled as a matter of international politics, not law. This did not change with the decision of the SCCRC to refer the case back to the appeal court in 2007. The judges did not question the arguments advanced by the British Foreign Secretary in his PII certificate in 2008 (related to the then ongoing second appeal).[6] At the time, before Mr. al-Megrahi hastily abandoned his appeal, they appeared resigned to accommodate the Foreign Secretary's request by the appointment of a «Special Counsel».[7] This means that the Defence would have effectively been denied access to important material that has, as we now know, been in the possession of the Prosecution since before the beginning of the trial in the Netherlands. How can

[1] For a comprehensive documentation, including the author's reports, see John P. Grant, *The Lockerbie Trial: A Documentary History*. Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana Publications, 2004.

[2] Cf. *BBC NEWS* of 14 March 2002: UN monitor decries Lockerbie judgement .-A United Nations observer has described the dismissal of the Lockerbie bomber's appeal as 'a spectacular miscarriage of justice'.

[3] Scottish Criminal Cases Review Commission, *NEWS RELEASE: ABDELBASET ALI MOHMED AL MEGRAHI*, 28 June 2007: «The Scottish Criminal Cases Review Commission ... has today referred the case of Abdelbaset Ali Mohmed Al Megrahi to the High Court of Justiciary», at http://www.sccrc.org.uk/ViewFile.aspx?id=293.

[4] For details see the I.P.O. News Release: *Statement by Dr Hans Koechler, International Observer, appointed by the United Nations, at the Scottish Court in the Netherlands (Lockerbie Trial), on the withholding of supposedly secret evidence from the Defence by order of the Government of the United Kingdom*, Los Angeles, 25 February 2008, at http://i-p-o.org/Lockerbie-statement-koechler-25Feb08.htm, and the author's letter, dated 21 July 2008, to the Foreign Secretary of the United Kingdom, David Miliband, at http://i-po.org/ipo-nr-21July2008-lockerbie_appeal.htm.

[5] «How UK Government hid secret Lockerbie report», by Chief Reporter Lucy Adams, *The Herald*, Glasgow, 1 June 2012, at http://www.heraldscotland.com/news/crime-courts/how-uk-government-hid-secretlockerbie-report.17751710.

[6] In a reply, dated 27 August 2008, to the author's letter to Foreign Secretary David Miliband, the Foreign and Commonwealth Office wrote: «It is the Foreign Secretary's assessment that the release of this material would do real and lasting damage to the UK's relations with other states and the UK's national security».

[7] The implications of this decision are explained below in more detail.

there be equality of arms, one has to ask, if vital evidence is only made available to one party?[1] An adversarial system of criminal justice like the Scottish one, in particular, would be an absurdity if a court has to operate on the basis of a kind of «information privilege» granted to the Prosecution over the Defence. Such a «*reductio ad absurdum*» must not be allowed to happen whatever the case may be and under whatever circumstances. There should be no illusions about it: If a fair trial cannot be ensured, no trial can be conducted. Proceedings on the basis of evidence that is withheld from one side do not belong in a court of law, but would be an exercise of authoritarian (state) power – and would thus make a mockery of the separation of powers, an indispensable principle of the rule of law.

As I had explained in my letter to the British Foreign Secretary, dated 21 July 2008,[2] there exists indeed a precedent of such a scenario. On 13 June 2008, Trial Chamber I of the International Criminal Court in The Hague decided to stay the proceedings in the case of the *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo* because of the non-isclosure of exculpatory materials.[3] The judges ruled as follows: «The Chamber has unhesitatingly concluded that the right to a fair trial – which is without doubt a fundamental right – includes an entitlement to disclosure of exculpatory material …».[4] They further referred to an earlier ruling by the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia according to which «the public interest [...] is excluded where its application would deny to the accused the opportunity to establish his or her innocence».[5] Furthermore, it should be made clear that the appointment of a «Special Counsel» by the Court – who would have been provided with a confidential summary of the evidence in question – would not in any way have solved the problem. It was rather surprising that the High Court ruled on 19 August 2008 that such Counsel should be appointed at all – a decision that has not been disclosed to the public when it was issued but only was revealed through the author's action several weeks later.[6] On the basis of what criteria is such Special Counsel chosen? Who will decide what information will actually be disclosed in the summary and what not? Is it the intelligence services of the U.K. and an unnamed «foreign country» or the Lord Advocate (Prosecutor) or the Court? In this almost Kafkaesque situation, an accused or appellant will never be allowed to know in full what specific additional information has been in the possession of the Prosecution all along; he, thus, is not only denied the basic human right (enshrined in Art. 6[3] [c] of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms) to defend himself through legal assistance of his own choosing,[7] but will be deliberately kept in the dark about possible exculpatory material. This means that, in the phase of the aborted second appeal – after the referral of Mr. al-Megrahi's case by the SCCRC in June 2007 – the predicament that characterized the trial from the very beginning would have been even more acute.

---

[1] The *Greshornish House Accord* of 16 September 2008, co-sponsored by the author, has put special emphasis on this question in the context of Scotland's independent judicial system: «Whilst Scotland retains an adversarial system as opposed to an inquisitorial system, the existence of a real equality of arms is crucial to the delivery of justice». (*The Lockerbie Case – Quid nunc, Scotia? Greshornish House Accord*, Isle of Skye, 16 September 2008, Answer 4/1, at http://i-p-o.org/Greshornish_House_Accord-16Sept08.htm.)

[2] The full text of the letter is reproduced at http://i-p-o.org/ipo-nr-21July2008-lockerbie_appeal.htm.

[3] *Decision on the consequences of non-disclosure of exculpatory materials covered by Article 54(3)(e) agreements and the application to stay the prosecution of the accused, together with certain other issues raised at the Status Conference on 10 June 2008*. International Criminal Court, ICC-01704-01/06, 13 June 2008.

[4] Par. 77 of the decision of 13 June 2008.

[5] International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), *Prosecutor v Krstic*, IT-98-33-A, Judgment, 19 April 2004, Par. 180.

[6] Interview with the BBC, Glasgow, 17 September 2008. For details see the I.P.O. news release «Law and Politics in the Lockerbie Case,» Vienna, 22 September 2008/P/RE/20287c-is.

[7] For details of the Scottish judges' ruling to appoint «Special Counsel» for Mr. al-Megrahi see the BBC report based on an interview with the author: Reevel Alderson, «Appeal court plans Lockerbie Move». *BBC News*, 17 September 2008, at http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/south_of_scotland/7622223.stm. – See also a letter, dated 4 September 2008, from the Foreign and Commonwealth Office to a member of the British House of Commons, a copy of which is in the possession of the author, which states, *inter alia*: «… the court ruled on 19 August that special counsel should be appointed to assist the court and safeguard Mr Megrahi's interests in relation to this issue. Once appointed, the special counsel will be provided with a confidential summary of the submissions made by the Advocate General at the last hearing. The UK government supports this ruling in the interests of ensuring the trial is fair».

Scotland's obligations under the European Human Rights Convention would have made it imperative nonetheless that the Scottish judges ordered full disclosure of all evidence that has been in the possession of the Prosecution since before the beginning of the trial in 2000, and thus rejected the British Foreign Secretary's PII certificate, a measure which, according to Scots law, would have been at the discretion of the judges. In general, fairness and impartiality do not allow any other resolution of such an issue of disclosure. What is at stake here is the integrity of the system of criminal justice. The requirements of international politics (i.e. British national interests) must not stand in the way of due process. Regrettably, the judges decided in favour of political expediency.

Up to a certain extent, political considerations also appear to have influenced the work of the Scottish Criminal Cases Review Commission. The specific formulation of the decision of the SCCRC, referred to above, reveals in itself the very problem of impartiality in the operation of Scotland's supreme judicial review body. The SCCRC's «Press Release» of 28 June 2007, announcing the decision about the referral of Mr. al-Megrahi's case back to the High Court of Justiciary, does not simply give the reasons for such referral, but also contains a strange kind of «preventive exoneration» of Mr. al-Megrahi's original defence team (who represented him during the Trial and first Appeal in the Netherlands and in a manner that was less than adequate) and of Scottish investigators (in connection, *inter alia*, with accusations of manipulation of key forensic evidence in the period preceding the trial).

In several conversations with the author in the period 2001/2002 (who, in his capacity as UN-appointed International Observer, had visited him at Her Majesty's Prison Zeist in the Netherlands) and in a letter from Barlinnie Prison in Glasgow, addressed to the author, Mr. al-Megrahi bitterly complained about the lack of adequate representation by his Defence team. In the letter, he expressed his bewilderment at «the failure of my lawyers in handling some important issues and their disregard of my remarks during the trial and their not giving the correct advice…».[1] In the conversations in the prison in the Netherlands he had confided to the author that his Defence lawyers had, repeatedly and against his express will, signed «Minutes of Agreement» with the Prosecution. In spite of Mr. al-Megrahi's repeated complaints about inadequate representation by his own Defence team, the Commission bluntly stated that it «did not consider the allegations to be well-founded».[2] The SCCRC apparently wanted to have these questions as to the fairness and impartiality of Mr. al-Megrahi's trial and (first) appeal excluded from a new appeal. At the time of the SCCRC's News Release (28 June 2007), the full details of the grounds for the referral of Mr. al-Megrahi's case were kept secret.[3] In the meantime (by March 2012), the Scottish newspaper *The Herald* has published the entire 800-page report «in the public interest».[4]

A further dispute between the Crown Office (Prosecution) and Defence over the scope of the aborted second appeal underlined the serious concerns about fairness and impartiality that the author repeatedly raised since the beginning of the Lockerbie trial:

> (a) The Prosecution wanted to restrict the «reasons» of appeal to those enumerated in the referral decision of the SCCRC. Can an appeal be fair – or at all meaningful, one has to ask, if the Defence is prevented from developing the argument on the basis of additional reasons (not mentioned by the SCCRC) why Mr. al-Megrahi may have suffered a miscarriage of justice? Eventually, this issue was resolved by the appeal judges in favour of the Defence's position: «The court's conclusion is … that the appellant is entitled to have his stated grounds of appeal decided by the court on their respective merits».[5]

[1] Letter received on 6 December 2002; on record in the archive of the International Progress Organization.

[2] Page 7, third paragraph of the SCCRC News Release, *loc. cit*. The question that has to be asked is why the SCCRC considered it necessary to issue such exoneration when it would have been sufficient for the Commission to give the actual reasons for the referral. On the lack of adequate defence see also Pars. 10-12 of the author's report of 26 March 2002 on the Lockerbie Appeal (available at http://i-p-o.org/koechlerlockerbie-appeal_report.htm).

[3] For details see: *Statement by Dr Hans Koechler, international observer appointed by the United Nations to the Lockerbie Trial in the Netherlands (2000-2002), on the referral of the case of Abdelbaset Ali Mohamed Al Megrahi by the Scottish Criminal Cases Review Commission to the High Court of Justiciary*. I.P.O. News Release, Vienna, 29 June 2007/P/HK/20429.

[4] Full text of the report at http://login.heraldscotland.com/SCCRC-Statement-of-Reasons-red.pdf.

[5] *Abdelbaset Ali Mohmed Al Megrahi against Her Majesty's Advocate, Scope of the Appeal, Summary*, 15 October 2008.

> (b) The more general question is what specific evidence would be admitted in new appeal hearings. Would the Defence be in a position to use material that has become available in the time that has passed since the original verdict (in January 2001) – contrary to the expressed position of the Prosecution? As matters stand now, the government of the United Kingdom will effectively be in a position to interfere into the proceedings by determining that certain material, due to its «sensitive» nature in terms of national security, cannot be disclosed to the Appellant. This is essentially what the British Foreign Secretary claimed in the above-mentioned Public Interest Immunity (PII) certificate issued in February 2008. The revelation of the object of this decision in the Scottish media (a document originating from the government of Jordan) has illustrated what is at stake in this particular case which appears to be directly related to the complicated political constellation in the Middle East.

Such a case of the state authority ordering non-disclosure of evidence is indeed without precedent in Scotland. (There have only been cases in England in connection with terrorrelated prosecutions.) Since the United Kingdom has ratified the *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms* (which also applies to the Scottish jurisdiction), the meaning of the «rule of law» and the primacy of «human rights» in the European legal space will be under special scrutiny.

(A) Conclusions in terms of the criminal justice system

At this point in time (since the sudden dropping of the second appeal by Mr. al- egrahi in 2009 and after the appellant's death in 2012), one can only speculate about the final outcome of a further appeal. (While the first, regular, appeal had taken place on Mr. al – Megrahi's request, the second one had been triggered by the decision of the Scottish Criminal Cases Review Commission in 2007.) According to Scots law, relatives of the deceased convict or relatives of the victims would be in a position to request a new referral to the appeal court, which would in fact mean a third appeal. It is impossible to say, at this stage, how the political scenario will eventually affect the legal domain. Nonetheless, some conclusions – in terms of criminal procedure – can be drawn from the handling of the Lockerbie case by the Scottish judiciary so far.

What follows from my observations, is a rather gloomy scenario for the future of international criminal justice – in particular as regards the prospects of the International Criminal Court (ICC) as the only permanent institution in that field, and the doctrine of universal jurisdiction (which goes beyond the ICC's complementary jurisdiction). The experience with the Lockerbie review process up to the prematurely abandoned second appeal has, to a considerable extent, confirmed the doubts about the sustainability of the project of international criminal justice which I had raised in my book «Global Justice or Global Revenge?» (2003) – especially as regards the highly politicized environment in which proceedings have to be conducted.[1]

Fairness of a trial requires (a) independence in the *conduct* of the proceedings (which have to be free from political interference, whether domestic or international), and (b) independence of the *mind* on the part of all protagonists (first and foremost the judges). Neither the first nor the second requirement was met in the Lockerbie trial in the Netherlands and in the proceedings of the two appeals (the first one in the Netherlands and the second one, suddenly discontinued, in Scotland) – nor was independence in the above sense ensured in the functioning of the SCCRC (in the years after the first appeal decision of 2002) or will it be ensured in an eventual third appeal.

[1] On the question of independence and integrity of the judicial process in an international political context see also the book review by R.K. Raghavan, Rendering criminal justice globally, in: *Frontline. India's National Magazine*, Volume 21, Issue 05, February 28 – March 12, 2004. – Cf. also the review by Siddharth Varadarajan, When power subverts the law, in: *The Hindu*, 10 January 2006.

The lack of judicial independence has become painfully obvious in two basic respects:

> (1) During the proceedings in the Netherlands, vital evidence could not be made available because, for its provision, the Court had to depend on a reluctant executive branch, including foreign governments. Since the «Scottish Court in the Netherlands» (in spite of its extraterritorial setup and a Chapter VII resolution of the Security Council having triggered the process towards its creation) was essentially a domestic court, those governments were under no legal obligation to produce certain material required as evidence in the course of the trial. (Security Council resolution 1198 [1998] does not create an obligation on the part of governments to co-operate with the Court on such matters.)
>
> (2) (a) The judges produced an inconsistent verdict based on flawed arguments – something which cannot simply be explained by their lack of analytical skills, but is most likely to be attributed to the political scenario in which the trial was situated.[1] (b) The Prosecution appeared to have acted, to a considerable extent, under the influence of two American FBI officers who were present in most court sessions and were seen frequently interacting with members of the prosecution team.[2] (c) The Defence, on its part, repeatedly signed «Minutes of Agreement» with the Prosecution against the express will of the first accused, Mr. al - Megrahi, the only convicted Libyan national.[3]

Altogether, the actions of the Prosecution and Defence often appeared co-ordinated, somehow following an external (non-judicial) strategy,[4] and created the impression of a scripted procedure (whereby the «script» was followed at least to a certain extent) and of a *negotiated outcome*. For an independent observer from outside the Scottish judicial establishment, there was simply no other way to explain the strange kind of «Solomonic judgment» which three Scottish law lords had unanimously reached at the end of the trial and five other law lords had confirmed by unanimously rejecting the (first) appeal. In the author's evaluation, this judgment was more the child of political (i. e. diplomatic) convenience than of sound legal reasoning. How could one otherwise have explained that the first suspect was found «guilty» while the second suspect was found «not guilty»[5] – both on the basis of an indictment the main argument of which was a rather complicated explanation, almost exclusively based on inferences, how the two Libyan suspects had acted together to ingest a bomb, hidden in a brown Samsonite suitcase (that was supposed to have travelled as unaccompanied luggage to Frankfurt and from there on to Heathrow), at Luqa airport in Malta?

[1] For details see the author's report of 3 February 2001 on the Lockerbie verdict, *loc. cit*.

[2] See esp. Art. 4 of the above report: «The two state prosecutors from the US Department of Justice were seated next to the prosecution team. They were not listed in any of the official information documents about the Court's officers produced by the Scottish Court Service, yet they were seen talking to the prosecutors while the Court was in session, checking notes and passing on documents. For an independent observer watching this from the visitors' gallery, this created the impression of 'supervisors' handling vital matters of the prosecution strategy and deciding, in certain cases, which documents (evidence) were to be released in open court or what parts of information contained in a certain document were to be withheld (deleted)».

[3] See Mr. al-Megrahi's letter quoted in fn. 29 above and Art. 25 of the author's report of 26 March 2002 on the Lockerbie Appeal.

[4] See Art. 14 of the author's trial report of 3 February 2001: «Seen from the final outcome, a certain coordination of the strategies of the prosecution, of the defence, and of the judges' considerations during the later period of the trial is not totally unlikely».

[5] The judgment for Mr. Fhimah, the second accused, was not «not proven», as had been erroneously stated on the web site of the British Foreign Office until this information was corrected at the author's initiative. Cf. the I.P.O. News Release of 1 September 2008: «Lockerbie case: British Foreign Office corrects information on its Libya web site and affirms the Scottish Court's right to order disclosure of 'sensitive' material» at http://i-po.org/IPO-nr-Lockerbie-FCO-01Sept08.htm.

In this unique case of hybrid domestic-international statutes and arrangements, the Scottish judiciary could simply not evade the «structural predicament» that resulted from external influences at different levels and of different nature. Although, since the Act of Union of 1707, Scotland has had its own judicial system within the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Lockerbie court and the officials dealing with the judicial review have had to operate under conditions which the government of the United Kingdom, partly in tandem with foreign governments such as that of the United States, has influenced to such an extent that the separation of powers, a fundamental requirement of the rule of law, was put in jeopardy:

> (a) The Lockerbie court was set up as special court by Royal Decree (*High Court of Justiciary [Proceedings in the Netherlands] Order 1998*) the rationale of which was derived from the binding nature, acknowledged by the United Kingdom, of a Chapter Seven resolution of the Security Council, the supreme executive – and definitely not the judicial – organ of the United Nations Organization.[1]
>
> (b) Certain evidence had to be procured through the government of the United Kingdom, including requests that had to be addressed to foreign governments by way of the British Foreign Office. Because of the lack of co-operation of certain foreign governments, substantial evidence could never be made available in court.
>
> (c) More recently, the British Foreign Secretary, as explained above in more detail, has issued a so-called «Public Interest Immunity certificate» which orders the non-disclosure of certain material (from a foreign government) to the Defence.[2]

It is no surprise that judicial proceedings under such conditions to independent observers appeared to be part of a political process, not a court of law. Such provisions are anyway incompatible with the independence of the judiciary and the fairness of judicial proceedings as a supreme public interest.[3]

(B) Conclusions in terms of the relationship between law and international politics

> The Lockerbie case has exposed the fundamental, almost insurmountable, difficulties faced by any system of criminal justice when administered in a context of international politics:
> – The principle of the separation of powers, indispensable for the legitimacy of judicial proceedings and for the rule of law in general, cannot be upheld if a state's foreign policy interests are directly affected not only by the outcome, but by the very conduct of a particular trial (criminal prosecution) within that state's jurisdiction, something which almost unavoidably implies that the respective proceedings will be prone to interference by intelligence services, whether domestic or foreign.
> – If criminal justice in a particular case (such as that of the, originally two, Libyan Lockerbie suspects) can only be practiced by the protagonists' following a political script and, ultimately, the judges' committing a kind

[1] For details see Hans Koechler, *Global Justice or Global Revenge?* – P. 110ff.

[2] See fn. 19 above.

[3] See also «Lockerbie trial: an intelligence operation? BBC interview of Dr. Hans Koechler – New revelation about financial offer to a key witness from Switzerland». *I.P.O. News Release*, Vienna/Zurich, 5 October 2007, at http://i-p-o.org/IPO-nr-Lockerbie-5Oct07.htm.

> of judicial *sacrificium intellectus* – compromising their reputation and independence on the altar of «national interests» that are never clearly specified (and carefully hidden from the public anyway), such practice of the law will be intrinsically *flawed* and ultimately *counterproductive* in terms of the fundamental goal of international criminal justice, namely the promotion of the *international rule of law* and, through it, *peace* among nations.[1]

Even after the death of the only person convicted, the final chapter of the Lockerbie trial can not yet be written. What can be said at this stage, however, is that a hybrid arrangement for an extra-territorial domestic court – such as the one for a Scottish Court sitting in the Netherlands – cannot overcome the judicial predicament caused by the involvement of the respective country's executive in an international dispute that is directly related to the criminal case in question. The conduct of the trial and appeal proceedings by the Scottish judiciary has set a negative example; it has alerted us about the problems and pitfalls of criminal justice in the international domain and – regrettable as it may be, depending upon one's approach towards international affairs – has done disservice to the cause of those who aim to introduce universal jurisdiction» into the body of contemporary international law.

Apart from criminal justice and the (international) rule of law, the concerns which the author has repeatedly raised as International Observer of the proceedings at Kamp van Zeist in the Netherlands also relate to basic issues of international security. The handling of the Lockerbie case by the Scottish judiciary, so far, could have far-reaching implications for what some governments call the «global war on terror».[2] Only a just and convincing resolution (in terms of arguments and legal procedure) of the question of personal criminal responsibility will enable the countries involved in the dispute and, subsequently, the «international community», to draw the appropriate lessons for a credible and sustainable counter-terrorist strategy. There can be no justice without truth – and no efficient measures to protect a country's citizens can be taken if political (in particular foreign policy) interests prevent a proper and thorough investigation into the causes of – and possible criminal responsibility for – an incident such as the explosion of the Pan Am jet over Lockerbie in December 1988.

After many years of involvement in the observation and analysis of the legal and political disputes[3] between the United Kingdom, the United States and the Libyan Jamahiriya – essentially over an issue of criminal jurisdiction in a suspected case of international terrorism, the author has summarized his conclusions in remarks at the «Law Awards of Scotland 2008» in Glasgow, in the week when Mr. al-Megrahi was suddenly brought to a hospital in that city and diagnosed with cancer in an incurable stage. The concerns which I then voiced about the politicization of criminal justice have become even more relevant in the light of the circumstances under which Mr. al-Megrahi was induced to drop his appeal in 2009, and after his death in May 2012.

«Whether those in public office like it or not, the Lockerbie trial has become a test case for the criminal justice system of Scotland. At the same time, it has become an exemplary case on a global scale – its handling will demonstrate whether a domestic system of criminal justice can resist the dictates of international power politics or simply becomes dysfunctional as soon as 'supreme state interests' interfere with the imperatives of justice. Fairness of judicial proceedings is undoubtedly a supreme and permanent public interest. If the rule of law is to be upheld, the requirements of the administration of justice may have to take precedence over public interests of a secondary order – such as a state's momentary foreign policy considerations or commercial and trade interests. The

[1] On this connection see Hans Kelsen, *Peace through Law*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1944.

[2] For details see Hans Koechler (ed.), *The «Global War on Terror» and the Question of World Order*. Studies in International Relations, XXX. – Vienna: International Progress Organization, 2008.

[3] For the political implications in the triangle Libya-United States-United Kingdom see also Khalil I. Matar and Robert W. Thabit, *Lockerbie and Libya: A Study in International Relations*. Jefferson, N.C.: McFarland, 2003. (Robert W. Thabit was the second observer of the International Progress Organization nominated by the Secretary-General of the United Nations for the Scottish Court sitting in the Netherlands.)

internal stability and international legitimacy of a polity in the long term depend on whether it is able to ensure the supremacy of the law over considerations of power and convenience. Contrary to what skeptics and the advocates of the supremacy of realpolitik try to make us believe, the basic maxim of the rule of law is not *fiat justitia, pereat mundus* but fiat *justitia ne pereat mundus* – 'let justice prevail so that the world does not perish».[1]

It remains to be seen whether the Scottish judicial establishment at long last will be able, or willing, to repair its reputation, and a new appeal will be allowed to begin «in the interests of justice». According to the provisions of Scots' law, appeal proceedings can be initiated even after the death of a convict or appellant. In procedural terms, the ball is now in the court of those who can prove a legitimate interest in a review and final resolution of the case – either the family of Abdelbaset Ali Mohmed al-Megrahi or the families of the victims. Since Mr. al-Megrahi withdrew his appeal under pressure and in the face of death, this would be an entirely appropriate step.

*****

WAR IN UKRAINE / TRAGEDY OF FLIGHT MH 17
Urgent call for independent international investigation

Chişinau / Vienna, 26 July 2014
RE/25061c-is

In a statement issued today, the President of the International Progress Organization, Dr. Hans Koechler, who is presently on a fact-finding visit to Eastern Europe, has called for the establishment of an **impartial** and **independent** investigation of the circumstances of the crash of Malaysian Airlines 17 over rebel-controlled territory in Eastern Ukraine. Between 2000 and 2002, Dr. Koechler served as international observer of the criminal trial following the destruction of Pan Am flight 103 over Lockerbie, Scotland. He was nominated by the Secretary-General of the United Nations on the basis of a binding resolution of the UN Security Council.

The former UN observer explained that, because of the ongoing civil war in the eastern part of the country, the Government of Ukraine, itself a party in the conflict, is not only effectively unable to conduct an investigation, but cannot guarantee its independence and objectivity. Under these circumstances, Article 5.1 of Annex 13 («Aircraft Accident and Incident Investigation») of the *Convention on International Civil Aviation* - which obliges the «State of Occurrence» to institute an investigation (or to delegate it to another state) – is not applicable.

An investigation has to be **international,** Dr. Koechler explained, and it must be ensured that no party to the conflict in Ukraine is in a position to influence its outcome. This is also implied in Security Council resolution 2166 (2014), which, in Par. 3, expresses support for «efforts to establish a full, thorough and independent international investigation». Since, in this case, the Security Council has not acted on the basis of Chapter VII of the UN Charter, and has not mandated – but merely «supported» – an investigation, it is up to the countries directly affected by the tragedy to take the necessary measures. This relates to the country of registration of the aircraft, Malaysia, and to the countries whose citizens were killed in this tragedy. For the integrity and credibility of the investigation it will be absolutely essential that it is not politicized, and that officials or experts from countries involved in the political dispute in Ukraine, including from the United States, have no influence, whether direct or indirect, on its conduct. The investigation should be conducted in close co-ordination with the United Nations' International Civil Aviation Organization (ICAO) whose experts are already on site.

As regards the question of criminal responsibility, Dr. Koechler explained that the *Convention for the suppression of unlawful acts against the safety of civil aviation* («Montreal Convention» of 1971) is applicable. According to Article 5(b) of the Convention, Malaysia has jurisdiction in the case. Dr. Koechler expressed his concern over the information war that is waged in the international

[1] From the author's keynote address delivered at the *Law Awards of Scotland 2008 in association with Registers of Scotland*, Glasgow, Scotland, 18 September 2008.

media. As long as the facts are not fully ascertained and the collection of forensic evidence has not been completed, commentators should not jump to conclusions. Only a duly constituted court of law will be authorized to attribute guilt. The former UN observer in particular referred to the deletion, by the BBC, of a video report of BBC Russian correspondent Olga Ivshina, on 23 July 2014. In addition to statements about Russian missile launchers, the report included observations of witnesses from the crash site who said that they saw another (military) plane in the vicinity of the Malaysian airliner. The British Broadcasting Corporation will have to explain why it decided to remove that report, which was balanced and did not attribute guilt, from its Russian web site.

In a news release of 23 July 2014 from Glasgow (UK), published in many German newspapers, the German News Agency DPA has warned of the risk of politicization of the investigation into the crash of MH 17 and referred to Hans Koechler's earlier reports on the circumstances surrounding the investigation of the crash of Pan Am flight 103 over Lockerbie, Scotland. In that tragedy, 270 people perished after a midair explosion of the plane en route from London to New York on 20 December 1988. On their web sites, most German newspapers also published links to Dr. Koechler's critical reports on the investigation and criminal prosecution after the Pan Am tragedy.

***

Sources:

«Die Ukraine erlebt gerade ihr Lockerbie»: DIE WELT, Berlin, 23 July 2014
Hans Koechler‘s Lockerbie Trial Observer Mission

International Progress Organization
Enquiries: info@i-p-o.org, phone : +43-1-5332877, fax: +43-1-5332962, postal address:
A-1010 Vienna, Kohlmarkt 4, Austria

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

*Российский проект оптимизации деятельности международных органов по правам человека
*Инициатива России по вопросам международно-правовой борьбы с коррупцией
*Инициатива России по обсуждению новых тенденций в области миротворчества

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА[1]

О ПОДХОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

(ПОЗИЦИОННЫЙ ДОКУМЕНТ)

1. Российская Федерация придает большое значение укреплению системы договорных органов по правам человека, которые она рассматривает в качестве одного из ключевых элементов международной системы поощрения и защиты прав человека.

2. Несмотря на несомненные успехи, достигнутые этими контрольными органами, в их деятельности налицо элементы системного кризиса, вызванного, помимо прочего, увеличением числа государств – участников международных правозащитных договоров и неизбежным в этой связи ростом нагрузки на договорные органы. В результате сложилась ситуация, когда комитеты фактически перестали справляться с задачей своевременного рассмотрения периодических докладов и сообщений. Кроме того, сами договорные органы нередко подвергаются обоснованной критике за превышение своих мандатов, в т.ч. в плане расширительного толкования гарантируемых конвенциями прав и свобод человека и соответствующих обязательств государств-участников.

3. В этой связи Российская Федерация приветствует любые усилия, направленные на повышение эффективности деятельности конвенционных комитетов.

В данном контексте российская сторона позитивно расценивает запущенный в 2009 году Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека процесс многосторонних «размышлений» по вопросу укрепления договорных органов, завершившийся опубликованием в июне 2012 года соответствующего итогового доклада (A/66/860).

4. Вместе с тем, единственным незадействованным до недавнего времени форматом рассмотрения указанной проблематики оставалось межправительственное обсуждение вопросов деятельности договорных органов по правам человека с привлечением всех без исключения государств – членов Организации Объединенных Наций. В этой связи 23 февраля 2012 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций по инициативе Российской Федерации приняла резолюцию 66/254 «Осуществление в Генеральной Ассамблее межправительственного процесса, направленного на укрепление и повышение эффективности функционирования системы договорных органов по правам человека». Выступая с этой инициативой, российская сторона руководствовалась заботой о будущем договорных органов по правам человека и необходимостью перевода ведущихся многочисленных разрозненных дискуссий по данной проблематике в межправительственное русло под эгидой Генеральной Ассамблеи

[1] 21 сентября 2012 года Постоянный представитель Российской Федерации при ООН В.Чуркин передал настоящий документ Генеральному секретарю ООН.

Организации Объединенных Наций. При этом российская сторона считает необходимым неукоснительно придерживаться межправительственного характера запущенного в рамках Генеральной Ассамблеи переговорного процесса, параметры участия в котором четко определены в пунктах 4 и 6 постановляющей части резолюции.

5. Российская Федерация исходит из того, что в соответствии со своим мандатом по Уставу Организации Объединенных Наций Генеральная Ассамблея вправе обсуждать любой вопрос, относящийся к деятельности договорных органов. По некоторым из них может быть принято самостоятельное решение, по другим же соответствующие рекомендации надо адресовать либо совещаниям государств – участников соответствующих договоров, либо самим конвенционным комитетам. Российская сторона также убеждена, что процесс совершенствования деятельности договорных органов должен идти в рамках существующей сегодня международно-правовой базы в области поощрения и защиты прав человека без внесения каких-либо изменений в тексты соответствующих международных договоров.

6. Главной целью процесса мы видим укрепление потенциала договорных органов по правам человека в аспекте оказания содействия государствам-участникам соответствующих договоров в выполнении ими взятых на себя правозащитных обязательств.

7. Что касается практических аспектов функционирования системы договорных органов по правам человека, то Российская Федерация исходит из следующего.

Подготовка национальных периодических докладов

8. На данном этапе представляется целесообразным придерживаться существующей процедуры подготовки государствами периодических докладов о выполнении ими своих обязательств по международным договорам в области поощрения и защиты прав человека.

9. Так называемая альтернативная процедура подготовки докладов, когда государства -участники соответствующего договора представляют не «полновесный» доклад, а лишь ответы на заранее переданные им вопросы договорных органов, только проходит апробацию, и ее модальности окончательно не сформированы. Тем не менее, уже на данном этапе очевидны такие недостатки этой процедуры, как:

– чрезмерное количество вопросов со стороны комитетов, вынуждающее государства идти на значительное превышение рекомендуемых объемов ответов в целях представления подробной и объективной информации;

– злоупотребление договорными органами общетеоретическими вопросами, не позволяющими государствам представлять лаконичные, но, в то же время, максимально полные ответы;

– выход комитетов за рамки положений соответствующих международных договоров при формулировании вопросов и, как следствие, вторжение в компетенцию других договорных органов.

10. В этой связи прежде, чем распространять данную практику на все договорные органы, необходимо дождаться первых результатов работы альтернативной процедуры (по истечении как минимум двух-трех лет функционирования), а также провести комплексную оценку ее эффективности. Представляется целесообразным на данном этапе сохранить факультативный характер этой процедуры, которая должна отвечать следующим условиям:

– для ее применения необходимо получение согласия соответствующего государства-участника;

– вопросы, на которые государству-участнику предлагается ответить, не должны выходить за рамки соответствующих международных договоров;

– вопросы фактологического характера должны основываться на достоверной и многократно проверенной информации;

– введение ограничения по количеству задаваемых государству-участнику вопросов с целью направления дискуссии с ним в конструктивное русло.

11. Представляется нецелесообразным унифицировать методологию и модальности подготовки государствами своих периодических докладов. Данный вопрос не урегулиро-

ван соответствующими международными договорами и относится к исключительной компетенции государств-участников. С учетом институциональных, политических, социально-экономических, культурных, религиозных и других особенностей государства самостоятельно определяют возможность и необходимость проведения каких-либо национальных консультаций, а также подключения к подготовке докладов институтов гражданского общества и национальных правозащитных механизмов.

12. По этой же причине является неприемлемым предъявление к государствам-участникам требований об обязательном учреждении каких-либо специальных национальных координационных механизмов по подготовке периодических докладов. Возложение на государства подобных дополнительных обязанностей возможно лишь через внесение изменений в тексты соответствующих международных договоров.

13. Простое введение ограничений объема периодических докладов может негативно сказаться на качестве представляемой информации, а также на диалоге государств-участников с договорными органами и содержании заключительных замечаний по итогам рассмотрения доклада. Подобный шаг был бы оправдан лишь при соблюдении следующих условий:

– включение информации о национальном законодательстве, статистических данных и иных сведений общего характера в приложение к национальному докладу, что позволит сделать сам доклад лаконичным и сфокусированным на наиболее важных шагах, предпринятых государством- участником по выполнению своих международных обязательств по соответствующему договору;

– перевод всех приложений к национальному докладу на рабочие языки договорных органов с тем, чтобы дать возможность экспертам комитетов получать максимально полную и объективную информацию о шагах, предпринимаемых государством-участником;

– ограничение количества дополнительной информации, запрашиваемой договорными органами от государств-участников в преддверии защиты национального доклада;

– максимально четкий и лаконичный характер дополнительных вопросов комитетов, которые должны быть направлены исключительно на уточнение конкретной информации, содержащейся в национальном докладе государства-участника;

– неукоснительное соблюдение принципа «разделения труда» между договорными органами и недопущение постановки вопросов, выходящих за рамки компетенции конкретного комитета и положений соответствующего международного договора.

14. Согласно базовым международным договорам по правам человека государства-участники обязаны на периодической основе представлять свои национальные доклады о выполнении ими соответствующих международных обязательств в области поощрения и защиты прав человека. Как правило, первый подобный национальный доклад содержит ключевые сведения, формирующие базовый документ. В последующих периодических докладах эта информация лишь обновляется. Таким образом, в распоряжении соответствующего договорного органа всегда имеется актуализированная информация по конкретному государству-участнику.

15. Российская Федерация исходит из того, что возложение на государство обязанности по периодическому обновлению своего базового документа (в частности, в отношении законодательных, политических и институциональных нововведений) не только потребует изыскания государством-участником дополнительных ресурсов (на подготовку и представление базового документа) и повлечет дополнительные расходы из бюджета Организации Объединенных Наций (перевод, публикация и т.д.), но и будет противоречить положениям соответствующих международных договоров, не предусматривающих подобной возможности.

16. В этой связи оптимальным способом обновления базового документа представляется включение договорным органом по согласованию с государством-участником в его текст актуализированной информации, содержащейся в периодических докладах. Подобная работа носит редакционно-технический характер и не потребует возложения на государства дополнительных обязательств, что, в свою очередь, возможно лишь путем внесения соответствующих изменений в тексты международных договоров.

17. Практика показывает, что основной причиной непредставления или несвоевременного представления государствами периодических докладов, а также не направления на их защиту представительных национальных делегаций является не игнорирование странами своих международных обязательств, а отсутствие необходимых возможностей, в т.ч. материально-технической базы, для их надлежащего выполнения. В этой связи Российская Федерация считает, что одним их направлений совершенствования деятельности договорных органов должно стать более широкое осуществление программ технического содействия для развития и укрепления соответствующих национальных потенциалов государств-участников.

Рассмотрение национальных периодических докладов

18. Идея разработки единого всеобъемлющего календаря требует дальнейшей детальной проработки.

19. Несмотря на свою внешнюю привлекательность, данное предложение не лишено ряда недостатков. Главный из них — подрыв базового принципа, на котором базируется деятельность договорных органов. Основное предназначение конвенционных комитетов — налаживание конструктивного диалога с государствами-участниками и оказание им содействия в выполнении обязательств по каждому конкретному договору. В случае же принятия единого всеобъемлющего календаря может возникнуть ситуация, при которой тот или иной комитет станет рассматривать вопрос о выполнении государством положений договора в отсутствие не только национального доклада, но и официальной правительственной делегации.

20. Введение единого всеобъемлющего календаря также ляжет дополнительным бременем на наименее развитые государства, для которых ежегодное представление даже одного доклада может стать непосильной задачей.

21. Не вполне понятно, как идея единого всеобъемлющего календаря будет соотноситься с положениями базовых международных договоров по правам человека, закрепляющих разную периодичность представления государствами своих национальных докладов. Одним из возможных вариантов могла бы стать договоренность комитетов с государствами-участниками об увеличении сроков предоставления национальных докладов (например, с 4 до 6 лет) или об объединении двух-трех докладов в один с представлением его в более длительные сроки (соответствующая практика, например, используется Комитетом по ликвидации расовой дискриминации). Это позволит на определенное время разгрузить комитеты и не потребует увеличения расходов как со стороны государств, так и из бюджета Организации Объединенных Наций.

22. Вопросы формирования национальных делегаций для защиты периодических докладов являются исключительной прерогативой государств-участников. Неприемлемым является предъявление государствам-участникам каких-либо требований относительно состава национальных делегаций и включения в них представителей тех или иных заинтересованных сторон.

23. Российская Федерация рассматривает практику направления государству в преддверии защиты его национального доклада (за несколько дней) перечня вопросов, на которые эксперты комитетов хотели бы получить ответы, в качестве одного из способов повышения эффективности диалога между государствами-участниками и договорными органами. В частности, государство сможет дать краткие и исчерпывающие ответы на интересующие комитет вопросы в рамках выделенного для этого времени. Это позволит не только оптимизировать диалог с государством-участником в ходе защиты доклада, но и избавит от необходимости направления в письменном виде последующей дополнительной информации, которая, как показывает практика, редко принимается к рассмотрению экспертами договорных органов. Очевидна выгода и для договорных органов, поскольку они будут обладать полной информацией и смогут более объективно и обоснованно вырабатывать заключительные замечания по итогам рассмотрения национальных докладов.

24. Серьезной корректировки и совершенствования требует практика назначения договорными органами страновых докладчиков. Нередки случаи, когда члены того или иного

комитета, положившись на назначенных докладчиков, вообще не знакомятся с содержанием представленных документов. В результате значительное время делегации тратят на то, чтобы отвечать на вопросы, ответы не которые уже содержатся в самом докладе. В этой связи заслуживает внимание практика Комитета по правам человека в плане назначения страновой целевой группы.

25. Что касается существующей в Комитете по ликвидации дискриминации в отношении женщин практики рассмотрения докладов одновременно в нескольких палатах, то она не применима к другим комитетам из-за различий в численном составе данного Комитета и других договорных органов. Кроме того, проведение заседаний в параллельных палатах имеет смысл лишь при условии соблюдения принципа справедливого географического представительства при формировании состава договорных органов. Необходима гарантия того, что доклад государства будет рассматриваться сбалансированной с географической точки зрения палатой членов того или иного комитета.

26. Необходимо установить четкие временные рамки для выступлений членов договорных органов в ходе диалога с соответствующим государством-участником. Широко распространена практика, когда основная часть отведенного на защиту докладов времени уходит, по сути, на монологи членов комитета. В результате у делегаций фактически не остается времени на обстоятельные исчерпывающие ответы на многочисленные вопросы экспертов договорных органов.

27. В целях повышения прозрачности деятельности договорных органов, а также обеспечения их подлинной независимости, объективности и беспристрастности необходимо отказаться от практики проведения «закрытых» встреч экспертов комитета с различными заинтересованными сторонами. Любые мероприятия и встречи по линии договорных органов должны иметь открытый характер с возможностью присутствия на них представителей всех заинтересованных сторон.

28. Нередки ситуации, когда в силу объективных причин государство-участник не может направить представительную делегацию на заседание комитета для защиты своего национального доклада. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать введение практики проведения диалога национальной делегации с комитетом с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (например, в формате видеоконференций и Интернет-трансляций заседаний комитетов). Обязательными условиями проведения защиты доклада по такой схеме должны быть направление государством-участником в адрес комитета соответствующей просьбы и наличие у страны необходимых технических возможностей (а при их отсутствии – при условии оказания соответствующего технического содействия Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, выполняющим функции Секретариата договорных органов).

29. В целях обеспечения подлинной беспристрастности и открытости деятельности договорных органов современные информационно-коммуникационные технологии (в частности, Интернет-трансляции) должны также использоваться при проведении диалога комитетов с другими источниками информации накануне защиты национальных докладов (учреждениями и институтами системы Организации Объединенных Наций, национальными правозащитными механизмами, институтами гражданского общества и др.).

30. Отказ от практики подготовки кратких отчетов о заседаниях комитетов возможен лишь в случае внедрения в работу договорных органов современных информационно-коммуникационных технологий и создания открытой и хорошо защищенной базы данных видео- и аудиотрансляций всех заседаний комитетов.

31. Необходимо сохранить многоязычный характер деятельности договорных органов. Сокращение количества языков, на которых государства-участники могут предоставлять национальные доклады либо осуществлять их защиту, поставит страны перед необходимостью изыскивать дополнительные ресурсы для осуществления перевода своих материалов.

32. Представляется необходимым разработать руководство по проведению диалога между договорными органами и государствами-участниками при рассмотрении их периодических докладов. Указанный документ должен быть подготовлен государствами-участниками совместно с договорными органами и касаться только процедурных моментов защиты докладов.

33. Совершенствуя свою деятельность и внедряя новые методы работы, договорные органы ни при каких условиях не должны создавать для государств дополнительных обязательств, отличных от тех, которые они брали на себя при подписании, ратификации или присоединении к соответствующим международным договорам.

Заключительные замечания договорных органов и их осуществление

34. Российская Федерация исходит из необходимости подготовки договорными органами более кратких и сфокусированных заключительных замечаний по итогам рассмотрения периодических докладов. Указанные замечания и рекомендации должны быть реалистичными и прагматичными, а также учитывать реальные возможности и потребности государств-участников.

35. Методология и модальности выполнения государствами-участниками заключительных замечаний договорных органов не урегулированы положениями соответствующих международных договоров. Эти вопросы относятся к исключительной компетенции государств-участников. С учетом существующих институциональных, политических, социально-экономических, культурных, религиозных и других особенностей страны самостоятельно определяют возможность и необходимость принятия каких-либо планов действий по реализации заключительных замечаний, выдвижения каких-либо законодательных инициатив, проведения национальных консультаций, подключения к этому процессу институтов гражданского общества, включая учреждение специального координационного механизма.

36. Действующие международные договоры не содержат каких-либо положений относительно т.н. последующих мер по итогам рассмотрения национальных докладов. В этой связи готовность того или иного государства-участника вступить в диалог с договорным органом по данному вопросу является исключительно проявлением его доброй воли. Сами договорные органы и Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека могут лишь оказывать техническое содействие в случае обращения со стороны заинтересованных правительств.

37. Осуществление договорными органами страновых визитов в качестве последующей меры по итогам рассмотрения национальных докладов государств-участников не предусмотрено международными договорами в области поощрения и защиты прав человека. Наделение комитетов такими полномочиями возможно только через внесение соответствующих дополнений в международные договоры или разработку соответствующих дополнительных инструментов (факультативных протоколов). Кроме того, это создаст дополнительную нагрузку (в т.ч. финансовую) на договорные органы и окажет негативное влияние на выполнение ими своих основных функций – рассмотрение национальных периодических докладов государств-участников.

38. Наделение комитетов подобными полномочиями противоречит самой природе договорных органов, призванных оказывать содействие государствам в выполнении ими своих международных обязательств в области поощрения и защиты прав человека, а не осуществлять контрольно-надзорные функции.

39. Оценка реализации государствами-участниками соответствующих заключительных замечаний осуществляется договорными органами на периодической основе в рамках рассмотрения их национальных докладов. Действующими международными договорами не предусмотрена какая-либо процедура промежуточной отчетности государств-участников. Направление ими в комитеты промежуточных докладов о выполнении заключительных замечаний является их правом, а не обязанностью. В этой связи любая институционализация процедуры промежуточной отчетности возможна только через внесение соответствующих дополнений в

международные договоры или разработку соответствующих дополнительных инструментов (факультативных протоколов).

Процедура рассмотрения индивидуальных сообщений

40. С учетом природы договорных органов принимаемые ими решения по индивидуальным сообщениям не имеют обязательной юридической силы и носят исключительно рекомендательный характер. Опубликование или иное придание гласности любых материалов, касающихся сообщения и хода его рассмотрения, возможно только с обоюдного согласия государства-участника и заявителя. Несоблюдение данного условия является нарушением права человека на защиту и охрану частной жизни.

41. Сбор и хранение информации, содержащей персональные данные гражданина, регулируются соответствующим законодательством государства-участника. В этой связи при рассмотрении вопроса о формате и модальностях сбора и хранения информации по индивидуальным сообщениям следует руководствоваться конфиденциальным характером таких данных. Кроме того, на хранение и обработку такого рода чувствительной информации необходимо получать согласие заявителя и государства-участника.

42. В этой связи Российская Федерация считает нецелесообразным создание открытой единой базы данных решений договорных органов по итогам рассмотрения индивидуальных сообщений. Подобный шаг подорвет конфиденциальный характер этой процедуры, закрепленный в соответствующих международных договорах. При этом именно конфиденциальный характер данной процедуры является одним из главных элементов, делающих ее привлекательной для государств-участников. Отказ от этого принципа может негативно сказаться на достижении цели обеспечения универсального участия государств в основных международных договорах по правам человека.

43. Российская Федерация считает нецелесообразным создание объединенной межкомитетской рабочей группы по сообщениям. Подобный шаг не только будет противоречить положениям соответствующих международных договоров, но и подорвет факультативный характер процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений по отношению к основным задачам договорных органов – рассмотрение национальных периодических докладов, а также налаживание конструктивного взаимодействия с государствами-участниками и оказание им содействия в выполнении ими своих международных обязательств.

44. Международные договоры или факультативные протоколы, регулирующие процедуру индивидуальных сообщений, предусматривают, что государство-участник по истечении определенного временного периода после вынесения комитетом решения (как правило, 6 месяцев) должно проинформировать договорной орган о принятых в этой связи мерах. В данном контексте Российская Федерация рассматривает идею о рассмотрении в рамках защиты национальных докладов вопросов о выполнении государствами-участниками решений договорных органов по индивидуальным сообщениям как идущую вразрез с положениями соответствующих международных договоров.

45. Российская Федерация считает необходимым ввести ограничение на срок рассмотрения договорными органами индивидуальных сообщений (например, не более 2-3-х лет). Это позволит сэкономить время в течение сессий комитетов, а также выделяемые на конференционное обслуживание средства. Кроме того, введение ограничений на срок рассмотрения сообщений внесет определенность для их авторов, которые будут иметь четкое представление о перспективах рассмотрения их обращений в комитетах.

46. Представляется необходимым разработать руководство по работе с индивидуальными сообщениями. Указанный документ должен быть подготовлен государствами-участниками совместно с договорными органами и касаться только процедурных моментов обращения с подобными сообщениями. Что касается базовых положений относительно процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений, содержащихся в соответствующих международных договорах, то они должны оставаться неизменными.

Замечания общего характера

47. Российская Федерация считает необходимым ввести практику подготовки договорными органами замечаний общего характера в тесном взаимодействии с государствами-участниками и при безусловном учете социальных, экономических, политических, религиозных и культурных особенностей того или иного государства.

Состав договорных органов и требования, предъявляемые к их экспертам

48. В целях соблюдения принципа справедливого географического представительства государств в составе договорных органов представляется целесообразным выработать региональные квоты на членство в том или ином комитете.

Российская Федерация исходит из того, что конкретные параметры должны быть одобрены конференциями государств-участников соответствующих международных договоров.

49. Требования, предъявляемые к кандидатам на избрание в состав договорных органов, механизм их номинирования и выборов закреплены в соответствующих международных договорах и относятся к исключительному ведению государств-участников. Изменение существующей процедуры отбора кандидатов и выбора экспертов возможно только путем внесения соответствующих изменений в международные договоры или разработки соответствующих дополнительных инструментов (факультативных протоколов). Введение каких-либо новых критериев и механизмов (консультативных комитетов) отбора кандидатов путем принятия договорными органами решений, рекомендаций или руководящих принципов является превышением их полномочий и нарушением соответствующих мандатов.

50. Представляется необходимым разработать комплекс мер, направленных на деполитизацию деятельности договорных органов, повышение объективности экспертов, а также обеспечение их подлинной независимости не только от государств-участников, но и от других «групп влияния», включая институты гражданского общества, академические круги, а также органы системы Организации Объединенных Наций. В этой связи важно разработать свод этических и профессиональных норм поведения и требований к членам комитетов (по аналогии с Кодексом поведения специальных процедур Совета Организации Объединенных Наций по правам человека), а также соответствующий механизм ответственности за ненадлежащее выполнение ими своих обязанностей.

Российская Федерация считает также целесообразным установить предельный срок пребывания одного и того же лица в качестве эксперта договорного органа.

Взаимодействие со специальными процедурами Совета Организации Объединенных Наций по правам человека, региональными и субрегиональными организациями

51. Вопросы мониторинга выполнения государствами рекомендаций специальных процедур Совета Организации Объединенных Наций по правам человека, а также региональных и субрегиональных организаций не входят в компетенцию договорных органов. Наделение комитетов указанными полномочиями возможно только путем внесения соответствующих дополнений в международные договоры или разработки соответствующих дополнительных инструментов (факультативных протоколов).

52. Специальные процедуры, а также региональные и субрегиональные организации не имеют полномочий по мониторингу выполнения государствами-участниками заключительных замечаний (рекомендаций) договорных органов.

Придание специальным процедурам таких дополнительных функций возможно только через внесение изменений в их соответствующие мандаты.[1]

[1] Документ ООН: A/67/390 от 25 сентября 2012 г.

ИНИЦИАТИВА РОССИИ ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ[1] «Повышение эффективности международного сотрудничества на стадии выявления коррупционных правонарушений на основе Конвенции ООН против коррупции»

Конференция государств – участников Конвенции ООН против коррупции, ссылаясь на пункт (b) статьи 1 Конвенции ООН против коррупции, в которой в качестве одной из основных целей Конвенции устанавливаются поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества в предупреждении коррупции и борьбе с ней, ссылаясь также на статью 48 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, в соответствии с которой государства-участники тесно сотрудничают друг с другом в целях повышения эффективности правоприменительных мер для борьбы с преступлениями, охватываемыми Конвенцией, ссылаясь далее на свою резолюцию 1/3 под названием «Призыв к государствам – участникам Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и предложение подписавшим ее государствам привести свое законодательство и нормативные акты в соответствие с Конвенцией», ссылаясь на свою резолюцию 2/2 под названием «Призыв к государствам – участникам Конвенции ООН против коррупции и предложение подписавшим ее государствам продолжать приводить свое законодательство и нормативные акты в соответствие с Конвенцией», ссылаясь также на свою резолюцию 4/2 под названием «Созыв межправительственных совещаний экспертов открытого состава по развитию международного сотрудничества», признавая, что повышение эффективности международного сотрудничества в связи с преступлениями, охватываемыми Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции, в том числе и на стадии их выявления, является важным элементом предупреждения и борьбы с коррупцией,

1) просит государства-участники включить в свое национальное законодательство положения, позволяющие им оказывать друг другу возможно более широкое содействие в сфере уголовного, гражданского и административного производства по вопросам противодействия коррупции;

2) призывает государства – участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции оказывать содействие компетентным органам иностранных государств в выявлении охватываемых Конвенцией преступлений на стадии, предшествующей процедурам взаимной правовой помощи, включая предоставление информации, в том числе имущественного и/или финансового характера, относительно лиц, предположительно причастных к совершению таких преступлений, предусмотрев, в случае необходимости, соответствующие положения в своем национальном законодательстве;

3) поощряет государства – участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции продолжить обмен информацией с другими государствами-участниками о совершенных преступлениях, входящих в сферу охвата Конвенции, а также обмен информацией о применяемых средствах и методах, предоставлять образцы для аналитических и следственных целей, способствовать эффективной координации между компетентными ведомствами и наращивать обмен персоналом и другими экспертами, включая офицеров связи;

4) рекомендует государствам-участникам заключать между собой двусторонние соглашения, регулирующие сотрудничество в сфере предупреждения и выявления коррупционных

[1] Проект представлен Российской Федерацией на пятой сессии Конференции государств – участников Конвенции ООН против коррупции (Панама, 25-29 ноября 2013 г.).

деяний, а также по вопросам привлечения юридических лиц к ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

5) призывает антикоррупционные международные организации активизировать усилия по повышению эффективности международного сотрудничества в деле коррупционных правонарушений, входящих в сферу охвата соответствующих международных договоров, и в этих целях проводить обобщения передовых практик и разрабатывать рекомендации;

6) просит Управление Организации Объединенных Наций по наркотиками и преступности включить в его программы технического содействия, предоставляемого по запросу заинтересованных государств, аспект повышения эффективности международного сотрудничества на стадии, предшествующей процедурам взаимной правовой помощи, в отношении преступлений, охватываемых Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции;

7) просит продолжить созывать межправительственные совещания экспертов открытого состава по международному сотрудничеству, мандат которых установлен в соответствии с резолюцией 4/2 Конференции, и созвать одно такое совещание в ходе шестой сессии Конференции и как минимум еще одно межсессионное совещание, в пределах имеющихся ресурсов, в период, предшествующий шестой сессии;

8) поручает межправительственному совещанию экспертов открытого состава по развитию международного сотрудничества, созываемому в соответствии с ее резолюцией 4/2, продолжить изучение вопросов выявления и анализа имеющихся правовых, правоприменительных и иных препятствий для повышения эффективности международного сотрудничества на стадии выявления коррупционных правонарушений на основе Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и разработать рекомендации по их устранению.

ИНИЦИАТИВА РОССИИ ПО ОБСУЖДЕНИЮ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЛАСТИ МИРОТВОРЧЕСТВА

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Концептуальная записка[1]

11 июня 2014 года Российская Федерация в качестве Председателя Совета Безопасности ООН организовала открытые дебаты «Миротворческие операции Организации Объединенных Наций: новые тенденции». В ходе мероприятия с участием членов Совета Безопасности, широкого круга государств – членов ООН, в том числе стран – поставщиков военных и полицейских контингентов, а также Секретариата Организации состоялся заинтересованный обмен мнениями по этому одному из наиболее острых и актуальных направлений деятельности всемирной Организации. С докладом выступил Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

Эволюция подходов к миротворчеству Организации Объединенных Наций обусловлена, прежде всего, изменением специфики конфликтов, которыми приходится заниматься Организации. Сегодня, в отличие от эпохи «классического» миротворчества, абсолютное большинство кризисов, для урегулирования которых принимается решение о развертывании либо продлении мандата операций по поддержанию мира Организации Объединенных Наций, являются вооруженными конфликтами немеждународного характера, которые часто называют внутренними или внутригосударственными (как правило, в контексте противостояния правительственных сил и неправительственных вооруженных формирований). Эти конфликты имеют широкий набор причин и осложняющих факторов, но, как правило, объединяет их то, что

[1] Данный документ был передан Постоянным представителем Российской Федерации при ООН Генеральному секретарю ООН для распространения в связи с открытыми прениями в Совете Безопасности по теме «Миротворческие операции Организации Объединенных Наций: новые тенденции», которые прошли 11 июня 2014 года под председательством Российской Федерации в Совете Безопасности.

национальное примирение имеет для их урегулирования ключевое значение. Единственное исключение – присутствие террористических организаций и транснациональных вооруженных групп, которые могут быть заинтересованы в вакууме государственной власти и не иметь озабоченностей или интересов внутри страны, на территории которой они действуют.

В то время, как миротворческие операции часто развернуты в целях урегулирования таких внутригосударственных конфликтов, новым является то, что теперь они нередко не имеют иного выбора, кроме как действовать в условиях, когда «мира либо нет, либо его очень мало», а миротворцы могут сталкиваться с нетрадиционными угрозами и повышенными рисками для своей безопасности. Как правило, превалирует мнение, что в таких условиях более широкая международная вовлеченность может послужить, как минимум, толчком к стабилизации. При этом возрастает необходимость учета готовности стран – поставщиков контингентов идти на такие повышенные риски. Кроме того, зачастую ООНовские «голубые каски» развертываются параллельно с уже присутствующими «на земле» иностранными военными контингентами (как национальными, так и от региональных организаций), региональными и международными посланниками или специальными миссиями. Это создает дополнительные вызовы, а также возможности для более тесных партнерств.

Одной из рубежных вех для миротворчества Организации Объединенных Наций на данном пути стало принятие в марте 2013 года резолюции 2098(2013) Совета Безопасности о продлении мандата Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго и формировании в ее составе бригады оперативного вмешательства, наделенной правом превентивно применять силу и проводить целевые наступательные операции. Вскоре Советом была согласована и резолюция 2100(2013) о создании операции по поддержанию мира в Мали. Совет, учитывая наличие в этой стране специфических угроз, наделил Миссию Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали правом использовать все необходимые средства для выполнения своего мандата, включая отражение угроз и осуществление активных шагов для предупреждения возвращения вооруженных элементов в основные населенные пункты. Следует также принимать во внимание и более ранние, но достаточно распространенные мандаты, которые предусматривают использование «всех необходимых средств/действий». В некоторых случаях миротворцы использовали силу в большей степени – соответствующим примером здесь могут послужить действия Операции Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре по мандату, предусмотренному резолюцией 1933 (2010) Совета Безопасности.

Эти новые обстоятельства в миротворчестве Организации Объединенных Наций, как представляется, не в полной мере соотносятся с основополагающими принципами миротворчества Организации и в ряде случаев даже противоречат им. Очевидно, что эта проблема должна найти соответствующее отражение в согласованных государствами-членами документах Организации в сфере миротворчества. Пока же мы имеем дело с фрагментарным подходом к набирающей обороты тенденции.

Организации в лице Секретариата и государств-членов, при особой роли стран -поставщиков контингентов, придется неизбежно столкнуться с задачей четкого всеохватного формулирования позиции по широкому спектру вопросов, связанных с «усиленными» операциями, оценкой их эффективности и влияния на имидж Организации. Это, в частности, относится к четкому обоснованию и ясному пониманию их целей и действий (в том числе «чью сторону занять?», «как обеспечить решительные усилия по продвижению национального примирения?» и тому подобное). Когда одной из сторон во внутригосударственном конфликте является правительство, то преодолеть коллизию между принципами согласия принимающей стороны и принципом беспристрастности становится очень сложно, и это подтверждается в ряде современных миссий. Определение четких и своевременно разработанных стратегий стабилизации и военных концепций, рамок применения силы, эффективного руководства и командования, формирования необходимых сил и средств, включая соответствующую подготовку «голубых касок» и их логистическое обеспечение, становится критически важным. Необходимо осмыс-

лить также новые вызовы, которые неизбежно возникнут и для работы персонала Организации, в том числе гуманитарного, присутствующего «на земле» параллельно с операциями по поддержанию мира.

В новых условиях все острее встает вопрос о безопасности миротворцев, особенно в ситуациях, когда угрозы для них исходят от неправительственных вооруженных группировок. Серьезную озабоченность вызывает и возможный рост потерь среди миротворцев в результате их непосредственного участия в боевых действиях (хотя в настоящее время, согласно статистике, основные потери связаны с ситуациями самообороны). Государствам-членам и Секретариату Организации Объединенных Наций предстоит серьезный разговор с целью прояснения вопросов, имеющих отношение к утрате миротворцами специального защищенного статуса по международному гуманитарному праву, и правовых аспектов их ответственности за его нарушение.

Кроме того, миротворцы должны располагать надлежащим оборудованием, периметрами безопасности, транспортными средствами и тому подобным, что позволило бы им действовать безопасно. Однако это может привести к ресурсным издержкам, обсуждать которые предстоит в соответствующих межгосударственных органах.

В определенной степени с новыми «амбициозными» мандатами связан и вопрос о ресурсном и оперативно-техническом усилении операций по поддержанию мира Организации Объединенных Наций, в том числе за счет применения высокотехнологичной техники, тем более что растет понимание того, что передовые технологии (включая невооруженные беспилотные лета-тельные аппараты, новейшее медицинское и инженерное оборудование) могут способствовать более полному выполнению миротворцами мандатов и улучшению охраны и безопасности персонала, а также лучшему ориентированию на местности. Такие позитивные элементы были упомянуты в ходе недавнего брифинга Департамента операций по поддержанию мира в Совете Безопасности.

Вместе с тем, несмотря на общее позитивное отношение к идее модернизации операций по поддержанию мира, дискуссия в Организации Объединенных Наций по конкретным новым технологиям, прежде всего невооруженным беспилотным летательным аппаратам, выявила целый ряд вопросов в политико-правовой и бюджетной областях. Имеются вопросы и в отношении контроля за полученной информацией и обеспечения ее конфиденциальности. Практика развертывания невооруженных беспилотных летательных аппаратов в Демократической Республике Конго также выявила проблемы, связанные со сроками, экономической и оперативной эффективностью, а также соответствующими кадровыми вопросами. Председатель Совета Безопасности в своем письме на имя Генерального секретаря (S/2013/44) отметил, что пробное использование в рамках Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго «внешней аппаратуры получения изображений/электронной аппаратуры и соответствующих аналитических средств, особенно средств наблюдения, например обеспечиваемых беспилотными воздушными системами», может осуществляться, если такие средства имеются, «для укрепления возможностей ориентирования на местности применительно к каждому конкретному случаю и без ущерба для текущего процесса рассмотрения в соответствующих органах Организации Объединенных Наций правовых, финансовых и технических последствий использования беспилотных воздушных систем».

На настоящий момент такое обсуждение в соответствующих межгосударственных органах Организации Объединенных Наций носит весьма отрывочный характер, но оно назрело в целях выработки сбалансированного подхода Организации, в том числе в форме регламентирующих документов.

Не вызывает сомнений, что все операции по поддержанию мира Организации Объединенных Наций должны обладать необходимыми ресурсами, включая силы и средства, для выполнения своих мандатов. Одной из активно развивающихся в последнее время моделей является временная переброска персонала и оборудования между миссиями в условиях их дефицита, например в связи с резким обострением ситуации. В ряде случаев этот механизм

доказал свою эффективность. Вместе с тем сотрудничество между миссиями не должно сказываться на качестве выполнения каждой из них своего мандата, безопасности «голубых касок» и уровне бюджетной дисциплины. Возникает и вопрос о готовности стран-поставщиков предоставлять свои силы и средства для выполнения задач в более сложной или даже просто иной обстановке.

Мандаты современных многокомпонентных миссий становятся все более комплексными и включают наряду с задачами по восстановлению безопасности в принимающих странах многочисленные миростроительные поручения – вплоть до комплексного восстановления государственности в самом широком смысле слова. Недавно полученный опыт вынуждает нас задаться вопросом: по силам ли Организации брать на себя весь комплекс таких задач одновременно как с политической, так и ресурсной точек зрения, особенно в тех случаях, когда конфликт развивается циклично и характеризуется периодами резкого ухудшения ситуации в области безопасности. Представляется, что поэтому в ряде случаев возникает необходимость выделения в мандатах приоритетов – через последовательность выполнения задач – с тем, чтобы перегрузка миссий не сказывалась на их способности поддерживать безопасность и содействовать налаживанию политического процесса и национального примирения.

Вышеперечисленное, безусловно, образует далеко не исчерпывающий список новых тенденций в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций, но, пожалуй, наиболее актуальных и влияющих на его качественную трансформацию. Фрагментарный характер межгосударственной политико-правовой базы в их отношении диктует необходимость продолжения активной дискуссии государств-членов, разработки соответствующих доктрин, выработки и принятия в обозримом будущем нормативных документов с учетом анализа накопленного опыта.

Не подлежит сомнению, что центральная роль в формулировании государствами-членами таких решений, а также указаний Секретариату в области общих вопросов миротворчества принадлежит Специальному комитету Генеральной Ассамблеи по операциям по поддержанию мира. Логистические, бюджетные и кадровые вопросы должны обсуждаться в Пятом комитете Ассамблеи. Результативная дискуссия в этих органах необходима для того, чтобы Совет Безопасности принимал информированные решения при разработке индивидуальных мандатов миротворческих миссий с учетом мнения стран – поставщиков контингентов и ситуации «на земле».

Инклюзивное взаимодействие в рамках Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности позволит обеспечить Секретариат необходимыми руководящими указаниями, а также укрепить стратегическое партнерство в миротворчестве Организации Объединенных Наций, главными достоинствами которого являются его универсальный характер и уникальная легитимность.

Целесообразность выработки возможного итогового документа будет определена по результатам предстоящих открытых дебатов.[1]

[1] Документ ООН: A/68/899–S/2014/384 от 2 июня 2014 г.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

*Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ»
*Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ»
*Приказ Федеральной таможенной службы РФ от 7 августа 2014 г. № 1496 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560»

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РФ «О ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РФ»

В целях защиты национальных интересов Российской Федерации и в соответствии с федеральными законами от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» и от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» постановляю:

1. Органам государственной власти Российской Федерации, федеральным государственным органам, органам местного самоуправления, юридическим лицам, образованным в соответствии с законодательством Российской Федерации, организациям и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, в своей деятельности исходить из того, что в течение одного года со дня вступления в силу настоящего Указа запрещается либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению.

2. Правительству Российской Федерации:

а) определить перечень видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, названных в пункте 1 настоящего Указа, предусмотрев возможность его корректировки с учетом положений подпункта «в» настоящего пункта;

б) установить перечень конкретных действий, необходимых для реализации настоящего Указа;

в) принять меры по обеспечению сбалансированности товарных рынков и недопущению ускоренного роста цен на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию;

г) организовать совместно с высшими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации оперативный мониторинг товарных рынков и контроль за их состоянием;

д) обеспечить совместно с объединениями товаропроизводителей, торговых сетей и организаций разработку и реализацию комплекса мероприятий, направленных на увеличение предложения отечественных товаров;

е) обеспечить в соответствии со своей компетенцией осуществление иных мер, необходимых для реализации настоящего Указа;

ж) при необходимости вносить предложения об изменении срока действия запрета, предусмотренного пунктом 1 настоящего Указа.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации В.ПУТИН
Москва, Кремль, 6 августа 2014 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ «О МЕРАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА РФ ОТ 6 АВГУСТА 2014 г. «О ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РФ»

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Ввести сроком на один год запрет на ввоз в Российскую Федерацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, по перечню согласно приложению.

2. Федеральной таможенной службе обеспечить контроль за выполнением пункта 1 настоящего постановления.

3. Правительственной комиссии по мониторингу и оперативному реагированию на изменение конъюнктуры продовольственных рынков совместно с высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечить сбалансированность товарных рынков и недопущение ускорения роста цен на сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие.

4. Министерству промышленности и торговли Российской Федерации и Министерству сельского хозяйства Российской Федерации совместно с высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации организовать осуществление ежедневного оперативного мониторинга и контроля за состоянием соответствующих рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

5. Министерству сельского хозяйства Российской Федерации совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и с участием объединений товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия разработать и реализовать комплекс мероприятий, направленных на увеличение предложения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия с целью недопущения роста цен.

6. Министерству промышленности и торговли Российской Федерации, Министерству сельского хозяйства Российской Федерации, Министерству экономического развития Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службе с участием объединений торговых сетей и торговых организаций обеспечить координацию деятельности в целях сдерживания роста цен.

7. Настоящее постановление вступает в силу со дня его официального опубликования.

Председатель Правительства РФ Д.МЕДВЕДЕВ

7 августа 2014 года.

ПЕРЕЧЕНЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, СЫРЬЯ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, СТРАНОЙ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ, СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, КАНАДА, АВСТРАЛИЯ И КОРОЛЕВСТВО НОРВЕГИЯ И КОТОРЫЕ СРОКОМ НА ОДИН ГОД ЗАПРЕЩЕНЫ К ВВОЗУ В РФ

Утвержден
постановлением Правительства РФ
от 7 августа 2014 г. № 778

Код ТН ВЭД ТС	Наименование товара
0201	Мясо крупного рогатого скота, свежее или охлажденное
0202	Мясо крупного рогатого скота, замороженное
0203	Свинина свежая, охлажденная или замороженная
0207	Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, указанной в товарной позиции 0105, свежие, охлажденные или замороженные
из 0210	Мясо соленое, в рассоле, сушеное или копченое
0301, 0302, 0303, 0304, 0305, 0306, 0307, 0308	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные
0401, 0402, 0403, 0404, 0405, 0406	Молоко и молочная продукция
0701, 0702 00 000, 0703, 0704, 0705, 0706, 0707 00, 0708, 0709, 0710, 0711, 0712, 0713, 0714	Овощи, съедобные корнеплоды и клубнеплоды
0801, 0802, 0803, 0804, 0805, 0806, 0807, 0808, 0809, 0810, 0811, 0813	Фрукты и орехи
1601 00	Колбасы и аналогичные продукты из мяса, мясных субпродуктов или крови; готовые пищевые продукты, изготовленные на их основе
1901 90 110 0, 1901 90 910 0	Готовые продукты, включая сыры и творог на основе растительных жиров
2106 90 920 0, 2106 90 980 4, 2106 90 980 5, 2106 90 980 9	Пищевые продукты (молокосодержащие продукты на основе растительных жиров)

ПРИКАЗ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РФ от 7 августа 2014 г. № 1496 «О МЕРАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА РФ» от 6 АВГУСТА 2014 г. № 560

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» приказываю:

1. Начальникам региональных таможенных управлений и таможен, непосредственно подчиненных ФТС России:

1) обеспечить запрет сроком на один год ввоза в Российскую Федерацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, по перечню согласно приложению к настоящему приказу (далее – товары отдельной категории) при их прибытии на таможенную территорию Таможенного союза;

2) довести до заинтересованных должностных лиц подчиненных таможенных органов требования Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (далее – Постановление) и настоящего приказа;

3) обеспечить определение страны происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза, в установленном порядке, в том числе при необходимости путем проведения фактического контроля в рамках системы управления рисками;

4) организовать оказание практической и методической помощи должностным лицам таможенных органов, расположенных в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, со стороны функциональных подразделений таможен для решения вопросов определения страны происхождения товаров, классификации товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза и идентификации ввозимых товаров на предмет их возможного отнесения к товарам отдельной категории;

5) при выявлении фактов декларирования товаров отдельной категории обеспечить отказ в выпуске таких товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой и принятие мер по их немедленному вывозу с таможенной территории Таможенного союза, за исключением товаров отдельной категории, фактически ввезенных на территорию Российской Федерации до вступления в силу Постановления. О выявленных фактах декларирования товаров отдельной категории информировать Главное управление организации таможенного оформления и таможенного контроля ФТС России;

6) определить должностных лиц, ответственных за мониторинг ситуации в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации и осуществление контроля за совершением таможенных операций в отношении товаров отдельной категории. Перечень указанных должностных лиц и их контактные данные направить до 8 августа 2014 г. в Главное управление организации таможенного оформления и таможенного контроля ФТС России на адреса электронной почты LeonovaYuA@ca.customs.ru, ShklyaevSV@ca.customs.ru с последующей досылкой.

2. Главному управлению организации таможенного оформления и таможенного контроля ФТС России (Д.Б. Жуков) обеспечить мониторинг ситуации в пунктах пропуска через го-

сударственную границу Российской Федерации с последующим докладом руководству ФТС России.

3. Управлению рисков и оперативного контроля ФТС России (В.И. Голоскоков), региональным таможенным управлениям и таможням, непосредственно подчиненным ФТС России:

1) обеспечить проведение систематического мониторинга результатов совершения таможенных операций в целях выявления тенденций, связанных с изменением номенклатуры и страны происхождения ввозимых товаров, и оценку рисков недекларирования и недостоверного декларирования товаров отдельной категории;

2) принять меры в рамках системы управления рисками по минимизации рисков недостоверного декларирования и недекларирования ввозимых товаров отдельной категории.

4. Аналитическому управлению ФТС России (Ф.А. Золотницкий), Управлению рисков и оперативного контроля ФТС России (В.И. Голоскоков) организовать проведение мониторинга перераспределения объемов декларирования между таможенными органами государств – членов Таможенного союза и изменения номенклатуры ввозимых товаров отдельной категории.

5. Главному управлению по борьбе с контрабандой ФТС России (В.С. Миронов) организовать проведение мероприятий по выявлению и пресечению нарушений таможенного законодательства, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу Таможенного союза товаров отдельной категории.

6. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя руководителя ФТС России Р.В. Давыдова.

Настоящий приказ вступает в силу с даты его подписания.

И.о. руководителя генерал-полковник таможенной службы В.М. МАЛИНИН.

Приложение
к приказу ФТС России
от 7 августа 2014 г. № 1496

ПЕРЕЧЕНЬ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, СЫРЬЯ И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, СТРАНОЙ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ, СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, КАНАДА, АВСТРАЛИЯ И КОРОЛЕВСТВО НОРВЕГИЯ И КОТОРЫЕ СРОКОМ НА ОДИН ГОД ЗАПРЕЩЕНЫ К ВВОЗУ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

Код ТН ВЭД ТС	Наименование товара
0201	Мясо крупного рогатого скота, свежее или охлажденное
0202	Мясо крупного рогатого скота, замороженное
0203	Свинина свежая, охлажденная или замороженная
0207	Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, указанной в товарной позиции 0105, свежие, охлажденные или замороженные
из 0210	Мясо соленое, в рассоле, сушеное или копченое

0301, 0302, 0303, 0304, 0305, 0306, 0307, 0308	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные
0401, 0402, 0403, 0404, 0405, 0406	Молоко и молочная продукция
0701, 0702 00 000, 0703, 0704, 0705, 0706, 0707 00, 0708, 0709, 0710, 0711, 0712, 0713, 0714	Овощи, съедобные корнеплоды и клубнеплоды
0801, 0802, 0803, 0804, 0805, 0806, 0807, 0808, 0809, 0810, 0811, 0813	Фрукты и орехи
1601 00	Колбасы и аналогичные продукты из мяса, мясных субпродуктов или крови; готовые пищевые продукты, изготовленные на их основе
1901 90 110 0, 1901 90 910 0	Готовые продукты, включая сыры и творог на основе растительных жиров
2106 90 920 0, 2106 90 980 4, 2106 90 980 5, 2106 90 980 9	Пищевые продукты (молокосодержащие продукты на основе растительных жиров)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ндали Че Камати,** ***Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Намибия в Российской Федерации**,**
Бывшие национально-освободительные движения, правящие в Зимбабве, Намибии и Южной Африке, и проблемы национального примирения, широкой представительной демократии и благого управления

Ndali Che Kamati,** ***Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Namibia to the Russian Federation
The Achievement of Independence in Zimbabwe and Namibia and Democratic Dispensation in South Africa, the Last Outposts of White Minority Colonial Domination and Apartheid Oppression on the African Continent and Challenges of Democratization and Good Governance

Михайлов Н.Г.,** ***заместитель Руководителя Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека,
О постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по «Катынскому» делу

Котляр В.С.,** ***член Международно-правового совета при МИД России,
Международный трибунал по бывшей Югославии как инструмент внешней политики ведущих стран Запада

Бирюков П.Н.,** ***заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета,
Некоторые вопросы функционирования «агентств ЕС по внутренним делам»

Sengulo Albert Msellemu**, ***Dar es Salaam University (Tanzania)
Some Political and Legal Problems of Leadership in Africa

БЫВШИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ, ПРАВЯЩИЕ В ЗИМБАБВЕ, НАМИБИИ И ЮЖНОЙ АФРИКЕ, И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ, ШИРОКОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И БЛАГОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ндали Че Камати[1]

Когда Зимбабве и Намибия добились независимости и новое демократическое управление было установлено в Южной Африке, эти страны унаследовали системы острого неравенства. Это неравенство пронизывало все структуры социальной, экономической, культурной, административной и политической сферы и, таким образом, все концепции власти. Чрезвычайно сложной и огромной задачей для руководства национально-освободительных движений [НОД], только что вышедших из ситуации освободительной войны, были исправление и изменение таких бесчеловечных систем узаконенного нарушения основных прав человека и свобод.

Одним из самых сложных аспектов, немедленно требующим политического вмешательства, является единство народа и сохранение территориальной целостности этих молодых государств. Это было вызвано тем, что режимы колониализма и апартеида, в особенности в Намибии и Южной Африке, намеренно институционализировали систему бантустанов по

[1] ***Ндали Че Камати –*** Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Намибия в Российской Федерации.

принципу «Разделяй и властвуй», где люди были насильственно разделены по различных расам, этническим группам и племенам, были разделены и жили врозь, с по-разному градуированными социальными, экономическими, образовательными и культурными благами.

Философия расовой сегрегации и раздельного развития этих режимов колониализма и апартеида имела своей главной целью посеять и разжечь ненависть между расовыми и этническими группами. В тот же период войны за независимость в этих трех странах стал свидетелем вербовки обеими воюющими сторонами сторонников из каждой группы населения. По словам премьер-министра Намибии и вице-президента СВАПО Хаге Гейнгоба [он выдвинут кандидатом на пост президента Намибии, выборы которого состоятся в ноябре 2014 г.] «когда СВАПО решил содействовать примирению, ее основной целью было проводить подготовительную работу для установления мира и согласия в стране, которая была разорена долгими годами войны.

Это была попытка залечить раны, вызванные ненавистью между черными и белыми, между отцом и сыном и между семьями[1].» «Многие из вас помнят, – подчеркнул Гейнгоб, – что не было необычным, когда один человека из семьи был членом «Куфута» [тогда наиболее зловеще известная специальная военизированная группа, официально называвшаяся колониальным режимом, как противоповстанческое подразделение полиции Юго-Западной Африки СВАПОЛ – КОИН], а другой – борцом за свободу и независимость в рядах СВАПО». «Только попытка примирения, – продолжал он, – могла восстановить мир и гармонию на различных уровнях нашего общества. Мы не видели другой альтернативы».[2]

Для достижения успеха в заживлении ран и создания атмосферы единства, стабильности и социально-экономического развития такая ситуация требовала конструктивного примирительного подхода после обретения независимости и достижения правления большинства.

Президент Роберт Мугабе и правящий Африканский национальный союз Зимбабве – Патриотический фронт [ЗАНУ-ПФ] сразу увидели опасность, созданную колониальным наследием, и поэтому настоятельную необходимость для ее решения при обретении независимости в 1980 году. Он провозгласил национальное примирение с белыми и всеми бывшими врагами.

Он заявил, что «если вчера я воевал с вами как с врагом, сегодня вы стали другом и союзником с теми же национальными интересами, лояльностью, правами и обязанностями, что и у меня. Если вчера вы ненавидели меня, сегодня вы не можете избежать любви, которая привязывает вас ко мне и меня к вам. Если когда-нибудь мы посмотрим в прошлое, давайте сделаем это, чтобы усвоить урок, которому история учит нас, а именно, что угнетение и расизм являются неравенствами, которые никогда не должны иметь место в нашей политической и социальной системе. Никогда не может быть правильным подходом считать, что потому, что белые угнетали нас вчера, когда они имели власть, черные должны угнетать их сегодня, потому что теперь они имеют власть.

Зло остается злом, практикуется ли оно белым против черного или черным против белого».[3] Мугабе заверил белую общину, что не будет репрессий и виктимизации и что руководящим принципом государственной политики отныне будет примирение. Это было необходимым не только для того, чтобы залечить раны, но особенно для создания условий для мира и стабильности, чтобы каждый стал работать ради социально-экономического развития страны и вносить в это вклад.

В своей инаугурационной речи 18 апреля 1980 года Мугабе обещал примирение между черными и белыми. В ней также отразилось желание всех общин черного населения в полной мере участвовать в новом устройстве страны. Независимость будет означать конец всех форм дискриминации по признаку расы, племени, пола и религии.

[1] Geingob H.G., [Quoted in Groth 1995:178] cit. in Re-examining Liberation in Namibia: Political Culture Since Independence, ed. Henning Melber, Nordiska Africainstitutet, 2003, p. 70-71.

[2] Ibid, p. 70-71.

[3] Mugabe R., Statement at independence in 1980, address to the nation, 4 March 1980, Zimbabwe Department of Information. See also The Chronicle [Bulawayo], 18 April 1980.

Это было законным чаянием черного угнетенного большинства. В первый раз у них было правительство, которое принадлежало всем. Во многих отношениях независимость принесла начало демократических политических структур и практики. Участие черных, женщин и молодежи в социальных, политических и экономических структурах стало очевидным. Школы, больницы и клиники стали открытыми для всех. Поддержка усилий по освобождению оказывалась со многих сторон, и людям не нужны были партийные билеты, чтобы доказать это.

Когда Намибия добилась независимости десять лет спустя, СВАПО также провозгласила национальное примирение. Во время своей инаугурационной речи 21 марта 1990 года президент Сэм Нуйома отметил, что «независимость Намибии была достигнута в условиях национального консенсуса и международного единогласия. Теперь, когда эта страна находится в наших собственных руках, это означает, среди прочего, большие усилия, чтобы сформировать национальную идентичность, примирение и единство. Наша коллективная безопасность и процветание зависят от нашего единства цели, действия и примирения». Нуйома добавил, что «единство является предварительным условием для мира и развития»[1].

Та же политика примирения была объявлена в Южной Африке, когда апартеид был демонтирован в 1994 году и возникло новое демократическое устройство под руководством Африканского национального конгресса [АНК]. Первый президент демократической Южной Африки Нельсон Мандела во время его инаугурации заявил, что «настал момент для преодоления пропасти, которая разделяет нас. Пришло время для заживления ран. Мы вступаем в пакт, по которому должны построить общество, в котором все южноафриканцы – и черные, и белые – будут иметь возможность ходить с высоко поднятой головой без страха в их сердцах, уверенные в их неотъемлемом праве на человеческое достоинство – радужной нацией в мире с собой и миром»[2].

Я полагаю, однако, что национальное примирение недостаточно и даже бессмысленно, если оно не осуществляется в инклюзивном демократическом пространстве, нацеленном на результат. Хотя оно требует, что все граждане должны пользоваться равенством, защитой и безопасностью перед законом, также необходимо, чтобы все демонстрировали честность, лояльность, патриотизм и готовность вносить вклад в построение общего национального государства.

В этой связи Табо Мбеки, бывший президент Южной Африки, совершенно правильно утверждал, что «в каждом из наших национальных государств мы должны работать, чтобы воспитывать и культивировать здравый смысл государственности и общий патриотизм. Наши государства-нации формируются как общества разнообразия. Поэтому важно осуществлять сознательное и устойчивое вмешательство, чтобы дать практическое выражение принципу и концепции достижения единства в многообразии».[3] На мой взгляд, однако, основополагающее значение имеет то, что национальное примирение должно не только означать усилия для создания гармонии между расами, черными и белыми, этническими группами и т.д. и заканчиваться этим, но самое главное, оно должно также распространяться на экономические ресурсы, на материальное благосостояние, особенно для ранее обездоленного большинства африканских масс.

Поэтому справедливость в доступе к социальным, экономическим и культурным ресурсам, включая социальное обеспечение и занятость, должна быть руководящим принципом примирения.

Все граждане, включая бывших врагов, должны свободно участвовать в процессах управления, а также политической деятельности, затрагивающих их жизнь и жизнь их детей и будущих поколений.

---

[1] Nujoma S., Inaugural Statement, 21 March 1990.

[2] Mandela N., Inaugural Statement, 27 April 1994.

[3] Mbeki T., Tasks of the African Progressive Movement, Published by The Thinker Magazine, South Africa, January 2014. – See http://www.thethinker.co.za/resources/59%20mbeki.pdf.

Достаточно подчеркнуть, что достижение независимости или правления большинства и демократии в этих трех странах было достигнуто в результате не только вооруженной борьбы и политического давления народных масс, но также и путем переговоров об урегулировании.

В критический момент, когда в АНК обсуждались конституционные принципы и различные сценарии, прежде чем вступить в прямые переговоры с режимом апартеида в рамках Конвента за демократическую Южную Африку (КОДЕСА), покойный Кадер Асмал отметил, что «в случае насильственного свержения или народного восстания новая конституция была бы навязана на условиях победителя. Однако, если конституция возникает путем переговоров, то она будет очевидно содержать взаимные уступки и компромиссы, которые являются неотъемлемой частью переговоров» [1].

В обстоятельствах, при которых были достигнуты независимость в Зимбабве и Намибии и новое демократическое устройство в Южной Африке, приход НОД к власти произошел без достаточного революционного базиса, который дал бы им достаточно мощи, чтобы оправдать вмешательство в существенную социально-экономическую сферу общества. Отсюда настоятельная потребность национального примирения. Большой проблемой остается отсутствие потенциала для расширения такого примирения до материальных и производственных ресурсов, которое охватило бы и ранее обездоленное бедное черное большинство.

Проблемы социальной трансформации, широкого демократического участия и управления

Хеннинг Мелбер, политический аналитик и исследователь Юга Африки, правильно отмечает, когда речь идет о Намибии, что при достижении независимости в условиях урегулирования путем переговоров, где основным критерием были взаимные уступки, чаще, чем нет, «структурное наследие поселенческого колониализма осталось в живых на месте[2].» Это замечание верно и в том, что также касается процесса достижения независимости в Зимбабве и нового демократического устройства в Южной Африке. Это создало одно из основных препятствий для осуществления глубоких структурных изменений политической культуры, необходимых для радикальных социально-экономических преобразований.

Очевидно, что с учетом таких обстоятельств в ходе этих многогранных и сложных взаимосвязанных процессов корыстные интересы часто воссоздаются. Первоначальные цели НОД, сформулированные в ходе освободительной борьбы, требующие радикальных социальных преобразований, после достижения независимости либо дискредитированы, либо полностью снимаются в результате неолиберальных влияний. Такое развитие событий играет в пользу вновь возникающих различных классовых интересов в рядах бывших революционеров – борцов за национальное освобождение.

Эти обстоятельства скорее рано, чем поздно создают благодатную почву для появления националистической политической элиты, классовые интересы которой соответствуют и сливаются с интересами бывших колониальных правителей. Эти новые националистические элиты стремятся защитить свои новые классовые интересы с помощью инструментов и законов, к которым до недавнего времени прибегали колониальное режимы.

Президента Роберта Мугабе и руководство ЗАНУ-ПФ особенно обвиняли и резко критиковали за инициирование и реализацию некоторых весьма ограничительных законов. Два из наиболее явных таких законов, вызвавших широкое возмущение населения, особенно «гражданского общества» – это Закон об общественном порядке и безопасности (ПОСА)[3] и Закон о доступе к информации и защите частной жизни (АИППА).[4] С момента его принятия в 2002

[1] Asmal K., Politics in My Blood, Jacana Media, 2011, pp. 108-109. [Покойный К.Асмал был вижным руководителем движения против апартеида, членом АНК и министром в правительстве АНК].

[2] Melber H., in Re-examining Liberation in Namibia, Political Culture After Independence, 2003, Nordiska Afrikainstitutet, 2003, pp. 13-14.

[3] Public Order and Security Act [POSA] of 2002.

[4] Access to Information and Protection of Privacy Act, [AIPPA] of 2002.

году Закон об общественном порядке и безопасности воспринимается как инструмент, используемый правительством для задержания, запугивания и преследования сторонников демократии, таких как профсоюзные активисты, студенты, активисты гражданского общества и зимбабвийцы в целом. Критики утверждают, что правительство торопливо провело эти два законопроекта, которые значительно ограничили гражданские свободы. «ПОСА расширил широкие полномочия правительства по задержанию под стражей. Все это было сделано накануне президентских выборов 2002 года».[1] Лидеры «гражданского общества», которые постоянно требовали отмены ПОСА, утверждали, что всего за один год после его вступления в силу несколько тысяч граждан были незаконно арестованы и задержаны. Они утверждали, что это число значительно превышает число арестов, произведенных по Закону о поддержании права и порядка, предшественнику ПОСА, использовавшемуся колониальным режимом Яна Смита в конце 1970-х годов, в то время, когда страна находилась в состоянии войны»[2].

Эти непопулярные законы вызвали большое разочарование и недовольство в рядах бывшего освободительного движения и склонны негативно влиять на доверие широких масс к партии и ее руководству. Уэлшмен Нкубе из Движения за демократические перемены (МДС), ныне возглавляющий отколовшуюся фракцию – МДС-Н, даже заявил, что «эти два законопроекта, взятые вместе, завершают переход от формы демократии к тотальной диктатуре и фашистскому государству».[3]

Некоторые лидеры в попытке предотвратить открытое обсуждение политики и важнейших вопросов и не допустить широкое участие большинства в процессе управления развивают тенденции подавления воли народа.

В ноябре 2004 года эта тенденция проявилась в ЗАНУ-ПФ, когда президент Мугабе решил предотвратить кандидатуру Эммерсон Мнангагва, который демократически претендовал на должность вице-президента ЗАНУ-ПФ и страны. Хотя Мнангагва получил поддержку шести из десяти провинциальных организаций ЗАНУ-ПФ, президент Мугабе оперативно принял меры против тех членов руководства, которые пытались осуществить свое право демократически выдвинуть кандидата по своему выбору, и приостановил исполнение обязанностей всеми шестью председателями провинциальных организаций ЗАНУ-ПФ, которые присутствовали на встрече в городке Тшолотшо, на которой была подтверждена поддержка Мнангагвы. «Мнангагва также был снят с поста секретаря партии по административным вопросам – фактически генерального секретаря партии».[4] «Тшолотшо сага» и сегодня продолжает сказываться на вопросах преемственности и внутренней политике ЗАНУ-ПФ.

Одним из аспектов, которые нанесли серьезный ущерб характеру ЗАНУ-ПФ и правительству Зимбабве, является политическое насилие в период избирательного процесса. Законы, принятые по инициативе правительства Зимбабве и применявшиеся им при проведении выборов до 2008 года, были предметом резкой критики.

Основными политическими соперниками на выборах в Зимбабве, начиная с 2000 года, были ЗАНУ-ПФ и оппозиционная партия МДС. Она раскололась на две фракции в 2005 году, среди прочих причин из-за споров, участвовать ли в выборах в Сенат, разделившись на Движение за демократические перемены – Тсвангираи (МДС-Т), более крупную фракцию, попрежнему руководимую Морганом Тсвангираи, и Движение за демократические перемены – Мутамбара (МДС-М) во главе с Артуром Мутамбарой, которого затем сменил Уэлшмен Нкубе, и она стала называться МДС-Н.

Противники президента Мугабе утверждают, что хотя в 2008 году в первый раз с момента своего появления как новой оппозиционной партии, MDC, если брать обе ее формации,

[1] Limits to Liberation in Southern Africa: The Unfinished Business of Democratic Consolidation, ed. Henning Melber, HSRC Press [JCRS], 2003 p. 40

[2] Crisis in Zimbabwe Coalition, a Memorandum presented to the Zimbabwe Minister of Justice, Legal and Parliamentary Affairs on 25th February 2003

[3] Ncube. W, Limits to Liberation in Southern Africa: The Unfinished Business of Democratic Consolidation, ed. Henning Melber, HSRC Press [JCRS] 2003 p. 40

[4] Автор был свидетелем этого как посол Намибии в Зимбабве.

официально смогла получить больше голосов, чем правящая ЗАНУ-ПФ, результаты выборов не были достаточными, чтобы добиться смены власти, на которую надеялись МДС и ее покровители извне. Одним из приводимых примеров был неясный результат первого раунда президентских выборов в марте 2008 года, на которых ни одному кандидату не удалось добиться бесспорной победы.

Во время выборов 2008 года, когда избирались одновременно и президент, и парламент, президент Роберт Мугабе впервые после достижения независимости в 1980 году потерял контроль над парламентом. МДС-Т получила 99 мест, а ЗАНУ-ПФ – 97 мест, включая одного парламентария, у которого не было оппозиции. Отколовшаяся фракция МДС-М получила 10 мест, и одно место занял независимый кандидат.

Утверждали, что для избирательной кампании, предшествовавшей назначенному на июнь 2008 года второму туру президентских выборов, было характерно беспрецедентное насилие, которое заставило Моргана Тсвангираи снять свою кандидатуру. Хотя насилие отмечалось и в ходе выборов, они «состоялись в любом случае с одним кандидатом, действующим президентом, который был провозглашен победителем».[1] Важно отметить, что до марта 2008 года президент Южной Африки Табо Мбеки, посредник от Сообщества развития Юга Африки [САДК], и его команда способствовали созданию условий для проведения парламентских и президентских выборов, которые были согласованы всеми сторонами. Таким образом, второй тур выборов был проведен на тех же условиях новых условиях. Это само по себе стало первым реальным шагом на пути политического урегулирования после многих лет резкой критики правительства и ЗАНУ-ПФ из-за насилия при проведении выборов.

Табо Мбеки и его коллеги в правительстве тихо, но настойчиво работали от имени САДК ради политического решения кризиса в Зимбабве. Хотя он столкнулся со шквалом критики за то, что был «слишком мягким» по отношению к Мугабе, он часто выражал готовность содействовать компромиссу между правительством и оппозицией в Зимбабве но не давал убедить себя в необходимости добиваться смены режима. «Он настойчиво требовал, чтобы МДС согласилась признать Роберта Мугабе как президента Зимбабве, и признать результаты президентских выборов 2002 года, что все это время было одним из важнейших нерешенных вопросов»[2].

Посредничество Мбеки привело к подписанию 15 сентября 2008 года лидерами ЗАНУ-ПФ, МДС-Т и МДС-М в присутствии руководители САДК того, что стало известным как Глобальное политическое соглашение (ГПА).

Основной целью переговоров между этими сторонами и подписания ГПА было попытаться решить проблемы, которые стояли перед страной и отвести многочисленные угрозы для благополучия народа Зимбабве. После многих месяцев трудных переговоров и проволочек стороны достигли соглашения о формировании «инклюзивного правительства». Важно отметить, что при достижении соглашения стороны, среди прочего, «объявили о их приверженности и решимости построить общество, свободное от насилия, страха, запугивания, ненависти, покровительства, коррупции и основанное на справедливости, честности, достоинстве и равенстве. Они признали и согласились, что земельный вопрос был в центре борьбы в Зимбабве, и в этой связи, при различии взглядов на методологию приобретения и перераспределения земли, признали, что обязательное приобретение и перераспределение земли имело место в соответствии с программой земельной реформы, принятой начиная с 2000 года. Они приняли необратимость указанного приобретения и перераспределения земли».[3]

Кроме того, стороны признали, что во исполнение резолюции чрезвычайного саммита САДК в Дар эс-Саламе[4] 28-29 марта 2007 года, который призвал к диалогу между правительством и оппозицией и поручил Табо Мбеки содействовать этому диалогу, они обсудили и согласовали законопроект о поправке номер 18 в Конституцию Зимбабве, поправки к Закону о

[1] EISA Observer Report, 2008, p XIII

[2] [http://en.wikipedia.org/wiki/Thabo Mbeki#Dialoguebetween Zanu-PF and MDC]

[3] Global Political Agreement [GPA] for Zimbabwe 2008

[4] [See SADC Extra-Ordinary Summit, Dar-es-Salaam, 28-29 March 2007].

выборах; Закону об избирательной комиссии Зимбабве; Закону об общественном порядке и безопасности, Закону о доступе к информации и защите частной жизни и Закону о вещательных службах.

ГПА предусматривал, что исполнительная власть в инклюзивном правительстве будет возложена и разделяться между президентом, премьер-министром и кабинетом, как предусмотрено в новых поправке к Конституции и законодательстве. ГПА содержал как одно из наиболее важных положений совместное требование, чтобы «все меры и санкции в отношении Зимбабве были сняты для облегчения устойчивого решения проблем, с которыми сталкивается Зимбабве».[1]

Возвращаясь к выборам 2008 года, достаточно вспомнить утверждения, что предвыборная кампания, начавшаяся в 2007 году, характеризовалась «правительственными действиями в виде физических нападений и общего притеснения оппозиции, постоянной фактической монополизации средств массовой информации государством»[2]. Неоднократные угрозы накануне выборов со стороны ЗАНУ-ПФ и заявления сил безопасности, что «результаты не в пользу ЗАНУ-ПФ будут отставлены в сторону, привели к дальнейшему обострению напряженности перед выборами».[3]

По словам Сью Онслоу, старшего научного сотрудника Института исследований Содружества Лондонского университета, действия ЗАНУ-ПФ предлагают важные параллели и понимание проблем, стоящих перед тремя бывшими освободительными движениями Юга Африки как перед правящими партиями в этих трех странах. «Эти общие аспекты включают важность личности, этническую и племенную политику, которая помогла сформироваться освободительным движениям во время борьбы за независимость»[4]. Необходимо также указать на важное наследие акцента на солидарность, который иногда заменяет и скрывает необходимость для внутреннего обсуждения и открытой дискуссии, тенденции, которая укореняется в ЗАНУ-ПФ и СВАПО. Кроме того, длительное влияние продолжает оказывать роль вооруженной борьбы и культуры жизни в изгнании.

Эти отношения и опыт сформировали политическую культуру, которая сказываться на внутренней политической арене и после независимости. «С 2000 года борьба в Зимбабве является «битвой за государство»[5], и эта битва продолжается в нынешнем Зимбабве». Онслоу выделяет несколько этапов, через которые страна прошла со времени обретения независимости в 1980 году, и заявляет, что процесс централизации власти проходил по «стоп-старт» фазам: «во-первых, период 1980-1987 годов, который привел в 1987 году к соглашению о единстве, после чего ПФ-ЗАПУ был поглощен ЗАНУ-ПФ. Этот период почти однопартийного государства доминировал на политической сцене до 1999 года и закончился появлением МДС. На третьем этапе после 2000 года ЗАНУ-ПФ сохраняла свое господство путем реорганизации государственной власти и попыток манипулировать конституцией и избирательным процессом до подписания ГПА в сентябре 2008 года».[6] «Инклюзивное правительство» было окончательно сформировано в феврале 2009 года. В этот период в течение четырех лет наблюдался устойчивый рост в экономике. В 2009 году ВВП вырос на 5,8%, в 2010-м – на 8,1%, в 2011-м – на 9,3%[7] и на 4,4% в 2012-м.[8]

Позитивные изменения были также продемонстрированы 31 июля 2013 года на президентских и парламентских выборах в этой стране, которые были по-разному охарактеризованы африканскими региональными наблюдателями: как «довольно справедливые» [представитель Африканского Союза], «в целом надежные» и «воля народа была достаточно выражена»

[1] GPA 2008.
[2] EISA Observer Report, 2008 p. XIII.
[3] Ibid p. XIV.
[4] Onlslow S., Zimbabwe And the Political Transition, March 2001, p. 1.
[5] Ibid, p. 1.
[6] Ibid, pp. 1-2ю
[7] [See Global Finance, 2012]
[8] [Zimbabwe GDP Annual Growth Rate, 2012]

[миссии наблюдателей САДК]».[1] Выборы явно выиграл президент Мугабе, получивший 61% голосов по сравнению с 33,94% у Тсвангираи из МДС-Т. Уэлшмен Нкубе из МДС-Н получил 2,68%, а остальные голоса разделили лидеры двух других мелких партий. «На парламентских выборах ЗАНУ-ПФ получил 197 мест из 270, МДС-Т – 70 и МДС-Н – 2 места, один член парламента – независимый»[2]. Только три партии представлены в нынешнем парламенте. Результаты выборов в июле 2013 г. положили конец совместному правлению ЗАНУ-ПФ и двух формаций МДС.

ЗАНУ-ПФ эффективно использовал период совместного правления для консолидации своих партийных структур и систем, укрепления своих сетей и мощности. Он также воспользовался разногласиями между оппозиционными партиями и в них самих. С другой стороны, МДС-Т позволил своим партийным структурам вырождаться, игнорируя в то же время обязанности по работе в избирательных округах. В частности, органы местного самоуправления во главе с министром от МДС-Т были запятнаны коррупцией и характеризовались плохим обеспечением товаров и услуг. Это некоторые из факторов, которые привели к поражению оппозиции. В МДС-Т усилились разногласия между Тсвангираи и генеральным секретарем этой партии Тендаи Бити, которые уже привели к взаимному отстранению их от должностей.

Даже несмотря на то, что эти выборы в Зимбабве были объявлены африканскими наблюдателями как свободные и справедливые, на которых была достаточно выражена воля избирателей, Европейский Союз и другие западные страны все еще не хотели согласиться с реальностью. Они продолжали проявлять предвзятость и придерживаться двойных стандартов и колебались в вопросе об отмене санкций, которые ввели в отношении Зимбабве. ЗАНУ-ПФ и правительство четко обрели позиции, потерянные после принятия разрушительной неолиберальной макроэкономической политики Международного валютного фонда (МВФ) в форме Программы экономической структурной адаптации (ЭСАП] в 1996 году, которая позднее осложнилась ускоренной земельной реформой, начатой самим правительством в 2000 году.

Зачастую политические процессы и изменения в этих странах затрудняются тенденцией лидеров бывших освободительных движений, которые исходят из того, что их приход к власти является неоспоримым священным правом. Они пытаются убедить общественность, что их легитимность править без конкуренции с ограниченным или управляемым демократическим участием «вытекает из их появления из процесса деколонизации как демократически избранных представителей большинства народа».[3]

Такие политические события и процессы привели также к утверждениям, что некоторые лидеры бывших освободительных движений тоже выработали «воинствующие понятия включения или исключения как факторы в формировании их постколониальных национальных идентичностей».[4] Утверждают, что при таких обстоятельствах, «понятие национального примирения, использовавшееся вначале после обретения независимости, и такие лозунги, как «единство в многообразии», уступают место «политкорректной» форме идентичности, определяемой власть имущими по узкой линии «мы – они» или «с нами – против нас»[5].

Эти тенденции особенно проявляются через политические подхалимство и кумовство, которые часто идут рука об руку с прикрытием распространенных коррупционных сделок, иногда с участием власть имущих.

Признавая опьяняющее влияние окружающих подхалимов, Хаге Гейнгоб отметил, что «могут быть попытки президентского окружения призвать президента быть сверхпрезидентским»[6]. Низкопоклонство может найти отражение в их стремлении продвигать всемогущество президенства.

---

[1] [See Mhofu, 3013].

[2] [See My Zimbabwe, 2013].

[3] Cited in Re-examining Liberation in Namibia; Political Culture Since Independence, ed. Henning Melber, Nordiska Afrikainstitutet, 2003 p. 10.

[4] Ibid, pp. 10-11.

[5] Ibid, pp. 10-11.

[6] Geingob H. G, in Constitutional Democracy in Namibia: A Critical Analysis After Two Decades, Macmillan Education Namibia, 2010 p. 105

Несомненно, что многие силы, тогда участвовавшие в борьбе на стороне освободительного движения в этих трех странах имели справедливое «ожидание, что конечный результат борьбы потребует демократии в качестве основы прочной политической системы»[1], процесса, который принесет подлинное социально- экономическое развитие и демократию участия. Но очевидно также, что это, возможно, не стало пониманием и убеждением некоторых ведущих деятелей высокого ранга, этих НОД.

Для большинства ведущих деятелей освободительной борьбы в Зимбабве и Намибии не демократия участия была приоритетной повесткой дня, а независимость и правление большинства. Хотя необходимо отметить, что некоторые недемократические тенденции и практики исходят от культуры и традиций, которые объективно были приобретены освободительными движениями в ходе длительной освободительной войны.

В ходе освободительной борьбы руководству этих движений пришлось действовать в рамках структур военного командования, и направление освободительной борьбы было основано на военной дисциплине и бесспорном уважении приказа лидера. Это было объективной необходимостью, иначе освободительная борьба не могла бы увенчаться успехом.

Вот почему появилось растущее признание того, что освободительная борьба, ведущаяся вооруженным путем и в условиях подполья, не подходила для распространения либеральной демократии западного типа. Формы сопротивления в борьбе сами были организованы по иерархическим и авторитарным линиям, и такие условия не подходили и для создания демократических систем управления в период после обретения независимости. В этом смысле новые общества несли с собой основные элементы старой системы. Так что неудивительно, что аспекты колониальной системы воспроизводили себя в борьбе за ее отмену и впоследствии, в концепции управления, применяемой в постколониальных условиях.

Традиции и практика эмиграции сохранились в правительстве, когда эти освободительные движения стали правящими партиями. Очевидно, бывшим лидерам НОД – ЗАНУ-ПФ, СВАПО и АНК в изгнании иногда нелегко было перейти к открытой демократической практике в соответствии с требованиями конституций, которые они приняли в условиях компромиссов. Не в традиции революционного движения, которое вело жестокую длительную освободительную войну, установить западную либеральную систему сдержек и противовесов и руководствоваться, поскольку она является антитезой этой борьбы.

В этой связи Эдгар Текере[2] отметил: «Восхваляя Мугабе, как мы это делали в момент независимости, мы забыли создать институциональные механизмы, которые гарантировали бы, что партию укрепляли коллективное руководство, демократический дискурс, приверженность принципам, которые питали нашу борьбу за независимость, и подотчетность. В отсутствие таких институциональных механизмов любой из нас, а не только Мугабе мог бы потерять курс и превратиться фактически в диктатора при поддержке нынешнего сочетания политического и экономического патронажа и угрозы государственной жестокости, если кто-то осмелится бросить вызов власть имущим».[3]

Национальное примирение, проблемы межрасовых отношений и этнического происхождения

Некоторых лидеры бывших освободительных движений продолжают преследовать воображаемые угрозы заговоров белых, возможность возвращения колониализма, апартеида и угрозы от таинственных, но вездесущих третьих сил.

Несмотря на благородные заявления о стратегической политике национального примирения и единства в разнообразии, некоторые лидеры бывших НОД по-прежнему неохотно

[1] Re-examining Liberation in Namibia: Political Culture Since Independence, ed. Henning Melber, Nordiska Africainstitutet, 2003, p. 14.

[3] Э.Текере был одним из лидеров ЗАНУ-ПФ, но был исключен и создал партию Движение единства Зимбабве (ЗУМ).

[4] Tekere. E. «2Boy» Z, A Lifetime of Struggle, SAPES Books 2006, p. 179.

включают квалифицированных членов благополучных ранее групп общества в процессы социально- экономического развития. Такие отношения и практики коренятся в наследии расового и этнического деления и ненависти времен колониализма и апартеида.

Но не все лидеры бывших НОД стали уязвимыми для этого синдрома ненависти. Вполне осознавая важность единства, мира и стабильности в стране после многих лет режима апартеида, который высокомерно отделял черных от белых, зная о квалификациях, необходимых для преобразования и переустройства страны демократическим путем при участии всех, Табо Мбеки заявил: «У белых в этой стране есть конкретное обязательство. У вас есть знания и опыт. Мы не можем строить эту страну без этих знаний, без этих навыков, без этого опыта. И мы хотим, чтобы вы приняли лидерство в создании новой Южной Африки. Мы не считаем правильным, что большинство должно угнетать меньшинство»[1].

Кхалема Мотланте, в то время заместитель президента АНК, выразил недовольство и сделал выговор Джулиусу Малеме, тогдашнему президенту молодежной лиги АНК, который критиковал доминирование некоторых расовых меньшинств в определенных некоторых министерствах и областях компетенции в правительстве. Мотланте сказал: «Если мы поднимаем вопросы грубо, то мы сами укрепляем консервативные и даже расистские взгляды среди людей. Если вы говорите, что мы не можем включить в правительство цветных, белых, индийцев или других людей, которые имеют необходимые квалификацию и опыт, то вы отправляете нас на много лет назад. Мы должны сознавать разделительное наследие апартеида и вероятные последствия того, что мы говорим».[2]

При нормальных обстоятельствах успешное осуществление преобразований и программ развития потребует сохранения старых и опытных, конечно патриотично настроенных гражданских служащих. Это необходимо особенно там, где квалифицированных кадров черных не имеется или их недостаточно, чтобы заполнить данный пробел.

В этой связи Мотланте заявил, что «важно, чтобы страна поняла, что нам нужно, чтобы имеющиеся лучшие таланты вышли вперед, потому что многие люди даже не обращаются за получением работы, поскольку они являются членами других политических партий»[3]. Но это построение государства, процессы трансформации и развития являются не только проблемой АНК. Все граждане должны знать, что они имеют равные шансы на должность, которая требует навыков и опыта, которыми они обладают, и они должны также взять обязательство служить, используя наилучшим образом свои способности независимо от того, кто является политическим руководителем. Мотланте подчеркнул, что «АНК [Это относится также к ЗАНУ-ПФ и СВАПО – авт.] должен знать и понимать, что преобразование государства апартеида должно вскоре достичь точки, где мы ищем и выходим на специалистов независимо, и без сомнения этот подход, ориентированный на заслуги, должен выйти за пределы профессиональных классов и включать всех других квалифицированных работников».[4]

Программы по восстановлению, преобразованию и развитию в этих странах с широким участием могут быть реализованы только в условиях подлинного национального примирения, мира и стабильности.

[1] The Sunday Times [London] Rich List, 2008.
[2] Motlanthe K.A., Political Biography, by Ebrahim Harvey, Jacana Media [Pty] Ltd, 2012, p. 314.
[3] Ibid, p. 335.
[4] Ibid, p. 239.

THE ACHIEVEMENT OF INDEPENDENCE IN ZIMBABWE AND NAMIBIA AND DEMOCRATIC DISPENSATION IN SOUTH AFRICA, THE LAST OUTPOSTS OF WHITE MINORITY COLONIAL DOMINATION AND APARTHEID OPPRESSION ON THE AFRICAN CONTINENT AND CHALLENGES OF DEMOCRATISATION AND GOOD GOVERNANCE

Ndali Che Kamati[1]

When Zimbabwe and Namibia got independence and a new democratic dispensation achieved in South Africa, these countries inherited systems of acute inequality. That inequality permeated throughout all structures of social, economic, cultural, administrative, and indeed the political sphere and, therefore, all the concepts of power. This is extremely challenging and a mammoth task for the leadership of national liberation movements [NLMs] just emerging from the situation of liberation war to redress and change such inhumane systems of institutionalised violation of basic human rights and freedoms.

One of the most challenging aspects immediately requiring political intervention is the unity of the people and to maintain the territorial integrity of these young states. This is because the apartheid colonial regimes in especially Namibia and South Africa deliberately institutionalised a bantustan system of divide and rule where by different races, ethnic groups and tribes were forcefully separated and lived apart with differently graded social, economic, educational and cultural benefits.

The philosophy of racial segregation and separate development of these apartheid colonial regimes had the main objective to sow and breed hatred amongst racial and ethnic groups. At the same time the war for independence in these three countries witnessed both warring parties recruiting supporters from each group of the population. The Namibian Prime Minister and Vice-President of SWAPO Hage Geingob [currently nominated also to run for presidency of Namibia in November 2014] argued that «when SWAPO decided to promote reconciliation, its primary objective was to lay the ground work for peace and harmony in a country that was ravaged by long years of war. It was an attempt to heal the wounds created by hatred between blacks and whites, between father and son, and between families».[2] Many of you will recall, Geingob stressed, «that it is not unusual for one person from a family to be a member of Koevoet, [then the most notorious special para-military unit, officially denoted by the colonial regime as the South West Africa Police [SWAPOL]'s Counter Insurgency Unit [SWAPOL-COIN], and the other a fighter for freedom and independence with SWAPO. Only an attempt at reconciliation, Hage continued, could restore peace and harmony at various levels of our society. We saw no alternative».[3] To succeed in healing wounds, and to create a stable atmosphere for unity, stability and socio-economic development, such a situation required a meaningful reconciliatory approach after independence and majority rule was achieved.

President Robert Mugabe and the ruling Zimbabwe African National Union [ZANU-PF] immediately saw the danger created by the colonial legacy and therefore the urgent necessity to address it at independence in 1980. He proclaimed national reconciliation to accommodate the whites and all former foes.

He stated that «if yesterday I fought you as an enemy, today you have become a friend and ally with the same national interests, loyalty, rights and duties as myself. If yesterday you hated me, today you cannot avoid the love that binds you to me and me to you. If ever we look to the past, let us do so for the lesson that history has taught us, namely, that oppression and racism are inequities that

[1] ***Ndali Che Kamati*** – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Namibia to the Russian Federation.

[2] Geingob H.G., [Quoted in Groth 1995:178] cit. in Re-examining Liberation in Namibia: Political Culture Since Independence, ed. Henning Melber, Nordiska Africainstitutet, 2003, p. 70-71.

[3] Ibid, p. 70-71.

must never again find scope in our political and social system. It could never be a correct approach that because the whites oppressed us yesterday when they had power, the blacks must oppress them today because they have power. An evil remains an evil whether practiced by white against black or by black against white».[1] Mugabe went on to assure the white community that there would be no reprisals and no victimisation and that the guiding principle of the government policy, thereafter, would be one of reconciliation. That was necessary not only to heal the wounds but most importantly to create conditions for peace and stability, and get everyone to work towards and contribute to the socio-economic national development.

Mugabe's inaugural speech on 18 April 1980 promised reconciliation between blacks and whites. It also captured the desire of all black communities to fully participate in the new dispensation. Independence would mark the end of all forms of discrimination: racial, tribal, gender and religious. This was the legitimate expectation of the black oppressed majority. For the first time, they had a government that belonged to all. In many ways independence did bring the beginning of democratic political structures and practices. The participation of blacks, women and youth in social, political and economic structures was evident. Schools, hospitals and clinics became open to all. Support for the liberation effort had come from many sides and people did not need party cards to prove this.

When Namibia attained independence ten years later, SWAPO followed suit to proclaim national reconciliation. During his inaugural address on 21 March 1990, President Sam Nujoma pointed out that «the independence of Namibia has been achieved under conditions of national consensus and international unanimity. Now that this country is in our own hands, it means among other things, making the great effort to forge national identity, reconciliation and unity. Our collective security and prosperity depends on our unity of purpose, action and reconciliation. Nujoma added, unity is a pre-condition for peace and development».[2]

The same reconciliation policy was declared in South Africa when apartheid was dismantled in 1994 and new democratic dispensation ushered in under the leadership of the African National Congress [ANC]. The first president of a democratic South Africa, Nelson Mandela, during his inauguration stated that «the moment to bridge the chasms that divide us has come. The time for the healing of the wounds has come. We enter into a covenant that we shall build the society in which all South Africans both black and white, will be able to walk tall without any fear in their hearts, assured of their inalienable right to human dignity – a rainbow nation at peace with itself and the world».[3]

My contest, however, is that national reconciliation is not enough and indeed meaningless if it is not implemented within result oriented inclusive democratic space. While it requires that all citizens should be accorded equality, protection and security before the law, it is also an imperative that all and every one should demonstrate honesty, loyalty, patriotism and commitment to contribute to the building of the common nation state.

In this connection Thabo Mbeki, former president of South Africa is quite correct in asserting that «in each of our nation-states we should work to nurture and cultivate a common sense of nationhood and a shared patriotism. Our nation-states are constituted as diverse societies. It is therefore imperative that a conscious and sustained intervention is made to give practical expression to the principle and vision of achieving unity in diversity».[4] In my opinion it is of fundamental importance, however, that national reconciliation should not only apply to and end with efforts to create harmony between races, blacks and whites, ethnic groups etc, but most fundamentally, it should also extend to economic resources, to material well-being especially for the formerly deprived and disadvantaged majority of

[1] Mugabe R., Statement at independence in 1980, address to the nation, 4 March 1980, Zimbabwe Department of Information. See also The Chronicle [Bulawayo], 18 April 1980.

[2] Nujoma S., Inaugural Statement, 21 March 1990.

[3] Mandela N., Inaugural Statement, 27 April 1994.

[4] Mbeki T., Tasks of the African Progressive Movement, Published by The Thinker Magazine, South Africa, January 2014 . See htt://www.thethinker.co.za/resources/59%20mbeki.pdf.

the African masses. Therefore, equity in access to social, economic and cultural resources, including social security and employment should be the guiding principle of reconciliation.

All citizens, including former foes, should be free to participate in the governance processes as well as political activities affecting their lives and lives of their children and future generations.

Suffice to stress here that the attainment of independence or majority rule and democracy in these three countries came as a result not only of armed struggle and popular mass political pressure but also through negotiated settlements.

During the critical moment when the ANC was conducting discussions on constitutional principles and different scenarios before engaging the apartheid regime in direct negotiations at CODESA, the late Kader Asmal noted that «in the event of a violent overthrow or popular insurrection, the new constitution would be imposed on terms of the victor. However, if the constitution came about through negotiation, then it would obviously effect the give-and-take compromises that are part and parcel of negotiation».[1]

The circumstances under which the independence in Zimbabwe and Namibia and a new democratic dispensation in South Africa where achieved the seizure of power happened without sufficient revolutionary basis that would have given the NLMs enough power to warrant intervention in substantial socio-economic sphere of the society. Hence the imperative need for national reconciliation. The lack of capacity in extending such reconciliation to material and productive resources embracing the hitherto deprived poor black majority remains a big challenge.

Challenges of social transformation broad democratic participation and governance

Henning Melber, a political analyst and researcher on Southern Africa correctly observes when referring to Namibia that, having attained independence under circumstances of negotiated settlement and compromise where the principle yardstick was that of give and take, very often than not, «the structural legacy of settler colonialism remained alive in place».[2] This observation is also true with regard to the process of achievement of independence in Zimbabwe and new democratic dispensation in South Africa. This brought about one of the major obstacles to the implementation of profound structural changes of political culture required for the radical socio-economic transformation.

It is evident, as we have witnessed that given such circumstances in the course of these manifold and complex interrelated processes, vested interests are often re-established. The original goals of NLMs formulated during the liberation struggle calling for radical social transformation after achievement of independence are either compromised or totally abandoned as a result of neo-liberal influences. Such development plays in favour of newly emerging diverge class interests within the ranks of the former national liberation revolutionaries.

These circumstances sooner rather than later create a fertile ground for the emergence of nationalist political elite whose class interests matches and fuses with that of the colonial former rulers. These new nationalist elites tend to protect their new class interests using the obtaining instruments and laws until recently exercised by the colonial regime.

[1] Asmal K., Politics in My Blood, Jacana Media, 2011, pp. 108-109 [The late K. Asmal was a prominent leader in the anti-apartheid movement; a member of the ANC and former minister in the ANC led government].

[2] Melber H., in Re-examining Liberation in Namibia, Political Culture After Independence, 2003, Nordiska Afrikainstitutet, 2003, pp. 13-14.

President Robert Mugabe and the leadership of ZANU-PF especially have been accused and heavily criticised for initiating and implementing some highly restrictive laws. Two of the most outspoken of such laws, which widely outraged the population, especially the «civil society», are the Public Order and Security Act (POSA)[1] and the Access to Information and Protection of Privacy Act [AIPPA].[2] Since its enactment, in 2002, the Public Order and Security Act has been perceived as an instrument used by government to detain, intimidate and victimise pro-democracy actors such as labour activists, students, civil society activists and the generality of Zimbabweans. Critics assert that the government hurriedly passed these two bills, which significantly curtailed civil liberties. «POSA increased governments' sweeping powers of detention. All these were done in the run up to the 2002 Presidential elections».[3] The «civil society» leaders who incessantly demanded the repeal of POSA argued that in just one year of its enactment, «several thousand citizens have been unlawfully arrested and detained. They argued that this number far exceeds the arrests made under Law and Order Maintenance Act (LOMA) the predecessor of POSA used by Ian Smith's colonial regime in the late 1970's, a time when the country was at war».[4]

These unpopular measures did cause a lot of disillusionment and disgruntlement within the ranks of the former liberation movement and tend to negatively affect the trust the broad masses have in the party and its leadership. Welshman Ncube of the Movement for Democratic Change [MDC], now of a break away faction, the Movement for Democratic Change-Ncube [MDC-N], went to the extreme and stated then that «these two Bills when taken together complete the transition from a form of democracy to a total dictatorship and fascist state».[5]

We have noticed that, some leaders in attempt to prevent open discussion of policies and crucial issues and to stifle broad participation of the majority in the process of governance develop tendencies of suppression of popular will.

In November 2004 this tendency surfaced in ZANU-PF when President Mugabe decided to prevent the candidacy of Emmerson Mnangagwa who was democratically vying for the position of vice-president of ZANU-PF and of the country. Although Mnangagwa got the nod of six out of ten ZANU-PF political provinces, President Mugabe moved swiftly against those party members of the leadership who had sought to democratically exercise their right to nominate a candidate of their choice and suspended all six provincial ZANU-PF chairmen who had been present at a meeting in a town called Tsholotsho which affirmed the support for Mnangagwa. «Mnangagwa was also deposed as Party Secretary of Administration – effectively the party's secretary general».[6] The 'Tsholotsho saga' continues to reverberate today through ZANU-PFs succession and internal politics.

One of the aspects that have been inflicting serious damage on the character of ZANU-PF and the government of Zimbabwe is electoral political violence. The laws enacted and applied by the government in Zimbabwe to guide elections before 2008 have been the subject of criticism and vilification.

The main political contenders in Zimbabwean elections since the year 2000 have been ZANU-PF and the opposition MDC. The MDC split into two factions in 2005, among other factors, over

[1] Public Order and Security Act [POSA] of 2002.

[2] Access to Information and Protection of Privacy Act, [AIPPA] of 2002.

[3] Limits to Liberation in Southern Africa: The Unfinished Business of Democratic Consolidation, ed. Henning Melber, HSRC Press [JCRS], 2003, p. 40.

[4] Crisis in Zimbabwe Coalition, a Memorandum presented to the Zimbabwe Minister of Justice, Legal and Parliamentary Affairs on 25th February 2003.

[5] Ncube W., Limits to Liberation in Southern Africa: The Unfinished Business of Democratic Consolidation, ed. Henning Melber, HSRC Press [JCRS] 2003, p. 40.

[6] Author's own witness as Ambassador to Zimbabwe.

controversy whether to contest senate elections. It split into Movement for Democratic Change-Tsvangirai [MDC-T], the larger faction still led by Morgan Tsvangirai and Movement for Democratic Change-Mutambara [MDC-M], a smaller faction then led by Arthur Mutambara who was latter replaced by Welshman Ncube, hence MDC-N.

Opponents of President Mugabe maintain that although for the first time, since its emergence as the new opposition party, MDC, particularly in its two formations, could officially accumulate more votes than the ruling ZANU-PF, the elections and their results were not enough to effect a change of power as the MDC and its external backers hoped. One of the examples cited was the uncertain outcome of the first round of March 2008 presidential elections which failed to deliver an unambiguous outright presidential victory.

During the 2008 harmonised election President Robert Mugabe lost control of the parliament for the first time since independence in 1980. MDC-T won 99 seats while Mugabe's ZANU-PF won 97 seats including one for an MP who was elected unopposed. The breakaway MDC-M faction won 10 seats. One seat went to an independent candidate.

It has been claimed that the June 2008 run-off was characterised by unprecedented violence, which forced the opposition candidate to withdraw. Although violence during elections happened «the election took place anyway with a single candidate, the incumbent who was proclaimed victorious».[1] It is important to point out that before March 2008 the president of South Africa Thabo Mbeki and his team facilitated conditions, which were agreed upon by all parties for conducting parliamentary and presidential elections. Thus the run-off election was also conducted under the same new conditions facilitated by Thabo Mbeki as mediator of the Southern African Development Community [SADC]. This in itself was the first real step towards a political settlement after many years of heavy criticism of the government and ZANU-PF due to violent elections.

Thabo Mbeki and his colleagues in the government had been quietly but steadily working hard on behalf of SADC for a political solution of the Zimbabwean crisis. Although he faced a barrage of criticism for being «too soft» on Mugabe, he often expressed his readiness to promote compromise between the government and opposition in Zimbabwe but was not going to be persuaded to push for regime change. «He insistently required that the MDC accept and recognise Robert Mugabe was the president of Zimbabwe, and that MDC accept the 2002 presidential election results which was all along one of the crucial sticking points».[2]

The mediation of Mbeki led to the signing of what came to be known as Global Political Agreement [GPA] on 15 September 2008, signed by ZANU-PF, MDC-T and MDC-M in the presence of SADC leaders.

The main objective of negotiations between these parties and signing the GPA was to seek to resolve the challenges that they faced as a country and the multiple threats to the well being of the Zimbabwean people. After many months of difficult negotiations and foot dragging, the parties reached agreement to form an «inclusive government». It is important to point out that in reaching the agreement the parties, among other things, «declared their commitment and determination to build a society free of violence, fear of intimidation, hatred, patronage, corruption, and founded on justice, fairness, dignity and equality. They recognised and accepted that the Land Question has been at the core of the contestation in Zimbabwe, and in this connection, while differing on the methodology of acquisition and redistribution, acknowledge that compulsory acquisition and redistribution of land has taken place under a land reform program undertaken since 2000. They accepted the irreversibility of the said land acquisition and redistribution».[3]

Further, the parties acknowledged that pursuant to the resolution of the Dar-es-Salaam Extra-Ordinary SADC Summit[4] of 28-29 March 2007 that called for dialogue between the government and

[1] EISA Observer Report, 2008, p. XIII.

[2] [http://en.wikipedia.org/wiki/Thabo Mbeki#Dialoguebetween Zanu-PF and MDC]

[3] Global Political Agreement [GPA] for Zimbabwe 2008

[4] [See SADC Extra-Ordinary Summit, Dar-es-Salaam, 28-29 March 2007].

opposition and mandated Thabo Mbeki to facilitate that dialogue, they negotiated and agreed on a Draft Constitution of Zimbabwe Amendment Number 18 Act; amendments to the Electoral Act; the Zimbabwe Electoral Commission Act; Public Order and Security Act and Access to Information and Protection of Privacy Act and Broadcasting Services.

The GPA agreement stipulates that the Executive Authority of the Inclusive Government shall vest in, and be shared among the President, the Prime Minister and the Cabinet, as provided for in the new Constitution amendment and legislation. The GPA contained, as one of the most important provisions, a joint demand «that all measures and sanctions against Zimbabwe be lifted in order to facilitate a sustainable solution to the challenges that are facing Zimbabwe».[1]

To revert back to the 2008 election, it suffices recalling assertions that the pre-election campaign in 2007 was characterised by «government actions of physical attacks and general harassment of the opposition, continuous and consolidated virtual state monopolisation of the media».[2] The repeated threats up to the eve of elections by ZANU-PF and the position of the security forces «that a non-ZANU-PF electoral verdict would be swept aside further exacerbated the tense pre-election conditions».[3]

According to Sue Onslow, a senior researcher at the Institute of Commonwealth Studies in the School of Advanced Studies, University of London, ZANU-PF offers important parallels and insights into challenges, which confront the three former Southern African liberation movements as ruling parties in these three countries. «These shared aspects include the importance of personality, ethnic and tribal politics which helped to shape the liberation movements during the struggle for independence».[4] It is also necessary to point at the important legacy of emphasis on solidarity that sometimes supersedes and cloaks the need for internal discussion and open debate, a tendency that has been gaining root in ZANU-PF and SWAPO. Furthermore, the role of the armed struggle and the exile culture left lasting influences.

These formative attitudes and experiences forged political culture which continued to play out in the domestic political arena post independence. Onslow maintains that from 2000 the struggle in Zimbabwe constituted a «battle for the state' and this battle is continuing to play out in present day Zimbabwe».[5] She chronicles some stages that the country has gone through since independence in 1980 and states that the process of centralising power took place in «stop-start» phases: «first, there was the period 1980-1987, leading to the 1987 unity accord after which PF-ZAPU was absorbed within ZANU-PF.

This period of almost one-party state dominated the political scene until 1999, a period ended by the emergence of the MDC. In the third phase post-2000, ZANU-PF maintained its dominance by restructuring state power, and attempting to manipulate the constitution and the electoral process until the GPA of September 2008'[6]. The 'Inclusive Government' was finally implemented in February 2009. This period witnessed a four years steady growth in the economy. 'In 2009, the GDP grew by 5,8% in 2010 by 8,1% in 2011 by 9,3%'[7] and by 4,4% in 2012».[8]

These positive developments were also demonstrated by the 31 July 2013 presidential and parliamentary elections in that country, which were variously characterised by African regional

[1] GPA 2008.
[2] EISA Observer Report, 2008 p. XIII.
[3] Ibid p. XIV.
[4] Onlslow S., Zimbabwe And the Political Transition, March 2001, p. 1.
[5] Ibid, p. 1.
[6] Ibid, p. 1-2.
[7] [See Global Finance, 2012]
[8] [Zimbabwe GDP Annual Growth Rate, 2012]

observer organisations as having been «fairly fair», [AU representative], «generally reliable» and that «the will of the people was sufficiently expressed [SADC Observer Mission]».[1]

The election was clearly won by President Mugabe by 61% of the vote as compared to 33.94% for Tsvangirai of MDC-T. Welshman Ncube of MDC-N formation got 2.68% with leaders of two other small parties sharing the spoils. «In the parliamentary elections ZANU-PF won 197 seats out of 270, MDC-T got 70 and MDC-N got 2 seats, with one independent Member of Parliament».[2] There are only three parties represented in the current parliament. The results of the July 2013 election put an end to the joint rule of the ZANU-PF and the two MDC formations.

ZANU-PF effectively used the period of co-governance to consolidate its party structures and systems, strengthen its networks and power. It also took advantage of divisions among and between the opposition parties. On the other hand the MDC-T let its party structures degenerate while at the same time ignoring constituency duties. The local government in particular, which was headed by MDC-T minister was tainted by corruption and characterized by poor delivery of goods and services. These are some of the factors, which led to the defeat of the opposition. Tsvangirai was recently suspended by his party.

Even though these elections were declared by African observer organisations as free, fair and sufficiently an expression of the will of the Zimbabwean electorate, the EU and other Western countries were still reluctant to accept the reality. They continued to maintain biased double standards and hesitant to remove sanctions they imposed on Zimbabwe. ZANU-PF and the government clearly regained the ground lost since the adoption of damaging International Monetary Fund [IMF]'s neo-liberal macro-economic policies in the form of Economic Structural Adjustment Programme [ESAP] in 1996 which was latter compounded by the government's own fast-track land reform of 2000.

Often political processes and developments in these countries are made difficult by tendencies of the leaders of former NLMs who assume that their coming to power is an unchallengeable sacred right. They try to convince the public that their legitimacy to rule without challenge and with limited or guided democratic participation, «stemmed from their emergence from the decolonisation process as democratically elected representatives of the majority of the people».[3]

Such political developments and processes also led to assertions that some leaders of former NLMs have also developed «militant notions of inclusion or exclusion as factors in shaping their post-colonial national identities».[4] Under such circumstances, it is asserted, that 'early post-independence notions of national reconciliation and slogans like «unity in diversity» have give way to a «politically correct» identity form defined by those in power along narrow «we-they» or «with-us-against-us' lines».[5]

These tendencies are particularly advanced through political sycophantism and cronyism, which often go hand in hand with covering up prevalent corrupt dealings sometimes implicating the powers that be.

Recognising the intoxicating influence of surrounding sycophants, Hage. Geingob noted that «there can be attempts by presidential coteries to encourage the president to be over presidential».[6] The sycophancy may be reflected in their behaviour of promoting omnipotence of the presidency.

[1] [See Mhofu, 3013]

[2] [See My Zimbabwe, 2013].

[3] Cited in Re-examining Liberation in Namibia; Political Culture Since Independence, ed. Henning Melber, Nordiska Afrikainstitutet, 2003 p. 10.

[4] Ibid, pp. 10-11.

[5] Ibid, pp. 10-11.

[6] Geingob H.G., in Constitutional Democracy in Namibia: A Critical Analysis After Two Decades, Macmillan Education Namibia, 2010, p. 105.

It is obvious that many of the forces then involved in the struggle on the part of the former NLMs in these three countries had right «expectation that the end result of the struggle required democracy as the basis of a lasting political system»,[1] a process that will bring about genuine socio-economic development and participatory democracy. It is also evident that this may not have become the understanding and conviction of some leading personalities within the high ranks of these NLMs.

For most leading personalities in the liberation struggle in Zimbabwe and Namibia it was not participatory democracy that formed the priority agenda, but independence and majority rule. It must be pointed out though that some of the undemocratic tendencies and practices emanate from the culture and traditions that were objectively acquired by the liberation movements in the course of the protracted liberation war.

During the liberation struggle the leadership of these movements had to operate under military command structures and the direction of the liberation struggle was more based on military discipline and unquestionable respect for the leader's order. This was an objective necessity otherwise the liberation struggle could not succeed.

That is why there has been arguments involving a growing recognition that armed liberation struggles operating along military lines in conditions of clandestine were not suitable breeding grounds for the Western type of liberal democracy. Such conditions were not suitable for establishing democratic systems of governance in post-independence and that the forms of resistance employed in the struggle were themselves organised on hierarchical and authoritarian lines. In this sense then, the new societies carried within them essential elements of the old system. Thus it should come as no surprise that aspects of the colonial system reproduces themselves in the struggle for its abolition and subsequently, in the concepts of governance applied in post-colonial conditions.

The exile traditions and practices continued in government as these liberation movements became ruling parties. Obviously, former exile leaders of the NLMs, ZANU-PF, SWAPO and the ANC sometimes find it not easy to convert to open democratic practices as required by the constitutions they have adopted under conditions of compromises. It is not in the tradition of the revolutionary movement engaged in a bitter protracted war of liberation to introduce and be guided by a Western liberal system of checks and balances, for it is the antithesis of the struggle.

In this connection, Edgar Tekere noted: «We, in extolling Mugabe, as we did, at independence, forgot to put in place institutional arrangements that would ensure that the party was sustained by collective leadership, democratic discourse, adherence to the principles that fuelled our struggle for independence, and accountability. In the absence of such institutional arrangements, any one of us, and not just Mugabe, could have lost course and degenerated into a virtual dictatorship, buttressed by the current combination of political and economic patronage, and the threat of state brutality if one dared to defy the powers – that be».[2]

National reconciliation, problems of race relations and ethnicity

Some leaders of former liberation movements continue to be haunted by imagined threats from white plots, by the possible return of apartheid colonialism and threats from mysterious but ubiquitous third forces.

Despite the lofty declarations of strategic policies of national reconciliation and unity in diversity, certain leaders of the former NLMs are still reluctant to include skilled members of the formerly advantaged groups of the society in the processes for socio-economic development. Such

[1] Re-examining Liberation in Namibia: Political Culture Since Independence, ed. Henning Melber, Nordiska Africainstitutet, 2003, p. 14.

[2] Tekere. E. «2Boy» Z, A Lifetime of Struggle, SAPES Books 2006, p. 179.

attitudes and practices are anchored in the colonial and apartheid legacy of racial and ethnic divide and hatred.

But not all leaders of the former NLMs have become vulnerable to this hate syndrome. Quite aware of the importance of unity, peace and stability in the country after many years of apartheid rule which arrogantly pitted black against white, aware of the skills needed to transform and rebuild the country in an all inclusive democratic manner, Thabo Mbeki stated: «Whites in this country have a particular obligation. You have expertise. We cannot build this country without that knowledge, without those skills, without that expertise. And we want you to take the leadership in building a new South Africa. We do not regard it as correct that the majority should oppress the minority».[1]

Kgalema Motlanthe then deputy president of the ANC was one time displeased with and reprimanded Juluis Malema, as president of the ANC Youth League who criticised the dominance of some racial minorities in certain ministries and certain areas of competence in government. Motlanthe said: «if we raise matters crudely, then we ourselves will reinforce conservative and even racist views among people. If you say we cannot include in government Coloureds, Whites, Indians or other people who have requisite skills and experience, then you are sending us back many years. We need to be conscious of the divisive legacy of apartheid and the likely repercussions of what we say». [2]

Under normal circumstances, the successful implementation of transformation and development programmes would require the retention of old and experienced, of course patriotic, civil servants. This is necessary especially where black skilled cadres are not available or sufficient to fill the gap.

In this connection, Motlanthe, stated that «it is important to get the country to understand that we need the best available talent to come to fore because many people do not even apply for jobs since they are members of other political parties».[3] But this nation building, the transformation and development processes are not only an ANC problem. All citizens must know that they have an equal chance for a post that requires skills and experience they possess and they must also commit to serve to the best of their ability regardless of who the political head is. Motlanthe emphasised that «the ANC [this includes also ZANU-PF and SWAPO-NCK] need to know and understand that the transformation of the apartheid state must reach a point soon where we target and reach out to the professionals regardless, and no doubt this merit driven approach, should intend beyond professional classes to include all other skilled workers».[4]

The programmes for reconstruction, transformation and development in these countries with broad participation can only be realised under conditions of genuine national reconciliation, peace and stability.

[1] The Sunday Times [London] Rich List, 2008.
[2] Motlanthe K.A., Political Biography, by Ebrahim Harvey, Jacana Media [Pty] Ltd, 2012, p. 314.
[3] Ibid, p. 335.
[4] Ibid, p. 239.

О ПОСТАНОВЛЕНИИ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕСПЧ ПО «КАТЫНСКОМУ» ДЕЛУ

Н.Г. Михайлов[1]

16 апреля 2012 г. было опубликовано постановление Палаты ЕСПЧ по делу «Яновец и другие против Российской Федерации» *(«Катынское» дело*), объединяющему две жалобы пятнадцати родственников польских граждан, репрессированных в 1940 г.

Палата, рассматривая ранее признанные приемлемыми жалобы на нарушения ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) в ее «процессуальном» аспекте, т.е. о несоблюдении прав заявителей в процессе расследования уголовного дела, а также ст. 3 Конвенции в связи с отказом органов следствия предоставить заявителям информацию о судьбе их родственников, не нашла нарушения властями Российской Федерации ст. 2 Конвенции и отклонила требования заявителей о присуждении им справедливой компенсации.

В то же время в постановлении было признано, что при проведении расследования соответствующего уголовного дела имело место нарушение ст. 3 Конвенции, выразившееся в предоставлении заявителям противоречивой информации о судьбе их близких родственников и отказе в ознакомлении с материалами уголовного дела. Кроме того, было также признано, что имело место невыполнение властями Российской Федерации обязательства, вытекающего из ст. 38 Конвенции, выразившееся в непредоставлении Суду засекреченных материалов соответствующего уголовного дела на основании Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

24 сентября 2012 г. коллегия в составе пяти членов Большой Палаты ЕСПЧ приняла решение об удовлетворении обращений польского правительства и представителей заявителей по указанному делу о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты.

Наиболее существенные аргументы польского правительства и представителей заявителей в пользу передачи дела на рассмотрение Большой Палаты сводятся к следующему;

1. Решение Палаты о том, что Суд не обладает временной компетенцией для рассмотрения вопроса о нарушении ст. 2 Конвенции, было принято минимальным большинством голосов – четырьмя голосами против трех.

2. Судьи, составившие большинство, в обоснование своей позиции представили различные доводы.

Так, в постановлении Суд признал, что не обладает компетенцией для рассмотрения жалобы по ст. 2 Конвенции в связи с отсутствием необходимых новых элементов, обнаруженных в период после ратификации Конвенции, которые могли бы установить связь между причинением смерти польским военнопленным и ратификацией Конвенции, которые бы налагали новое обязательство проводить расследование на основании ст. 2 Конвенции.

В то же время судьи Ковлер А.И. и Юдкивская Г. выразили мнение о том, что в рамках ст. 2 Конвенции не существовало процессуального обязательства проводить эффективное расследование, поскольку расследование уголовного дела № 159 было жестом доброй воли со стороны Российской Федерации.

3. Рассматривая вопрос о том, подпадает ли дело под его временную юрисдикцию, Суд впервые сослался на «необходимость гарантировать, чтобы лежащие в основе Конвенции ценности были защищены в реальной и эффективной манере», как это было провозглашено в постановлении Большой Палаты по делу «Шилих против Словении» от 6 апреля 2009 г. При этом Суд в постановлении по делу «Яновец и другие против Российской Федерации», интерпретируя это обстоятельство как правовой базис для определения компетенции в рамках разработанного в постановлении по делу Шилиха критерия «реальной связи», определил, что для этого должны быть в наличии два элемента: первый – инициирующее событие (смерть, пред-

[1] ***Николай Геннадьевич Михайлов*** – д-р юрид. наук, доцент, заместитель Руководителя Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя министра юстиции Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3-го класса.

шествовавшая ратификации Конвенции) должно быть большего масштаба, нежели обычное уголовное преступление; второй – должны быть в наличии достаточно существенные новые факты, проливающие новый свет на преступление, которые стали общедоступными в период после ратификации Конвенции.

По мнению польских властей и представителей заявителей, второй элемент представляет собой нововведение, которое существенно ограничивает первоначальный критерий, разработанный в постановлении по делу Шилиха, базирующийся на эффективной защите лежащих в основе Конвенции ценностей; данное нововведение при интерпретации критерия, разработанного в постановлении по делу Шилиха, имеет чрезвычайно важное значение и серьезные последствия для будущего прецедентного права Суда.

При рассмотрении дела Большой Палатой ее Председатель дал разрешение следующим организациям представить письменные комментарии в качестве третьих сторон согласно п. 2 ст. 36 Конвенции: «Правовая инициатива за открытое общество», «Международная амнистия» и «Группа публичного международного права и политики». Группе из трех неправительственных организаций – «Мемориал», «Европейский центр защиты прав человека» и «Сообщество за правосудие переходного периода» – также было разрешено представить их совместное письменное заявление в качестве третьих сторон.

13 февраля 2013 г. состоялось открытое слушание по делу (п. 3 правила 59 Регламента Суда)[1], а 21 октября 2013 г. было опубликовано постановление по нему.

Следует отметить, что Большая Палата по большинству пунктов согласилась с позицией властей Российской Федерации, которая объективно отражена в указанном постановлении. Ниже освещены некоторые наиболее значимые из выдвигавшихся российской стороной аргументов.

В отношении процессуального аспекта ст. 2 Конвенции российские власти утверждали, что следует проводить различие между двумя ситуациями: в первой ситуации нарушение Конвенции произошло в период вне временной юрисдикции Суда, во второй – нарушения Конвенции «не существует юридически», поскольку Конвенции в рассматриваемый период времени не существовало вовсе. Данное различие имеет важное значение, так как только юридически существующее нарушение ст. 2 Конвенции в ее материальном аспекте – которое, тем не менее, находилось вне временной юрисдикции Суда, – могло служить основанием для возникновения процессуальных обязательств властей по ст. 2 в совокупности со ст. 1 Конвенции.

В делах, рассмотренных Судом ранее, события, которые инициировали обязательство провести расследование, произошли после принятия Конвенции. В «Катынском» деле предполагаемое нарушение материального аспекта ст. 2 Конвенции не только находится вне временной юрисдикции Суда, оно не существует *de jure*, поскольку «катынские события» произошли за десять лет до принятия Конвенции и за пятьдесят восемь лет до ее ратификации Россией 5 мая 1998 г. Данное обстоятельство исключает рассмотрение Судом вопроса о соблюдении Россией ее процессуальных обязательств. Кроме того, Суд не обладал юрисдикцией *ratione materiae* для квалификации «катынского» массового убийства как «военного преступления» с точки зрения международного гуманитарного права.

Нельзя говорить о возникновении обязательства по расследованию «катынских» событий как в рамках национального законодательства или международного гуманитарного права, так и согласно Конвенции. На национальном уровне было проведено расследование преступления, предусмотренного п. «б» ст.ст. 193-17 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (превышение власти при наличии особо отягчающих обстоятельств, имевшее тяжелые последствия), срок давности по которому составлял десять лет. Современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации требовал, чтобы производство по уголовному делу было прекращено по истечении срока давности. Кроме того, сотрудники НКВД СССР умерли до возбуждения уголовного дела.

[1] Автор настоящей статьи также принимал участие в устном слушании.

С точки зрения международного гуманитарного права, по крайней мере до 1945 г., не существовало обязательного для всех положения международного права об определении военных преступлений или преступлений против человечности, или оснований для ответственности или уголовного преследования в связи с таковыми. Так как Международный военный трибунал в Нюрнберге являлся *ad hoc* трибуналом, применимость положений его Устава, включая содержащиеся в нем определения преступлений, была ограничена процессами над главными военными преступниками европейских стран Оси. Таким образом, международное право, в том виде, в каком оно существовало в 1940 г., не давало достаточных оснований для того, чтобы считать «катынские события» военным преступлением, преступлением против человечности или геноцидом, если таковые не были совершены главными военными преступниками европейских стран Оси и не подпадали под юрисдикцию Нюрнбергского трибунала. Тем не менее, по просьбе польских властей российские следователи рассмотрели «версию геноцида» и определили, что такого преступления не было совершено, так как подозреваемые действовали из обычных уголовных побуждений, а не с намерением уничтожить, полностью или в части, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую (согласно определению, содержащемуся в ст.ст. 2 и 3 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.).

Что касается процессуального обязательства по проведению расследования согласно Конвенции, то, во-первых, расследование по уголовному делу № 159 проводилось по политическим причинам, как жест доброй воли, и потому не могло оцениваться с точки зрения процессуальных требований ст. 2 Конвенции. Во-вторых, только события, произошедшие после принятия Конвенции, могли способствовать возникновению процессуального обязательства. В-третьих, от российских властей нельзя было обоснованно ожидать проведения эффективного расследования спустя пятьдесят восемь лет после событий, когда свидетели таковых были уже мертвы и важнейшие документы уничтожены.

В отношении отделимости процессуального обязательства российские власти подчеркнули, что не каждая смерть приводит к возникновению процессуального обязательства и что Суду следовало сначала рассмотреть, являлись ли обстоятельства смерти причиной возникновения такого обязательства. Однако если смерть произошла до даты ратификации, Суд не обладает временной юрисдикцией для проведения такого анализа. Кроме того, принцип отделимости подлежит определенным ограничениям, чтобы избежать непредвиденного расширения юрисдикции Суда или сферы применения Конвенции. Далее, промежуток времени должен быть достаточно коротким, чего нельзя сказать о настоящем деле. В дополнение к этому, после даты ратификации должна быть осуществлена значительная часть следственных действий. В настоящем деле данный критерий также не выполнен.

Все наиболее значимые процессуальные действия в расследовании «катынского» дела были осуществлены в период с 1990 по 1995 гг., и после 5 мая 1998 г. не появилось никаких «новых материалов». Вопреки утверждению властей Польши, решение о засекречивании определенных документов не могло рассматриваться как «новый материал» для (повторного) возникновения процессуального обязательства по ст. 2 Конвенции. Не могло таковым считаться и предполагаемое обнаружение «украинского списка» в 2002 г., который представлял собой лишь запрос разъяснений у украинских властей.

Доводы российской стороны в отношении предположительного нарушения ст. 3 Конвенции суммированы Судом следующим образом.

Для возникновения вопроса о нарушении ст. 3 Конвенции в отношении родственников убитых или пропавших родственников должно быть продемонстрировано наличие двух элементов: (1) заявители должны были испытывать неопределенность в отношении судьбы их родственников в течение некоторого периода времени и (2) действия властей должны были усиливать их страдания в течение такого периода.

Что касается первого элемента, состояния неопределенности, хотя судьба родственников заявителей не могла быть определена с точностью, необходимой для целей уголовного или

реабилитационного производства, не было оснований ожидать, что к 5 мая 1998 г. они могли быть еще живы, учитывая даты их рождения и отсутствие от них каких-либо известий со времени Второй мировой войны. При отсутствии первого элемента, не могут возникнуть отдельные вопросы в рамках ст. 3 Конвенции, помимо тех, что уже рассмотрены с точки зрения ст. 2 Конвенции. Кроме того, отсутствовали «особые факторы», которые могли бы придать страданиям заявителей степень и характер, отличные от эмоциональных потрясений, которые могут рассматриваться как неизбежные страдания родственников жертв грубых нарушений прав человека.

Рассматривая первый «особый фактор» – «близость семейных уз», следует учитывать, что пятеро из заявителей были рождены после ареста их родственников, и Палата не установила нарушения ст. 3 Конвенции в отношении этих заявителей. Второй «особый фактор» – «степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий», отсутствовал, так как никто из заявителей не видел событий, которые привели к смерти их родственников. Третий критерий – «участие членов семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице» – не соблюден, так как заявители не принимали участие в расследовании «катынского» дела, не обращались с ходатайствами и не давали показаний. Хотя расследование широко освещалось в российских и польских средствах массовой информации в течение более четырнадцати лет, только после прекращения расследования двое заявителей попросили предоставить им формальный процессуальный статус.

Что касается характера ответов на запросы заявителей, что являлось четвертым «особым фактором», власти Российской Федерации повторили, что, во-первых, степень предполагаемого влияния их действий или бездействия должна была быть значительно снижена ввиду периода в пятьдесят восемь лет, который отделяет «катынские» события от даты ратификации Конвенции Российской Федерацией, а также ввиду того факта, что заявители более не пребывали в состоянии неопределенности относительно судьбы их родственников.

Действия национальных органов, отказавших в реабилитации родственников заявителей, были оправданы, учитывая, во-первых, то, что «реабилитация» польских заключенных была невозможна в отсутствие какой-либо информации об обвинениях, выдвинутых против них. Во-вторых, власти не имели правовой обязанности устанавливать местонахождение заявителей или предоставлять им статус потерпевших, так как отсутствовали достаточные доказательства для установления причинно-следственной связи между «катынскими событиями» и смертью родственников заявителей в соответствии с уголовно-правовым стандартом доказанности. В-третьих, в письмах прокуроров заявителям содержались «неверные выводы», и, в конечном счете, эти «несоответствия» были устранены российскими судами, которые провели надлежащую оценку документов с участием представителей заявителей.

Власти не согласились с содержавшимся в постановлении от 16 апреля 2012 г. выводом Палаты о том, что российские суды отрицали реальность «катынского» массового убийства; по их мнению, суды «просто указали на отсутствие достаточных доказательств для установления обстоятельств смерти родственников заявителей» в соответствии с уголовно-правовым стандартом доказанности. Власти также оспорили тот факт, что национальные органы были обязаны отчитаться о судьбе пропавших лиц и разыскать места их захоронения, так как родственники заявителей не были «исчезнувшими лицами» и так как такое обязательство не вытекало из внутригосударственного права, международного гуманитарного права или Конвенции. Наконец, они утверждали, что у них не было намерения искажать исторические факты или подвергать заявителей какой-либо форме унижающего достоинство обращения.

Оценивая аргументы российской стороны в отношении компетенции *ratione materiae и ratione temporis* в соответствии со ст. 2 Конвенции, Большая Палата напомнила, что положения Конвенции не являются обязательными для Договаривающейся Стороны в отношении какого-либо действия, факта или ситуации, которые перестали существовать до момента вступления Конвенции в силу в отношении этой Стороны («ключевая дата»). Это устоявшийся принцип

в прецедентной практике Суда, основанный на общих принципах международного права, закрепленных в ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

Если предполагается, что действие, бездействие или решение, нарушающее Конвенцию, произошло до ее вступления в силу, но производство по возмещению ущерба в связи с таким действием инициировано или продолжено после вступления Конвенции в силу, такое производство не может рассматриваться как часть фактов, составляющих предполагаемое нарушение, и не относит дело ко временной юрисдикции Суда.

Конвенция не налагает никаких конкретных обязательств на Договаривающиеся Стороны по предоставлению возмещения за нарушения или ущерб, причиненный до ключевой даты.

Процессуальное обязательство по проведению эффективного расследования согласно ст. 2 Конвенции превратилось в отдельную и самостоятельную обязанность. Хотя эта обязанность возникает на основании фактов, касающихся материального аспекта ст. 2 Конвенции, она может рассматриваться как отделимое обязательство, возникающее в силу ст. 2 Конвенции и имеющее обязательную силу для государства, даже если смерть произошла до ключевой даты. Тем не менее, принимая во внимание принцип правовой определенности, временная юрисдикция Суда в отношении вопроса о соблюдении процессуального обязательства по ст. 2 Конвенции в связи со смертями, имевшими место до ключевой даты, не является неограниченной. Так, значительная часть процессуальных мер, принятия которых требует данное положение, – они включают в себя не только эффективное расследование по факту смерти соответствующего лица, но и использование необходимых процедур для определения причины смерти и привлечения виновных лиц к ответственности, будет или должна быть проведена после ключевой даты. В то же время, если же основная часть производства или наиболее важные процессуальные меры были проведены до вступления Конвенции в силу, это окончательно лишает Суд возможности оценить с точки зрения процессуальных требований ст. 2 Конвенции эффективность расследования в целом.

В обоснование своего решение в пользу позиции российских властей в отношении компетенции *ratione temporis* ЕСПЧ полностью подержал их аргументы в этом отношении, в частности отметив нижеследующее.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 5 мая 1998 г., то есть через пятьдесят восемь лет после казни родственников заявителей. Период времени между смертью и ключевой датой не только во много раз превышает периоды, которые привели к возникновению процессуального обязательства по ст. 2 Конвенции во всех предыдущих делах, но также является слишком продолжительным в абсолютном выражении для установления подлинной связи между смертью родственников заявителей и вступлением в силу Конвенции для России.

Расследование по факту обнаружения массовых захоронений началось в 1990-х гг. и официально прекращено в сентябре 2004 г. В начале 1990-х гг. советские, а в дальнейшем российские власти провели значительное количество процессуальных действий. В 1991 г. в местах массовых захоронений в Харькове, Медном и Катыни были проведены эксгумационные работы, следователи назначили судебные экспертизы и опросили потенциальных свидетелей убийств. Были проведены официальные визиты и координационные встречи между российскими, польскими, украинскими и белорусскими властями. Однако все эти меры были предприняты до ключевой даты. Что касается периода после вступления Конвенции в силу, на основании имеющейся в материалах дела информации и замечаний сторон невозможно определить, какие реальные следственные действия были проведены после 5 мая 1998 г. После ключевой даты не обнаружено никаких доказательств или существенных сведений, имеющих значение для дела. Поэтому Суд пришел к выводу, что ни один из критериев для установления «подлинной связи» события со вступлением Конвенции в силу для Российской Федерации не соблюден.

События, которые могли привести к возникновению обязательства по расследованию по ст. 2 Конвенции, произошли более чем за десять лет до принятия Конвенции. В связи с этим

Суд поддержал вывод Палаты о том, что в данном деле отсутствуют элементы, способные создать связь между далеким прошлым и современным послератификационным периодом.

Для установления факта отсутствия нарушения ст. 3 Конвенции Суд опирался на нижеследующие доводы.

В данном деле ситуация, послужившая основанием для подачи жалобы на нарушение ст. 3 Конвенции, первоначально имела черты дела «об исчезновении». Члены семей заявителей были захвачены советскими оккупационными войсками и содержались в советских лагерях. Существует доказательство того, что переписка между польскими заключенными и их семьями продолжалась, по крайней мере, до весны 1940 г., так что семьи должны были знать, что их родственники были живы. После того, как письма в Польшу перестали приходить, их родственники в течение многих лет оставались в состоянии неизвестности относительно их судьбы.

К моменту ратификации Конвенции Российской Федерацией 5 мая 1998 г. со времени казни польских военнослужащих прошло более пятидесяти восьми лет. Учитывая длительный промежуток времени, материалы, которые стали доступны в этот период, и усилия, которые были предприняты различными сторонами для выяснения обстоятельств «катынского» массового убийства, Суд считает, что касательно периода после ключевой даты нельзя сказать, что заявители пребывали в состоянии неопределенности в отношении судьбы их родственников, которые были захвачены Советской Армией в 1939 г.

В то же время Суд не подверг сомнению глубокое горе и отчаяние, испытанные заявителями в результате внесудебной казни членов их семей. Однако он указал, что в интересах правовой определенности, предсказуемости и равенства перед законом ему не следует отступать от собственной прецедентной практики в отсутствие неопровержимых доводов в пользу этого. В прецедентной практике Суда установлено, что страдания членов семьи «исчезнувшего лица», которые прошли через длительный период сменяющихся надежды и отчаяния, могут обосновать признание отдельного нарушения ст. 3 Конвенции ввиду особо бессердечного отношения национальных органов власти к их запросам об информации.

Что касается настоящего дела, юрисдикция Суда распространяется только на период, начинающийся 5 мая 1998 г., с даты вступления в силу Конвенции для Российской Федерации. Суд установил выше, что с этой даты уже нельзя сказать, что сохранялась длительная неопределенность в отношении судьбы польских военнопленных. Хотя не все тела были обнаружены, их гибель была публично признана советскими и российскими властями, и это стало установленным историческим фактом. При таких обстоятельствах Суд посчитал, что не может прийти к выводу о том, что страдания заявителей достигли той степени и того характера, которые отличали бы их от эмоционального стресса, неизбежно переживаемого родственниками жертвы грубого нарушения прав человека.

Таким образом, Большая Палата не установила нарушения статей 2 и 3 Конвенции властями Российской Федерации. Кроме того, она отклонила требования заявителей о присуждении им справедливой компенсации и не наложила на Российскую Федерацию каких-либо обязательств по денежным выплатам. Вместе с тем, как и в постановлении от 16 апреля 2012 г. Суд признал, что имело место невыполнение властями Российской Федерации обязательства, вытекающего из ст. 38 Конвенции, выразившееся в непредоставлении Суду засекреченных материалов соответствующего уголовного дела на основании Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕДУЩИХ СТРАН ЗАПАДА

В.С. Котляр[1]

1. Создание Международного Трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) в 1993 г. явилось логическим завершением политического процесса, проводившегося западными странами с целью окончательного закрепления политической переориентации стран Центральной и Восточной Европы в интересах США, НАТО и ЕС.

2. С началом перестройки в СССР в середине 1980-х гг. и с развитием процесса переориентации бывших союзников СССР по ОВД и СЭВу на вступление в НАТО и ЕС Югославия осталась единственным крупным государством Центральной Европы, которое проводило независимую от директив Запада политику, сохранило существенный военный и экономический потенциал и имело значительный политический вес как идеолог и руководитель Движения неприсоединения африканских, азиатских и латиноамериканских стран. Это серьезно нарушало планы США, НАТО и ЕС по вовлечению **всех** стран Центральной и Восточной Европы в западную орбиту, а также по развалу Движения неприсоединения. Разведка и политическое руководство ведущих западных стран разрабатывали план действий по расчленению Югославии и отделению от Сербии федеральных республик, составлявших бывшую Югославию, подыгрывая либерально-реформистским и сепаратистским настроениям, существовавшим в этих республиках с 1970-х гг. еще при Тито, который, однако, умело ими манипулировал, сохраняя единство страны.

3. В целом Белград знал или догадывался о таких планах, и правительство С.Милошевича принимало жесткие меры внутри страны с тем, чтобы остановить сепаратистские настроения и предотвратить ее распад. Это вызывало резкое сопротивление со стороны сепаратистов и осуждение со стороны Запада, поддерживавшего их, и прежде всего со стороны ФРГ и ее канцлера Г.Коля.

4. Особенно активно сепаратистские настроения развивались в Словении и Хорватии при активной поддержке объединенной Германии в 1990-1991 гг. Так, газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала в это время: «Словенцы и хорваты, по традиции ориентированные на демократию, благодаря их западно-католическому наследию … оказались в уникальной ситуации: они могли наконец освободиться от произвола сербских деспотов и сербско-коммунистических «угнетателей и завоевателей».[2] В 1991 г. Словения и Хорватия провозгласили независимость, которую тут же признала Германия по личному указанию Г.Коля. В беседе со мной в то время тогдашний Заместитель Генерального секретаря ООН К.-А. Флейшауэр (ставший позднее судьей Международного суда ООН), который до перехода в Секретариат ООН был руководящим чиновником МИД ФРГ, резко критиковал это решение Г.Коля, который, по его словам, намеренно не проконсультировался ни с союзниками по НАТО и ЕС, ни с МИДом ФРГ до объявления о признании независимости Хорватии, поскольку стремился безо всяких консультаций спровоцировать процесс признания их независимости со стороны США и других стран Европы.

5. С точки зрения внутреннего законодательства Югославии это был мятеж, который ни одно правительство в любой стране не могло игнорировать. Соответственно вскоре начались вооруженные столкновения между подразделениями Югославской Народной Армии, стремив-

[1] ***Владимир Семёнович Котляр*** – д-р юрид. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, член Международно-правового совета при МИД России. Данная статья представляет собой тезисы выступления на слушаниях в Государственной Думе Федерального Собрания России, состоявшихся 11 ноября 2013 г.

[2] Цитируется по статье Слободана Вуковича «Антисербские стереотипы и распад Югославии» // Свободная мысль. – 2008. – 31 июля.

шейся подавить мятеж, со спешно организованными вооруженными отрядами свежеиспеченных государств, которые переросли в гражданскую войну с последующим вмешательством со стороны ряда стран НАТО.

Мятеж в Словении был очень грамотно подготовлен в военном и политическом отношении, и после всего лишь 10 дней боев стороны при посредничестве ЕЭС подписали 7 июля 1991 г. мирный договор, по которому Югославия признала независимость Словении.

Затем последовал конфликт между Сербией и Хорватией 1991-1992 гг. Несмотря на введенное СБ ООН эмбарго на поставку вооружений воюющим сторонам, строго соблюдавшемуся в отношении Сербии, Хорватия получила (скорее всего с помощью ФРГ, как давали понять российские специалисты) 24 истребителя «МиГ-21бис», бывших на вооружении армии ГДР, и 15 боевых вертолетов, часть из которых, видимо, была закуплена в Украине.[1]

Что касается Боснии-Герцеговины (БиГ), то после объявления в Сараево в апреле 1992 г. независимости БиГ сербское население этой республики, видя, к чему клонится дело в Хорватии и в самой БиГ, провозгласило создание Республики Серпска и открыло фронт с мусульманами и хорватами протяженностью 1800 км. Начавшаяся война скоро приняла ожесточенный характер, с нарушениями обеими сторонами норм международного гуманитарного права, как обычно и бывает в такого рода войнах.

6. Западные СМИ всячески раздували сообщения о таких нарушениях в отношении мирного населения, приписывая их почти без исключения сербской стороне, и 16 ноября 1992 г. СБ ООН принял резолюцию 780 (1992) об учреждении международной Комиссии экспертов с целью рассмотрения и изучения фактов, свидетельствующих о серьезных нарушениях Женевских конвенций и других нарушениях международного гуманитарного права, совершаемых на территории бывшей Югославии. Задача Комиссии была в том, чтобы проверить факты таких нарушений, посылая экспертов на места нарушений в бывших республиках на территории бывшей Югославии, о которых эти бывшие республики должны были сообщать Комиссии, с тем, чтобы затем Комиссия передала свои доклады о проверке фактов нарушений в МТБЮ.

7. Сам МТБЮ был создан годом позже, в мае 1993 г., единогласно принятыми резолюциями СБ ООН № 808 и 827 по рекомендации Комиссии, содержавшейся в одном из первых ее докладов. Мандат МТБЮ, утвержденный резолюцией СБ ООН 827 от 25 мая 1993 г., дает Трибуналу право судебного преследования лиц, совершивших нарушения международного гуманитарного права во время войны в бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г.

8. Статья 2 Устава МТБЮ говорит о полномочиях Трибунала осуществлять судебное преследование лиц, совершающих или отдающих приказ о совершении серьезных нарушений Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., а именно следующих действий, направленных против лиц или имущества, пользующихся защитой Женевской конвенции: 1) умышленное убийство; 2) пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; 3) умышленное причинение тяжких страданий или нанесение увечья, или нанесение ущерба здоровью; 4) незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью; 5) принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятельской державы; 6) умышленное лишение прав военнопленного или гражданского лица на беспристрастное и нормальное судопроизводство; 7) незаконное депортирование, перемещение или арест гражданского лица; 8) взятие гражданских лиц в качестве заложников. Трибунал имеет полномочия судить конкретных лиц, но не организации и не правительства. Максимальное наказание, которое вправе вынести Трибунал, - пожизненное заключение.

[1] Балканы 1991-2000. ВВС НАТО против Югославии. – http://otvaga2004.ru/boyevoe-primenenie/boyevoe-primenenie10/bal

9. Деятельность Трибунала ограничена временными и географическими рамками. Согласно уставу, территориальная юрисдикция Трибунала распространяется на территорию бывшей Югославии (кроме Словении, которая практически не принимала участия в гражданской войне), а завершение последнего процесса означает упразднение самого суда. Однако хотя Трибунал планировал закончить рассмотрение всех имеющихся дел к 2009 г., а к 2010 г. - все апелляции, на практике, несмотря на протесты России, Запад саботировал призывы закончить работу Трибунала и до сих пор продолжает делать ему «искусственное дыхание» и поддерживает его работу.

10. Надо сказать, что сербские и российские юристы с самого начала публично обращали внимание на сомнительный характер юридических полномочий МТБЮ, который, в отличие от классических международных судов, был создан не международным договором, а резолюцией СБ ООН. Однако это было время, когда в международном праве моду диктовали США и НАТО, а президент Б.Н. Ельцин и министр иностранных дел России С.Козырев воспринимали это как должное и не возражали.

11. Моя судьба сложилась таким образом, что в январе 1989 г. МИД России командировал меня на работу в Секретариат ООН, где я работал директором (D-2) Отдела кодификации Юридического управления Секретариата ООН, который занимался всеми правовыми вопросами, рассматривавшимися на ГА ООН. В апреле 1993 г., по достижении пенсионного возраста, я был переведен в Женеву из Нью-Йорка и приступил к работе в качестве Секретаря упомянутой выше (см. п. 6) Комиссии экспертов, оставаясь в этой должности вплоть до прекращения работы Комиссии в июне 1994 г. К этому времени за год с небольшим специалисты Комиссии исследовали 65 тысяч полученных из разных источников материалов и провели 32 исследовательские миссии на территории бывшей Югославии. Ознакомившись с материалами, я сразу увидел, что подавляющее большинство из этих материалов были получены в основном из Хорватии и частично – из БиГ; сообщения из Сербии и из районов проживания сербского населения в ряде хорватских областей и в Республике Серпска практически отсутствовали. Естественно, это создавало однобокую картину «жестокости сербов», искажая реальное положение вещей, поскольку, как показывает история многих стран, во время гражданских войн нарушения совершаются всеми участниками. Разумеется, Югославия не была исключением.

12. В мае 1993 г. я обратил на это внимание председателя Комиссии и предупредил, что доклады Комиссии с односторонними обвинениями против сербов не будут вызывать доверия у международного сообщества. Он согласился с необходимостью получить материалы у Белграда о нарушениях международного гуманитарного права вооруженными отрядами самопровозглашенных республик. Я встретился с советником-посланником миссии Югославии при Отделении ООН в Женеве и поставил вопрос о передаче Белградом Комиссии такого рода материалов. Однако изложенная им официальная позиция Белграда в отношении сотрудничества с Комиссией сводилась к непризнанию МТБЮ и Комиссии, готовившей материалы для МТБЮ, в качестве легитимных организаций. Я сказал ему на это, что проблема их легитимности лучше подходит для анализа теории международного права на семинарах и конференциях, чем в качестве основы для практической деятельности, поскольку через несколько месяцев МТБЮ начнет работать и единственные материалы, которыми он будет располагать и которые он получит от Комиссии, будут носить обвинительный характер против Югославии, если Белград так и не начнет сотрудничать с Комиссией в предоставлении ей материалов о нарушении прав сербского населения в Хорватии и БиГ.

Через некоторое время по моей инициативе состоялась несколько более конструктивная беседа у председателя Комиссии с послом Югославии, который обещал направить в Белград свою рекомендацию о подготовке МИДом Югославии материалов для Комиссии.

13. Но прошел год, а каких-либо материалов Белград так и не прислал. По моей информации, полученной неофициальным образом, руководители Юридического управления Секретариата ООН в Нью-Йорке – а это были представители ФРГ и Великобритании – к тому времени начали вести дело к закрытию работы Комиссии, как вдруг в конце мая 1994 г. мне позвонили из миссии Югославии в Женеве и информировали о том, что в ближайшее время из Белграда будут присланы первые тома материалов, свидетельствующих о нарушениях гуманитарного права в отношении сербов в Хорватии и БиГ. Я тут же позвонил в Нью-Йорк и сообщил руководству Юридического управления ООН об этом, настаивая на том, чтобы продлить работу Комиссии на 2-3 месяца с тем, чтобы включить в заключительный доклад Комиссии ожидаемые в ближайшее время материалы из Белграда. Но уже через 2 дня я получил телеграмму о том, что по финансовым причинам работа Комиссии не может быть продлена и что я имею 2-3 недели на то, чтобы секретариат нашей Комиссии успел упаковать все имеющиеся материалы и отправить их в Нью-Йорк.

14. Таким образом, торопливое завершение руководством Секретариата ООН работы Комиссии, как и ее начало, подтвердили, что ведущие страны Запада отнюдь не были заинтересованы в получении реальной и всесторонней, а не пропагандистски окрашенной односторонней информации о том, что происходило в ходе гражданской войны против в Югославии. Им нужна была основа для того, чтобы МТБЮ своими решениями возложил практически всю вину за военные преступления на сербов, чтобы в будущем другим было неповадно выступать против политики Запада. Что было дальше, как был фактически доведен до смерти С.Милошевич в тюрьме МТБЮ и как Трибунал оправдывал военных преступников из Хорватии и БиГ и даже тех – например, из Косово, – кто торговал человеческими органами, хорошо известно.

15. Ведущие западные страны совершенно не стесняются использовать и Международный уголовный суд как инструмент своей внешней политики, не задумываясь о последствиях. Достаточно вспомнить, что в разгар войны в Ливии в 2011 г. Франция и Великобритания в целях оказания давления на М.Каддафи инициировали выдачу МУСом ордера на его арест, хотя Россия и более здравомыслящие круги в обеих западных странах предупреждали о контрпродуктивности этого шага, поскольку было совершенно очевидно, что он лишь ожесточит ливийского лидера, затруднит мирное урегулирование конфликта и приведет к лишним потерям в войне. И так оно и получилось.

Во время войны в Сирии западники также пытались одно время повторить этот шаг и подтолкнуть МУС к выдаче такого же ордера в отношении президента Сирии Б.Асада, однако замяли этот вопрос после мирной инициативы России, снявшей угрозу готовившейся в августе-сентябре 2013 г. интервенции Запада. Однако экстремистские группы повстанцев продолжают выдвигать требования о суде над Б.Асадом.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «АГЕНТСТВ ЕС ПО ВНУТРЕННИМ ДЕЛАМ»

П.Н. Бирюков[1]

Агентства ЕС по внутренним делам[2] играют важную роль в политике безопасности Евросоюза. Европол, Фронтекс, Евроюст, КЕПОЛ, ОЛАФ становятся все более активной составляющей пространства ЕС по вопросам свободы, безопасности и правосудия[3]. Однако задачи, возложенные на эти учреждения, ограничены. Указанные структуры призваны, в первую очередь, поддерживать и координировать действия государств-членов. При этом они функционируют в крайне политизированной области сотрудничества, а, следовательно, подвержены дополнительному давлению со стороны государств. Деятельность агентств ЕС в последнее время характеризуется борьбой за власть путем использования «альтернативных способов управления» (например, союз «мягкого» права и политики). Это воздействие осуществляется путем выпуска наборов правил и стандартов, «лучших практик», «порядков работы» и других инструментов[4].

В зарубежной литературе по «агентствам» основное внимание уделяется соотношению автономии агентств и обмену информацией[5]. Как образно подметил К.Радаелли, «информация входит в политический процесс в сочетании с интересами, никогда неодинокими»[6]. В работах европейских ученых показываются функции информации, в том числе по так называемым «новым европейским преступлениям»[7], процессы, посредством которых она используется и распространяется[8]. Хотя внешне декларируется деполитизация деятельности агентств, факты часто показывают сложную борьбу вокруг контроля за информацией[9].

Агентства имеют существенные бюджеты для научных исследований и крупные подразделения по «сбору и анализу данных». Они также несут ответственность за крупномасштабное распространение информации об угрозах безопасности, стоящих перед ЕС, через регулярные публикации «инструментов политики», таких как оценки угроз, анализ рисков, периодические и оперативные сводки. В этой связи возникают следующие вопросы: 1. Каковы основные источники информации, использующиеся агентствами? Откуда они получают данные для определения приоритетности угроз? 2. Как сведения, собранные учреждениями ЕС, обрабатываются и используются? Какие подходы используются для анализа и проверки качества и объективности данных? 3. Каковы основные политические инструменты, используемые агентствами? Как информация агентств влияет на политическую повестку дня? Попробуем ответить на некоторые из этих вопросов.

---

[1] ***Павел Николаевич Бирюков*** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета.

[2] EU Home Affairs agencies – англ.; EU Inneres Agenturen – нем.; Las agencias de Asuntos de la UE – исп.; Accueil agences Affaires européennes – фр.

[3] См. подробнее: Parkin J., EU Home Affairs Agencies and the Construction of EU Internal Security // CEPS Paper in Liberty and Security, 2012, No. 53 / December. – P. 12.

[4] Guild E. et al., Implementation of the EU Charter of Fundamental Rights and its Impact on EU Home Affairs Agencies, study prepared for the LIBE Committee of the European Parliament. Brussels, 2011. – P. 5.

[5] См.: Groenleer M., The Autonomy of European Union Agencies: A Comparative Study of Institutional Development. Delft: Eburon Academic Publishers, 2009; Busuioc M. The Accountability of European Agencies: Legal Provisions and Ongoing Practices. Delft: Eburon Academic Publishers, 2010 и др.

[6] Radaelli C.M., The public policy of the European Union: whither politics of expertise? // Journal of European Public Policy. – 1999. – Vol. 6. – No. 5. – P. 757.

[7] new European crimes – англ.; neue europäische Verbrechen – нем.; nuevos delitos europeos – исп.; nouveaux crimes européennes – фр.

[8] См.: Busuioc M. Accountability, control and independence: The case of European agencies // European Law Journal. – 2009. – Vol. 15. – No. 5. – P. 599-615; Curtin D. Holding (Quasi-) Autonomous EU Administrative Actors to Public Account // European Law Journal. – 2007. – Vol. 13. – No. 4. – P. 523-541 и др.

[9] См.: Naughton M., «Evidence-based policy» and the government of the criminal justice system – only if the evidence fits! // Critical Social Policy. – 2005. – Vol. 25. – № 1. – P. 47-69.

Стратегия внутренней безопасности ЕС (The EU's Internal Security Strategy, ISS) была принята Советом ЕС в феврале 2010 года[1]. Стратегия устанавливает основные элементы так называемой «европейской модели безопасности». Она начинается с определения числа «общих угроз и вызовов безопасности», включая терроризм, серьезную и организованную преступность, киберпреступность, трансграничную преступность, природные и техногенные катастрофы и др. Стратегия приводит в качестве ключевого инструмента «Анализ будущих ситуаций и сценариев: угроза ожиданий» и относит к деятельности Европола и учреждений внутренних дел стран ЕС «оценки угрозы».[2] Акцент Стратегии на вклад Европола, Евроюста и Фронтекс соотносится с политическими приоритетами, установленными в области в 2010 году Стокгольмской программой[3].

В Стратегии, среди прочего, даются следующие рекомендации:[4]

- Во-первых, акцентировать внимание на профилактике преступлений и террористических атак, прежде чем они происходят.

- Во-вторых, наладить эффективное оперативное сотрудничество между агентствами. Постоянный комитет оперативного сотрудничества по внутренней безопасности[5] представлен в качестве центральной структуры для «поощрения более скоординированной, комплексной и эффективной работы».

Стратегия обязывает Еврокомиссию разработать план конкретных действий по реализации ее положений. Комиссия представила Сообщение (Communication) «Стратегия внутренней безопасности ЕС в действии», принятое в ноябре 2010 года[6]. В Сообщении определено пять «наиболее актуальных проблем» в сфере безопасности: терроризм, серьезная и организованная преступность, киберпреступность, безопасность границ и природные катастрофы. Сообщение указало пять стратегических целей, а также ряд конкретных мер политики с 2011-2014 годы, направленных на то, чтобы Евросоюз стал «более безопасным». Еврокомиссия призывала правоохранительные органы государств-членов к совместным операциям (включая совместные следственные группы[7]), с Евроюстом, Европолом и ОЛАФ. Такие операции должны проводиться в короткие сроки и при полной поддержке Комиссии.

Что касается второй стратегической цели по вопросам предупреждения терроризма и радикализации, в Сообщении отмечается, что «угроза терроризма остается значительной и постоянно развивается».[8]

В 2010 году агентства сделали совместный доклад[9], в котором проанализировали основные угрозы внутренней безопасности в Евросоюзе.

В докладе на основании «доказательств» и «анализа» делается вывод, что «внутренняя безопасность ЕС сталкивается с существенной угрозой со стороны организованной преступности, терроризма и нелегальной иммиграции».[10] Отмечается взаимосвязанный характер организованной преступности, где подделки, нелегальная миграция, торговля товарами и людьми

[1] Council of the EU. Internal Security Strategy for the European Union: Towards a European Security Model, 5842/2/10. Brussels, 23 February 2010. – P. 7.

[2] «threat assessments» – англ.

[3] Council of the EU. the Stockholm Programme – An Open and Secure Europe serving and protecting citizens, 5731/10, Brussels, 3 March 2010. – P. 60.

[4] Council of the EU. Internal Security Strategy for the European Union: Towards a European Security Model, 5842/2/10, Brussels, 23 February 2010. – P. 11.

[5] Standing Committee on Operational Cooperation on Internal Security – COSI.

[6] European Commission. Communication. The EU Internal Security Strategy in Action: Five Steps towards a more secure Europe // COM (2010) 673 final. – 22.11.2010.

[7] Подробнее см.: Бирюков П.Н. Совместные следственные команды в Евросоюзе // Вестник ВГУ. – Серия Право. – 2013. – № 1 (12). – С. 182-193.

[8] Footnote 16 of the Commission Communication. The EU Internal Security Strategy in Action: Five Steps towards a more secure Europe // COM (2010) 673 final. – 22.11.2010.

[9] Council of the EU. Joint Report by Europol, Eurojust and Frontex on the State of Internal Security in the EU, 9359/10, Brussels, 7 May 2010.

[10] Там же. – P. 10.

и терроризм взаимосвязаны и взаимно стимулируют друг друга. В докладе подчеркивается, что эти явления требуют согласованного противодействия.

В реализации Стратегии агентствам отводится ключевая роль. Согласно Заключению Совета, принятому в октябре 2010 года, предусматриваются «создание и внедрение «цикла политики ЕС» для организованных и серьезных международных преступлений».[1] Цикл состоит из четырех этапов: а) разработка политики на основе оценки угрозы; б) принятие решений Советом путем выявления ряда приоритетов; в) реализация и мониторинг Планов оперативных действий (Operational Action Plans) и г) оценка постфактум. Цикл проводится на «последовательной и методологической основе путем оптимального сотрудничества между соответствующими органами государств-членов, институтов ЕС и агентств, а также третьих стран и организаций»[2].

Мероприятия первых двух лет Цикла (2011-2013) успешно реализуются (см., например, отчет Европола оценки угроз организованной преступности по итогам 2011[3]). Этот период – обучающий перед полноценным четырехлетним циклом, который начинался в 2013 году на основе новой оценки угроз серьезной и организованной преступности (SOCTA)[4]. Европол должен обобщать действия других агентств и органов государств-членов. В свою очередь, планы, которые будут составлены на третьем этапе Цикла, будут включены в программы различных агентств[5], включая Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании[6].

Мониторинг и координация Цикла проводится, прежде всего, Постоянным комитетом Совета по оперативному сотрудничеству во внутренней безопасности[7] (далее – COSI). COSI был создан в феврале 2010 года в целях «содействия оперативному сотрудничеству и координации в областях действия полиции, таможенных органов, пограничных властей, а также судов по уголовным делам»[8]. COSI ответственен за обеспечение согласованности в деятельности Европола, Евроюста и Фронтекс и «других соответствующих структур», которые могут участвовать в заседаниях Комитета в качестве наблюдателей. На основе оценок Европола COSI готовит доклады для принятия политических решений Советом ЕС. Он контролирует подготовку ежегодных оперативных планов действий и получает ежегодные оценки политического цикла[9]. Кроме того, органы внутренних дел стран ЕС начали систематически представлять COSI отчетность в отношении своей оперативной деятельности[10].

Агентства применяют различные способы использования полученной информации. Это зависит от степени участия структуры в выяснении ситуации – «анализ рисков» (risk analysis), «стратегический анализ» (strategic analysis) или «оценка угрозы» (threat assessment). Однако все они подразумевают обработку данных и информации. В области научно-исследовательской Агентства занимаются «поиском и развитием» (Research and Development). Следующим шагом является «производство и распространение знаний» (the production and dissemination of knowledge). Сюда относятся, в частности, подготовка кадров и организация обучения, обмен опытом и т.д. Несмотря на то, что указанные сферы частично перекрываются, они оказываются полезными для выявления общих целей по получению, производству и использованию информации агентствами.

[1] Council of the EU. Council Conclusions on the creation and implementation of a EU policy cycle for organized and serious international crime. 15358/10, Brussels, 25 October 2010.

[2] Там же. – P. 5.

[3] Europol's 2011 Organised Crime Threat Assessment (OCTA) report // https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/octa2011.pdf

[4] Serious and Organised Crime Threat Assessment (SOCTA) // http://www.statewatch.org/news/2013/jan/eu-council-socta-methodology.pdf

[5] Council of the EU. EU Policy Cycle: Implementation Monitoring, 11246/1/12. Brussels, 19 June 2012. – P. 7.

[6] European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA) // http://www.emcdda.europa.eu/

[7] the Council's Standing Committee on Operational Cooperation on Internal Security (COSI).

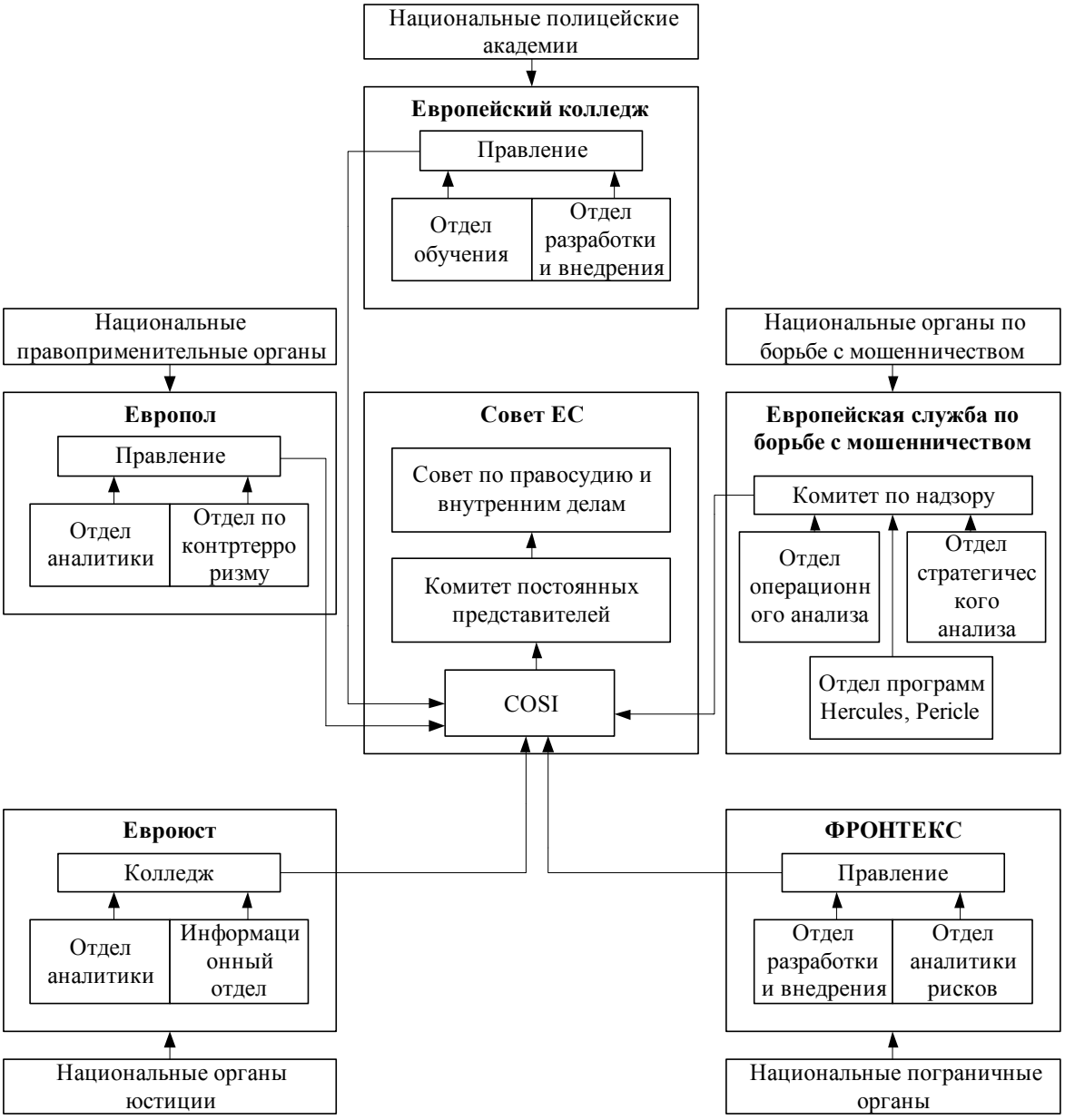
[8] Decision of the Council of the EU 2010/131/EU on setting up the Standing Committee on operational cooperation on internal security // OJ L. 2010. 52/50.

[9] Scherrer A., Jeandesboz J. and Guittet E. P. Developing an EU Internal Security Strategy, fighting terrorism and organised crime // Study prepared for the LIBE Committee of the European Parliament. Brussels, 2011. – P. 42.

[10] http://www.statewatch.org/news/2011/aug/eu-council-cosi-annual-report-jan-10-jun-11-12980-11.pdf

Таким образом, агентства ЕС по внутренним делам являются центрами обмена информацией для разработки политики, принятия решений, осуществления политики и компетенции Евросоюза.

Взаимодействие агентств можно представить в виде следующей схемы:



COSI – Постоянный комитет оперативного сотрудничества по внутренней безопасности

SOME POLITICAL AND LEGAL PROBLEMS OF LEADERSHIP IN AFRICA

Sengulo Msellemu[1]

I. Introduction

No one can deny that Africa is in deep leadership crisis; however much they tried to hide it. Being a leader in a mass of people is more than just having the name «captain» you can be a leader in your family, in your neighborhood or in your society all without having that title. It is not the position that makes a leader; its leader that makes the position. No doubt that leadership titles are important, but they do not have much value when it comes to leading. A leader is someone who demonstrate extraordinary dedication to his or her team and will do whatever it takes to better the team as a whole. Leadership is not simply a matter of filling the top position in government, private business, institutions etc. In fact, leadership can be demonstrated, not only by those who are marginalized and poor but also those who have had all privileges that society has been able to provide on them.

Africa has been pointed out as one of the areas in the world with poor leadership. Some have suggested that the issue of poor leadership or governance has been overemphasized as a factor in development or failures[2]. True leadership cannot be awarded or assigned. It is innate, talent from GOD. However, it is also true that people who are awarded, appointed or assigned leadership position have a key role to play in society. Leadership therefore is that process in which an individual influences an organized group or followers to attain a common goal. So, the leader is someone who demonstrates extraordinary dedication to his or her team, and will do whatever it takes to better the team as a whole. A leader infuses a sense of positivity and directs others to reach a specified goal[3].

Good leaders are therefore those who build teams to get results across a variety of situation. Paradoxes of the leadership are; it is not the technology; it is not the tools or equipment; it is not facilities; it is not the skills of an employee; it is not the systems and procedures, it is the leadership. Leadership can be used for goods and ills. Other leader tried often at a great deal of personal sacrifice to give hope to their people such as Nelson Mandela of South Africa, Julius Nyerere of Tanzania and Leopold Senghor of Senegal etc. Good leadership could decide, for example not to sell off Africa's natural resources for such a low price and Good leadership curtail corruption one of the corrosive aspect of poor leadership that has been rife in post independence Africa[4]. How these all started, after colonialism in Africa, the colonialist chose people regardless of their qualities to become leaders so long as they agreed with them. The genuine leaders were left out because they could not agree with them. Like any would be Great Power and indeed like many others powerful nations seek only to advance their interest to acquire needed resources and find new markets for their products and exert their influence in regional and global policy making. E.g. USA has double standard in question, concerned democracy in Africa for example Uganda, Burkina Faso, and Morocco etc. We don't seem to see that US enthusiasm which we saw in other countries pursuing democracy. E.g. China's interest may be pursued at the expenses of human rights – in Sudan and allying itself with Russia to stop force full action against the government of Zimbabwe by the Security Council and conducting business with African leaders who still abuse their citizens or constrain democratic space. By its policy of non interference in internal affairs of African states, China and the colonizing European nations, which facilitated the rise of African strongmen in the post-colonial period and protected them despite knowing of their corruption and cruelty and continuation of extracting Africans resources unhindered. Global politics, is determined by interest who can offer what?

---

[1] ***Sengulo Albert Msellemu*** – Professor of University of Dar es Sallam, College of Education (DUCE), Tanzania.

[2] Wangari Maathai, The Challenge for Africa. New Vision. London: William Heinemann, 2009, p. 111.

[3] Oloo Adams, The AU at 50 more misses than hints. The Citizens, Wednesday 21st September 2013, p. 5.

[4] Ibid (Wangari), p. 113.

Good leaders are therefore those who build their teams to get across a variety of situation. It is not technology, it is not tools or equipment; it is not the skills of employees; it is not system and procedures; it is leadership without leadership things drift apart. Without leadership a group of human beings quickly degenerates into arguments and conflicts. Some leaders can use their skills to exploit others. Leaders with integrity are incorruptible and incapable of breaking the trust of those who have confident in them. A great leader should have integrity, courage, humility, and creativity, conviction and trustworthiness, fairness to mention but a few[1]. Prof. Maathai wonders, how is that possible so many of post colonial African leaders treated their citizens so cruelly and why after nearly half a century of independence so many remains by words for failure, poverty, and dysfunction.

The pre-colonial genesis of leadership in Africa were as follows, in a society natives especially in trouble with local establishment cooperated with the new comers (the colonialist) sharing the community's secrets and lifestyle. In return for their generosity these collaborators were elevated to the positions of leadership in that society, by becoming a leader at its own advantages. This deliberate ignoring the complete and subtle existing leadership structures in favor of selecting leadership and imposing them on the population this was a cornerstone of the colonial administration, automatically the agents and informants of the imperial powers were chosen to become leaders. So these types of leaders did everything they could to promote the oppressive, exploitation and undemocratic authority of colonial government. They were empowered to arrest and detain any members of the community, regardless of that individual's status so these newly powerful men become the new African elite.

II. Leaders in post-colonial period

African men after the Second World War upon them fall the task of freeing their people from the yoke of colonialism, humiliation and exploitation only a few leaders honored and served a long-suffering people. Others putting themselves, first once independence were achieved. Many lacked principles and true leadership qualities, so they dishonored the trust of their people placed in them and instead of standing up for them many turned against them. With their genuine leaders, many Africans nation resisted the foreign intrusion and acquisition of their lands.

For all practical purpose it was only a change of guards. European powers were eager to maintain economic ties with the newly independent states and to ensure supply of raw materials still flows. This helped to maintain Africans dependency. Tragically the power blocs of both West and East used the 'Cold war' to justify the tolerance throughout Africa of dictatorial leaders who oppressed and facilitate the exploitation of their people politically and economically and routinely violated the right of citizen who dared to ask question. Africa has been shaped by many experiences: invasion, the slave trade, liberation, discrimination and apartheid. The African leadership often failed to help its people deal with the impact of these experiences and instead tended to deny that they have ever happened.

Hope was renewed, after the fall of Berlin Wall in November, 1989 and the collapse of the Soviet Union in 1991 removed one of the blockages to development in Africa. African leaders no longer had to pledge allegiance to either the Soviet Union or America. These events put African government on notice that even they couldn't continue to deny democratic space to their citizens indefinitely. The reintroduction of multi-parties system in many African nations resulted from demands by donors' nations as well as from the many years of struggle by African civil society for better governance. Western Government began to deliver loans and aid to Africa with demands that they respect human rights, improve governance, put to an end one party political rule, curtail corruption and focus on poverty reduction. Despite the emergency of responsive leadership on the continent, the benefits of Africans see democratic countries in other parts of world have yet to become tangible.

[1] Benedict Benedict Ms, *What is the meaning of Leadership?* The Citizen (T), Wednesday, 21st August 2013, p. 6.

Africa is not poor, but that she has not learn to protect her wealth for herself[1]. The monies stolen from African people and deposited in foreign accounts were then available for further lending or investment by bankers from the donor nations. One has to wonder why African leaders allow foreign banks and investors to make so much profit at the expenses of their own people. In spite of having only 5 percent of the developing world's income, Africa still has about two-third of the world's debt. It is clear that the relationship between debt, poverty and aid needs to be rectified[2]. As with so many of Africa's challenge, it is up to the African leaders to stop internal conflict powered by greed and to ensure that it no longer continues its inequitable arrangements with other regions.

In recognition of the need to develop good leadership in Africa and encouraged the peaceful transfer of power, in 2007 the Sudanese telecom billionaire Mo Ibrahim established «the Mo Ibrahim Prize» for Achievement in African Leadership. He thought that many African leaders have fewer opportunities to live a decent lifestyle and retain respect and honor once they are out of the office, but still is very rare that the leaders are obtain such opportunity. Most of the African leaders you can find that they have taken on presidency as a lifetime profession job which a father passes on to their sons; all such leaders have positioned their sons as only viable successors. Many wondered why it is that Africa has seemed to tolerate poor leadership over many decades. It is passivity or apparent deference to their leaders or even when the leaders have proven to be so disastrous to their countries.

It is only now every country has awakened demand that each one of them to have a new constitution may be to get rid of those weak leaders. Because it is true most of the leaders never got there on merit. Now cling to power by suppressing opposition, they also surround themselves with opportunists who would do anything to please their masters or people who made him to sit there. In the end you have a bunch of people in power who are merely thieves and looters, so sad for most of Africa. And many of Africans still trust their leaders and want to believe in them. Poor people need to be engaged in their own development and by extension, in expanding the democratic space that many Africans societies desperately needed, because societies are like machines. When everything is working smoothly, societies can move forwards.

Many African countries are highly centralized governmental system a legacy of colonialism that over the year has tended to marginalized rural populations. While Africans cannot change the past, they can try to mould the future. In Africa before colonialism the leaders were accountable to their people they were able to feed, clothe and house themselves. Elected leaders like Leopold Senghor of Senegal achieved distinction not only as a political leader, but as gifted poet he formulated «Negritude philosophy» as a precursor to nationalism[3]. During those years of independence African leaders, were riding on the crest of popularity, stepped forward with energy and enthusiasm to tackle the task of development and national building; ambitions plan were launched. Expectations were high; the sense of euphoria had risen to ever greater heights by the lavish promises of national politicians' campaign for power[4]. The more idealistic leaders, such as Tanzania's Julius Nyerere preferred that Africa should stand aloof from sterile quarrels of the 'Cold war' campaign. Most believed that development and modernization depended on the strong Government control and direction of the economy a strategy inherited from the colonial era and encouraged by influential school of Western development economists.

[1] Ibid (Wangari), p. 91.
[2] Dambisa Moyo, Dead Aid. – London: Penguin Books, 2009.
[3] Martin Meredith, The Fate of Africa. – New York: Public Affairs, p. 59.
[4] Ibid, p. 114.

III. The morden leaders of africa

Nowadays politicians in Africa lost no opportunity to accumulate wealth and privileged, many are pre-occupied themselves with their own business deals, with contracts commissions and quick profits than with governments affairs. The corruption undermines the legitimacy of government and democratic values of trust and tolerance. Corruption exacerbates poverty and disproportionately affects those of the lower income. Corruption is so rampant that, it has become a «right» for which some people are ready even to kill[1]. Indeed political activity is seen by many ambitious Africans as the most direct way of securing wealth and social standings is to win in political election. For that case to be elected is to gain that has become worth everything and anything to obtain that position. And it's obvious there no seeking it to serve the people but seeking it for them. It has become a trend so common that some people who want to be elected leaders to use money and people who wanted to elect someone they are ready to be paid money. That's why there is common belief outside Africa that those with money in Africa are able to buy themselves into power that African leaders enrich themselves through corruption and wealth they are able to perpetuate their stay in power[2].

Others seek the leadership for prestige purposes, they don't care how they'll obtain leadership, and for them the end justifies the means. Men who claim to be democratic elected in fact behave like emperors. Personifying the state, they dress themselves up in uniforms, build themselves palaces, and bring all other traffic to standstill when they drive, hold fancy parades and generally demanded to be treated like Pharaohs. And money is also incredible successful politicians receives, even if only elected a member of Parliament, salaries two or four times more than they previously earned, plus per diem allowances, traveling expenses and other fringe benefit. There are also vast pickings in bribes, state contracts diversion of public funds to private uses, and commission of various sorts. To be a minister is to have a lifetime's chance to make a fortune. Laden term in and of itself, is the government is to design and implement systems that bring together all of the required to achieve development. Leadership is a vital ingredient in this development process. Many nations in a post-colonial situation are still grappling with issue of national identity, which are complicated by internal ethnic and tribal division. Leadership provides the vital spark can lift societies above their current aspirations and performance level into new areas of possibility if they want.

It is obvious the practice of bribery and embalmment spread from top bottom, from politicians to tax collectors, custom officers, policemen, postal clerks and dispensary assistants, it affects everything. Chinua Achebe, the novelist once said;

«is simply and squarely a failure of leadership. E.g, In Nigeria, there is nothing basically wrong with the Nigerian character. There is nothing wrong with Nigerian land or climate or water or air or anything else… the problem is unwillingness or inability of leaders to rise to the responsibility to the challenge of personal example which are the hallmarks of true leadership».[3]

Even the African General, proved not to be competent than African leaders generally turned out to be no more immune to the temptations of corruption and no more willing to give up power than the regime they had overthrown[4]. E.g. Jean Bedel Bokasa as dictators of the Central African Republic combined not only extreme greed and personal violence but delusions of grandeur usurper than any other African leaders; he interfered nearly in all ministries. Bokassa lavish coronation costing $ 22 million in a country with few government services huge infant mortality rate, wide spread illiteracy, only over 260 miles of paved roads and in serious economic difficulty, aroused universal criticism. He claimed that, this it is the least French could do to repay me for my services. One cannot create a great history without sacrifice and this sacrifice is accepted by the population. Everything around here is

1 *Corruption now a right – former PS.* The Citizen on Sunday (T) 22nd September 2013.
2 Nyerere J.K., Africa Today and Tomorrow. Dar es Salaam: The Mwalimu Nyerere Foundation, 2000, p. 83.
3 Dowden Richard, Africa: Altered States Ordinary Miracle. London: Portobello Books, 2009, p. 221.
4 Ibid (Meredith), p. 222.

financed by the French government. We ask the French for money get it and waste it[1]. Nyerere was widely regarded as a leader of outstanding ability whose personal integrity and modest lifestyle was in sharp contrast to the extravagance and corruption for which other African leaders had generally become renowned. He possessed both a genuine concern for egalitarianism and an intense dislike for all forms of elitism. He dressed simply took no interest in the spoils of leadership or possessions and pursued his object with missionary zeal[2].

Senghor at the age of 74 announced his decision to resign in favor of his protégé Abdul Diof, Senghor thus became the first African leader since independence to give up power voluntarily. The tradition of multi-party policies he established in Senegal survived. African leaders had failed to deliver effective programmes to alleviate the plight of their population. The majority of Africans enjoyed neither political right nor freedoms. More than two thirds were estimated to live conditions of extreme poverty. The future was spoken of only in pessimistic terms. Our ancient said, Eden Kodjo, the then OAU Secretary General said, ...gone are the smiles, the joys of life in Africa[3]. In tradition followed by African coup leaders General Joseph Desire Mobutu explained the motives for seizing power in 1965 as being to prevent the Congo from sliding into chaos and corruption, but these words were mere words. Nothing counted for them but power and what the exercise of power could bring. Stage by stage, Mobutu accumulated vast power, ruling by decree controlling all appointments and promotion and deciding on the allocation of government revenues. While Mobutu was busy accumulating riches, Zaire plunged headlong into crisis. The state existed only to serve the interest of the ruling elite, while the masses of population who left to fend for themselves.

IV. End of cold war and its aftermath

By the mid 1980's most Africans were as poor as or poorer than they had been at the time of independence. While many dictators fell in Africa in the early 1990's as many dictators survived although in a different circumstances e.g. Military rulers won presidential elections in Guinea, Mauritania, Equatorial Guinea and Burkina Faso. A new breed of dictators emerged adopt at maintaining a façade of democracy sufficient for them to be able to obtain foreign aid. In place of dictators rule came leadership with little difference from what was there previously. Democratic change moreover brought no amelioration to the economic crisis that virtually all African state faced. It is not the people who make war but the leaders, in order for them to stay bit longer in power. Addressing an OAU meeting, the then Gen. Secretary Salim Ahmed Salim, June, 1994, he recited a litany of suffering and subjugation that Africa had experienced, acknowledging than many modern African leaders had added to the toll of misery. Another problem for Africa is aging leaders. The age of leaders on average on the continent is around 60 years old, yet half of the population is under the age of 25. The great democratic and economic strides made by African countries in the last decade risk being checked by aging leaders unwilling to pass the baton to others. The age gap between the ruler and the ruled also leads to generational chasm of the ideas[4].

We human being are not like fish who leadership is innate quality, naturally followers cannot learn to become the leaders (Published in the August edition of Royal Society Study's Authors, 2013). Leaders among fish are born, not made. When conflicts arise in Africa, they are almost exclusively over governance, corruption, poverty and a perception that national resources are not distributed equitably. Good leadership could curtail corruption, one of most corrosive aspect of poor leadership that has been rife in post independence Africa. Good leadership would provide the milieu in which citizens can be creative productive and build wealth and opportunity. There have been many cases where it is the leader's lieutenants who do not allow the head of state to leave offices because they

[1] Hancook Graham, Lord of Poverty. – Naiobi: Berkhire, 1989, p. 176.
[2] Ibid (Meredith), p. 240.
[3] Ibid , p. 292.
[4] Beaty Andrew, Hold out leaders stymie Africa's rise. The Citizens on Sunday 29th August, 2013, p. 5.

fear prosecution by new government for their involvement in gross violations of human rights or crime against humanity committed by the regime they serve. Sometimes they could give support because the leader is of the same ethnic group, the same religion like theirs or both. There is this behavior for a leader or some contested for leadership to bribe the voter and after being elected, he or she could not deliver. Thanks God this is not in academia.

The leaders nowadays, they lack patriotism. Patriotism exists only at political gatherings as the politicians look for votes, after that they are ready for exploitation of anything so long it enriches them, being it exploitation of minerals and other natural resources. For a leader should know that poverty and injustice are the enemies of peace. Poverty is destabilizing peace and so gross injustice. If we want peace we must work for development and development in equity. In any society peace is a product of justice[1]. Hopeless poverty especially in the midst of wealth can make people desperate. The suffering it engenders such as a lack of adequate and secure food and shelter for their children; a sense of personal worthlessness, because they have no way of providing a decent livelihood for themselves or their families and a denial of health care or education – all such things can cause a breakdown in social place. A person who feels has nothing to lose may easily decide to «pull down» the temple on him and others. Nyerere once said, I have been appealing to America and Europeans to stop meddling in Africa; to stop imposing future Mobutus and Bokassa on the people of Africa. Now that their excuse for «Cold war» is no more they must let the Africans make their own mistake by electing their own leaders[2]. Now the world is changing, Africa is changing too. Africa has always been politically and economically weak and vulnerable since political independence can only be strong if it is supported by a strong economy. The second phase of African leaders was dominated by military coups. These were leaders – who come under the excuse to remove the corrupt leaders but those who took over entrenched themselves into a corruption as a norm. These were the lost years for the development of the continent. A new phase is emerging – a phase in which we witness an increase number of patriotic leaders taking over control of their countries in Africa and their democratically elected. The role of a leader, political will and vision of where the country should go in the medium to long term and how to get there are the ingredient that have been solely lacking in many African states since decolonization. Good leadership can define how one uses the existing political and social infrastructure; the external and economic environments to best realize development growth for a country's citizens.

V. Genuine leadership style

Leadership is also about encouraging innovation and how best to position a country in the global economy. This necessitates being able to think ahead and being constantly proactive in anticipate change. What is needed in Africa is a new mind-set to do away with the politics of «brotherhood» which have characterized African politics for so long true and have provided protection for «***rogue***» leadership from their own people. Focus is on political leadership, it is also important to underscore the role of good leadership in many spheres of civil societies. Too often, strong leadership has meant authoritarianism, violence and control of the levers of power for the narrow purposes.

Some of African leaders have become leaders of a clan not the people as a whole. They become selfish and careless about fate of the people who they are leading. They tolerate neither opposition nor dissent, no dissent, have ever rigged elections or went to courts. They always cow the press, demanding object servility and themselves becoming exceeding rich. This ought not to be done for the leader who cares about his people. Democracy is not an easy task to achieve till now Africa is still struggling with human right, free and fair elections, good governance and a lot more towards the really democracy. Governance is about creating rules and procedures for efficient government. It stress important issues such as transparency and accountability and is designed to get rid of the

[1] Ibid (Nyerere), p. 3.

[2] Ibid, p. 52.

serious problems of corruption and nepotism. On top of that vision is crucial element here. Prof. Ali Mazrui stressed on vision that, good government in Africa as a housekeeping style of political power one that is minimalist in its purpose. It is important to look at the particular attributes that make for a good African leader, someone capable of creating trust and motivation[1].

Leadership styles are particularly cultured specific and not easily transferred to different political and social contest. E.g. Ghana, charismatic leader who promised much have achieved very little. Indeed, Kwame Nkrumah inherited a much more promising economy and society in the process giving the concepts of charismatic leadership and nation vision a bad name. African leaders have been generally ineffective, but the stunting of any development in civil society, has ensured that corrupt and disastrous leaders have been allowed to remain in power. African leaders and their followers largely believe that the people are there to serve their rulers and not the other way round. What Africa wants Kagame said, is leaders which respect it's citizens' interest and dignity before anything else[2]. Political leaders always scramble to get people trust but after they have obtained the power, nothing is being done for the people who voted for them[3]. They should adhere to governance. Many African nations they have fair share of charismatic leader who preached new philosophy of leadership that promises to carry to new height. Most of these national saviors have turned out to be mere selfish autocrats who have achieved nothing of substance, and this made it difficult for any new visionary leader to be taken seriously[4]. This is big issue because good leaders can be effective only with the backing of motivated followers. The sad fact about African development is that there is simply no leader in Africa who has been able to preside over such a success story to the end. The task of a modern leader is a difficult one and multi-faceted one but still a leader is a special ingredient in the development process, «a leader identifies himself, through vision, inspiration, empathy and trustworthiness»[5].

The servant leader is a servant first. It begins with natural feeling that one wants to serve then conscious choice brings one to aspire to lead. The best test is: do those serve grow as person: while being served, become healthier, wiser, freer, more autonomous, more likely themselves to become servants? And what is the effect on the least privileged in society; will they benefit or at least not be further deprived? [6].

Leader must ready to cheer for victory and must be ready to accept defeat. Also must know if everything goes as planned, also have to be able to change cause if necessary. Leadership may mean different things to different people but leadership must always start with those who surround him. Effective leadership begins with the fundamental ability to believe in one's self. It is this clarity of vision that gives great leaders the confidence to adopt the role of instilling motivation, self-esteem, and team work. Leaders understand fully their environment and can transform situation to attain an established vision. Warren stated that «lack of a clear vision is a major reason for the declining of effective's leadership». Leader must be all weather. No matter what the situation, leaders need to be able to communicate their idea clearly and commit themselves to the outcome. Leadership is further challenged by the ability to motivate others, often over a long period of time and guide others effectively. As leader the ability to maintain high levels of trust comes through consistent actions, honesty expertise confidence and clarity. Trust is indirect proportional to risk. Leaders depend on

[1] Mazrui A.A., Mazruian collection Revisited. Mazrui debating the African 2000. – New Delhi: Sterling Publishers Pvt.Lltd, p. 5.

[2] Kagame Paul., Tips on servant leadership. The African (T), Monday 20-26, 2013, p. 5.

[3] Brown Susan, Leadership and Legitimacy. – Cape Town: Istitution for Justice and Reconciliation, 2007, p. 4.

[4] Mackay John., Leadership and Skills. Building Blocks of African Development. The South African Institute of Internatnal Affairs. Report 8 2008, p. 10.

[5] Bennis Warren, Why leaders can't lead. Pennslyvania: Sound view book, 1989, p. 140.

[6] Greenleaf K. Robert., Sevant leadership:a journey into the nature of legitimate Power and Greatness. New Jersey. Paulist Press, 2007, p. 27.

minimizing risk to ensure that the trust factor is solid. Leadership has proved to be the source of African failure and misery. The most important quality of leadership in Africa that is lacking across the continent is a sense of service to people.

One of major tragedies of post colonial Africa is that, people has trusted their leaders too much, but only a few of those leaders have honored their trust. Corruption has tragically devastated African societies and made millions of people destitute. The tentacles of corruption has reached everywhere in the continent. From the offices of presidents and prime ministers to small administration unit of government, corruption is found everywhere. The major problem that Africa is facing today among its leaders is insincerity and insensitivity of her leaders to the needs of the ordinary people whom they have been elected to serve. Corruption has been defined by a lot of people but according to Amummo and Obayelu, corruption is the exploitation of public position, resources and power for private gain. Africa inherited from colonialism by some of the people who were seeking to benefit for themselves and not capable of leading.

In his conception of a leadership position that all over the world, leadership is the most important number one factor that determine whether a nation can develop or not. He further argued that «a leadership that is free brave, patriotic, people oriented, destination found: the leadership that understands the psychology of leading and applies it to development of the people must be at the affairs of men».[1] African political leaders during election campaign, made fantastic promises in order to win elections, but as soon as they have secured the people's mandate, they completely forgot, what they had promised. An analysis of plethora of political leaders has revealed selfish, mediocre, tribalism, denominationalism and opportunistic small money minded people masquerading as leaders. They sold government properties to themselves and their cronies below the cost price. President Kagame called on African leaders to promote servant leadership approach as the answer to poor leadership in Africa. Corruption sands the wheel of development in the continent. The simplest way to explain Africa's problem is that, it has never known good government and that no other continent has experienced such prolonged dictatorship[2].

Leaders do not emerge from nowhere; they are products of their societies. So, could it really be coincidence that all of Africa's 40 plus leaders who came to power at independence were bad rulers who took bad decision? Not all of them were corrupt tyrants! And many were decent men who believed that what were doing was for the best of their country. The new presidents inherited total powers from the colonial rulers, but the state they ruled were made up of old African societies, once they were put together and governed. The African states were created by the European imperial powers. Other suggests that the growth of dictatorship in Africa was a return to a traditional Africa style of rule, the tyrannical village chief. Certainly many new African rulers cited African tradition to justify their dictatorship, but that is not justification. Most of pre-colonial African political system contained strong democratic elements. African kings and states were constrained by checks and balances such as committees of elders or spirit mediums. They made sure the king ruled well and in accordance with custom and religion[3]. The essence of democracy is not all alien to Africa. Although few African societies were pure democracies e.g. Ibo of Nigeria, Acholi of Uganda, were egalitarian at least among men.

African leaders who came to power at post-independence in the early 1960 were inexperienced and sometimes rash, taking ideological decisions without thinking through the economic and political problems they might create, e.g. President Mugabe came to power almost twenty years later and had plenty of time to learn lessons of other African countries that had crashed, collapsed or just gently

[1] Ebegulum C.J., Corruption and Leadership crisis in Africa. Nigeria on focus. Retrieved on ijbssnet.com/journal/vol 3_3 No_June_201224.pdf, p. 22.

[2] Owoye Oluwoye and Nicole Bissessar, Bad Governance and Corruption in Africa, 2012, p. 9.

[3] Ibid (Dowden), p. 71.

declined into back waters. He also had the benefit of advice from leaders coming to the end of their tenures[1]. A decade into the 21st Century Asia still contains huge numbers of very poor people but when people think of the third world now they think only of Africa.

In the mind of Western leaders, multi-party democracy and a free market were both the course and the prize of their victory over communism. Since most African countries were one-party states that controlled their economies, the assumption was that they too would profit from free market solution. The aid donors have the corrupt top heavy state controlled bureaucracies of Africa blocked both democracy and economic progress. E.g. concerning Zairean leader Mobutu, why did its citizens rise up and overthrow him? One reason was that he is rich, powerful, and his network could silence or buy off any discontent. He also had the protection of America, France and Belgium. Cold war logic led them to send troops on several occasion[2].

In some African countries e.g. Nigeria politics is a business career. Any politician who does not end up a multi-millionaire is regarded as a fool. And not any Nigerian is a fool[3]. Corruption existed everywhere, not just in Africa. It happens in Europe and America, in India and China only the difference is the degree. Whatever the source of corruption in Africa, much of the ill gotten gains have been deposited in Western banks with few polite formalities. In comparison with Asian rulers, through many was obtained through corruption but were invested in the country and its people.

V. Conclusion

I just want to draw conclusion by saying lets try to do the eight things. For every one of us who is alive today stop embarrassing Africa, has been on her knees for too long time. It is now time to make it stand! In some of its members the then OAU was frequently invited to observe election of member states. Despite the criticisms that the organization observe mission are ineffective owing to the fact that observers are few and get on the ground too late, the development has had the psychological positive result to the contestants and given credibility to such elections[4] (Biswaro, 2005: 54). Due to this kind of leadership, there is also sadness derived from the fact that, despite the 50 years of Independence, Africa remains today the least developed continent in the world plagued by famine, hunger, disease, illiteracy, heavy indebtedness, poverty and conflicts.

[1] Ibid, p. 114.

[2] Ibid, p. 246.

[3] Ibid.

[4] Biswaro J.M., Perspective on integration and cooperation from OAU to AU (Old wine in a new bottle). Dar es Salaam: TPH, 2005, p. 25.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

*__Ю.Н. Малеев__, Стихотворения разных лет
*__Радован Караджич__, Избранное
*__Кристофер Блэк__, Стихотворения

С настоящего выпуска «Казанский журнал международного права и международных отношений» вводит новую рубрику «Международно-правовая поэзия».

В этой рубрике мы планируем публиковать стихи как о международном праве (что, конечно, большая редкость), так и произведения, написанные известными юристами-международниками и людьми, имеющими непосредственное отношение к международному праву или играющими значительную роль в международных отношениях.

Открывают нашу рубрику известный российский ученый, доктор юридических наук, профессор **Юрий Николаевич Малеев.** Кроме того, что Юрий Николаевич – автор множества книг по международному праву, он также и автор замечательных стихов. Впрочем, порой и «чисто» международно-правовые труды Юрия Николаевича можно назвать «международно-правовой поэзией» в переносном смысле – настолько они яркие, необычные, написаны не только умом, но и душой… Однако сегодня – о поэзии не в переносном, а прямом смысле. Мы публикуем стихотворения, взятые, в основном, из поэтического сборника «Последняя эпоха».

Сегодня мы также публикуем стихи бывшего президента Республики Сербской в Боснии Радована Караджича. **Радован Караджич** – автор многих сборников стихотворений. Кроме замечательных стихов, мы хотим особо отметить и вклад Р.Караджича в развитие международного права. Будучи обвиняемым Международного трибунала по бывшей Югославии, он представил ряд весьма сильных представлений в суд, на которые Гаагский трибунал так и не смог достойно ответить. Так, Р.Караджич представил иск, в котором содержится требование об отводе судей, чьи полномочия истекли. Хотя суд и отклонил это требование, но не смог аргументировать свой отказ и опровергнуть представленные Р.Караджичем аргументы, что говорит об их силе. То же относится и к иску Р.Караджича о возбуждении уголовного расследования в отношении сотрудников прокуратуры МТБЮ, иску о возможности участия в «совместных преступных действиях» в форме бездействия и многим другим искам, которые, к сожалению, не анализируются сверхобъективными западными юристами. Впрочем, понятно, почему. Иными словами, Радован Караджич – человек для международного права не чужой, и публикация его стихов именно в этой рубрике вполне оправдана… Каждое стихотворение публикуется на сербском и русском языках.

Мы также публикуем стихи известного адвоката ряда международных уголовных трибуналов (Международного уголовного суда и Международного трибунала по Руанде) **Кристофера Блэка** – яркого юриста и бесстрашного человека. Об этом мало кто знает (западные юристы об этой стороне международного правосудия не пишут), но для защиты обвиняемых в международных трибуналах требуется не только высокая квалификация, но и личное мужество.

Ю.Н. Малеев

ПОСЛЕДНЯЯ ЭПОХА

стихотворения

БОЙ ЧЕСТИ

По-другому нельзя. Нет дороги иной!
Выбор сделан: идем на засаду.
С нами честь! И Россия у нас за спиной!
Попрощаемся, братья! Так надо.

Посылаем друзьям свой последний привет.
И врагов неразумных прощаем.
Шанса выжить сегодня практически нет.
Мы не жизнь, честь свою защищаем.

Это тело итак, одряхлевши, умрет.
Бог с ним, с телом. Россия дороже.
Вот и начался бой. Застрочил пулемет.
Побежали мурашки по коже.

Страх, естественно, жив. Он в потемках души,
Как дурная привычка, с рожденья.
Но для тех, кто поднялся, решился, решил -
Как последнее развлеченье.

В этом гордом броске оправдание есть:
Вслед за нами пойдут и другие.
Пусть мы в поле одни – спасена наша честь!
И твоя, дорогая Россия!

ПОЭТ, НЕ СЛУШАЙ ПОХВАЛЫ

Поэт, не слушай похвалы.
И слейся с тенью.
Глаза людские – как стволы.
Не будь мишенью.

Входи в тщеславия музей
Тайком, без стука.
И не ищи себе друзей
Средь этих кукол.

Не верь в помпезные слова
И даже в ласки.
Душа у них давно мертва.
Все это маски.

Тебе под шелест дамских пут
И политеса
Кого-нибудь да подберут
На роль Дантеса.

КАКОЙ КОШМАР – ИСЧЕЗНУТЬ НАВСЕГДА

Какой кошмар – исчезнуть навсегда
Из этого житейского кошмара!

Я в Боге бы почил. Но вот беда -
Он так велик, что я ему не пара.

Судьба моя земная – лишь пароль
Для входа в запредельные пределы,

Где мне давно уж выделена роль
В небесной толчее. Уже без тела.

Я буду там пылинкою огня,
Эфирным многоточием... Покуда

Господь, зевая, не сошлет меня
В нирвану человеческого блуда.

И снова я, восторженный комар,
Пискляво воспою земной кошмар.

СРОК НАСТАЕТ: КОНЧАЕТСЯ ЗЕМЛЯ

Срок настает: кончается Земля.
Консилиум небес – и тот в тревоге.

Дозволь мне, Боже, рифмами пыля,
Немного задержаться на дороге.

И перед тем, как лицезреть Тебя,
Дозволь мне эту детскую усладу:

О райских наслаждениях скорбя,
Воспеть хвалу сегодняшнему аду.

А ЗДЕСЬ ВСЕ ТОЙ ЖЕ ТИШИНОЙ

А здесь все той же тишиной
Окутаны леса и реки.
И выползает рак речной,
Не ведая о человеке.

Здесь каждый камушек – как злак.
Былинка каждая – персона.
И облака плывут не так,
Как в городе: завороженно.

Какой-то призрачный пейзаж,
Вне времени, вне пиетета.
Как на песке мой карандаш,
Забытый позапрошлым летом.

Шепни мне на ухо, Всевышний:
Быть может, это я здесь – лишний?

НА ОБОЧИНЕ ВСЕЛЕННОЙ

На обочине Вселенной
Созерцаю в свете звезд.
Как немеркнущий и тленный,
Мир несется под откос.

Блажь мне в голову вступила:
Обмакнув перо в слова,
То, что есть (точней – что было),
На листе нарисовать.

Получается неплохо
(Мне мое внимание льстит).
А безумная эпоха
Пусть летит, куда летит.

Но уже простыл изрядно
На вселенском сквозняке:
Время, будь оно неладно,
Продувает беспощадно -
И перо дрожит в руке.

ПАМЯТЬ, ЧТО ЛИ, ПРИТУПИЛО?

Память, что ли, притупило?
Иль пора в трактир идти? -
Захотелось с юной силой
Крикнуть: «Господи, прости!»

Захотелось, словно знамя,
Понести невинность в мир.
Но уж если гаснет память,
Не поможет и трактир.

Забываю понемногу
Всем известный постулат:
Громче прочих «Слава Богу!»
Слуги Дьявола кричат.

А Создатель привечает
Только тех, в ком тихий свет.
(Даже если и вещают,
Что на свете Бога нет).

СВОЕЙ НЕСОТВОРИМОСТЬЮ ДРАЗНЯ

Своей несотворимостью дразня,
Бессмысленно, торжественно и гордо

Нисходят, словно в церкви, на меня
Небес неутомимые аккорды.

Нисходят, чтобы дать последний шанс
Душе моей с потусторонним слиться.

Иль вызвать раболепный резонанс?
Иль замолить грехи? Иль отрезвиться?

Все может быть. Но кто их разберет,
Неумолимые аккорды эти?

Я все еще в плену простых забот
На этом раболепствующем свете.

ИСПЫТАНЫ МНОЮ И ЗЛО И ДОБРО

Испытаны мною и зло и добро,
Трагедии, восторги, забавы.
Осталось одно лишь – промчаться стрелой
На бешеной лошади славы.

А я не приучен к езде верховой.
Седло мое – стул при бумаге.
Скорее всего, не останусь живой
На этой веселой коняге.

Но зрелища просит любимый народ.
Все лица охвачены ражем.
И нервная лошадь копытами бьет,
Как будто взывая: «Когда же?»

Что ж, нечего делать. Пора так пора.
Творил я для вас, человеки.
Я верную лошадь веду со двора.
Прощайте! Прощайте навеки!

КАК ДОЛОГ ЭТОТ ПУТЬ КОРОТКИЙ

Как долог этот путь короткий!
Как светел этот путь во мгле,
Которым я, шальной и кроткий,
Шагаю в Космос по Земле.

Шагаю из родного дома,
А словно в дом родной иду.
Все неизвестно и знакомо.
Все и взаправду, и в бреду.

Все безобразно, как химера,
И упоительно, как плоть.
Все оглупляет, даже вера
В Тебя. Прости меня, Господь.

СТАРИК, НЕ КЛЯНЧИ ТЫ У БОГА

Старик, не клянчи ты у Бога,
Чтоб даровал бессмертие он.

К бессмертию одна дорога –
Исполнить то, зачем рожден.

Все эти годы пролетели
В грехах. Подумай, не спеша, –

Уместно ли тужить о теле,
Когда загублена душа?

А впрочем, эти притязания
Вполне уместны, не тужи:

Бессмертие в виде наказания
Ты, несомненно, заслужил.

И Я ИДУ В ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

И я иду в последний бой.
Иду в последний бой за душу.

В последний бой с самим собой.
С самим собой. И все же – трушу.

У боя предрешен исход.
И от исхода сердце ноет:

Один из нас сейчас умрет.
Как ни крути – он будет мною.

И выбор, вроде бы, простой:
Быть должен грешник уничтожен.

Но оба: грешник и святой,
Мне «одинаково дороже».

В ЭКСТАЗЕ УПОИТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ

В экстазе упоительных начал,
Когда движение заменяло время,

Я ничего вокруг не различал,
Как будто ослепленный всем и всеми.

Теперь же, приближаясь к пустоте,
Когда не годы ценишь, а мгновения

И силы далеко уже не те,
Вокруг себя взираю с изумлением.

Так вот, куда попал случайно я!
Теперь-то в жизни разберусь, конечно!

А у виска, как хищная змея,
Уже шипит безжалостная вечность.

БЫВАЕТ ЧАС

Бывает час – необходимо мне
С самим собой побыть наедине
И с совестью вести беседу тихо.

Бывает час, когда душа болит,
Беснуется, клокочет и бурлит
И в гнев перерастает всяко лихо.

Бывает час, когда любовь придет
И нежною фиалкою цветет,
И сердце наполняет прежней силой.

Бывает час – минувшим я живу
И в отчий дом на облаке плыву,
Где мама мир мне в муках подарила.

Бывает час (все чаще он сейчас),
Когда во мне звучит какой-то Глас,
Который я своим назвать не смею.

Бывает же – как вата в голове.
И я, как муравей в густой траве,
Найти своей дороги не умею.

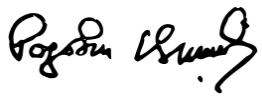
Так я живу. На сердце Ад и Рай.
И не поймешь, где правда, где игра,
Где творчество, а где пустые бредни.

Так я живу: то яростен, то нем.
И не могу себе ответить – с чем
Встречать я собираюсь час последний.

Радован Караджич

ПОСЛАНИЕ РАДОВАНА КАРАДЖИЧА ЧИТАТЕЛЯМ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«С самыми добрыми пожеланиями читателям «Казанского журнала международного права и международных отношений» от Радована Караджича из тюрьмы Гаагского трибунала. Борьба за правду тяжела, но она продолжается, и я сделаю все возможное, чтобы истина о событиях в Югославии прозвучала в этом трибунале!»



Избранные стихотворения

Немој да поверујеш...

Немој да поверујеш да је поноћ црна
да је то непроменљиво
и да је бог таrсо хтео.
Немој да поверујеш да си осуђен
и да ти нема спаса,
немој да поверујеш да су траве зелене
само због хемије, због свога дисања,
има ту нешто што је и по твојој вољи.

Немој да поверујеш да се без хлеба и ваздуха не
може,
знај да је тако а немој да поверујеш,
нека то буде твоја мала заблуда коју нећеш
признати.

Немој да поверујеш да бог ствари држи на окупу
да се не размиле,
поверуј да си то ти.

Немој да поверујеш да јесен долази само иза лета
а иза јесени зима,
поверуј да је лето зима а зима јесен,
и учини тако ти имаш речи.

Немој да поверујеш да је поноћ црна
да је то непроменљиво
и да је бог тако хтео.
Има ту нешто што је и по твојој вољи.

Не смей верить…

Не смей верить, что полночь черна,
что этого не изменить,
и такова воля Божья.
Не смей верить, что ты осужден
и что тебе нет спасенья,
не смей верить, что трава зеленеет
лишь из-за химии, лишь оттого, что дышит.
Кое-что происходит и по твоей воле.

Не смей верить, что нельзя обойтись без хлеба и воздуха,
знай, что так и есть, но не смей в это верить.
Пусть это будет маленьким заблуждением,
которого ты не желаешь признать.

Не смей верить, что Бог крепко держит все в руках,
чтобы не расползлось,
поверь, что все держишь ты.

Не смей верить, что осень приходит только после лета,
а зима после осени.
Поверь, что зима это осень, а осень это зима,
и да будет так – ведь у тебя есть слова.

Не смей верить, что полночь черна,
что этого не изменить
и такова воля Божья.
Кое-что происходит и по твоей воле.

****

Пут на измаку

Пут одвећ знан доводи те до краја
његов одраз у небу раван је и посве схватљив
он се савија испред тебе и доводи до зида
до стене коју руни самоубилачка јурњава атома

Пут одвећ знан раван је и посве схватљив
равна његова намена
он те не даводи до неба него до стене
ОН безуспешно покушава да буде нешто
од чега ћеш ти бити лепши

остајеш наговорен на мировање после одбројаних
корака
али то је само део твога трајања а то се неба
и пута ништа не тиче
он жалобан пада у своје име у свој смисао
а намена је неба да после његовог увирања у стену
остане у њему закаснела нестварна слика пута

На њему постајеш витез који већ нема кага да
брани

С оне стране стене иза краја путовања
затичеш се уцвећу које је о теби знало све
историју твоје болести и твоју болест
продужавало у својој боји да те надживи

Уистину
постајеш витез који већ нема кога да брани

Путь ухода

Путь этот слишком известен и ведет он к самому краю,
его отражение в небе вполне четко и ясно.
Вот он круто свернул и ведет тебя к скальной стене,
дробимой самоубийственным мельтешением атомов.

Путь слишком известен, вполне четок и ясен.
Цель его очевидна –
он ведет к скале, а не в небо,
безуспешно пытаясь дать тебе нечто,
от чего ты станешь лучше.

Тебя уговорили, ты отсчитал шаги, но готов к примиренью,
однако это только вопрос твоей выдержки – неба
и пути это не касается.
Путь скорбно впадает в свое имя и свой смысл,
а назначение неба в том, чтобы после того, как дорога уйдет
под скалу, запечатлеть запоздалый и нереальный образ.

И в нем ты останешься, витязь, которому больше некого
Защищать.

По ту сторону скал, когда кончится путь,
ты окунешься в цветы, которые знают
всю историю боли твоей и в своем цветенье
продлят твою болезнь, чтоб она тебя пережила.

Воистину
ты останешься витязь, которому больше некого защищать.

****

Пир тишине

Боја се на боју нечујно наслања
нашим се очима тишине прадавне
прикрадају трајно водећи у стања
сјајних немилости наше свести тамне

Покрај неких чудних зашто ли смо стали
близу савршенства доспелих облика
гледајућ им зрење видели смо мали
трзај од узрења
до последњег крика

Нови напор зачне блесак нестајања
и уз мноштво звугса слажу се комади
да облике створи првобитног здања
клатно уништења неуморно ради

Усред нашег бића нествар додирује
наше постојање док по њему пада
иње новог звука које пропаст кује
шта ли ће нас срести иза тамног склада

Пир тишины

Тихо ложится краска на краску,
выпит глазами покой старины.
Свет нас уводит в древнюю сказку,
наши жестокие души темны.

В дивном краю, отчего мы застыли
пред совершенным таинственным ликом,
В зрелых чертах его мы уловили
взрыв от прозренья
к последнему крику.

Новую силу в той вспышке добуду,
множество звуков сольются в аккорд
и воскресят первородное чудо,
ветхий чертог будет временем стерт.

Небытие к нашим дням прикоснется,
маятник уничтоженья пробьет.
Новую музыку гибель кует,
звук темноты нам навстречу несется.

****

Ципеле старинске

Једном ћеш имати ципеле старинске,
К'о што су ове што носе деду.
Избегаваћеш путеве склиске,
И можда имати браду седу.

Јер, једном мораш бити и деда,
Који у тешки столац седа,
И замишљено у лулу гледа,
И неколико минута ћути.
(А то су дуги, дуги минути.)

Избројао је деда многе дане,
И много у животу срео људи.
О нечем размиља од када сване,
А он се у девет зора буди:
Разгледа небо, земљу загледа,
Као у некој својој визити...

Једном ћеш, као поштован деда,
У ту визиту кренути и ти.

Старинные башмаки

Ты будешь носить башмаки, как те,
Что старики носят всегда.
Ты будешь бояться скользких путей,
Станет седой твоя борода.

Должен и ты в старика превратиться,
Который на стул тяжело садится,
Задумчиво в трубку свою глядится
И в молчанье проводит немало минут.
(А минуты долго-долго идут.)

Много дней насчитал этот дед,
Много он в жизни людей повстречал.
Он о чем-то думает, когда встает рассвет,
В девять зорь пробуждаясь его встречать:
Свершая некий визит в тот миг,
Он взирает на небо, на землю глядит...

Однажды, как этот почтенный старик,
И ты нанесешь тот же визит.

****

Ципеле ратне

Када обучеш ципеле тврде,
Кундуре храбре,
Баканце мушке,
Ципеле ратне,
Просто се нехотице
Машиш пушке
И отиснеш се
Низ путе блатне.

Кад дође време да цени зборе,
Дани јуначки, ноћи витешке,
Кад туђа воска земљу поплави,
И по њој прави штете и грешке,
То станье мора да се поправи:
Там домовином крстариш пешке,
Па се и ципеле уз тебе боре.

Оне ти много вреде у рату,
Да такву сјајну одитраш ролу:
Да пола растераш,
Пола заробиш,
К'о ловац кад нађе добру ловину,
Одбраниш маму, одбранигц тату,
Драгану, Анку, Јованку, Соньу,
Зорицу, Раду, одбраниш школу,
И игралишта,
И излетиштз,
И, једном речју, одбраниш домовину.

Сад, шта је – ту је,
Туђина нема.
Ципеле ратне – траће дане.
Једној се зева, другој дрема.

Чекају на те, ко верни псићи,
Хоће ли звизнути туђинско тане,

Хоћеш ли се на војну дићи.

Военные башмаки

Стоит надеть военные башмаки,
Что, словно свирепые псы,
Крепки и мощны,
Ждут тебя на пороге,
Тут же, помимо воли своей,
Ты снимешь ружье со стены
И отправишься в путь
По разбитой дороге.

Когда оружия час подступает,
Ночи героев, рыцарей дни,
Когда чужаки захватили Отчизну,
И всюду ущерб и потери одни.
Родина требует воли и жизни:
И ты бредёшь в башмаках, и они
Вместе с тобой на врага наступают.

На войне для тебя они ох как важны,
Блистательна роль башмаков тяжелых:
Чтоб ты пол вражьего войска рассеял,
А половину пленил,
Как охотник добычу, лучшую в жизни.
Чтоб мать и отца защитил от войны,
Драгану, Анку, Йованку, Соню,
Зорицу, Раду и всю свою школу,
И спортплощадки,
И лужайки, и грядки,
Словом – чтоб ты защитил Отчизну.

Вот – ушли чужаки,
Мир наступает.
Целыми днями скучают военные башмаки.
Зевает один, другой засыпает.

Ждут, как верные псы, сурово –
Не засвищут ли пули, разрывая мир на куски,
Не тронешься ли на войну ты снова.

****

Дневник тужног лика

Оно је днввник вођен ноћу,
На ауту из туге у самоћу.

Истина, оно је скица само,
То само папир и ја знамо.

Јер у дневнику намеру имам
Да сваког дана по ловор примам.
Али по овој испаде скици
Да сам у тешкој временској стисци.

А може и то да се збуде,
Мој ловор да краси друге људе,
А мени да је намењен чемер,
И пелин,
И бршљан,
И друге млитаве траве.
О, зашто нисам хладан ко мермер,
Страшљив сам и мек сам, ко восак пчелин.

И погледај ме какав сам, тршљав,
Гледај ми руке,
Погледај главе...
Па да ја неког ослободим,
Образ осветлим,
Неког предводим?
Лепши су од мене мрква и першун,
И бусен траве.

Има ли игде ико на свету
Да ми докаже да силно грешим?
Док жудно чекам такве вести,
Само се добрым кньигама тешим.

Дневник печального образа

Вот дневник, что пишется ночью,
На пути от тоски к одиночеству.

Правда – только эскиз бытия,
Это знают бумага – и я.

Цель в дневнике поставлена -
Каждый день пожинать лавры.
Но взглянув на эскиз, вы поймете:
Автор в тяжком цейтноте.

Может, так оно все и будет -
Но лавры присвоят другие люди,
А мне суждена только глушь бурьяна,
Горечь плюща
Да полыни.
Увы, не холоден я, как мрамор,
А пуглив и мягок, как воск пчелиный.

Только гляньте – в морщинах лоб,
Узловатые руки,
Кочан головы...
Даже если кому-то я дам свободу,
Кого-то возглавлю,
Встану за честь народа?..
Краше меня – и морковь, и укроп,
И пучок травы.

Может, найдется кто-то и где-то
И мне докажет, что так уж я грешен?
Ждет напролет и зиму, и лето -
Только хорошей книгой утешен.

****

Пакао

Јеси ли већ сазнала:
Пакао је прешао
На нашу страну.

Улицама шетају кербери,
Лове наше њежнс погледе.

И нема много смисла
Да се бојимо смрти
И вјечне таме:
Све што нас чека тамо,
Десило нам се овдје.

Пакао је изишао на видјело,
И показује се, ко хоће да види.
Кербери резке на наше мисли.

Не бој се, мила, старости наше
И наше смрти.
Два гроба биће тврди заклон:
Родиће сјајна рјешења.
Отуда сукљаће наше душе
Да гасе распомамљени пакао
Што је прешао
На нашу страну.

Ад

Ты уже поняла?
Ад прорвался
На нашу сторону.

Церберы бродят по улицам,
Перехватывают наши нежные взгляды.

И нет особого смысла
Бояться смерти
И вечной тьмы:
Все, что ждет нас там,
Уже случилось с нами здесь.

Ад вырвался на волю,
Он виден всякому, кто хочет видеть.
Церберы рычат на наши мысли.
Не бойся, милая, ни старости,
Ни смерти.
Могила будет для нас надежным убежищем:
Там родится спасительный свет.
И вырвутся оттуда наши души,
Чтоб укротить разбушевавшийся ад,
Который прорвался
На нашу сторону.

****

Гаврило Принцип

Болујемо од замагљеног лика
Брата и Бога и Претка.
И смрт је разводњена
И преварена,
Али то строго око моћника
Никад
Неће прекрити њена мрена,
Никад без метка
Лудило, стој!

Небесима крстари туђи Бог.
Исисао је из планине жест
Европски шпицлов. Гле, видик се љуља.
Расуло, сто! Све је замагљено.
Ослабила пест.

У крвотоку су коловрати муља.
Чуј ловачки рог, како понесено
Гнезда разара, подмиђује свест.

Свет је узјахао незнану бедевију
И у незнани језди крај.
Љескају бесмислице на грудима цара.
Припитомиле су нашу змију.
Још његов строги Бог по небесима пара,
А наш нас благи зазивље из чечара:
Хајдуцима и испосницима навлаче шлингерај.

Лудило, стој! Небесима се Бог туђи шеће,
А наш се збуњен у жбуње крије и неће,
И не сме из цријемутше, из липе, из птица,
У речник страха скривен,
У речи забрањене.
Су чим ћеш на небо, Гаврило? И на кое небо?
Време се гаси и вене.
Пуцај у звекет блиставих бесмислица,
Пуцај у свеважеће небо, у небо неважеће!

Лудило, стој! Деснице, сажми расуло!
Душе, пуцај у цара,
Изоштри врховно чуло!
У моћно колено епохе пуцај,
Нек клецне време,
Нека царевине побркају теме,
У Бечу нек занеме,
На небу нек занеме!

У цара, Душе, пуцај:
Нек меци свемисо уздрмају и затресу,
И кликуј нашега Бога из дрвећа!
А потом — нек нас столећа
Понесу!
Нек свитне на нашем запуштеном гробљу,
Засветлуца,
И моја белокост,
И звезда,
И свећа.

Гаврило Принцип

Больно видеть затуманенный лик
Бога, Брата и Праотца.
Стала смерть водой – не вином,
И обманута поделом,
Ибо этот взор ни на миг,
Никогда
Не закрыть ей своим бельмом,
Никогда – без свинца.
Безумец, остановись!

Бог чужой по небесам бродил.
Крепости и градуса лишил
Наши горы европейский плут. Гляди:
Горизонт поплыл. Останови распад!
А рука – ослабла.

Илистая грязь скопилася в крови.
Слышишь, как рога охотничьи трубят,
Разоряя гнезда? Этот звук нас подкупил.

Мир на шалую кобылу взгромоздили,
Вскачь несет она слепого седока.
Лязгают иллюзии на груди царя,
Сербскую змею, мол, приручили.
Бог чужой и строгий угли ворошит пока,
Наш, благой и кроткий, призывает зря
Гайдуков и отшельников за пяльцы.

Безумец, остановись! По небесам чужой разгуливает Бот,
А наш смущенно жмется у обочины дорог
И прячется в цвет липовый, черемуху и птиц,
В слова заветные,
Что повергают ниц.
С чем ты взойдешь на небеса? И на какое небо?
Так тускло время неприветное.
Стреляй же в звон бессмысленных стекляшек,
В литую твердь небес, небес ненастоящих!

Безумец, остановись! Останови распад, десница!
Родной, стреляй в царя,
Пусть в чувство главное все воплотится!
В эпоху целую – стреляй!
Пусть дрогнут поджилки у времени,
Пусть лбы наморщат империи,
Пусть в Вене онемеют,
Пусть в небе оцепенеют!

Стреляй в царя, Родимый:
Пусть пуля смыслом мир сей озарит,
И Бога нашего лесного призови!
А после – пусть века нас
Вознесут!
Хочу,
Чтоб свет пролился на заброшенный могильный камень,
На кость мою,
И на звезду,
И на свечу.

****

Свејесен

А почело је било
Тако добро:
Из зимске лешине
Наједном
Шикнуло беше све.
С неба је блиставо претио
Вечити дан,
Мртви се умртвили
А оживели живи.
Кроз трстике страха пиркао је
Развигор части.
Свет беше добио паперје
И стидне власи,
Млитаве влати крутио је
Хлорофил достојанства.

А сада ће јесен
И пљуснуће кише
По оболелој памети совета.
Рујне идее квасиће дуго,
Мучно измузање неба.
Кроз влажну таму ђаво време сише,
Колоне тужних бића
Страши свејесен дотрајавагља

Опет ће јесен, дунуће лажни ветри,
И рујно лишће однети канали.
Лајаће влахсни кораци, сиви метри
Онемоћалог простора.

Опет ће јесен, и пљуснуће кише
По оболелој намети света.
Расквасиће сваку људску реч
И тврду веру.
Нема ни наде, ни нчег нише
Да распадању смета,
Да смета сивом смеру.

Всеосень

А начиналось
Так красиво:
Внезапно смыло
Всю зимнюю дрянь.
В небе грозно блеснул
Вечный день,
Померли мертвецы,
Ожили живые.

В тростниках страха повеяло
Вешним ветром чести.
Светом вымело пух
И постыдный прах.
Хлорофилл достоинства
Придал жесткости слабым колосьям.

Но теперь снова осень,
Хлещут дожди
На изнуренный разум мира.
Багряные идеи будут долго киснуть
В тяжкой небесной лохани.
Дьявол сосет наше время сквозь мокрую тьму,
Скорбные толпы страшит
Всеосень угасанья.

Опять эта осень, подули лживые ветры,
Ржавые листья вновь заметают каналы.
Шаги оплетают сплетней серые километры
Усталых сырых пространств и глухих завалов.

Опять эта осень, хлещут дожди
На изнуренный разум мира и града.
Размывают людские речи
И твердую веру.
И нет надежды, нет ничего впереди,
Чтоб помешать распаду.

Взят курс на серость.[1]

****

[1] Перевод на русский А.Базилевского, А.Числова и И.Голубничего.

Christopher Black

Poems

Smiling Carnivores

These are the smiling carnivores
Who gnaw at the bones of the poor
Who speak in soothing tones
Of riches to come,
Of patience in poverty
Of endurance in suffering
Of liberty and democracy delivered,
With a policeman's baton;
The twisted faces of hypocrisy
Illiterate bankers' puppets
All the smiling jackals,
Born with the golden spoons
Fed on the bitter milk of hatred and contempt
For Joe and Juan and Anton
For Wanda, Gail and Rosa
For your tears that made them rich
For your sweat that made them strong;
The liberal betrayers-who held Rosa's hand
While raping her trust,
Obama, Harper, Bush, and Blair,
Cameron, Sarkozy, Merkel, and all the rest,
Remember them –these salivating scavengers-
Wasteland dogs
With snouts full of blood and torment,
The penetrating nauseous stench
Of smashed bones, smothered hopes,
Drinking from the black waters of the swamp,
A pack of flunkies and well-paid hoodlums,
Remember them-let your anger reign,
So Retribution's hands won't tremble.

Spare Change

A dog barked while the wind
Swept through the night
With the stars flecked in her hair,
Silent slept the naked snow
Unaware of the bark, of the rattle
Of a beggar's cup, held out to often
To sleep comfortably.

«Spare change mister»,
«Help a guy out?»
These men without expectation
Standing in the shadows
Of other peoples dreams

A young girl says «Fuck you», on the street
To a friend, a cop, to no one
And the winds still sigh through the trees.

Unemployed On A Rainy Day

Cold wind, grey sky, harsh tears, sing of me
Without work, without value, without hope
Engorged with shame eaten by the pound
In charity rooms
On cold back streets,
With a lecture on God
For a glass of wine.
The rains fall heavy,
The benches are wet.

«Move on», snarls the cop,
The pavement is wet,

«You can't sleep here», snarls the cop,
The cardboard is wet,

«Move on», prods the cop
Everywhere cold,
And always the jails.

I stopped a rich man on a bad day,
Some change for my pride, that's all,
He threatened arrest, and spat in my face
For blocking his way,
He wore a long black coat
And a slaver's face,

He was a priest of business,
A cardinal of cheats,
And so twice robbed,
I stood hand upturned,
Head bowed low, eyes cast down,
My shoulders tensed, waiting for the whip.

When winds blow in the darkening night

When winds blow in the darkening night
Shadows grow and sway beyond the sight
Of women or men or any souls afraid of gods,
In a withering world, thirsty for peace,
Sudden cries angrily sound.

Cries from the fearing fathers falling
Into the cracks of oblivion opening endlessly
Before eyes that only dimly see the men that rule
And make their laws of terror, hate and war,

When skies darken, clouds crash and shatter
Beliefs in gods and angels, devils and sinners,
Look up, raise your faces, feel the wind of changes
And let your eyes see the strength that fills us all,

Curse the ones who know no love,
Take them down, pull them down, cast them down
Into the mud and the ooze and the swamp
With their lies, their deceits, their cruelty,

Too long we suffer, too long we weep
Too long we turn our backs for the whip
Time to turn, to rise, to stand, to raise our fists high
In defiance, resistance, the right of all to live

To live, to live, or to die, in courage

I Heard Not The Cries

I heard not the cries of the damned,
The infant's moan, the beggar's plea,
Nor saw the face, the open hand,
Nor aged despair not meant to be.

Tell me not I'm not to blame,
These words must answer all the dead,
Words that rise from a bed of shame,
To speak of things that must be said.

A dark abyss has filled our eyes and now
Like Hades cave that knows no life,
A wasting soul inside us dies,
Each worm of hate gives birth to strife.

There is no hope with acts unkind,
Corrupted hearts can only fear
The years to come and what we'll find,
And if it be a final tear,

And what are eyes that beam black light
That cannot see the common good?
Does blindness ever lead to sight,
Do we dare think it ever could?

False words fill the magazine news,
Their pictures make the heavens shake.
We gorge on hate and deaths-head views
And gladly kill for killing's sake.

We live without humanity,
We are beings become machines,
Sad lovers of false vanity
Our mirrored smile betrays the means.

Give us not war's drugged death lust,
Justice is our constant hope,
Not rings of gold, or profits' dust
Nor those prayers they throw as rope.

I heard not these cries of the damned,
Until my voice in theirs I heard,
That called out for a rightful land
Where war is long an unknown word.

The justice tree from one seed grows,
Yet shelters all within her shade,
We must defend her from all foes,
Til dead tyranny in its grave is laid.

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ В 2013 ГОДУ

В 2013 году были защищены следующие докторские и кандидатские диссертации по специальности 12.00.10 – Международное право; европейское право.

На соискание степени доктора юридических наук:

Емельянова Наталья Николаевна. «Международно-правовые проблемы обеспечения глобальной безопасности на современном этапе». Научный консультант: Копылов Михаил Николаевич (д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты: Егоров Сергей Алексеевич (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России); Малеев Юрий Николаевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института (университета) международных отношений МИД России); Шумилов Владимир Михайлович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли). Диссертационный совет ДК 212.203.21 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН). Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мезяев Александр Борисович. «Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики)». Научный консультант: Курдюков Геннадий Иринархович (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета). Официальные оппоненты: Капустин Анатолий Яковлевич (д-р юрид. наук, профессор, зам. директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации); Малеев Юрий Николаевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России); Моисеев Алексей Александрович (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного частного права, декан факультета международного права Дипломатической академии МИД России). Диссертационный совет Д503.001.03 по юридическим наукам при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Организация: НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН).

Талимончик Валентина Петровна. «Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации». Научный консультант: Галенская Людмила Никифоровна (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации). Официальные оппоненты: Абашидзе Аслан Хусейнович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Российского университета дружбы народов); Городов Олег Александрович (д-р юрид. наук, профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета); Дмитриева Галина Кирилловна (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного частного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации). Диссертационный совет Д:212.232.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете. Организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-

Петербургский государственный университет». Ведущая организация: ФГБО ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Толочко Ольга Николаевна. «Международное экономическое право и имплементация его норм в национальную правовую систему (на примере Республики Беларусь)». Научный консультант: Галенская Людмила Никифоровна (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета). Официальные оппоненты: Волова Лариса Ивановна (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Южного федерального университета); Вилкова Нина Григорьевна (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного частного права Всероссийской академии внешней торговли); Фархутдинов Инсур Забирович (д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской Академии наук). Диссертационный совет Д:212.232.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете. Организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет».

На соискание степени кандидата юридических наук:

Ануфриева Александра Александровна. «Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций в ЕС – на примере капиталовложений в топливно-энергетический комплекс ЕС». Научный руководитель: Исполинов Алексей Станиславович (к-д юрид. наук, доцент, зав. кафедрой международного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова). Официальные оппоненты: Юмашев Юрий Михайлович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»); Лифшиц Илья Михайлович (канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации). Диссертационный совет ДК212.203.21 по юридическим наукам при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН). Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО).

Бальхаева Саяна Баировна. «Вступление в силу международных договоров Российской Федерации». Научный руководитель: Тиунов Олег Иванович (д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации). Официальные оппоненты: Зимненко Богдан Леонидович (д-р юрид. наук, профессор, зам. начальника Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации); Липкина Надежда Николаевна (канд. юрид. наук, доцент кафедры европейского права и сравнительного правоведения ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»). Диссертационный совет Д503.001.03 по юридическим наукам при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Организация: Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Богданова Диана Игоревна. «Сотрудничество государств по обеспечению права человека на получение медицинской помощи при нахождении за пределами собственного государства». Научный руководитель: Бахин Сергей Владимирович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета). Официальные оппоненты: Капустин Анатолий Яковлевич (д-р юрид. наук, профессор, заведующий центром образовательных программ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации); Орлова Инна Анатольевна (канд.

юрид. наук, доцент кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета). Диссертационный совет Д:212.232.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете. Организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Валетова Юлия Александровна. «Международно-правовое обеспечение продовольственной безопасности». Научный руководитель: Соколова Наталья Александровна (д-р юрид. наук, доцент). Официальные оппоненты: Фархутдинов Инсур Забирович (д-р юрид. наук, ИГП РАН, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований); Бекяшев Дамир Камильевич (канд. юрид. наук, МГИМО(У)МИД России, доцент кафедры международного права). Диссертационный совет Д212.123.02 по юридическим наукам при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (РПА).

Грачева Марина Александровна. «Международно-правовая защита права на уважение частной и семейной жизни и неприкосновенность жилища и корреспонденции (на примере судебной практики Европейского суда по правам человека)». Научный руководитель: Коннов Валерий Анатольевич (канд. юрид. наук, доцент). Официальные оппоненты: Абашидзе Аслан Хусейнович (д-р юрид. наук, зав. кафедрой международного права РУДН, профессор); Кузнецов Алексей Петрович (канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Калужского филиала Российской правовой академии Минюста России). Диссертационный совет Д203.019.01 по юридическим наукам при Московском университете МВД России. Организация: ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». Ведущая организация: ФГБВОУ ВПО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (ВУМО).

Губанов Артем Игоревич. «Правовые вопросы делимитации континентального шельфа в Арктике». Научный руководитель: Исполинов Алексей Станиславович (канд. юрид. наук, доцент). Официальные оппоненты: Шинкарецкая Галина Георгиевна (д-р юрид. наук, Институт государства и права РАН, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований); Бекяшев Дамир Камильевич (канд. юрид. наук, доцент, МГИМО(У) МИД России, доцент кафедры международного права). Диссертационный совета Д212.123.02 по юридическим наукам при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ им. М.В. Ломоносова). Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Егорова Екатерина Никитична. «Основы трудового права Европейского Союза». Научный руководитель: Бирюков Михаил Михайлович (д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты: Калиниченко Пауль Алексеевич (д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры права Европейского союза Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина); Моисеев Алексей Александрович (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД России). Диссертационный совет Д209.002.08 (юридические науки) при Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России. Организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО). Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ им. М.В. Ломоносова).

Зайцева Любовь Владимировна. «Правовые аспекты антимонопольного регулирования электроэнергетики на внутреннем рынке Европейского Союза». Научный руководитель: Кашкин Сергей Юрьевич (д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты:

Юмашев Юрий Михайлович (д-р юрид. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», зав. кафедрой международного права); Лифшиц Илья Михайлович (канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации). Диссертационный совет Д 212.123.02 по юридическим наукам при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет».

Жиганова Анна Александровна. «Международно-правовое сотрудничество государств по борьбе с коррупцией». Научный руководитель: Бахин Сергей Владимирович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета). Официальные оппоненты: Ромашев Юрий Сергеевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»); Кузьмин Сергей Владимирович (канд. юрид. наук, доцент, адвокат Адвокатской консультации «Альфа» Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов). Диссертационный совет Д:212.232.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете. Организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Карпов Леонид Константинович. «Влияние международных межправительственных и неправительственных организаций на правовое регулирование деятельности кредитных организаций в Европейском Союзе». Научный руководитель: Кашкин Сергей Юрьевич (д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты: Бирюков Михаил Михайлович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой европейского права, ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»); Линников Александр Сергеевич (канд. юрид. наук, адвокат, член адвокатской палаты Московской области, член Экспертно-консультативного Совета при Комитете Совета Федерации ФС РФ по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества). Диссертационный совет Д212.123.02 по юридическим наукам при ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Козьменко Анна Владимировна. «Международно-правовые средства разрешения инвестиционных споров с участием государства». Научный руководитель: Остроухов Николай Викторович (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права РУДН). Официальные оппоненты: Богатырев Александр Григорьевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного финансового права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации); Лабин Дмитрий Константинович (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права МГИМО (Университет) МИД Российской Федерации). Диссертационный совет ДК212.203.21 по юридическим наукам при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН). Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (ВАВТ).

Карандашов Иннокентий Игоревич. «Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации». Научный руководитель: Бахин Сергей Владимирович (д-р юрид. наук, зав. кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета). Официальные оппоненты: Зимненко Богдан Леонидович (д-р юрид. наук, зам. начальника Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации); Лабоськин Михаил

Алексеевич (канд. юрид. наук, Главный государственный таможенный инспектор Северо-Западного таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации). Диссертационный совет Д212.232.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете. Организация: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Камышевский Владислав Игоревич. «Международно-правовой механизм инвестиционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества». Научный руководитель: Шумилов Владимир Михайлович (д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли). Официальные оппоненты: Фархутдинов Инсур Забирович (д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук); Моисеев Евгений Григорьевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права ФГБОУ ВПО «Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина»). Диссертационный совет ДК212.203.21 по юридическим наукам при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». Ведущая организация: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Мисник Владимир Анатольевич. «Проблемы имплементации энергетического права Европейского Союза третьими странами (на примере Республики Сербия)». Научный руководитель: Замятин Виталий Юрьевич (канд. юрид. наук, доцент). Официальные оппоненты: Калиниченко Пауль Алексеевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры права Европейского Союза ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»); Гудков Иван Владимирович (канд. юрид. наук, доцент кафедры правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии при ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России»). Диссертационный совет ДК212.203.21 по юридическим наукам при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Нгуен Куанг Тьен. «Международно-правовая защита окружающей среды в рамках ассоциации государств Юго-восточной Азии». Научный руководитель: Копылов Михаил Николаевич **(**д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты: Малеев Юрий Николаевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России); Батырь Вячеслав Анатольевич **(**канд. юрид. наук, профессор кафедры международного права и международных отношений Московского городского университета управления Правительства Москвы). Диссертационный совет Д 212.203.21 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН). Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (ВАВТ).

Пянзина Надежда Александровна. «Универсальные международные принципы и нормы осуществления прав ребенка на основе общего права (на примере государств Карибского региона)». Научный руководитель: Остроухов Николай Викторович (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов). Официальные оппоненты: Валеев Револь Миргалимович (д-р. юрид. наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета); Бекяшев Дамир Камильевич (канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института (Университета) международных отношений

МИД России). Диссертационный совет ДК 212.203.21 по юридическим наукам при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН). Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА); ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО).

Савельева Елена Геннадьевна. «Защита права собственности как одного из основополагающих прав человека (международно-правовые аспекты)». Научный руководитель: Зимненко Богдан Леонидович (д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты: Ромашев Юрий Сергеевич (д-р юрид. наук, профессор); Луткова Оксана Викторовна (канд. юрид. наук, доцент). Диссертационный совет Д209.001.03. по юридическим наукам при Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации. Организация: ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ им. М.В. Ломоносова).

Филиппенкова Марина Олеговна. «Международно-правовые основы регионального и двустороннего сотрудничества государств в области охраны окружающей среды в Северном Ледовитом океане». Научный руководитель: Вылегжанин Александр Николаевич (д-р юрид. наук, профессор). Официальные оппоненты: Соколова Наталья Александровна (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина); Солнцев Александр Михайлович (канд. юрид. наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского государственного университета дружбы народов). Диссертационный совет Д209.002.08 (юридические науки) при Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России. Организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО). Ведущая организация: ФГБВОУ ВПО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (ВУМО).

Ширёва Ирина Викторовна. «Механизмы защиты прав человека в рамках организации объединенных наций и ее специализированных учреждений». Научный руководитель: Карташкин Владимир Алексеевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права РУДН, Заслуженный юрист РФ). Официальные оппоненты: Капустин Анатолий Яковлевич (д-р юрид. наук, профессор, зав. центром образовательных программ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); Цивадзе Наталья Аслановна (канд. юрид. наук, старший научный сотрудник ИГП РАН). Диссертационный совет ДК212.203.21 по юридическим наукам при Российском университете дружбы народов. Организация: ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (РУДН). Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет».

БИБЛИОГРАФИЯ СТАТЕЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ В ЮРИДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2012-2013 ГОДАХ

1. Авдеева, М.В. Особенности техники имплементации международных уголовно-правовых норм в российское законодательство [Текст] / М.В. Авдеева // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 4. – С. 215-227.

2. Аду Яо Никэз, Международно-правовое значение Дурбанского процесса / Аду Яо Никэз // Вестник Российского университета дружбы народов // Юридические науки. – 2013. – № 2. – С. 294-302.

3. Алиев В.М. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями международного характера: проблемы законотворчества и правоприменения // Российский следователь. – 2013. – № 2. – С. 19-24.

4. Амплеева Е.Е. Территориальная целостность и безопасность государств как элементы международного признания // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8. – С. 39-41.

5. Арустамян, Р.В. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества [Текст] / Р.В. Арустамян // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 140-142.

6. Бадло, М.С. Коллективная и индивидуальная (личная) ответственность за нарушения прав человека в условиях вооруженного конфликта в международном уголовном праве / М.С. Бадло // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 134-137.

7. Бакаева, О.Ю. Таможенный союз – единое экономическое пространство – Евразийский Экономический Союз: этапы интеграции / О.Ю. Бакаева // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 4. – С. 7-10.

8. Бекяшев, К.А. Правовой статус ЕврАзЭС / К.А. Бекяшев // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11. – С. 28-34.

9. Белый, И.Ю. Ордера на арест, выданные Международным уголовным судом в отношении подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, и некоторые проблемы их неисполнения [Текст] / И.Ю. Белый // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – № 11. – С. 103-106.

10. Белый, И.Ю. «Преступление агрессии» и условия осуществления юрисдикции международного уголовного суда в отношении этих преступлений [Текст] / И.Ю. Белый // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2013. – № 9. – С. 89-92.

11. Берлявский, Л.Г., Манукян, М.А. Принципы международно-правовой защиты прав ребенка [Текст] / Л.Г. Берлявский, М.А. Манукян // Российская юстиция. – 2013. – № 7. – С. 8-11.

12. Буркова, А. Источники европейского права [Текст] / А.Буркова // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. – 2013. – № 5. – С. 77-78.

13. Видус, Д.Э. Вопрос о группах, охраняемых конвенцией «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» и идентификации жертв геноцида [Текст] / Д.Э. Видус // Международное право и международные организации. – 2012. – № 3. – С. 16-27.

14. Выдрин, И.В. Проблемы международной преступности [Текст] / И.В. Выдрин. // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 159-161.

15. Выскуб, В.С. СНГ: правовые реформы / В.С. Выскуб // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 2-5.

16. Гигинейшвили, М.Т. Субъект преступлений против человечности [Текст]: проблемы теории и практики / М.Т. Гигинейшвили // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 44-45.

17. Гончаров, А.А. Сохранение принципов или границ, установленных Шенгенским соглашением [Текст]: непростой выбор Европейского Сообщества / А.А. Гончаров // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 2. – С. 130-134.

18. Гончаров, А.А. Непростой выбор Европейского сообщества между сохранением принципов и сохранением границ, установленных Шенгенским соглашением [Текст] / А.А. Гончаров // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 121-124.

19. Грачева М.А. Защита права на уважение частной жизни в Европейском суде по правам человека / М.А. Грачева // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 135-140.

20. Григорьев, В.Н., Антонов, А.Н. Решение трибунала по бывшей Югославии по делу Готовина/Маркач как (очередной) провал международного правосудия [Текст] / В.Н. Григорьев, А.Н. Антонов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 3. – С. 9-15.

21. Гринько, С.Д. Международный опыт правового обеспечения борьбы с государственной преступностью [Текст] /С.Д. Гринько // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2013. – № 1 (173), Общественные науки. – С. 68-70.

22. Грубова, Е.И. Преступления против мира и безопасности человечества: состояние, тенденции и перспективы развития в национальном уголовном законодательстве / Е.И. Грубова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 1. – С. 11-14.

23. Грубова, Е.И. Понятие и признаки международного преступления в доктринальных источниках [Текст]: тенденции и противоречия / Е.И. Грубова // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 28-31.

24. Давыдов, Ф.Ф., Зимина И.А. Роль главных органов ООН в сфере борьбы с международной преступностью / Ф.Ф. Давыдов / Вестник МГЛУ. – 2013. – Вып. 550. – С. 53-70.

25. Долженкова, О.А. К вопросу о применении силы в международном праве / О.А. Долженкова // Право: история, теория, практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013. – С. 131-136.

26. Должиков, А.В. Решения Международного суда ООН и правопорядок Российской Федерации [Текст] / А.В. Должиков // Российский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 55-64.

27. Дьяченко, Н.П., Цымбал, Е.И. Имплементация положений Европейской конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и посягательств сексуального характера в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России [Текст] / Н.П. Дьяченко, Е.И. Цымбал. // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 114-120.

28. Елисеев Н.Г. Унификация международной подсудности гражданских и торговых дел в странах Европейского Союза / Н.Г. Елисеев // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: Сб. ст. – М., 2013. – С. 82-83.

29. Жинкин, А.А. Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества / А.А. Жинкин. // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 41-43.

30. Журко, А.В. Использование в Российской Федерации зарубежного опыта формирования и функционирования института Уполномоченного по правам ребенка [Текст] / А.В. Журко // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 84-87.

31. Залужный, А.Г. Экстремизм: современные представления об общественной опасности / А.Г. Залужный, Т.Н. Беляева // Современное право. – 2012. – № 6. – С. 7-10.

32. Зверев, П.Г. Проблема вмешательства миротворческих сил ООН в вооруженные конфликты и международное гуманитарное право / П.Г. Зверев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3. – С. 53-57.

33. Иванова, Н.Ю. К вопросу о применимости международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах немеждународного характера / Н.Ю. Иванова // Российский ежегодник международного права. – 2012. – С. 290-295.

34. Ижиков, М.Ю. Конвенционные органы в системе защиты прав человека [Текст]: некоторые проблемы и пути их решения / М.Ю. Ижиков // Международное право и международные организации. – 2012. – № 2. – С. 6-15.

35. Ильинская, О.И. Вопросы применения международных обычно-правовых норм / О.И. Ильинская // Журнал российского права. – 2012. – № 11. – С. 114-125.

36. Иммиграционные проблемы Европейского Союза [Текст]: Пер. с англ. С.П. Полетаева // Борьба с преступностью за рубежом. – 2012. – № 12. – С. 17-23.

37. Кадырова, Н.Н. Проблема определения понятия «преступление» и состава преступления в международном уголовном праве / Н.Н. Кадырова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2013. – № 11 (302). – Право. – Вып. 36. – С. 72-77.

38. Казаков, В.Н. О некоторых чертах современного международного правопорядка / В.Н. Казаков // Государство и право. – 2012. – № 4. – С. 98-116.

39. Каллистратова, Р.Ф. Суд ЕврАзЭС: первые решения / Р.Ф. Каллистратова // Российское правосудие. – 2013. – № 9. – С. 17-25.

40. Камешков, В.В. О правовом понятии «миротворческая операция» / В.В. Камешков // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2013. – № 12. – С. 116-119.

41. Карпович, О.Г. Международно-правовые основы миротворческой деятельности США / О.Г. Карпович // Международное право и международные организации. – 2013. – № 2. – С. 72-78.

42. Каюмова, А.Р. Чрезвычайные судебные палаты Камбоджи в качестве трибунала с гибридной юрисдикцией / А.Р. Каюмова // Современное право. – 2012. – № 2. – С. 113-116.

43. Ким, А. Юридическая ответственность глав государств за совершение международных преступлений [Текст] / А.Ким // Российский ежегодник международного права-2011. Спец. вып. – СПб.: СКФ «Россия – Нева», 2012. – С. 359-362.

44. Клюев, А.А. Правовая природа дипломатического и иного иммунитета в уголовном праве [Текст] / А.А. Клюев // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 4. – С. 3-5.

45. Кожеуров, Я.С. Консультативная юрисдикция международного суда: опыт Межамериканского суда по правам человека / Я.С. Кожеуров // Российский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 95-107.

46. Кондратов, Д.И. Перспективы углубления экономической интеграции стран СНГ / Д.И. Кондратов // Евразийская экономическая интеграция. – 2013. – № 2. – С. 57-80.

47. Короткий, Т.Р. Проблемы фрагментации в сфере реализации международно-правовых норм по охране морской среды / Т.Р. Короткий // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 7-14.

48. Короткий, Т.Р. Резолюции международной морской организации в механизме международно-правового регулирования охраны морской среды / Т.Р. Короткий // Международное право и международные организации. – 2013. – № 2. – С. 178-192.

49. Косицын, П. Оценка интеграционного потенциала единого экономического пространства ЕврАзЭС / П.Косицын // Государственная служба. – 2012. – № 6. – С. 102-105.

50. Котляр, В.С. Пределы допустимости силового вмешательства по гуманитарным причинам во внутренние конфликты в других государствах / В.С. Котляр // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 5. – С. 21-27.

51. Котляров, И.И. Международное гуманитарное право и модельное законодательство СНГ / И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева // Московский журнал международного права. – 2012. – № 3. – С. 18-38.

52. Котляров, И.И. Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право / И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева // Московский журнал международного права. – 2013. – № 2. – С. 3-22.

53. Кривенкова, М.В. Некоторые вопросы, связанные с применением концепции ответственности государств за защиту / М.В. Кривенкова // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 11. – С. 26-30.

54. Кудинов, В.В. Основные угрозы безопасности государства в сфере защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации в условиях Таможенного союза / В.В. Кудинов. // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 1. – С. 29-34.

55. Курдюков, Г.И., Александров, С.В. Международный и конституционно-правовой аспекты юридической природы постановлений Европейского Суда по правам человека [Текст] / Г.И. Курдюков, С.В. Александров // Юридический мир. – 2012. – № 6. – С. 46-50.

56. Ледях, И.А. Защита жертв войны и прав человека в период вооруженных конфликтов / И.А. Ледях // Российский ежегодник международного права. – 2012. – С. 191-206.

57. Лукьянец, А. Иммиграционная политика США / А.Лукьянец // Международная экономика. – 2012. – № 6. – С. 31-38.

58. Лысов, И.С. Теория совместных преступных действий и современное международное право [Текст]: некоторые новые тенденции / И. С. Лысов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012 – № 1. – С. 22-24.

59. Лысов, И.С. Институт совместных преступных действий и преступление геноцида: некоторые вопросы соотношения и применения / И.С. Лысов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 48. – С. 114-115.

60. Лысов, И.С. Практика применения института совместных преступных действий в праве чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период демократической Кампучии / И.С. Лысов // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1. – С. 268-273.

61. Майоров, А.В., Поперина, Е.Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни / А.В. Майоров, Е.Н. Поперина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 3. – С. 34-38.

62. Макеева, А.А. Двусторонние международные договоры как фактор обеспечения прав ребенка [Текст] / А.А. Макеева // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 116-123.

63. Мингазов, Л.Х. Источники современного международного права [Текст] / Л.Х. Мингазов // Российский ежегодник международного права-2011. – СПб., 2012. – С. 29-53.

64. Мингазов, Л.Х. Источники современного международного права [Текст]: теоретические аспекты проблемы / Л.Х. Мингазов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 1 (44). – С. 26-33.

65. Мустафаева, М.М. Вербовка и использование детей-солдат как серьезное нарушение международного гуманитарного права / М.М. Мустафаева // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – № 2. – С. 256-264.

66. Нелаева, Г.А. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера как преступления против человечности в практике международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) [Текст] / Г.А. Нелаева // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 10-13.

67. Оганесян, В.А. Решение международных судов по правам человека как особый источник развития и соблюдения принципов уголовного правосудия [Текст] / В.А. Оганесян. // Международное право и международные организации. – 2012. – № 1. – С. 65-71.

68. Осминин, Б.И. Международные договоры и иерархия источников внутригосударственного права / Б.И. Осминин // Журнал российского права. – 2012. – № 11. – С. 102-113.

69. Оськина, И.Ю., Лупу А.А. Понятие современного международного уголовного права / И.Ю. Оськина, А.А. Лупу // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 19-21.

70. Офлаз, Б. Позиция России и Турции в решении нагорно-карабахского вопроса [Текст] / Б.Офлаз // Молодой ученый. – 2013. – № 9. – С. 330-332.

71. Попаденко, Е.В. Институт выдачи лиц в международном праве / Е.В. Попаденко / Уголовное право. – 2013. – № 1.

72. Прохорова, М.Л., Гигинейшвили, М.Т. Конвенционное определение преступлений геноцида и апартеида: сравнительный анализ / М.Л. Прохорова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 2. – С. 3-6.

73. Розанов, А.С. Международный терроризм как глобальная проблема современности /А.С. Розанов / Журнальный клуб Интелрос: Век глобализации. – 2012. – № 2. – С. 58-64.

74. Роль России в Евразийской интеграции. Интервью с З.М. Фаткудиновым, д-ром юрид. наук, проф., Государственным советником Российской Федерации 2-го класса, членом Союза писателей СССР и России // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11. – С. 5-10.

75. Русинова, В.Н. Актуальные проблемы обеспечения свободы и неприкосновенности личности в Российской Федерации в свете решений Европейского суда по правам / В.Н. Русинова. // Вестник Балтийского Федерального университета им. И.Канта. – 2012. – № 9. – С. 30-36.

76. Русинова, В.Н. Классификация лиц в немеждународных вооруженных конфликтах: в поисках сбалансированного подхода / В.Н. Русинова // Государство и право. – 2012. – № 3. – С. 61-69.

77. Русинова, В.Н. Действие международного права прав человека в отношении неправительственной стороны вооруженного конфликта / В.Н. Русинова // Международное публичное и частное право. – 2013. – № 6. – С. 8-12.

78. Сазонова, К.Л. Концепция уголовной ответственности государств в доктрине международного права [Текст] / К.Л. Сазонова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 3. – С. 6-8.

79. Сазонова, К.Л. К вопросу об ответственности государств за применение силы в современном международном праве / К.Л. Сазонова // Право и политика. – 2013. – № 6. – С. 809-812.

80. Сазонова, К.Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государства, норм jus cogens и обязательств erga omnes в современном международном праве [Текст] / К.Л. Сазонова // Право и политика. – 2013. – № 7. – С. 1175-1181.

81. Салимгерей А.А. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (практический комментарий) / А.А. Салимгерей // Современное право. – 2012. – № 6. – С. 136-142.

82. Самович, Ю.В. Генезис международно-правовой регламентации понятия «преступления против человечности» [Текст] / Ю.В. Самович // Вестник Томского гос. ун-та. – 2012. – № 357. – С. 132-135.

83. Сафаров, Н.А. Материально-правовая имплементация римского статута международного уголовного суда [Текст]: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов / Н.А. Сафаров. // Государство и право. – 2012. – № 4. – С. 84-93.

84. Сафаров, Н.А. Материально-правовая имплементация римского статута международного уголовного суда [Текст]: сравнительный анализ опыта Германии и Нидерландов / Н.А. Сафаров. // Государство и право. – 2012. – № 3. – С. 77-86.

85. Селиверстов, М.В. Доктрина как источник международного права [Текст]: научный подход немецких юристов / М.В. Селиверстов // Право и политика. – 2013. – № 8. – С. 1107-1110.

86. Скакун, О.С. Практика Европейского суда по правам человека по делам, связанным с защитой прав и свобод ребенка [Текст] / О.С. Скакун // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10. – С. 83-88.

87. Смбатян, А.С. Правотворчество международных уголовных трибуналов: опыт МТБЮ /А.С. Смбатян // Право и политика. – 2012. – № 3 (147). – С. 508-514.

88. Смбатян, А.С. Всемирная торговая организация: уникальность и адекватность / А.С. Смбатян // Право ВТО. – 2012. – № 1. – С. 4-10.

89. Соколова, Н.А. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды в связи с реализацией проекта «Северный поток» / Н.А. Соколова // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 9. – С. 83-89.

90. Солнцев, А.М., Конева, А.Е. Международные обязательства Российской Федерации в сфере защиты прав детей в свете деятельности международных универсальных и региональных контрольных органов по правам человека [Текст] / А.М. Солнцев, А.Е. Конева // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10. – С. 38-42.

91. Спиридонов, А.П., Бабурин, В.В. Виды преступлений в международном уголовном праве [Текст] / А.П. Спиридонов, В.В. Бабурин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 3-7.

92. Сулейманов, А.Л. Некоторые проявления международного экстремизма / А.Л. Сулейманов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 73-75.

93. Сычев, В.Б. Роль Конституционного Суда РФ в защите конституционного принципа недискриминации / В.Б. Сычев // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 223-228.

94. Сюняева, М.Д. Анализ решений и консультативных заключений Международного Суда ООН в контексте вопроса о формировании норм международного обычного права [Текст] / М.Д. Сюняева // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия «Юридические науки». – 2012. – № 1. – С. 216-225.

95. Татунц, С., Берндт, К. Интолерантность и ксенофобия в Евросоюзе / С.Татунц // Государственная служба. – 2012. – № 2. – С. 87-91.

96. Тернон И. Размышления о геноциде / И.Тернон // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 24-29.

97. Тиунов, О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве / О.И. Тиунов // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 92-98.

98. Тузмухамедов, Б.Р. Источники и понятия международного гуманитарного права в официальной практике Российской Федерации / Б.Р. Тузмухамедов // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 39-42.

99. Черниченко, С.В. Перспективы развития международных стандартов в области обеспечения права на неприкосновенность частной жизни // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: Сб. научн. трудов. – М., 2013. – С. 145.

100. Хазиев, Р.М. Гарантии неприкосновенности частной жизни и личности / Р.М. Хазиев // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 72-74.

101. Халафян, Р.М. Влияние «мягкого права» на международную правовую систему [Текст] / Р.М. Халафян // Академический юридический журнал. – 2012. – № 2(48), апрель-июнь. – С. 36-43.

102. Фонарев, М.А. Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве: от СНГ к Евразийскому союзу / М.А. Фонарев // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7. – С. 17-19.

103. Шармазанашвили, Г.В. Мирное разрешение споров – важнейший принцип международного права / Г.В. Шармазанашвили // Государство и право. – 2012. – № 1. – 32 с.

104. Шахназаров, Б.А. ВТО и модернизация правового регулирования внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации / Б.А. Шахназаров // Lex russica. – 2013. – № 1. – С. 105-114.

105. Шугуров, М.В. Всемирная торговая организация: на пути к институту глобального развития / М.В. Шугуров // Право ВТО. – 2012. – № 2. – С. 2-11.

106. Шумский, Н.Н. Особенности организационно-правовой системы СНГ и основные направления ее совершенствования / Н.Н. Шумский // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 87-91.

107. Эминов, А.Л. Некоторые проявления международного экстремизма / А.Л. Эминов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 72-77.

108. Юсупов, М.Р. Решение Международного уголовного суда о выдаче ордера на арест главы Судана Омара Хасана Аль-Башира [Текст]: международно-правовые вопросы / М.Р. Юсупов // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2012. – № 3. – С. 89-93.

109. Ястребова, А.Ю. Международно-правовые основы и направления межгосударственного сотрудничества по защите детей / А.Ю. Ястребова // Международное право и международные организации. – 2012. – № 2. – С. 34-43.

ISBN 978-5-93593-195-7

Подписано в печать 5.09.2014. Печать ризографическая.
Формат бумаги 60 x 84/8. Гарнитура Times. Объем 16,74 п.л. 33
Тираж 100 экз. Заказ №172

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштари, 13

FOUNDERS:

Russian Association of International Law
Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan
The Supreme Court of the Republic of Tatarstan
Ombudsman for the Republic of Tatarstan
University of Management "TISBI"
Members of the Editorial Board

EDITORIAL BOARD:

Editor in Chief – Head of the Department of International Law, Law Faculty, University of Management "TISBI", Professor Dr. Alexander Mezyaev
Executive Secretary - PhD, Associate Professor of International Law University of Management "TISBI" Inna Garanina
Members of the Editorial Board: RM Valeev, LL.D., Professor; GR Shaikhutdinova, LL.D., Professor; L.H.Mingazov, LL.D., Professor; AG Gataullin, LL.D., Professor; E.Yu.Motrohin, PhD, Associate Professor; NE Tyurina, PhD, Associate Professor; A.R.Kayumova, PhD, Associate Professor; N.G.Nugaeva, PhD, Associate Professor; R.Sh. Garipov, PhD, Associate Professor. R.A.Sharifullin, PhD

CONTACT INFORMATION:

***Mailing address: 420012, Kazan, Mushtari street, 13. University of Management "TISBI."**
Faculty of Law. Department of International Law. Head of the Department Dr Prof A.Mezyaev

*** E-mail address: alexmezyaev@gmail.com**

*** Fax: +7 - (843) - 236-97-92**

*** Phone: +7 9050-21-49-67**

Opinions of the authors do not necessarily represent the opinion of the editors or of the founders of the journal.